

**МЭРИ
ЭЛИЗАБЕТ
БРЭДДОН**

ТАЙНА ЛЕДИ ОДЛИ

Мэри Элизабет Брэддон

Тайна леди Одли

Серия «Золотой век детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945505

Брэддон М. – Тайна леди Одли: Роман: Мир книги, Литература; Москва; 2009

ISBN 978-5-486-02879-3

Аннотация

Мэри Элизабет Брэддон (1835–1915) – одна из самых известных и любимых писательниц викторианской Англии, оставившая после себя богатое литературное наследие: около 80 романов, 5 пьес, многочисленные поэмы и рассказы. Писательский талант она унаследовала от родителей: оба работали в журнале «Спортинг мэгэзин». В 1850-е гг. из-за финансовых проблем Мэри стала профессиональной актрисой; вместе с труппой выступала в Лондоне и в провинции. Тогда же Брэддон стала писать собственные пьесы и поэмы; затем принялась под разными псевдонимами сочинять так называемые «романы с продолжением», для лондонского журнала «Хэлфпенни джорнэл», издаваемого Джоном Максвеллом, ставшим впоследствии мужем писательницы. В данном томе представлен роман «Тайна леди Одли», принесший Брэддон настоящую славу. Его героине, бывшей гувернантке Люси

Грэм, вышедшей замуж за богатого пожилого аристократа сэра Майкла Одли, до поры до времени удается поддерживать образ respectable дамы из высшего общества. Но вскоре читатель, вслед за другими героями романа, начинает подозревать, что в прошлом новоиспеченной леди не все так гладко, как она любит рассказывать... Объединив элементы детектива, психологического триллера и великосветского романа, «Тайна леди Одли» стала одной из самых популярных и успешных книг своего времени.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Люси	6
Глава 2. На борту «Аргуса»	23
Глава 3. Спрятанные реликвии	38
Глава 4. На первой странице «Таймс»	48
Глава 5. Надгробие в Вентноре	56
Глава 6. Прочь из этих мест	64
Глава 7. Год спустя	72
Глава 8. Перед бурей	88
Глава 9. После бури	104
Глава 10. Исчезновение	113
Глава 11. Синяк на руке госпожи	119
Глава 12. Все еще не найден	127
Глава 13. Тревожные мысли	135
Глава 14. Жених Фебы	144
Глава 15. Настороже	155
Глава 16. Роберту указали на дверь	170
Глава 17. В гостинице «Касл»	183
Глава 18. Роберта навещает нежданная гостья	191
Глава 19. Ошибка кузнеца	200
Глава 20. Запись в книге	211
Глава 21. Миссис Плюосон	218
Глава 22. Маленький Джорджи покидает свой	229

старый дом	
Глава 23. В тупике	247
Глава 24. Клара	266
Глава 25. Письма Джорджа	278
Глава 26. Расследование прошлого	288
Часть вторая	309
Глава 1. Дальше, но не ближе	309
Глава 2. Попробуем с другого конца	327
Глава 3. Укрытая в могиле	344
Глава 4. В липовой аллее	358
Глава 5. Подготовка почвы	383
Глава 6. Просьба Фебы	399
Глава 7. Зарево в ночи	420
Глава 8. Посланец	444
Глава 9. Признание госпожи	464
Глава 10. Затишье после бури	485
Глава 11. Совет доктора Мосгрейва	503
Глава 12. Похороненная заживо	517
Глава 13. Преследуемый призраком	535
Глава 14. Что рассказал умирающий	563
Глава 15. Возвращение	582
Глава 16. Эпилог	596

Мэри Брэддон

Тайна леди Одли

Часть первая

Глава 1. Люси

Одли-Корт располагался в низине, где рос старый строевой лес и раскинулись плодородные пастбища, и вы набрали на него, идя по липовой аллее, по обеим сторонам которой зеленели луга, откуда из-за высоких изгородей с любопытством поглядывали на вас коровы, недоумевая, быть может, как же вы здесь очутились, ибо тут не было большой дороги, и если только вы не направлялись в Одли-Корт, вам там вообще нечего было делать.

Аллею увенчивала старинная арка и башня с часами, причудливыми и сбивающими с толку, у которых была только одна стрелка, прыгающая сразу с одной цифры на другую. Через арку вы проходили прямо в сады Одли-Корта.

Вы оказывались на ровной лужайке, усеянной купами рододендронов, самых лучших во всем графстве. Направо располагались огороды, пруд и фруктовый сад, окруженный рвом, в котором давно не было воды, и полуразвалившейся

стеной, увитой плющом, желтым очитком и темным мхом. Слева пролегла широкая гравийная дорожка, по которой много лет назад, когда здесь был монастырь, рука об руку прогуливались бесстрастные монахини; здесь же была стена, затененная вековыми дубами, которые укрывали под своей сенью дом и сады.

Дом стоял лицом к арке и занимал три стороны четырехугольника. Он был чрезвычайно стар, построен без плана и несоразмерен. Не было ни одного похожего окна: одни маленькие, другие большие, третьи с тяжелыми каменными средниками и разноцветным стеклом, некоторые с хрупкими решетками, дребезжащими при каждом дуновении ветра; другие такие современные, что, казалось, были построены буквально вчера. Множество труб возвышалось тут и там за острым коньком крыши, они казались настолько дряхлыми от старости и долгой службы, что давно должны были бы упасть, если бы не разросшийся повсюду плющ, который карабкаясь вверх по стенам и поднимаясь даже выше крыши, обвивал их и поддерживал. Входная дверь была втиснута в угол башенки с края здания, как будто пряталась там от опасных гостей и желала сохранить себя в тайне; благородная дверь, из старого дуба, обитая железными гвоздями с квадратными головками и такая толстая, что острый железный молоток глухо ударял о нее, и посетителю нужно было звонить в колокольчик, висевший в углу среди плюща, чтобы шум от стука не проник за степы этой твердыни.

Чудесное место, при виде которого посетители впадали в восторг, испытывая неодолимое желание свести все счеты с жизнью и остаться здесь навсегда, бездумно смотреть в прохладные воды прудов, считая пузырьки, пускаемые рыбешкой; место, в котором, казалось, воцарился мир, простирая свою умиротворяющую руку над каждым деревом и цветком, над неподвижной гладью воды прудов и тихими аллеями, тенистыми углами старомодных комнат, низкими подоконниками за цветными стеклами окон, над лугами и величественными аллеями – о, даже над заброшенным колодцем, прохладным и затененным, как и все в этом старинном месте, укрывшимся в кустарнике за садами, ручка у которого никогда не поворачивалась, а веревка была такая гнилая, что ведро от нее давно оторвалось и упало в воду.

Благородное место, как снаружи так и внутри: дом, в котором вы непременно терялись, если решались обойти его в одиночку; дом, в котором ни одна комната не была похожа на другую, каждая комната по касательной переходила во внутреннюю, которая вниз, по какой-нибудь узкой лесенке вела к двери, приводившей в свою очередь обратно в ту самую часть дома, что, как вы полагали, была дальше всего от вас; дом, который никогда не мог быть построен каким-нибудь смертным архитектором, но должно быть, являлся ручной работой хорошего старого зодчего – Времени, которое, то пристраивая что-нибудь, то разрушая, снося камин – ровесник Пантагенетов и, устанавливая другой очаг, в стиле

Тюдоров; разрушая часть Саксонской стены в одном месте и оставив норманнскую арку в другом; добавляя ряд высоких узких окон времен правления королевы Анны и, пристраивая столовую в стиле Георга I к трапезной, которая сохранилась со времен Завоевания, – это самое Время умудрилось за какие-нибудь одиннадцать веков возвести такой особняк, какой вряд ли вы могли где-либо еще найти в графстве Эссекс. И конечно же, в таком доме просто не могло не быть потайных комнат: маленькая дочь нынешнего владельца, сэра Майкла Одли, случайно обнаружила одну из них. Под ее ногами провалилась половица в большой детской, оказалось, что она расшаталась, и когда ее подняли, то обнаружили лестницу, ведущую в тайник между полом детской и потолком комнаты ниже – тайник такой маленький, что тот, кто прятался там, должен был согнуться на корточках или лежать, и все же достаточно большой для огромного старого дубового сундука, наполовину заполненного церковным облачением, которое, без сомнения, было спрятано в те суровые годы, когда жизнь человека подвергалась опасности, если он давал убежище римскому католическому священнику или если в его доме служили мессу.

Широкий ров, окружающий сад, давно зарос травой; деревья, гнущиеся под тяжестью плодов, склоняли над ним свои узловатые широкие ветви, рисуя фантастические узоры на зеленом склоне. За рвом находился, как я уже говорила, пруд – водная гладь, простирающаяся во всю длину сада; рядом

с ним пролегалла липовая аллея, так затененная от солнца и неба, настолько скрытая от посторонних глаз густой тенью деревьев, образующих арку, что казалась идеальным местом для тайных свиданий; место, в котором можно было смело планировать заговор или давать обет влюбленным, и тем не менее оно находилось едва ли в двадцати шагах от дома.

В конце этой темной сводчатой галереи из лип рос кустарник, где, наполовину скрытый переплетающимися ветвями и сорной травой, стоял покрытый ржавчиной круглый сруб старого колодца, о котором я уже говорила. Без сомнения, он хорошо послужил в свое время, и, возможно, трудолюбивые монахини собственноручно доставали из него холодную воду; но теперь он обвалился от бездействия, и едва ли кто-нибудь в Одли-Корт знал, есть ли вода в источнике. Прохладными вечерами у сэра Майкла Одли вошло в привычку прогуливаться по аллее, покуривая сигару, в сопровождении хорошенькой молодой жены, но уже через десять минут баронет и его спутница, устав от шелеста лип и спокойной глади воды, скрытой под широкими листьями лилий, и длинной зеленой аллеи с заброшенным колодцем в конце, брели обратно в белую гостиную, где госпожа играла мечтательные мелодии Бетховена и Мендельсона, пока ее муж не засыпал в кресле. Сэру Майклу Одли было пятьдесят шесть лет, и он женился во второй раз через три месяца после своего пятидесятилетия. Это был крупный мужчина, высокий и плотный, с глубоким звучным голосом, красивыми черными

глазами и седой бородой, из-за которой он выглядел почтенным против собственного желания, так как был энергичным, как юноша, и слыл одним из лучших наездников графства. Он вдовствовал 17 лет с единственным ребенком – дочерью Алисией Одли, которой было теперь восемнадцать и которая была отнюдь не в восторге от того, что в дом привели мачеху, так как мисс Алисия обладала верховной властью в доме отца с раннего детства, хранила все ключи, звенела ими в карманах своих шелковых передников, теряла их в кустарнике и роняла в пруд, причиняя всевозможные неприятности из-за них с того времени, как вступила в отрочество, и по этой причине пребывала в глубоком убеждении, что именно она всегда вела домашнее хозяйство.

Но время мисс Алисии кончилось, и теперь, если она спрашивала о чем-нибудь экономку, та отвечала, что узнает у госпожи или посоветуется с госпожой, и это будет сделано, если угодно госпоже. Таким образом, дочь баронета, которая была прекрасной наездницей и неплохой художницей, проводила большую часть времени вне дома, скакала на лошади по зеленым дорожкам, делала наброски деревенских детей, коров и всех животных, какие ей попадались. Она была решительно настроена против какой бы то ни было близости между нею и молодой женой баронета, и несмотря на все дружелюбие последней, преодолеть предубеждение и неприязнь мисс Алисии оказалось для нее совершенно невозможным, так же как и убедить испорченную девчонку, что она не

нанесла ей смертельную рану, выйдя замуж за сэра Майкла Одли.

Правда состояла в том, что леди Одли, став женой сэра Майкла, сделала одну из тех очевидно выгодных партий, которые обычно навлекают на женщину зависть и ненависть остальных представительниц ее пола. Она появилась в здешних местах в качестве гувернантки в семье врача в деревне неподалеку от Одли-Корта. Никто ничего не знал о ней, за исключением того, что она откликнулась на объявление, которое мистер Доусон, врач, поместил в «Таймс». Она приехала из Лондона, и единственная рекомендация, которую она предъявила, была от некоей леди из школы в Бромптоне, где она однажды была учительницей. Но эта рекомендация была настолько удовлетворительной, что другой и не требовалось, и мисс Люси Грэхем была принята в качестве наставницы дочерей врача. Ее достоинства были настолько блестящи и многочисленны, что вызывало недоумение ее согласие на объявление, предлагающее столь скромное вознаграждение, какое ей назначил мистер Доусон, но мисс Грэхем, казалось, совершенно удовлетворена своим положением: она учила девочек играть сонаты Бетховена, рисовать с натуры и шла пешком через унылую, заброшенную деревеньку к скромной маленькой церкви три раза в неделю с таким удовлетворением, как будто ее единственным желанием было делать это всю оставшуюся жизнь.

Все считали, что у нее мягкая и дружелюбная натура, по-

этому она всегда весела, счастлива и довольна при любых обстоятельствах.

Куда бы она ни шла, везде, казалось, она приносила радость и веселье. В домах у бедных ее прекрасное личико освещало все, словно солнечный луч. Она обязательно посидит и побеседует с четверть часа с какой-нибудь старушкой и будет принимать восхищение какой-нибудь беззубой старухи как комплименты высокородного маркиза; и когда она удалялась легкой походкой, ничего не оставив бедняге (ее мизерное жалованье не располагало к щедрости), старушка приходила в восторг от ее изящества, красоты, доброты, чего она никогда не делала в отношении жены викария, которая содержала ее. Видите ли, мисс Люси Грэхем была одарена от Бога той магической властью обаяния, благодаря которой женщина может очаровать одним только словом или опьянить улыбкой. Все любили, восхищались и хвалили ее. Мальчик, открывший ей ворота по пути, бежал домой к своей матери, чтобы рассказать о ее прелестных взглядах и сладком голосе, которым она поблагодарила его за услугу. Церковный служка, проводивший ее до скамьи врача, викарий, который видел устремленные на него добрые голубые глаза, когда он читал свою простую проповедь, носильщик со станции железной дороги, приносивший ей иногда письмо или посылку и никогда не ожидавший за это награды, ее работодатель, его посетители, ее ученики, слуги – все, высокого и низкого звания, объединились, провозгласив Люси Грэхем

самой приятной девушкой на свете.

Возможно, именно этот глас восхищения проник в спокойные апартаменты Одли-Корта, или, возможно, это было ее прелестное личико, которое можно было увидеть каждое воскресное утро в церкви. Как бы там ни было, одно можно было сказать с уверенностью – сэра Майкл Одли неожиданно испытал сильное желание поближе познакомиться с гувернанткой мистера Доусона.

Достаточно было только намекнуть об этом достойному доктору, и был устроен вечер, на который были приглашены викарий с женой и баронет со своей дочерью.

И этот тихий вечер определил судьбу сэра Майкла. Он больше не мог сопротивляться нежному очарованию этих ласковых голубых глаз, изящной красоте этой стройной шеи и склоненной головке с каскадом льняных локонов, музыке ее низкого мягкого голоса, совершенной гармонии, которая делала все вдвойне очаровательным в этой женщине; он больше не мог противиться своей судьбе. Судьба! Да, это была судьба. Он никогда не любил до этого. Чем был его брак с матерью Алисии, как не скучной, рутинной сделкой, совершенной, чтобы сохранить имение в семье? Чем была его любовь к первой жене, как не слабым, жалким, тлеющим огоньком, слишком незначительным, чтобы быть погашенным, слишком слабым, чтобы разгореться? А вот ЭТО – была любовь, эта лихорадка, это сильное желание, это беспокойное, неопределенное жалкое ожидание, этот ужасный

страх, что его возраст – непреодолимый барьер на пути к счастью; эта болезненная ненависть к своей седой бороде, это сумасшедшее желание быть снова молодым, с блестящими цвета воронова крыла волосами, со стройной талией, какая была у него лет двадцать назад; эти бессонные ночи и унылые дни, которые восхитительным образом оживлялись, если ему случалось поймать взгляд ее прелестного лица из-за занавески, проезжая мимо дома врача; все эти признаки говорили совершенно ясно одно – то, что сэр Майкл в расудительном возрасте пятидесяти пяти лег заболел ужасной лихорадкой, имя которой – Любовь.

Я не думаю, что во время своего ухаживания баронет хоть сколько-нибудь рассчитывал на свое богатство и положение в обществе в качестве сильного аргумента в свою пользу. Если он когда-либо и вспоминал об этом, то с содроганием прогонял эту мысль. Ему приносила боль даже сама мысль о том, что такое хорошенькое и невинное создание может приравнять себя к стоимости богатого дома или доброго старого титула. Нет, он надеялся на то, что ее жизнь скорее всего была полна тяжелого труда и зависимости, и так как она была очень молода (никто точно не знал ее возраст, но выглядела она немногим больше двадцати), вряд ли у нее могла быть какая-либо привязанность и что он – первый, кто домогается ее любви, мог бы нежным ухаживанием, внимательным участием, любовью, которая напомнит ей умершего отца, заботливой защитой, которая сделает его необходимым ей, заво-

евать ее юное сердце и добиться ее первой любви, помимо обещания ее руки. Без сомнения, это была очень романтическая мечта, но, несмотря на это, вполне осуществимая. Кажалось, что Люси Грэхем нравятся ухаживания баронета. В ее поведении не было никакой хитрости, обычно применяемой женщиной, которая хочет увлечь богатого мужчину. Она так привыкла, что ею все восхищаются, что поведение сэра Майкла не удивляло ее. К тому же он так много лет был вдовцом, что уже вряд ли кто-нибудь ожидал, что он когда-нибудь женится снова. Наконец миссис Доусон заговорила об этом с гувернанткой. Супруга врача сидела в классной, занимаясь какой-то работой, в то время как Люси добавляла последние штрихи к акварелям, сделанным ее учениками.

– Вы знаете, моя дорогая мисс Грэхем, – начала миссис Доусон, – я полагаю, вам следует считать себя исключительно удачливой девушкой.

Гувернантка подняла голову и недоумевающе уставилась на свою хозяйку, отбросив назад пышные локоны. Это были самые изумительные волосы – мягкие и пушистые, обрамляющие ее лицо и создающие бледный ореол вокруг ее головы, когда солнечный свет падал на них.

– Что вы имеете в виду, моя дорогая миссис Доусон? – спросила она, окуная кисть из верблюжьего волоса в аквамарин на палитре и тщательно ее проверяя, прежде чем наложить легкий голубой штрих, который должен был оживить горизонт на рисунке ученика.

– Ну, я имею в виду, моя дорогая, что только от вас зависит – станете ли вы леди Одли и хозяйкой Одли-Корта.

Люси Грэхем уронила кисть на рисунок и покраснела до корней своих прекрасных волос, затем снова побледнела, такой бледной миссис Доусон ее никогда не видела.

– Моя дорогая, не волнуйтесь, – стала успокаивать ее жена врача. – Вы же знаете, что никто не просит вас выходить за сэра Майкла против вашего желания. Конечно, это была бы великолепная партия: у него солидный доход, и он один из самых щедрых мужчин. Ваше положение очень возвысилось бы, и вы смогли бы делать много добрых дел, но, как я говорила ранее, вы должны руководствоваться только своими чувствами. Но я должна вам все же сказать одну вещь – если ухаживания сэра Майкла вам неприятны, то едва ли достойно поощрять их.

– Его ухаживания, – поощрять его! – пробормотала Люси недоумевая. – Ради бога, миссис Доусон, не говорите так! Я и понятия не имела об этом. Мне никогда бы это и в голову не пришло.

Она облокотилась о чертежную доску и, закрыв лицо ладонями, несколько минут пребывала в глубокой задумчивости. Она носила узкую черную ленточку вокруг шеи, к которой был прикреплен то ли медальон, то ли крестик, или миниатюра; но чем бы ни был этот брелок, она всегда хранила его спрятанным под платьем. Раз или два во время этого состояния задумчивости она убирала одну из рук от лица и

нервно теребила ленточку, сжимая ее нервным движением и передвигая ее пальцами.

– Я думаю, что некоторые люди рождены для несчастья, миссис Доусон, – произнесла она наконец. – Для меня было бы слишком большим счастьем стать леди Одли.

Она сказала это с такой горечью, что супруга врача взглянула на нее в удивлении.

– Вы – и неудачливы, моя дорогая! – воскликнула она. – Я полагаю, кому бы говорить так, но не вам – вам, такому прекрасному счастливому созданию, что всем доставляет удовольствие только смотреть на вас. Я решительно не знаю, что мы будем делать, если сэр Майкл украдет вас у нас.

После этого разговора они часто беседовали на эту тему, и Люси никогда не выказывала никаких чувств, когда обсуждали, как баронет восхищается ею. В семье врача все молчаливо пришли к выводу, что гувернантка склонна принять предложение сэра Майкла, если он его сделает; и действительно, простые Доусоны сочли бы это ни больше ни меньше как сумасшествием, если бы девчонка, у которой не было ни гроша за душой, отказалась бы от такой партии.

Итак, однажды в туманный июньский вечер сэр Майкл, сидя напротив Люси Грэхем у окна в маленькой гостиной врача, воспользовался случаем – пока они были вдвоем – поговорить о предмете, который был наиболее близок его сердцу. Он попросил руки гувернантки в нескольких сдержанных словах. Было что-то почти трогательное в его манере и тоне,

которым он говорил с ней – наполовину умоляя и прекрасно сознавая, что едва ли молодая красивая девушка сделает выбор в его пользу, и больше желая, чтобы она отвергла его, хотя и разбила бы этим его сердце, чем вышла за него замуж без любви.

– Я смею думать, что вряд ли есть больший грех, Люси, – говорил он торжественно, – чем тот, который совершает женщина, выходя замуж без любви. Вы так дороги мне, моя любимая, что как бы ни было глубоко мое чувство к вам и как бы ни была горька даже сама мысль о разочаровании, я не позволю вам совершить такой грех даже ради моего счастья. Если бы мое счастье могло быть достигнуто такой ценой, – повторил он серьезно, – ничего, кроме несчастья, не получилось бы из супружества, если оно совершается не во имя правды и любви.

Люси смотрела не на сэра Майкла, а вдаль, в туманные сумерки, на темный пейзаж за маленьким садом. Баронет пытался увидеть ее лицо, но она стояла к нему в профиль, и он не мог видеть выражение ее глаз. А если бы ему это удалось, то он увидел бы тоскующий пристальный взгляд, который, казалось, хотел проникнуть во мрак и заглянуть в мир иной.

– Люси, вы слышите меня?

– Да, – промолвила она мрачно, но не холодно, нет, она не была обижена его словами.

– И ваш ответ?

Она не отвела взгляда от темнеющего пейзажа за окном,

но несколько мгновений хранила молчание; затем, повернувшись к нему с неожиданной страстью, по-новому осветившей ее удивительную красоту, которую баронет разглядел даже в сгущающихся сумерках, она упала на колени у его ног.

– Нет, Люси, нет, нет! – горячо вскрикнул он. Не здесь, не здесь!

– Да, здесь, здесь, – настаивала она, и странная страсть делала ее голос пронзительным и резким – не громким, но чрезвычайно отчетливым, – здесь и больше нигде. Как вы благородны и щедры! Любить вас! Есть женщины в сотни раз красивее и лучше меня, которые могли бы преданно вас любить, но вы просите слишком много от меня. Вы просите слишком много от *меня!* Вспомните, чем была моя жизнь, только вспомните это. С раннего детства я не видела ничего, кроме нищеты. Мой отец был джентльменом, умным, хорошо воспитанным, щедрым, красивым – но бедным. Моя мать... но позвольте мне не говорить о ней. Нищета, испытания, нужда, унижения, лишения! Вы не знаете этого, вы, кто живете среди тех, для кого жизнь легка, вы даже не догадываетесь, что приходится переносить таким, как мы. Поэтому не просите у меня слишком много. Я не могу не быть незаинтересованной, я не могу не видеть выгод такого союза. Я не могу, не могу!

Помимо ее возбуждения и страстности в ней было что-то неопределенное, что вселяло в баронета смутную тревогу.

Она все еще была на полу у его ног, скорее скорчившись, чем просто преклонив колени, ее тонкое белое платье облегалo фигуру, светлые волосы струились по плечам, огромные голубые глаза блестели в сумерках, и руки ухватились за черную ленточку вокруг шеи, как будто она душила ее.

– Не просите слишком много от меня, – все повторяла она, – я с детства была эгоисткой.

– Люси, Люси, говорите прямо. Я вам не нравлюсь?

– Не нравитесь! Нет, нет!

– Вы кого-нибудь любите?

Она громко рассмеялась, услышав этот вопрос.

– Я не люблю никого на свете, – ответила она.

Он был рад ее ответу, и все же это и ее странный смех смущали его чувства. Помолчав несколько мгновений, он промолвил с усилием:

– Люси, я не буду просить от вас слишком много. Осмеюсь сказать – я романтический старый глупый человек, но если вы не испытываете ко мне неприязни, и если вы никого другого не любите, я не вижу причины, почему мы не можем стать счастливой парой. Решено Люси?

– Да.

Баронет заключил ее в свои объятия и поцеловал в лоб; затем, спокойно пожелав ей спокойной ночи, он вышел из дома.

Он сразу вышел из дома, этот старый глупый человек, потому что в его сердце было какое-то странное чувство – не

радость, не триумф, но что-то сродни разочарованию, какое-то удушающее и неудовлетворенное желание камнем лежало у него на сердце, как будто он нес труп у груди. Он нес труп той надежды, что умерла от слов Люси. Все сомнения, страхи и робкие надежды были кончены.

Люси Грэхем медленно поднималась по лестнице в свою маленькую комнату. Она поставила тусклую свечу на комод и села на край белой кровати, такая же тихая и белая, как драпировки, висевшие вокруг нее.

– Больше не будет зависимости, не будет тяжелой работы, не будет унижений, – прошептала она. – Все следы старой жизни исчезли – все нити к правде похоронены и забыты – за исключением этих, за исключением этих.

Она не убирала руки с черной ленточки вокруг шеи. Она вытащила ее из-под платья и посмотрела на предмет, прикрепленный к ней.

Это был не медальон, не миниатюра и не крестик: это было кольцо, завернутое в кусочек бумаги, желтой от времени и смятой от частых развертываний.

Глава 2. На борту «Аргуса»

Он выбросил окурок сигары в море и, облокотившись о поручни, задумчиво смотрел на волны.

«Как они утомительно однообразны, – размышлял он. – Голубые, зеленые, опаловые; и снова опаловые, голубые, зеленые, красивые, конечно, но наблюдать за ними три месяца – это уж слишком, особенно...»

Он не попытался закончить предложение; его мысли, казалось, блуждали среди этих самых волн и унесли его за тысячу миль отсюда.

– Бедная малышка, как она будет рада! – пробормотал он, открывая коробку с сигарами и лениво обозревая ее содержимое. – Как она будет рада и удивлена! Бедная маленькая девочка! Через три с половиной года; да, она очень удивится.

Это был молодой человек около двадцати пяти лет, со смуглым лицом, загоревшим от длительного пребывания на солнце; у него были красивые карие глаза с черными ресницами, которые искрились мягкой доброй усмешкой, густая борода и усы, закрывавшие всю нижнюю часть лица. Высокий, могучего сложения, он носил свободный серый костюм и фетровую шляпу, небрежно наброшенную на темные волосы. Звали его Джордж Толбойс и он занимал одну из кормовых кают на борту добротного судна «Аргус», груженно-го австралийской шерстью и плывущего из Сиднея в Ливер-

пуль.

На «Аргусе» было мало пассажиров. Пожилой торговец шерстью, который возвращался на родину с женой и дочерьми, сколотив состояние в колониях; гувернантка тридцати пяти лет, плывущая домой, чтобы выйти замуж за человека, с которым была помолвлена пятнадцать лет назад; сентиментальная дочка зажиточного австралийского винного торговца, которая должна была закончить в Англии свое образование, и Джордж Толбойс были единственными пассажирами первого класса на борту.

Этот самый Джордж Толбойс был душой корабля; никто не знал, кто он и откуда, но все любили его. Он восседал во главе обеденного стола и помогал капитану потчевать пассажиров за дружеской трапезой. Он открывал бутылки с шампанским и пил со всеми присутствующими, рассказывал смешные истории и первый начинал смеяться так заразительно, что невозможно было остаться серьезным. Он был заводилой во всех играх, которые так увлекали это маленькое общество, что ураган мог пронестись над их головами, а они бы и не заметили; но он открыто признавался, что не имел способностей к висту и не мог отличить коня от ладьи на шахматной доске.

Действительно, мистер Толбойс не был слишком ученым джентльменом. Бледная гувернантка пыталась разговорить его на тему о модной литературе, но Джордж только подергивал себя за бороду и смотрел на нее, время от времени делая

замечания, вроде: «А, да!» и «Ну конечно!». Сентиментальная юная леди, которая ехала домой, чтобы закончить образование, пыталась Шелли и Байроном, но он только смеялся, как будто поэзия была шуткой. Торговец шерстью пытался выяснить его мнение о политике, но он оказался не очень сведущ в ней; итак, его оставили в покое – курить сигары, болтать с матросами, слоняться по палубе и глазеть на воду. Но когда «Аргусу» осталось плыть менее четырех недель до Англии, все заметили перемену в Джордже Толбойсе. Он стал беспокоен; иногда так весел, что каюта содрогалась от смеха, иногда мрачен и задумчив. Хотя он был любимцем среди матросов, они вконец устали от его беспрестанных вопросов о возможном времени прибытия. Произойдет ли это через десять дней, одиннадцать или тринадцать? Попутный ли ветер? Сколько узлов в час делает судно? А то вдруг его охватывало буйство, и он топал ногами по палубе и кричал, что это разбитое старое корыто, а его владельцы – мошенники, рекламируя его как быстроходный «Аргус». Он не был пассажирским судном, не был приспособлен, чтобы перевозить нетерпеливые живые существа с сердцами и душами, он был годен только на то, чтобы грузить его тюками глупой шерсти.

Солнце опускалось за море, когда Джордж Толбойс закурил сигару в этот августовский вечер. Еще десять дней, как сказали ему днем матросы, и они увидят английское побережье.

– Я поплыву на берег в первой же лодке, – кричал он, – даже в яичной скорлупе. Клянусь, если до этого дойдет, я вплавь доберусь до берега.

Его спутники, за исключением бледной гувернантки, смеялись, видя его нетерпение; она лишь вздыхала, наблюдая за молодым человеком, который негодовал на медленно тянущееся время, беспокожно метался по каюте, бегал вверх и вниз по лестнице и неотрывно смотрел на волны.

Когда багровый луч солнца коснулся воды, гувернантка поднялась из каюты на палубу, чтобы прогуляться, пока пассажиры сидели внизу за стаканом вина. Подойдя к Джорджу, она стала с ним рядом, наблюдая багровый закат на западном небосклоне.

Эта дама была очень спокойна и сдержанна, редко участвовала в развлечениях, никогда не смеялась и очень мало говорила, но они с Джорджем Толбойсом стали лучшими друзьями во время плавания.

– Моя сигара не раздражает вас, мисс Морли? – спросил он, вынимая ее изо рта.

– Вовсе нет, курите, пожалуйста. Я только подошла взглянуть на закат. Какой чудесный вечер!

– Да-да, конечно, – ответил он нетерпеливо. – И все же такой длинный, такой длинный! Еще десять бесконечных дней и десять утомительных ночей прежде, чем мы причалим.

– Да, – промолвила, вздохнув, мисс Морли. – Вы хотите, чтобы время бежало быстрее?

– Хочу ли я? – вскричал Джордж. – А вы разве нет?

– Едва ли.

– Но разве в Англии нет никого, кого вы любите? Разве никто не ждет вашего приезда?

– Я надеюсь на это, – мрачно ответила она. Некоторое время они молчали, он курил сигару с яростным нетерпением, как будто своим беспокойством мог ускорить ход судна, она смотрела на угасающий свет грустными голубыми глазами; глазами, поблекшими от чтения книг с мелким шрифтом и точной швейной работы; глазами, которые, возможно, поблекли от слез, тайно пролитых в безмолвные часы одиноких ночей.

– Взгляните! – неожиданно воскликнул Джордж, указывая в другую сторону, чем та, куда смотрела мисс Морли. – Там новая луна.

Она подняла глаза к бледному серпу молодого месяца, сама почти такая же бледная и безжизненная.

– Мы увидели его в первый раз. Нужно загадать желание! – сказал Джордж. – Я знаю, чего хочу.

– Чего?

– Чтобы мы быстрее добрались до дома.

– А я хочу, чтобы нас не постигло разочарование, когда мы туда доберемся, – печально ответила гувернантка.

– Разочарование!

Он вздрогнул, как будто его ударили, и спросил, что она имела в виду.

– Я имею в виду следующее, – она говорила быстро, с беспокойным движением своих тонких пальцев. – Я хочу сказать, что по мере завершения этого долгого путешествия, надежда угасает в моем сердце: меня охватывает болезненный страх, что в конце не все будет благополучно. Чувства человека, с которым я должна встретиться, могли измениться; или он мог сохранить свое чувство до того момента, когда увидит меня, и затем в мгновение ока утратить его при виде моего бледного изможденного лица, а ведь меня считали хорошенькой, мистер Толбойс, когда я уплывала в Сидней пятнадцать лет назад; или жизнь могла сделать его корыстным и эгоистичным, и он мог желать встречи со мной только из-за тех сбережений, что я сделала за пятнадцать лет. Опять же, он мог умереть. Он мог быть вполне здоров еще за неделю до нашего прибытия, а в эти последние дни мог подхватить лихорадку и умереть за час до того, как наш корабль бросит якорь. Я все думаю об этом, мистер Толбойс, эти сцены мучительно проносятся в моем воображении по двадцать раз за день. Двадцать раз в день! – повторила она. – Да что там, по тысяче раз в день.

Джордж Толбойс стоял недвижимый с сигарой в руке и слушал ее так напряженно, что когда она произнесла последние слова, его напряжение спало, и он уронил сигару в воду.

– Подумать только, – продолжала она, больше разговаривая сама с собой, чем с ним. – Подумать только, оглядываясь назад, как я была полна надежд, когда корабль отплыл, я

совсем не думала о разочаровании, но представляла радость встречи, слова, которые он скажет, интонацию, взгляды; но этот последний месяц путешествия, день за днем, час за часом, мое сердце сжимается, мечты угасают, и я страшусь конца, как будто знаю, что еду в Англию на похороны.

Неожиданно молодой человек повернулся к своей спутнице, на лице его была тревога. В бледном свете луны ей было видно, что кровь отлила от его лица.

– Какой я дурак! – воскликнул он, ударив сжатым кулаком по поручню. – Какой же я дурак, что испугался! Почему вы приходите и говорите мне это? Почему вы приходите и пугаете меня до смерти, когда я еду домой, к женщине, которую люблю, к девушке с чистым сердцем, в которой я уверен, как в себе самом? Почему вы приходите и пытаетесь навязать мне подобные мысли в то время, как я еду домой, к моей любимой жене?

– Вашей жене, – промолвила она. – Это меняет дело. Нет причин, чтобы мои опасения тревожили вас. Я еду в Англию, чтобы вновь соединиться с человеком, с которым была помолвлена пятнадцать лет назад. Тогда он был слишком беден, чтобы жениться, и когда мне предложили должность гувернантки в богатой австралийской семье, я убедила его позволить мне согласиться, чтобы он оставался свободным и мог пробиться в жизни, пока я скопила бы немного денег для начала нашей совместной жизни. Я не думала оставаться вдали так долго, но у него ничего не ладилось в Англии.

Такова моя история, и вы можете понять мои опасения. Они не должны влиять на вас. Мой случай особый...

– Так же, как и мой, – нетерпеливо перебил ее Джордж. – Говорю вам, что мой случай особый, хотя клянусь, что вплоть до этого момента я не знал страха. Но вы правы, ваши опасения меня не касаются. Вас не было пятнадцать лет; все что угодно могло случиться за это время. Прошло только три с половиной года, как я покинул Англию. Что могло случиться за столь короткий промежуток времени?

Мисс Морли взглянула на него с печальной улыбкой, но ничего не сказала. Его пыл, свежесть и нетерпение его натуры были так странны и новы для нее, что она смотрела на него наполовину в восхищении, наполовину с жалостью.

– Моя маленькая жена! Моя мягкая, невинная, любящая маленькая жена! Вы знаете, мисс Морли, – продолжал он с былой надеждой в голосе, – что я оставил свою девочку спящей, с ребенком на руках, ничего не сказав, оставив лишь несколько строк, в которых рассказал ей, почему ее преданный муж покинул ее.

– Покинул ее! – удивилась гувернантка.

– Да. Я служил корнетом в кавалерийском полку, когда впервые встретил мою крошку. Наш полк был расквартирован в одном портовом городишке, где моя девочка жила со своим бедным старым отцом, лейтенантом в отставке на половинном жалованье; старый лицемер, бедный, как церковная мышь, и вечно ждущий своего шанса. Я видел все его

ничтожные уловки, чтобы подцепить одного из нас для его хорошенькой дочурки. Я видел все эти жалкие, презренные, видные насквозь капканы, которые он расставлял для драгунов. Я замечал его в псевдосветских обедах и портвейне из таверны; его напыщенных речах о величии его семьи; его притворной гордости и независимости; и поддельной слезе, которая затуманивала его старческие глаза, когда он говорил о своем единственном дитяти. Это был старый пьяница-лицемер, готовый продать свою бедную дочь любому, кто больше даст. К счастью для меня, я оказался в то время лучшим покупателем, так как мой отец – человек богатый, мисс Морли, и поскольку это была взаимная любовь с первого взгляда, мы сочетались браком. Тем не менее, едва мой отец узнал, что я женился на бедной девушке, не имеющей на гроша, дочери старого пьянчуги, отставного лейтенанта, он написал негодующее письмо, извещая меня, что прерывает всякую связь со мной и что мое ежегодное содержание прекращается со дня свадьбы. Поскольку я не мог жить лишь на свое жалованье, да еще содержать молодую жену, я продал патент на офицерский чин, рассчитывая жить на эти деньги, пока что-нибудь не подвернется. Я повез мою любимую в Италию, и мы роскошно жили там, пока не закончились мои две тысячи фунтов; но когда они уменьшились до двух сотен, мы вернулись в Англию; моя жена вбила себе в голову, что не может жить вдали от своего старого отца, и мы поселились в небольшом курортном местечке, где он проживал. Ну и

как только старикан услышал, что у меня остались две сотни фунтов, он проявил к нам большую любовь и настоял, чтобы мы поселились в его доме. Я согласился, чтобы угодить моей любимой, которая как раз находилась в том особенном положении, когда все ее капризы и прихоти должны исполняться. Мы поселились у него, и вскоре он выманил у нас все деньги, но когда я заговаривал об этом с женой, она только пожимала плечами и отвечала, что ей не нравится плохо относиться к «бедному папочке». Итак, «бедный папочка» мухой расправился с нашим небольшим запасом денег, и я, почувствовав необходимость что-то делать, отправился в Лондон и попытался получить место клерка в торговой конторе или бухгалтера, библиотекаря, что-нибудь в этом роде. Но, полагаю, что на мне была печать военного, и как бы я ни старался, я никого не мог заставить поверить в мои способности; и наконец, выбившись из сил, с тяжелым сердцем я вернулся к моей любимой, которая нянчила сына и наследника отцовской бедности. Бедняжка, она совсем упала духом, и когда я сказал ей, что потерпел неудачу, она не выдержала и разрыдалась, причитая, что мне не следовало жениться на ней, если я ничего не мог дать ей, кроме нищеты и горя, и что я причинил ей зло, сделав своей женой. О боже! Мисс Морли, ее слезы и упреки чуть не свели меня с ума, я проклинал ее, себя, ее отца и весь свет и потом выбежал из дома, крикнув, что никогда не вернусь. Обезумев, я бродил весь день по улицам, испытывая сильное желание броситься в море, чтобы

она была свободна и могла сделать лучшую партию. «Если я утоплюсь, отец должен будет поддерживать ее, – рассуждал я. – Старый лицемер не сможет отказать ей в приюте, но пока я жив, она не может требовать это от него». Я спустился на старую расшатанную деревянную пристань, намереваясь подождать до темноты, а затем дойти до края и броситься в море; но пока я сидел, покуривая трубку и бездумно наблюдая за чайками, на пристань спустились двое спутников, и один из них заговорил об австралийских золотодобытчиках и о том, какие великие дела там вершатся. Оказалось, он собирается отплыть туда через день-два и пытается убедить своего спутника присоединиться к нему.

Около часа я слушал их беседу, следуя за ними по причалу с трубкой во рту. Затем я вступил в разговор и узнал, что корабль, на котором собирался плыть один из путников, отходит из Ливерпуля через три дня. Этот человек сообщил мне все, что нужно, и более того, сказал мне, что такой крепкий парень, как я, наверняка преуспеет в раскопках. Мысль, озарившая меня, была так неожиданна, что кровь прихлынула к моим щекам и я затрепетал от возбуждения. В любом случае, это было лучше, чем броситься в воду. Предположим, я уеду тайком от моей любимой, оставив ее в безопасности под отцовской крышей; сколочу состояние в Новом Свете ¹ и вернусь через двенадцать месяцев, чтобы бросить его к ее ногам, ибо я был такой жизнерадостный в то время, что рассчиты-

¹ Здесь и далее под «Новым Светом» имеется в виду Австралия. – *Примеч. ред.*

вал на удачу уже через год. Я поблагодарил этого человека за информацию и поздно ночью побрел домой. Стояла промозглая зимняя погода, но я не чувствовал холода, – я шел по пустынным улицам, снег летел мне в лицо, а в душе жила отчаянная надежда. Старик сидел в маленькой столовой, попивая бренди с водой, жена уже спала наверху, в спальне вместе с ребенком. Я написал ей несколько коротких строк о том, что никогда не любил ее сильнее, чем теперь, когда может показаться, что я ее покидаю; о том, что собираюсь попытаться счастья в Новом Свете, и что если мне повезет, то я вернусь и привезу ей много денег, но если нет, то я больше никогда ее не увижу. Я разделил оставшиеся деньги – что-то около сорока фунтов – на две равные части, одну оставил ей, а другую положил себе в карман. Я встал на колени и помолился за свою жену и ребенка, склонив голову на белое покрывало, под которым они лежали. Я не очень верующий человек, но видит Бог, эта молитва шла от сердца. Поцеловав их, я тихонько вышел из комнаты. Дверь в столовую была открыта, старик клевал носом над газетой. Он поднял голову, услышав мои шаги, и спросил, куда я иду. «Покурить на улице», – ответил я, и так как это было моей привычкой, то он мне поверил. Через три дня я уже был в море, на судне, плывущем в Мельбурн, имея при себе только инструменты и семь шиллингов в кармане.

– И вам повезло? – спросила мисс Морли.

– Только когда я совсем отчаялся и мы с нищетой стали

старыми друзьями; так что, оглядываясь на свою прошлую жизнь, я недоумевал, неужели тот смелый, отчаянный, блестящий драгун – любитель шампанского и этот человек, сидящий на сырой земле и вгрызающийся в грунт в дебрях Нового Света, – одно и то же лицо. Я искал спасения в воспоминаниях о моей любимой, верил в ее любовь и верность, как краеугольный камень, на котором держится вся моя прошлая жизнь – единственная звезда, которая светила мне в непроглядной ночи будущего. Мне довелось столкнуться со злыми людьми, я находился в самом центре разгула, пьянства и разврата, но моя чистая любовь хранила меня от этого всего. Худой и изможденный, полуголодная тень того, кем я однажды был, – вот что я увидел как-то в небольшом осколке зеркала и испугался собственного лица. Но я все выдержал; через разочарование и отчаяние, ревматизм, лихорадку, голод, у самых врат ада я продолжал упорно идти вперед, и в конце я одержал победу.

От него исходила такая энергия и сила воли, гордый триумф успеха, что бледная гувернантка взглянула на него в удивленном восхищении.

– Какой вы храбрый! – воскликнула она.

– Храбрый! – радостно рассмеялся он. – Но разве я трудился не для своей любимой? За все это время тяжелых испытаний разве не ее белая ручка манила меня вперед, к счастливому будущему? Я видел ее рядом с собой в палатке с мальчиком на руках так же ясно, как в единственный счастливый

год нашей совместной жизни. Наконец, в одно туманное сырое утро, как раз три месяца назад, когда морозящий дождь промочил меня насквозь, полуголодный, обессиленный лихорадкой и ревматизмом, я откопал огромных размеров самородок и наткнулся на золотую жилу. Месяц спустя я уже был самым богатым человеком в нашей маленькой колонии. На почтовой карете я добрался до Сиднея, реализовал мое золото, которое стоило двадцать тысяч фунтов, и уже через четыре недели отправился в Англию на этом корабле, и через десять дней – через десять дней я увижу мою любимую.

– Но за все это время вы ни разу не написали вашей жене?

– Нет, только за неделю до отплытия. Я не мог написать ей, когда все было так плохо. Я не мог написать ей о моей борьбе с отчаянием и смертью. Я ждал, когда ко мне придет удача, и когда это произошло, я сообщил ей, что буду в Англии почти одновременно с письмом, и дал ей адрес одного кафе в Лондоне, где она могла бы оставить известие для меня, хотя весьма маловероятно, что она покинула отцовский дом.

Он снова впал в задумчивость, попыхивая своей сигарой. Его спутница не мешала ему. Угас последний луч солнца, их освещал только тусклый свет молодого месяца.

Вскоре Джордж Толбойс отшвырнул сигару и, повернувшись к гувернантке, отрывисто сказал:

– Мисс Морли, если, добравшись до Англии, я узнаю, что с моей женой что-нибудь случилось, я умру на месте.

– Мой дорогой мистер Толбойс, зачем думать об этом? Господь милостив к нам, он не причинит нам горя больше, чем мы сможем вынести. Возможно, все представляется мне в слишком мрачном свете, так как жизнь моя однообразна и у меня оставалось много времени для размышлений о моих тревогах.

– А вся моя жизнь состояла в действии, лишениях, тяжком труде, надежде и отчаянии; у меня совсем не было времени думать о том, что может случиться с моей любимой. Как я был слеп и беспечен! Три с половиной года – и ни строчки, ни одного слова от нее или любого, кто ее знает! О боже! Ведь могло произойти все, что угодно!

Он возбужденно мерил шагами пустынную палубу, гувернантка пыталась его утешить.

– Клянусь вам, мисс Морли, – промолвил он, – что до тех пор, пока вы не заговорили со мной сегодня вечером, у меня не было ни тени страха, а сейчас мое сердце болезненно сжимается от тревоги. Пожалуйста, оставьте меня одного.

Она молча отошла от него и уселась у другого борта корабля, печально устремив взор на волны.

Глава 3. Спрятанные реликвии

То же августовское солнце, что садилось за морские воды, освещало тусклым красным светом циферблат старых часов над увитой плющом аркой, что вела в сады Одли-Корта.

Неистовый багровый закат. Средники окон и мерцающие решетки сияли в пламенном великолепии, угасающий свет вспыхивал на листьях лип в аллее и превратил неподвижную гладь пруда в сверкающую полированную медь; даже в темную чашу кустарника, среди которого укрылся колодец, прерывистыми вспышками проникало багровое сияние так, что казалось, будто трава, ржавое железное колесо и полуразвалившийся сруб колодца покрыты пятнами крови.

Мычание коров на лугу, всплеск форели в пруду, последние трели птиц, скрип колес на отдаленной дороге время от времени нарушали вечернюю тишину и делали ее более напряженной. Это безмолвие в сумерках было почти гнетущим; чудилось, будто где-то внутри обвитой плющом громады дома лежит труп – такая мертвая тишина царила кругом.

Когда часы над аркой пробили восемь, задняя дверь дома тихонько отворилась и из дома выскользнула девушка.

Но даже присутствие живого существа не нарушало тишины, так как девушка бесшумно кралась по густой траве, и углубившись в аллею со стороны пруда, исчезла под густой тенью лип.

Ее нельзя было назвать хорошенькой, она обладала внешностью, которую обычно зовут «интересной». И она, пожалуй, и вправду была интересной: ее бледное лицо, светлые серые глаза, мелкие черты лица и сжатые губы указывали на силу воли и самообладание, необычные в девушке девятнадцати-двадцати лет. Она могла бы быть хорошенькой, если бы не один недостаток в ее маленьком овальном лице. Этот недостаток заключался в полном отсутствии красок. На ее бледных восковых щеках не было и тени румянца; ни один черный или коричневый оттенок не коснулся ее белесых бровей и ресниц; в ее тусклых льняных волосах не было и намека на золотисто-каштановый или рыжеватый тона. Тот же недостаток красок был замечен и в ее платье: бледно-лавандовый муслин выцвел до серого цвета, также бесцветна была и лента, повязанная вокруг ее шеи.

У девушки была тонкая, хрупкая фигура, и несмотря на скромное платье, она обладала грацией и осанкой благородной дамы; и тем не менее она была простой деревенской девушкой, по имени Феба Маркс, которая работала няней в семье мистера Доусона и кого леди Одли взяла к себе в горничные после того, как вышла замуж за сэра Майкла.

Несомненно, это было большой удачей для Фебы, заработок которой утроился, а работа была легкой в хорошо устроенном домохозяйстве Корта; таким образом, она так же стала объектом зависти, как и госпожа в высших кругах.

Мужчина, сидевший на обвалившемся деревянном срубе

колодца, встрепенулся, когда служанка госпожи вышла из тени лип и встала перед ним посреди травы и кустарника.

Я уже говорила, что это было уединенное местечко, закрытое со стороны сада, – его можно было увидеть только из окон мансарды крыла дома.

– Феба, – заговорил мужчина, складывая нож, которым он остругивал столбик для забора, – ты подкралась ко мне так тихо и незаметно, что я подумал, уж не злой ли ты дух. Я шел дальней дорогой через поля и решил здесь отдохнуть, прежде чем зайти в дом.

– Из окна моей спальни виден колодец, Люк, – ответила Феба, показывая на открытое решетчатое окошко на одном из фронтонов. – Я увидела, как ты тут сидишь, и спустилась поболтать; лучше поговорить здесь, чем в доме, где повсюду полно ушей.

Люк был крупный, широкоплечий, глуповатый на вид деревенский увалень около двадцати трех лет. Его темно-рыжие волосы низко нависали надо лбом, из-под сросшихся густых бровей сверкали зеленовато-серые глаза, нос был большой и прямой и в очертаниях рта было что-то грубое и хищное. Румяный, рыжий, с бычьей шеей он не был лишен сходства с крепкими быками, что паслись на лугах Корта.

Девушка присела рядом с ним на деревянный сруб и одной рукой обняла его за толстую шею.

– Ты хоть рад меня видеть, Люк? – спросила она.

– Конечно, козочка, – неуклюже ответил он, снова откры-

вая нож и продолжая остругивать кол для забора.

Они были двоюродными братом и сестрой, в детстве вместе играли, а в юности полюбили друг друга.

– На вид ты не больно-то рад, – заметила девушка. – Ты бы хоть посмотрел на меня, Люк, и сказал, пошло ли путешествие мне на пользу.

– Румянца оно тебе не прибавило, это уж точно, – ответил он, взглянув на нее из-под низко нависших бровей. – Ты все такая же бледная.

– Но говорят, что путешествие делает людей светскими, Люк. Я была в Европе с госпожой в разных интересных местах, и ты знаешь, в детстве дочери сквайра Гортена немного учили меня говорить по-французски, и было здорово, что за границей я могла разговаривать.

– Светскими! – хрипло рассмеялся Люк. – Да кому нужно твое благородство, хотел бы я знать? Во всяком случае, не мне; когда ты станешь моей женой, у тебя останется не очень-то много времени для благородных манер. Скажет тоже – французский! Когда мы скопим денег, чтобы купить ферму, ты, наверно, будешь парлевать с коровами?

Она закусила губу и отвела взгляд в сторону. Он продолжал остругивать свою деревяшку, что-то насвистывая себе под нос и больше ни разу не взглянув на нее.

Некоторое время они сидели молча, но затем она снова заговорила, все еще не глядя на своего собеседника:

– Как чудесно было мисс Грэхем путешествовать со слу-

жанкой и с посыльным, в собственном экипаже, и с мужем, который считает, что ни одно место на земле недостойно того, чтобы туда ступила ее нога!

– О, Феба, чудесно иметь кучу денег, – ответил Люк. – И я надеюсь, дорогуша, это убедит тебя откладывать свое жалованье, чтобы нам пожениться.

– И что она из себя представляла в доме мистера Доусона всего три месяца назад? – продолжала девушка, как будто не слыша слов своего кузена. – Разве не была она такой же прислугой, что и я? Получала жалованье и много за него работала, пожалуй, больше меня. Видел бы ты ее старую одежду, Люк, – изношенную, заплатанную и перелицованную, – и все-таки всегда аккуратную. Она платит мне больше, чем получала сама у мистера Доусона. Да я видела, как она выходила из гостиной с несколькими соферами и кучкой серебра в руке, которые ее хозяин только что заплатил ей, – и посмотрите на нее сейчас!

– Да не бери ты в голову, – посоветовал Люк, – подумай о себе, Феба, это все, что тебе нужно. Как насчет того, чтобы купить небольшую таверну, а? На ней можно заработать кучу денег.

Девушка сидела все так же, отвернувшись от своего любовника, положив руки на колени и пристально глядя на последний пурпурный луч, угасающий за стволами деревьев.

– Тебе бы посмотреть дом внутри, Люк, – сказала она. – Снаружи он малость невзрачный, но видел бы ты комнаты

госпожи – сплошь картины и позолота, и огромное зеркало от пола до потолка. А разрисованные потолки, что стоят сотни фунтов, экономка сказала мне, и все это сделано для нее.

– Повезло ей, – пробормотал Люк с ленивым безразличием.

– А видел бы ты ее за границей, около нее всегда ошивалась куча поклонников, а сэр Майкл совсем не ревновал ее, он только гордился, что ею так восхищаются. Слышал бы ты, как она смеялась и разговаривала с ними, швыряя им обратно все их комплименты и красивые речи, как букеты роз. Где бы она ни появилась, все сходили по ней с ума. Ее пение, ее игра, ее рисунки, ее танцы, ее прекрасная улыбка! Где бы мы ни останавливались, она была в центре всех разговоров.

– Сегодня она дома?

– Нет, она уехала с сэром Майклом на обед к Бичерам. Это семь или восемь миль отсюда, так что они не вернуться раньше одиннадцати.

– Тогда вот что я тебе скажу, Феба, если внутри дома такое великолепие, мне бы хотелось посмотреть на него.

– Тогда пойдем. Миссис Бартон, экономка, знает тебя в лицо и не будет возражать, чтобы я показала тебе лучшие комнаты.

Почти стемнело, когда они вышли из кустарника и не спеша направились к дому. Дверь, через которую они вошли, вела в служебное помещение, где находилась и комната экономки. Феба на минутку остановилась, чтобы спросить ее,

можно ли ей показать кузену некоторые из комнат, и, получив согласие, зажгла свечу от лампы в холле, и повела за собой Люка в другую часть дома.

Длинные коридоры из черного дуба темнели в призрачных сумерках; свеча, которую несла Феба, оставляла лишь бледное пятно света в широких переходах, через которые вела Феба своего кузена. То и дело Люк подозрительно оглядывался, наполовину испуганный скрипом собственных ботинок.

– Страшноватое местечко, Феба, – заметил он, когда они переходили из коридора в главный зал, еще не освещенный. – Слышал я, в прежние времена здесь было убийство.

– Что до этого, то в наше время тоже хватает убийств, Люк, – ответила девушка, поднимаясь по лестнице.

Она вела его через огромную гостиную, обитую атласом и всю уставленную бронзовыми статуэтками, камнями, инкрустированными столами и всевозможными безделушками, блестящими в сумеречном свете; затем через утреннюю комнату, увешанную гравюрами и ценными картинами, а оттуда в прихожую, где она наконец остановилась, высоко подняв свечу.

Молодой человек, открыв рот, озирался кругом.

– Это и вправду редкое место, – изрек он, – и должно быть, стоит немало денег.

– Посмотри на картины, – предложила Феба, глядя на стены восьмиугольной комнаты, увешанные Клодом, Пуссеном,

Воуверманом и Кейпом. – Я слышала, что только одни картины стоят целое состояние. Это вход в апартаменты госпожи, то есть мисс Грэхем.

Она подняла тяжелую зеленую портьеру, висевшую у двери, и ввела ошеломленного сельчанина в сказочной красоты будуар, а оттуда в гардеробную, где открытые двери шкафов и груда платьев, сваленных в кучу на диване, указывали на то, что комната оставалась в том же виде, в каком ее покинула хозяйка.

– Мне нужно убрать все до возвращения госпожи, Люк, ты можешь пока присесть где-нибудь, я быстро.

Ее кучер неуклюже огляделся, смущенный роскошью комнаты, и после некоторого колебания выбрал самый прочный из стульев и осторожно уселся на самый его край.

– Мне бы хотелось показать тебе драгоценности, Люк, – сказала девушка, – но я не могу, потому что она всегда носит ключи с собой, а шкатулка здесь, стоит вон там, на туалетном столике.

– Что, вот эта? – воскликнул Люк, глядя во все глаза на массивную шкатулку из орехового дерева, инкрустированную медью. – Да она такая здоровая, что в ней поместилась бы вся моя одежда!

– И она полным-полна бриллиантов, рубинов, жемчуга и изумрудов, – ответила Феба, сворачивая шуршащие шелковые платья и укладывая их, одно за другим, на полки шкафа. Встряхивая оборки последнего платья, она услышала, как

что-то звякнуло, и засунула руку в карман.

– Ну, скажу я вам! – воскликнула она. – В первый раз госпожа забыла ключи в кармане. Я покажу тебе драгоценности, если хочешь, Люк.

– Ну, я бы не отказался поглядеть на них, крошка, – откликнулся он, поднимаясь со стула и держа свечу, пока девушка отпирала шкатулку.

Увидев украшения, которые блестели на белых атласных подушечках, у него невольно вырвался возглас удивления. Ему хотелось подержать в руках эти изящные драгоценности, потрогать их, определить их стоимость.

– Одна из этих бриллиантовых штучек могла бы обеспечить нас на всю жизнь, Феба, – сказал он, поигрывая браслетом.

– Положи его, Люк! Немедленно положи на место! – закричала девушка, испугавшись. – Как ты можешь говорить об этом?

С сожалением вздохнув, он положил браслет на место и продолжал осматривать шкатулку.

– А это что? – спросил он вскоре, показывая на медную кнопку в обрамлении шкатулки.

Он нажал на нее, и из шкатулки выскочил потайной ящичек, обитый пурпурным бархатом.

– Глянь-ка! – воскликнул Люк, довольный своей находкой.

Феба Маркс, отбросив платье, которое сворачивала, подо-

шла к туалетному столику.

– Я этого раньше не видела, – удивилась она. – Интересно, что там?

Там не было ни золота, ни драгоценностей, всего лишь шерстяные пинеточки младенца, завернутые в бумагу, и небольшой локон шелковистых светлых волос, явно детских. Феба широко раскрыла свои серые глаза, увидев содержимое свертка.

– Так вот что прячет госпожа в потайном ящике, – про-
бормотала она.

– Странно, что она хранит такую ерунду, – небрежно заметил Люк.

Тонкие губы девушки изогнулись в ехидной улыбке.

– Ты свидетель, где я нашла это, – промолвила она, кладя небольшой сверток в свой карман.

– Феба, ты совсем сдурела, что ли? – закричал молодой человек.

– Я лучше возьму это, чем бриллиантовый браслет, приглянувшийся тебе, – ответила она. – У тебя будет таверна, Люк.

Глава 4. На первой странице «Таймс»

Предполагалось, что Роберт Одли будет адвокатом. Как адвокат он был занесен в Список Судейского Сословия, как адвокат, он имел квартиру на Фигтри-Корт, в Темпле, и как адвокат, он поедал предназначенное количество обедов, что является великим суровым испытанием, через которое будущий юрист пробивается к славе и удаче. Если все это может сделать из мужчины юриста, то Роберт Одли решительно стал таковым. Но он никогда не вел дела в суде, и не пытался его получить, и вообще не желал этим заниматься в течение тех пяти лет, когда его имя значилось на одной из дверей Фигтри-Корта. Это был красивый, ленивый, беззаботный молодой человек около двадцати семи лет, единственный сын младшего брата сэра Майкла Одли. Его отец оставил ему четыреста фунтов годового дохода, которые его друзья посоветовали ему умножить, получив право адвокатской практики; и поскольку после должного размышления он пришел к выводу, что для него гораздо более хлопотно противиться желанию друзей, чем поесть множество обедов и иметь апартаменты в Темпле, то он все-таки последовал их совету и без зазрения совести стал называть себя адвокатом.

Иногда, когда бывало очень жарко, и усилия, затраченные им на курение своей немецкой трубки и чтение французских

романов, вконец изнуряли его, Роберт брел в сады Темпла, и устроившись в каком-нибудь тенистом местечке, с расстегнутым воротником и в голубом шелковом платке, небрежно повязанном вокруг шеи, рассказывал сидящим рядом старшинам юридической корпорации, что он совершенно выбился из сил.

Хитрые старые законники посмеивались, слушая эти бабушкины сказки, но все соглашались, что Роберт Одли был славный малый, щедрый, довольно-таки любопытный парень, под равнодушным и нерешительным видом которого скрывался острый ум и добрый юмор. Человек, который никогда не преуспееет, но не обидит и мухи. Действительно, его квартира превратилась в самую настоящую собачью конуру, так как у него была привычка приводить домой всех бездомных и заблудившихся жучек, которые приглянулись ему на улице и подобострастно бежали за ним, виляя хвостом.

Роберт всегда проводил сезон охоты в Одли-Корте, но не потому, что был заядлым охотником; он предпочитал спокойно скакать трусцой на толстой гнедой лошадке со спокойным нравом и держаться подальше от лихих наездников, его лошадь тоже знала, что он меньше всего хотел быть подстреленным на охоте.

Молодой человек был большим любимцем своего дяди и пользовался благосклонностью своей хорошенькой смуглолицей, ветреной кузины-сорванца, мисс Алисии Одли. Со стороны могло показаться, что стоило бы больше поощрять

склонность молодой леди – единственной наследницы прекрасного имени, но это даже в голову не приходило Роберту Одли. Алисия – очень хорошая девушка, говорил он, веселая, одна из тысячи, но не более того. Мысль обратить девичью привязанность своей кухни во что-либо серьезное никогда не приходила в его ленивую голову. Я даже сомневаюсь, имел ли он представление о размерах состояния своего дяди, и я уверена, что он никогда не подсчитывал, какая его часть в конечном счете перейдет к нему.

Поэтому когда в одно весеннее утро, за три месяца до описываемых мною событий, почтальон принес ему извещение о свадьбе сэра Майкла и леди Одли, вместе с возмущенным письмом от кухни о том, что ее отец только что женился на молодой особе с кукольным лицом, не старше, чем сама Алисия, в кудряшках и постоянно глупо хихикающей (с сожалением я должна заметить, что из-за своей неприязни именно так мисс Одли описывала музыкальный смех, которым все так восхищались в Люси Грэхем), – итак, когда эти послания достигли Роберта Одли, они не вызвали ни раздражения, ни изумления у сего флегматичного джентльмена. Он прочитал сердитое письмо Алисии, не вынимая изо рта янтарного мундштука своей трубки. Завершив чтение этого послания и подняв свои черные брови до середины лба (кстати, его единственная манера выражать удивление), он выбросил и письмо и открытку в корзину для мусора и, положив трубку, приготовился затратить умственную энергию на обдумыва-

ние сей оказии.

– Я всегда знал, что этот старикашка в конце концов женится, – пробормотал он после получасового размышления. – Алисия и госпожа, то есть мачеха, сцепятся, как кошка с собакой. Я надеюсь, они не будут ссориться в сезон охоты или ругаться за обеденным столом: скандалы всегда вредят пищеварению.

Около двенадцати часов на следующее утро после той ночи, когда происходили события, описанные в предыдущей главе, племянник баронета держал свой путь из Темпла через Блэксфайрсворд в Сити. В трудный час он сделал одолжение одному нуждающемуся другу, поставив древнее имя Одли на поручительство, а поскольку по векселю не было уплачено, то рассчитывать призвали Роберта. С этой целью ему и пришлось прогуляться вверх по Ладгейт-Хилл, а оттуда в освежающе прохладный банковский дом в тенистом дворе за собором Святого Павла, где он утешился, освободившись от двух сотен фунтов.

Он задержался на углу, поджидая свободный кэб, который доставил бы его обратно в Темпл, когда его почти сбил с ног человек, такой же молодой, как и он, несущийся стремглав в узкий переулок.

– Будьте так любезны смотреть, куда вы идете, дружище, – мягко пристыдил Роберт порывистого прохожего. – Могли бы и предупредить человека, прежде чем свалить его с ног и потоптаться на нем.

Незнакомец вдруг остановился и пристально посмотрел на Роберта, задохнувшись от неожиданности.

– Боб! – удивился он. – Только вчера вечером я ступил на британскую землю, и подумать только, именно тебя я встречаю сегодня утром!

– Я вас как будто где-то видел, мой бородатый друг, – сказал мистер Одли, не спеша вглядываясь в оживленное лицо незнакомца, – но пусть меня повесят, если я помню где и когда.

– Что! – воскликнул незнакомец с упреком. – Не хочешь ли ты сказать, что забыл Джорджа Толбойса?

– Ну конечно же, нет! – промолвил Роберт с чувством и затем, взяв своего друга под руку, повел его в тенистый двор, разговаривая уже своим обычным безразличным тоном. – А теперь, Джордж, поведай мне свою историю.

И Джордж «поведал» ему свою историю. Он рассказал ему то же, что услышала бледная гувернантка на борту «Аргуса», и затем, почти не дыша от волнения сообщил, что в кармане у него целая пачка австралийских банкнот, которые он хотел поместить в банк к господам таким-то, бывшими его банкирами много лет назад.

– Ты мне не поверишь, но я только что вышел из их счетной конторы, – сказал Роберт. – Я пойду с тобой, и мы уладим это дело за пять минут.

Они действительно успели устроить все за четверть часа, и затем Роберт Одли предложил немедленно отправиться в

«Корону и скипетр» или в «Замок», где они могли бы победать и поговорить о старых добрых временах, когда вместе учились в Итоне. Но Джордж сказал своему другу, что прежде чем он пойдет куда-либо, прежде чем он побреется или просто как-нибудь освежится после ночного путешествия на экспрессе из Ливерпуля, он должен заглянуть в одно кафе на Бридж-стрит в Вестминстере, где его должно было ожидать письмо от жены.

– Тогда я пойду с тобой, – решил Роберт. – Подумать только, у тебя есть жена, Джордж, какая нелепая шутка.

Когда они вихрем неслись в кэбе через Ладгейт-Хилл, Флит-стрит и Стрэнд, Джордж Толбойс изливал своему другу все те невероятные надежды и мечты, которые так захватили его жизнерадостную натуру.

– У меня будет дом на берегу Темзы, Боб, – радовался он, – для моей маленькой жены и для меня, и у нас будет яхта, Боб, дружище, ты будешь лежать на палубе и курить, а моя женушка играть на гитаре и петь для нас.

Официанты в кафе на Вестминстер уставились на небритого, с запавшими глазами незнакомца в одежде колониального покроя, возбужденного и шумного; но он был завсегда-таем этого местечка в годы своей военной службы, и услышав, кто он, официанты немедленно бросились исполнять его просьбу.

Он хотел немного – бутылку содовой воды и узнать, нет ли писем на имя Джорджа Толбойса.

Официант принес воду прежде, чем молодые люди уселись в укромном уголке у камина. Нет, на это имя не было писем.

Официант произнес это равнодушным тоном, вытирая маленький столик из красного дерева.

Лицо Джорджа стало белым, как мел.

– Толбойс, – повторил он. – Возможно, вы не расслышали – *Толбойс*. Идите и посмотрите еще раз, письмо *должно* быть.

Официант пожал плечами, выходя из комнаты, и вернулся почти сразу же с известием, что не было даже похожего имени в отделении для писем. Там были только Браун, Сандерсон и Пинчбек, только три письма.

Молодой человек в молчании выпил воду и затем, облокотившись о стол, закрыл лицо руками. Роберт Одли понял, что это разочарование, каким бы пустяковым ни показалось на первый взгляд, в действительности было очень горьким. Он сел напротив друга, но не пытался заговорить с ним.

Наконец Джордж поднял голову, и машинально взяв вчерашний номер «Таймс» из кипы журналов на столе, уставился на первую страницу невидящим взглядом.

Не могу сказать, сколько он просидел так, глядя на один параграф в списке смертей, прежде чем до его ошеломленного мозга дошло его значение; но после значительной паузы он подтолкнул газету к Роберту Одли и с лицом, изменившимся от бронзового загара до болезненной, серой белизны,

и с ужасающим спокойствием указал пальцем на строчку:

«24-го числа сего месяца в Вентноре, Элен Толбойс,
в возрасте 22 лет».

Глава 5. Надгробие в Вентноре

Да, там действительно значилось – «Элен Толбойс, в возрасте 22 лет».

Когда Джордж говорил гувернантке на борту «Аргуса», что если он услышит какие-либо дурные вести о жене, то упадет замертво, он говорил чистую правду; и вот они были налицо, наихудшие известия, а он сидел неподвижный, бледный и беспомощный, глядя на удивленное лицо своего друга.

Неожиданность удара оглушила его. В своем странном и смущенном состоянии ума он начал недоумевать, что же случилось, и почему всего одна строчка в «Таймс» имела такое ужасное воздействие на него.

Затем, когда мало-помалу это смутное осознание своего горя исчезло, реальность с болью вторглась в его мозг.

Жаркое августовское солнце, грязные подоконники и потрепанные шторы, кипа игровых счетов, приколотых к стене; потухший камин, лысоватый старик, склонившийся над «Морнинг эдвертайзер»; неряшливый официант, сворачивающий скатерть, и красивое лицо Роберта Одли, устремленное на него с состраданием и тревогой. Ему показалось, что все вокруг него вдруг приняло огромные размеры и затем, одно за другим, слилось в темные пятна, плывущие перед его глазами. В его ушах раздался страшный шум, как от дюжины паровых двигателей, и последнее, что он услышал, был

звук падающего тела.

Он открыл глаза в сумерках в прохладной затененной комнате, тишину которой нарушал только грохот экипажей вдалеке.

Он огляделся в недоумении. Его друг, Роберт Одли, сидел рядом и курил. Джордж лежал на низкой железной кровати, напротив открытого окна, на подоконнике стояли ваза с цветами и клетки с птичками.

– Тебя не беспокоит моя трубка, Джордж? – спокойно спросил его друг.

– Нет.

Он лежал некоторое время, глядя на цветы и птиц: канарейки пели звонкий гимн заходящему солнцу.

– Тебя не раздражают птицы, Джордж? Вынести их из комнаты?

– Нет, мне нравится их пение.

Роберт Одли выбил пепел из трубки, положил ее аккуратно на каминную полку и, выйдя в соседнюю комнату, вскоре вернулся с чашкой крепкого чая.

– Выпей это, Джордж, – сказал он и поставил чашку на маленький столик рядом с кроватью, – это тебе поможет.

Молодой человек не ответил, медленно оглядел комнату, затем перевел взгляд на мрачное лицо друга.

– Боб, – спросил он, – где мы?

– В моей квартире, дружище, в Темпле. У тебя нет своего жилища, поэтому ты можешь остаться у меня, пока ты в

городе.

Джордж провел ладонью по лбу, и, запинаясь, спросил:

– Та газета, утром, Боб, что это было?

– Не будем сейчас об этом, лучше выпей чаю.

– Да, да, – нетерпеливо вскричал Джордж, приподнимаясь с кровати и широко открыв глаза. – Я вспомнил. Элен, моя Элен! Моя жена, моя возлюбленная, моя единственная любовь! Мертва! Мертва!

– Джордж, – промолвил Роберт Одли, мягко положив ладонь на руку молодого человека, – ты должен помнить, что женщина, чье имя ты увидел в газете, может быть не твоя жена. Может быть, это какая-нибудь другая Элен Толбойс.

– Нет, нет! – воскликнул он. – Возраст совпадает, и фамилия Толбойс не такая уж распространенная.

– Могла быть опечатка.

– Нет, нет, нет, моя жена мертва!

Он стряхнул руку Роберта и, встав с кровати, пошел к двери.

– Куда ты идешь? – воскликнул его друг.

– В Вентнор, увидеть ее могилу.

– Не сегодня вечером, Джордж, не сегодня. Я сам поеду с тобой первым же поездом завтра утром.

Роберт вернул его к кровати и мягко заставил снова лечь. Затем он дал ему настойку опиума, оставленную врачом, которого вызвали в кафе на Бридж-стрит, когда Джордж упал в обморок.

Итак, Джордж провалился в тяжелый сон, и ему снилось, что он поехал в Вентнор, нашел свою жену живой и невредимой, но старой, седой и морщинистой, а своего сына совсем взрослым.

Рано утром он уже сидел напротив Роберта Одли в нагоне первого класса поезда, который мчался в Портсмут.

Они ехали из Райда в Вентнор в экипаже под палящим солнцем. Когда молодые люди выходили из кареты, все окружающие глазели на белое, как мел, лицо Джорджа и его бороду.

– Что нам теперь делать, Джордж? – спросил Роберт Одли. – У нас нет ни одной зацепки, чтобы найти тех, кого мы ищем.

Молодой человек смущенно и жалко взглянул на него. Огромный драгун был беспомощен, как ребенок, и Роберт Одли, самый нерешительный и безвольный человек на свете, понял, что действовать должен он.

– Может быть, нам лучше поспрашивать в гостинице о миссис Толбойс, Джордж? – предложил он.

– Фамилия ее отца Мэлдон, – пробормотал Джордж – Он никогда не отпустил бы ее сюда умирать в одиночестве.

Больше ничего не было сказано, и Роберт сразу же пошел в гостиницу, где справился о некоем мистере Мэлдоне.

– Да, – сказали ему, – в Вентноре останавливался джентльмен с такой фамилией, его дочь недавно умерла. Официант сейчас узнает адрес.

В это время года гостиница была переполнена, множество людей заходило и выходило, в вестибюле суетились официанты и конюхи.

Джордж Толбойс прислонился к стене с тем же выражением лица, так напугавшим его друга в кафе на Вестминстер.

Подтвердилось худшее. Его жены, дочери капитана Мэлдона, не было в живых.

Официант вернулся через пять минут и сообщил, что капитан Мэлдон снимает коттедж номер 4 на Лэндсдаун.

Они легко нашли этот обшарпанный домишко с кривыми оконцами, выходящими на море.

– Дома ли капитан Мэлдон? Нет, – ответила домохозяйка, – он пошел погулять на пляж с маленьким внуком. Не войдут ли джентльмены внутрь и присядут?

Джордж прошел, как сомнамбула, за своим другом в маленькую гостиную – пыльную, убого обставленную, неубранную, где повсюду были разбросаны детские игрушки и стоял застарелый запах табака.

– Посмотри! – сказал Джордж, указывая на картину, висевшую над камином.

На ней был изображен он в годы военной службы. Портрет был очень похож: Джордж в военной форме, на заднем плане его боевой конь.

Роберт Одли оказался мудрым утешителем. Не сказав ни слова растроганному вдовцу, он спокойно уселся спиной к Джорджу и смотрел в открытое окно.

Некоторое время молодой человек беспокойно бродил по комнате, дотрагиваясь до безделушек, разбросанных повсюду.

Ее рабочая корзинка с незаконченным шитьем; ее альбом, куда он своим корявым почерком записывал стихи Байрона; книги, которые он дарил ей, и букет сухих цветов в вазе, привезенной из Италии.

– Ее портрет висел рядом с моим, – пробормотал он. – Интересно, где он?

Следующие полчаса протекли в молчании, которое нарушил Джордж:

– Надо бы повидать домохозяйку, хотелось бы спросить ее о...

Он не выдержал и спрятал лицо в ладони.

Роберт позвал хозяйку дома. Это было добродушное, словоохотливое существо. Она давно привыкла к болезни и смерти, поскольку многие ее постояльцы приезжали сюда умирать. Она рассказала все подробности о последних днях миссис Толбойс, как она приехала в Вентнор всего лишь за неделю до своей смерти, когда ее болезнь быстро прогрессировала, и как день за днем она медленно, но верно угасала от неизлечимого недуга.

– Был ли джентльмен родственником умершей? – спросила она Роберта Одли в то время, как Джордж громко рыдал.

– Да, это ее муж.

– Что! – воскликнула женщина. – Тот самый, который так

жестокое покинул ее с ребенком на руках на попечение старого отца? Капитан Мэлдон часто рассказывал мне об этом со слезами на глазах.

– Я не покинул ее! – воскликнул Джордж.

И затем он рассказал историю своей трехлетней борьбы.

– Она говорила обо мне? – спросил он. – Она спрашивала обо мне... в конце?

– Нет, она отошла совсем тихо. С самого начала она мало говорила, но в последний день она никого не узнавала, даже своего маленького мальчика и бедного отца, который сходил с ума от горя. Вдруг она стала как помешанная, заговорила о своей матери и о том, как ужасно умирать в чужих краях, было так жалко ее слушать.

– Ее мать умерла, когда она была ребенком, – удивился Джордж. – Подумать только, что она вспомнила именно о ней и ни разу обо мне.

Женщина провела его в небольшую спальню, где умерла его жена. Он упал на колени перед кроватью и нежно целовал подушку. Хозяйка плакала, глядя на него.

Пока он стоял на коленях, возможно молясь, зарывшись лицом в подушки, женщина достала что-то из ящика комода. Когда он встал, она подала ему длинный локон волос, завернутый в бумагу.

– Я срезала его, когда она лежала в гробу, – сказала она. – Бедняжка!

Он прижал мягкий локон к губам.

– Да, – шептал он, – это мои любимые волосы, которые я так часто целовал, когда ее голова лежала на моем плече. Но тогда они были вьющиеся, а сейчас кажутся гладкими и прямыми.

– Они меняются от болезни, – заметила домохозяйка. – Если вы хотите посмотреть, где ее похоронили, мой сынишка покажет вам дорогу.

Итак, Джордж Толбойс и его верный друг пришли к тому тихому месту, где под могильным холмом, на котором еще не успели прижиться кусочки свежего дерна, лежала та, чью приветливую улыбку так жаждал увидеть Джордж в далекой колонии.

Роберт оставил молодого человека у края свежей могилы и, вернувшись через четверть часа, увидел, что его друг все так же неподвижен.

Вскоре он поднял глаза и спросил, есть ли в окрестностях какой-нибудь каменщик, он хотел сделать заказ.

Они легко нашли мастера, и сидя в его дворе, среди обломков камней, Джордж Толбойс написал карандашом короткую надпись для надгробия своей скончавшейся жены:

«Посвящается памяти незабвенной Элен, возлюбленной жене Джорджа Толбойса, почившей в августе, 24-го дня, 1857 года, в возрасте 22 лет. Безутешный супруг».

Глава 6. Прочь из этих мест

Когда они вернулись в коттедж на Лэндсдаун, то обнаружили, что старик еще не вернулся, и спустились на пляж поискать его. После недолгих поисков они увидели его: он сидел на груде гальки, читал газету и жевал бутерброды. Неподалеку играл маленький мальчик – копал что-то в песке деревянной лопаточкой. Траурный креп на поношенной шляпе старика и маленький черный сюртучок ребенка болью отзывались в сердце Джорджа. Куда бы он ни взглянул, повсюду находил подтверждение своего горя.

– Мистер Мэлдон, – позвал он, приближаясь к своему тестю.

Старик поднял глаза и, уронив газету, встал с гальки, церемонно поклонившись. Его блеклые, светлые волосы тронула седина, у него был нос с горбинкой, бледные голубые глаза и безвольный рот; одежда, хоть и поношенная, носила следы аристократического щегольства: на застегнутом на все пуговицы жилете болтался монокль, и в руке он держал трость.

– Господи боже! – воскликнул Джордж. – Неужели вы не узнаете меня?

Мистер Мэлдон встrepенулся, и лицо его покрылось красными пятнами, в глазах появилось испуганное выражение, когда он узнал своего зятя.

– Мой дорогой мальчик, – заговорил он, – я не узнал, с первого взгляда не узнал: борода так меняет внешность. Вы не находите, что борода сильно меняет человека, сэръ? – обратился он к Роберту.

– О боже мой! – воскликнул Джордж в нетерпении. – Так-то вы встречаете меня? Я приезжаю в Англию и узнаю, что моя жена умерла за неделю до того, как причалил мой корабль, а вы начинаете болтать какой-то вздор о моей бороде – вы, ее отец!

– Истинно! Истинно! – пробормотал старик, вытирая свои красные глаза. – Такое горе, такое горе, мой дорогой Джордж. Если бы вы только приехали неделей раньше.

– Если бы я приехал раньше, – закричал Джордж в приступе горя, – я бы не дал ей умереть. Я бы боролся за нее со смертью! О боже! Почему «Аргус» не пошел ко дну, прежде чем я дожил до этого дня?

Он быстро зашагал по пляжу, его тесть беспомощно смотрел на него, вытирая платком старческие глаза.

«У меня сильное подозрение, что старикан не очень хорошо обходился со своей дочерью, – подумал Роберт. – Не знаю почему, по, кажется, он боится Джорджа».

Пока возбужденный молодой человек в приступе отчаяния мерил пляж шагами, мальчик подбежал к деду и прижался к нему.

– Пойдем домой, дед, пойдем домой, – позвал он. – Я устал.

Джордж Толбойс обернулся, услышав детский голосок, и пристально посмотрел на мальчика.

– Дорогой мой! Солнышко мое! – промолвил Джордж, беря ребенка на руки. – Я твой отец, приехал к тебе из-за моря. Ты будешь любить меня?

Маленький человечек оттолкнул его.

– Я не знаю тебя, – сказал он. – Я люблю дедушку и миссис Монкс из Саутгемптона.

– Джорджи у нас с характером, сэр, – заметил старик. – Он избалован.

Они медленно пошли обратно к коттеджу, и Джордж Толбойс еще раз рассказал о том, как он уехал. Он сообщил и о двадцати тысячах фунтов, накануне положенных в банк. У него не хватило духу спрашивать о жене, а рассказ его тестя не был длинным: через несколько месяцев после его отъезда они уехали в Саутгемптон, где у Элен было несколько учеников; им жилось неплохо, пока ее здоровье не пошатнулось и она не заболела недугом, от которого и умерла. Как и большинство печальных историй, она была короткой.

– Мальчик, кажется, любит вас, мистер Мэлдон, – заметил Джордж, помолчав.

– Да, да, – ответил старик, глядя кудрявую головку ребенка, – да, Джорджи очень любит своего дедушку.

– Тогда пусть он лучше остается с вами. Доход от моих денег будет около шестисот фунтов в год. Сто фунтов вы сможете тратить на образование Джорджи, а остальные пусть на-

капливаются до его совершеннолетия. Мой друг будет доверенным лицом, и если он согласится, я назначу его опекуном мальчика, разрешив пока что вам заботиться о ребенке.

– Но почему бы тебе самому не заняться его воспитанием, Джордж? – спросил Роберт Одли.

– Потому что я поплыву ближайшим кораблем из Ливерпуля в Австралию. Мне лучше заниматься раскопками в лесной глуши, чем оставаться здесь. С этого момента я не могу жить как все люди, Боб.

Глаза старика блеснули, когда Джордж заявил о своем решении.

– Мой бедный мальчик, я думаю, ты прав, – согласился он. – Ты действительно прав. Перемена обстановки, примитивная жизнь и...и... – Он запнулся, заметив пристальный взгляд Роберта, устремленный на него.

– Я думаю, вы слишком спешите избавиться от вашего зятя, мистер Мэлдон, – мрачно произнес он.

– Избавиться от него, дорогой мой! Да что вы! Нет, нет и нет! Но для его же блага, мой дорогой сэр, для его блага.

– Для его блага, я думаю, ему бы лучше остаться в Англии и воспитывать сына, – возразил Роберт.

– Но говорю же вам, я не могу, – воскликнул Джордж. – Каждый дюйм этой проклятой земли ненавистен мне – мне хочется бежать отсюда, как с кладбища. Я возвращаюсь в город сегодня вечером, завтра утром улажу денежные дела и без промедления отправлюсь в Ливерпуль. Мне будет гораз-

до лучше, когда между мной и ее могилой ляжет полсвета.

Прежде чем уехать, он заглянул к хозяйке, чтобы расспросить ее о жене.

– Они были бедны? – спрашивал он. – Нуждались ли они, когда она болела?

– О нет! – отвечала женщина. – Хотя капитан и бедно одет, у него в кошельке всегда полно золотых. Но бедняжке ничего не было нужно.

Это отчасти утешило Джорджа, хотя он и недоумевал, где старый пьяница ухитрился достать денег на лечение дочери.

Но он был настолько разбит свалившимся на него несчастьем, что был не в состоянии ни о чем думать, поэтому больше не задавал вопросов и вместе с тестем и Робертом Одли отправился на причал, к небольшому пароходу, на котором они должны были плыть в Портсмут.

Старик очень церемонно попрощался с Робертом.

– Ты даже не представил меня своему другу, мой дорогой мальчик, – заметил он укоризненно. Джордж посмотрел на него в недоумении, пробормотал что-то нечленораздельное и побежал по трапу на пароход, прежде чем мистер Мэлдон успел повторить свой вопрос. Корабль устремился навстречу заходящему солнцу, и очертания острова уже растаяли на горизонте, когда они приближались к другому берегу.

– Подумать только, – произнес Джордж, – что всего два дня назад я плыл в Ливерпуль в надежде прижать ее к своему сердцу, а сегодня я уезжаю от ее могилы.

Документ, назначающий Роберта Одли опекуном маленького Джорджа Толбойса, был составлен в конторе поверенного на следующее утро.

– Это огромная ответственность, – волновался Роберт. – Я – опекун кого-либо или чего-либо! Я, который никогда не мог позаботиться о самом себе.

– Я верю в твое благородное сердце, Боб, – промолвил Джордж. – Я знаю, ты не оставишь моего бедного мальчика-сироту и проследишь, чтобы о нем заботились как следует. Я возьму немного из оставленных ему денег, только чтобы хватило добраться до Сиднея, а потом снова начну прежнюю работу.

Но Джорджу явно было суждено самому заботиться о сыне, поскольку когда он добрался до Ливерпуля, пароход уже уплыл, следующий был только через месяц, и Джордж снова вернулся в Лондон и воспользовался гостеприимством Роберта Одли.

Адвокат встретил его с расprostертыми объятями, предоставил ему ту же комнату с канарейками и цветами, а сам устроился в гардеробной. Горе эгоистично, и Джордж не признавал те жертвы, на которые пошел Роберт ради его удобства. Он понимал лишь одно – для него свет померк и жизнь кончена. Дни напролет Джордж сидел, уставившись на цветы и канареек и куря сигары в ожидании, когда пройдет время, чтобы он мог отправиться за море.

Но однажды Роберт Одли вернулся домой с заманчивым

предложением. Один из его друзей, молодой адвокат, собрался в Санкт-Петербург провести там зиму и хотел, чтобы Роберт составил ему компанию. Роберт решил, что поедет, только если Джордж присоединится к ним.

Джордж долго отказывался, но убедившись, что Роберт был решительно настроен не ехать без него, он уступил и согласился к ним присоединиться.

– Какое это имеет значение? – рассуждал он. – Одно место похоже на другое, главное, подальше от Англии.

Хотя это прозвучало не очень оптимистично, Роберт Одли был вполне удовлетворен, получив его согласие.

Итак, трое молодых людей отправились в путешествие, имея при себе рекомендательные письма к наиболее влиятельным жителям русской столицы.

Прежде чем покинуть Англию, Роберт написал своей кузине Алисии о предстоящем путешествии со старым другом Джорджем Толбойсом, недавно встреченным им спустя несколько лет и только что овдовевшим.

Ответ Алисии пришел с ближайшей почтой:

«Мой дорогой Роберт!

Как это жестоко с твоей стороны умчаться в этот ужасный Петербург перед началом охотничьего сезона! Я слышала, что люди отмораживают себе носы в их суровом климате, а поскольку твой нос несколько длинноват, я бы советовала тебе вернуться, прежде чем наступит зима. Кто такой этот мистер Толбойс? Если это приятный молодой человек, ты можешь привезти

его в Корт, как только вы вернетесь из путешествия. Леди Одли просила меня передать просьбу купить ей соболей. Цена не имеет значения, берите самые лучшие. Папа носится со своей новой женой, как с писаной торбой, но мы с ней совсем не можем ладить; не то чтобы она была неприятна мне, нет, что до этого, то она ухитряется быть любезной со всеми, но она так безнадежно глупа.

Остаюсь твоя преданная кузина Алисия Одли».

Глава 7. Год спустя

Прошел год с тех пор, как Джордж Толбойс стал вдовцом: траурный креп на его шляпе совсем выщвел, и когда угасал последний жаркий день августа, он сидел и курил сигары в тихих апартаментах на Фигтри-Корт точно так же, как и год назад, когда рана была еще свежа и все вокруг напоминало о его горе.

Но через год бывший драгун пережил свое несчастье. Внешне он мало изменился. Но кто знает, какие внутренние перемены вызвал этот удар судьбы! Кто знает, как муки совести терзали честное сердце Джорджа, когда он ночи напролет лежал без сна, думая о своей жене, покинутой в погоне за состоянием, которое она уже никогда не сможет с ним разделить?

Однажды, когда они были за границей, Роберт Одли рискнул поздравить его с возвращением к прежней веселости. Он горько рассмеялся в ответ.

– Ты знаешь, Боб, – сказал он, – когда наши солдаты были ранены в Индии, они возвращались домой с пулями внутри. Они не говорили о них; крепкие и здоровые, внешне они выглядели как ты или я, но любое изменение погоды, даже самое незначительное, любое колебание атмосферы возвращало прежнюю боль, такую же острую, как будто рана была только что нанесена на ноле боя. У меня своя рана, Боб, пуля

еще внутри, и я буду носить ее до могилы.

Путешественники возвратились из Санкт-Петербурга весной, и Джордж снова поселился в апартаментах своего друга, покидая их только время от времени, чтобы съездить в Саутгемптон навестить своего маленького сына. Каждый раз он приезжал нагруженный игрушками и сладостями для ребенка, но, несмотря на это, Джорджи так и не привык к своему отцу, и сердце молодого человека разрывалось от боли, когда он видел, что вместе с матерью потерял и сына.

«Что мне делать? – спрашивал он себя. – Если я заберу его от деда, я разобью его сердце; если позволю ему остаться, он вырастет чужим мне и будет больше любить этого старого пьяницу-лицемера, чем собственного отца. Но тогда что же делать невежественному, тупому драгуну, вроде меня, с ребенком? Чему я могу научить его, кроме как курить сигары и слоняться весь день без дела?».

Итак, подошла первая годовщина с того августа, 30-го числа, когда Джордж увидел в «Таймс» объявление о смерти своей жены, и молодой человек снял наконец траурную одежду и потрепанный креп со шляпы и сложил их в сундук, в котором хранил пачку писем своей жены и локон волос, срезанный с ее головы после смерти. Роберт Одли никогда не видел ни писем, ни длинную прядь шелковистых волос, и Джордж никогда не упоминал имени своей жены после того дня в Вентноре, когда узнал подробности о ее кончине.

– Сегодня я напишу своей кузине Алисии, Джордж, – за-

явил молодой адвокат накануне 30 августа. – Ты знаешь, что послезавтра первое сентября? Я сообщу ей, что мы оба приедем на недельку в Корт поохотиться.

– Нет-нет, Боб, поезжай один; едва ли они захотят принять меня, я лучше...

– Похороню себя на Фигтри-Корт, довольствуясь лишь обществом собак и канареек! Нет, Джордж, этому не бывать.

– Да я и не люблю охоту.

– Ты что, думаешь, я заядлый охотник? – воскликнул Роберт. – Послушай, я не могу отличить куропатки от голубя, и для меня не имеет значения – первое сентября или первое апреля. Я езжу в Эссекс, только чтобы подышать свежим воздухом, есть вкусные обеды и ради удовольствия лицезреть честное, красивое лицо моего дяди. Кроме того, на этот раз у меня есть и другая цель – я хочу увидеть этот золотоволосый образчик совершенства, мою новую тетушку. Так ты поедешь со мной, Джордж?

– Ладно, если ты и вправду этого хочешь.

Его горе, ставшее более спокойным после первой буйной вспышки, сделало Джорджа покорным воле своего друга, готовым поехать куда угодно; он ничему не радовался, но принимал участие в развлечениях других с безнадежной, ненавязчивой, без жалоб покорностью судьбе, свойственной его простой натуре. Но со следующей почтой пришло письмо от Алисии, в котором говорилось о том, что молодые люди не могут быть приняты в Корте.

«В доме семнадцать свободных комнат, – с негодованием писала молодая леди, – и все же, мой дорогой Роберт, вы не можете приехать, потому что госпожа вбила в свою глупую голову, что она слишком больна, чтобы развлекать гостей (хотя она так же больна, как и я), и что джентльмены (огромные грубые мужчины, как она их называет) не могут находиться в доме. Извинись, пожалуйста, перед твоим другом Джорджем Толбойсом и передай ему: папа надеется, что вы навестите нас в охотничий сезон».

– Жеманство и прихоти госпожи не помешают нам поехать в Эссекс, – решил Роберт, сворачивая письмо, чтобы закурить им трубку. – Вот что мы сделаем, Джордж: в Одли есть превосходная гостиница, и в окрестностях полно мест, где можно ловить рыбу; мы поедем туда на недельку. Рыбная ловля гораздо лучше, чем охота. Нужно только лежать на берегу и следить за удочкой; едва ли мы наловим много рыбы, но зато приятно проведем время.

Он протянул свернутое трубочкой письмо к тлеющим уголькам в камине, но затем, передумав, развернул его и разгладил скомканный лист.

– Бедная маленькая Алисия! – промолвил он задумчиво. – Жестоко так бесцеремонно обращаться с ее письмом – пожалуй, я сохраню его.

Мистер Роберт Одли положил письмо Алисии в одно из отделений своего письменного стола с пометкой «Важно». Бог знает, какие замечательные документы хранились в этом

особом ящике, но я думаю, весьма маловероятно, чтобы там содержалось что-либо юридически ценное. Если бы кто-нибудь сказал тогда молодому адвокату, что такая простая вещь, как простенькое письмецо его кузины, станет однажды звеном в ужасной цепи улик единственного уголовного дела, которое доведется вести Роберту Одли, возможно, он только приподнял бы свои брови немного выше обычного.

Итак, молодые люди уехали из Лондона на следующий день с чемоданом и рыболовными снастями и попали в старомодную, приходящую в упадок деревню Одли как раз вовремя, чтобы заказать обед в таверне «Солнце».

Одли-Корт находился в трех четвертях мили от деревни и располагался, как я уже говорила, в глубокой низине, закрытой со всех сторон густым лесом. Попасть туда можно было только по дороге, по обеим сторонам которой ровно в ряд стояли деревья, словно в аллее помещичьего парка. Это было мрачноватое место, но для такого ослепительного создания, как бывшая мисс Люси Грэхем, щедрый баронет превратил старую усадьбу в небольшой дворец для своей юной жены, и леди Одли была счастлива, как ребенок, окруженный новыми и дорогими игрушками.

Теперь, когда удача повернулась к ней лицом, так же, как и в прежние времена, куда бы она ни пошла, повсюду приносила свет и радость. Несмотря на откровенное презрение мисс Алисии к ребячеству и легкомыслию своей мачехи, Люси любили и восхищались ею гораздо больше, чем дочерью

баронета. Было так трудно противиться очарованию ее непосредственности. Ее хорошенькое личико светилось детской невинностью и искренностью. Ее большие влажные голубые глаза, розовые губки, маленький носик и обилие красивых колец подчеркивали ее юность и свежесть. Люси было двадцать лет, но никто не давал ей больше семнадцати. Она любила обряжать свой стройный стан в тяжелый бархат и шелка и выглядела как ребенок, нарядившийся на маскарад; фигурка ее была совсем детской. И все ее развлечения были ребяческими. Она не любила ни читать, ни учиться, но обожала общество; чтобы не оставаться в одиночестве, она взяла к себе в наперсницы Фебу Маркс, и ее любимым занятием было, развалившись на одном из диванов в своей роскошной гардеробной, обсуждать новый туалет для предстоящего обеда или просто болтать о чем-нибудь, перебирая в восхищении свои богатства – драгоценности и подарки сэра Майкла.

Люси посетила несколько балов в Челмсфорде и Колчестере и сразу же была признана первой красавицей графства. Она была вполне довольна своим высоким положением и красивым домом; все ее капризы и прихоти исполнялись; повсюду окружало восхищение и ласка; щедрый муж не скупился, давая ей деньги на булавки, и не было бедных родственников, которые покушались бы на ее кошелек и покровительство – итак, во всем графстве Эссекс не сыскать более счастливого создания, чем Люси, леди Одли.

Молодые люди сидели за обеденным столом в малень-

кой гостининой таверны «Солнце». Окна были распахнуты настежь, и через них врывался свежий деревенский воздух. Погода стояла чудесная: листву деревьев слегка тронули золотые краски осени, кое-где на полях еще колосилась пшеница, на других она уже упала под сверкающим серпом, а по узким сельским дорогам коренастые лошадки уже везли телеги, груженные богатым золотым урожаем.

Человек, который вырвался на природу из душного, пыльного Лондона, испытывает чувство восторга и пьянящей свободы. Нечто подобное почувствовал Джордж Толбойс, впервые после смерти жены.

Часы пробили пять, когда они закончили обед.

– Надевай шляпу, Джордж, – обратился Роберт Одли к своему другу. – В Кorte не обедают раньше семи, у нас есть время прогуляться и осмотреть окрестности.

Хозяин таверны, который вошел в эту минуту с бутылкой вина, взглянул на него.

– Прошу прощения, мистер Одли, – вмешался он, – но если вы хотите навестить своего дядю, то зря потратите время. Сэр Майкл, госпожа и мисс Алисия уехали в Чорли на скачки, вряд ли они вернутся раньше восьми часов. Они должны проезжать здесь по дороге домой.

Итак, идти в Корт было бесполезно, поэтому молодые люди прогулялись по деревне, дошли до старой церкви, затем осмотрели ручей, где они собирались ловить рыбу и таким образом протянули время до семи часов. В четверть восьмо-

го они вернулись в таверну и, усевшись у открытого окна, закурили сигары и стали обозревать мирный пейзаж.

Каждый день мы узнаем об убийствах, которые совершаются в стране. Жестокие и коварные убийцы, медленная мучительная смерть от яда, подложенного каким-нибудь родственником; неожиданная насильственная смерть от ударов, нанесенных палкой, вырезанной из раскидистого дуба, под сенью которого царит мир. В графстве, где происходят эти события, мне показали лужайку, на которой в тихий летний воскресный вечер молодой крестьянин убил девушку, любившую его; и все же, даже сейчас, несмотря на злодеяние, совершенное там, место это кажется таким мирным. Многие думают, что преступления творятся только в мрачных трущобах, но это не так; самые страшные злодеяния совершаются на фоне мирного сельского пейзажа, на который мызираем с нежностью, куда стремимся всей душой, и, несмотря ни на что, все же находим спокойствие и мир.

На землю спустились сумерки, когда по улицам деревеньки и под окнами таверны «Солнце» с грохотом стали проноситься кабриолеты, фаэтоны и двухколесные экипажи, и почти стемнело, когда появился открытый экипаж, запряженный четверкой.

Это была коляска сэра Майкла, неожиданно остановившаяся у маленькой таверны. Форейтор слез с лошади, чтобы поправить сбрую одной из передних лошадей.

– Так это же мой дядя, – обрадовался Роберт Одли. – Я

спущусь поговорить с ним.

Джордж закурил еще одну сигару и, скрытый за оконными занавесками, разглядывал подъехавших. Алисия сидела спиной к лошадям, но даже в сумерках он заметил, что это красивая брюнетка; леди Одли не было видно из-за сэра Майкла, и он не мог разглядеть эту золотоволосую красавицу, о которой так много слышал.

– Роберт! – удивился сэр Майкл, когда его племянник вышел из таверны. – Какой приятный сюрприз!

– Я решил не обременять вас своим присутствием в Корте, мой дорогой дядюшка, – приветствовал его молодой человек, сердечно пожимая баронету руку. – Эссекс – моя родина, и знаете ли, обычно в это время года я испытываю чувство ностальгии, поэтому мы с Джорджем приехали на два-три дня половить рыбу.

– Джордж – кто это?

– Джордж Толбойс.

– Неужели он приехал? – воскликнула Алисия. – Я так рада и просто умираю от желания увидеть этого красивого молодого вдовца.

– Тогда я сбегаю за ним и сейчас же представлю его тебе, – предложил ее кузен.

Надо сказать, что леди Одли приобрела такую большую власть над своим мужем, что зачастую баронет буквально не сводил с нее глаз. Поэтому когда Роберт собрался уже вернуться в таверну, Люси достаточно было лишь слегка при-

поднять брови с очаровательным выражением утомления на лице, чтобы ее муж понял, как нежелательно сейчас представление ей мистера Джорджа Толбойса.

– Успеется, Боб, – остановил он его. – Моя жена немного устала. Приводи своего друга к нам обедать завтра, и тогда они с Алисией и познакомятся. А пока поздоровайся с леди Одли и мы поедem домой.

Госпожа была так утомлена, что смогла только мило улыбнуться и протянуть маленькую ручку в перчатке своему племяннику.

– Вы приедете к нам завтра обедать со своим другом? – промолвила она едва слышным усталым голосом. Люси привлекла всеобщее внимание на скачках и напрочь лишилась сил, очаровывая всех и каждого.

– Удивительно, как это она не угостила тебя своим бесконечным хихиканьем, – шепнула Алисия, склонившись к Роберту, чтобы пожелать ему спокойной ночи. – Но я полагаю, что она приберегает его на завтра, чтобы доставить тебе удовольствие. Что ж, ты так же очарован, как и все кругом? – придиричиво добавила она.

– Несомненно, она очень мила, – прошептал Роберт с холодным восхищением.

– Ну конечно! По-моему, это первая женщина, о которой ты сказал что-то членораздельное, Роберт Одли. Жаль, что ты можешь восхищаться только восковыми куклами.

У бедной Алисии было много столкновений со своим ку-

зеном из-за его характера, благодаря которому он шел по жизни с полной невозмутимостью, относился ко всему спокойно и равнодушно.

«Чтобы ему самому когда-нибудь влюбиться, – думала иногда молодая леди, – то сама мысль об этом абсурдна. Если все прекрасные дамы на земле выстроятся в ряд, ожидая, пока его султанское величество бросит носовой платок, он только поднимет брови до середины лба и велит им драться, чтобы захватить этот трофей».

Но на этот раз Роберт был почти в восторге.

– Она самое хорошенькое маленькое создание, какое я когда-либо видел, Джордж, – восхищался он, когда коляска уехала и он вернулся к своему другу. – Такие голубые глаза, такая восхитительная улыбка, такая сказочная шляпка – точно анютины глазки, сверкающие в облаке газа. Джордж Толбойс, я чувствую себя героем французского романа, я почти влюбился в свою тетушку.

Молодой вдовец только вздохнул и глубоко затянулся сигарой. Возможно, он задумался о том давно прошедшем времени – в действительности немногим более пяти лет назад, но так. много всего случилось за этот срок, – когда он впервые встретил женщину, но которой еще три дня назад он носил траур. Они ожили вновь, эти старые незабываемые чувства. Он снова прогуливался со своими товарищами офицерами по ветхому причалу захолустного курортного городка, слушая оркестр, который ужасно фальшивил. Опять он ви-

дел, как она идет, легко и быстро, под руку со своим старым отцом и делает вид (с такой очаровательной серьезностью), что слушает музыку, и совершенно не замечает восхищения полудюжины офицеров, стоящих с открытыми ртами. Прежний образ ожил в его памяти – она слишком прекрасна, чтобы ступать по этой земле, и приблизиться к ней было все равно что взлететь и дышать более чистым воздухом. И она была его женой и матерью его ребенка. И именно она лежала сейчас на небольшом кладбище в Вентноре, где только год назад он заказал надгробие на ее могилу. Несколько слезинок безмолвно скатились из его глаз и упали на жилет, когда ему вспомнилось об этом в тихой темной комнате.

Леди Одли так устала, что когда они добрались до дома, она, извинившись, удалилась в свою комнату, в сопровождении горничной, Фебы Маркс.

Она была непостоянна в обращении с этой девушкой: иногда слишком доверялась ей, а иной раз была холодна, но, в общем, леди Одли была либеральной хозяйкой, и служанка оставалась вполне довольна своим положением в доме.

В этот вечер, несмотря на усталость, миледи была чрезвычайно возбуждена и с увлечением рассказывала о скачках и местном обществе.

– Я устала до смерти, Феба, – сказала она, – и должно быть, выгляжу настоящим пугалом, так долго пробыв на солнце.

Зажженные свечи стояли по обеим сторонам зеркала, пе-

ред которым леди Одли расстегивала платье. Она пристально смотрела на свою горничную, ее голубые глаза блестели, розовые детские губы изогнулись в улыбке.

– Вы немного бледны, госпожа, – ответила девушка, – но прекрасны, как всегда.

– Это так, Феба, – произнесла она, садясь на стул и откидывая назад свои пышные волосы, которые ее горничная готовилась уложить на ночь. – Знаешь, Феба, говорят, что ты и я похожи?

– Я тоже об этом слыхала, госпожа, – спокойно ответила девушка, – но они, должно быть, глупы, так как ваша светлость – красавица, а я бедная простая девушка.

– Вовсе нет, Феба, – с превосходством возразила маленькая госпожа. – Ты действительно похожа на меня, черты твоего лица правильны, им только недостает красок. Мои волосы светлые с золотым отливом, а твои – серые; мои брови и ресницы черные, а твои – не хочется даже говорить – почти белые, моя дорогая Феба; твои щеки бледные и желтые, а мои розовые. Немного краски для волос, какую недавно рекламировали в газетах, баночка румян – и ты будешь такая же хорошенькая, как и я, Феба.

Она еще долго болтала в том же духе о всяких безделицах, высмеивала общество, которое было на скачках, чем немало развлекла свою горничную. Ее падчерица зашла пожелать спокойной ночи и нашла служанку и госпожу громко смеющимися над каким-то забавным приключением. Алисия, ко-

торая никогда не была фамильярна со слугами, удалилась, испытывая отвращение к легкомыслию госпожи.

– Продолжай расчесывать мои волосы, Феба, – говорила леди Одли всякий раз, когда девушка почти заканчивала ее прическу. – Мне доставляет такое удовольствие болтать с тобой.

Наконец она отпустила свою горничную, но тут же позвала ее обратно.

– Феба Маркс, – велела она, – я хочу, чтобы ты оказала мне услугу.

– Да, госпожа.

– Я хочу, чтобы ты завтра утром первым же поездом поехала в Лондон и выполнила для меня небольшое поручение. Позже ты можешь взять выходной; я знаю, что у тебя есть друзья в городе, и я дам тебе пять фунтов, если ты сделаешь, что мне нужно и не будешь это ни с кем обсуждать.

– Да, госпожа.

– Пойди проверь, плотно ли закрыта дверь и сядь на эту скамеечку у моих ног.

Девушка все выполнила. Размышляя несколько мгновений, леди Одли погладила ее блеклые волосы своей белой, полной ручкой.

– А теперь послушай, Феба. То, что тебе нужно сделать, очень просто.

Леди Одли потребовалось всего пять минут, чтобы рассказать, в чем дело, и затем она удалилась в свою спальню

и уютно свернулась калачиком под пуховым стеганым одеялом. Это хрупкое создание всегда мерзло, и любило закутываться в мягкие меха и атлас.

– Поцелуй меня, Феба, – попросила она, когда девушка поправила занавески. – Я слышу шаги сэра Майкла, ты встретишь его, когда будешь выходить из комнаты и можешь сказать ему, что завтра утром едешь забрать мое новое платье от мадам Фредерик.

На следующее утро леди Одли спустилась к завтраку поздно – в десять часов. Пока она пила маленькими глотками свой кофе, слуга принес запечатанный пакет и книгу, в которой нужно было расписаться.

– Телеграфное послание! – удивилась она (более удобное слово «телеграмма» еще не было в ходу). – Что могло случиться?

Она взглянула на мужа широко раскрытыми испуганными глазами и не решалась взломать печать. Конверт был адресован мисс Люси Грэхем, его переслали из деревни, от мистера Доусона.

– Прочти его, дорогая, – предложил сэр Майкл, – не бойся; вряд ли там что-нибудь серьезное.

Послание было от некоей миссис Винсент, содержательницы школы, которая давала ей рекомендацию при поступлении на работу к мистеру Доусону. Она была серьезно больна и умоляла свою старую ученицу навестить ее.

– Бедняжка! Она всегда хотела завещать мне свои день-

ги, – заметила Люси, печально улыбнувшись. – Она не знает о переменах в моей жизни. Дорогой сэр Майкл, я должна поехать к ней.

– Ну конечно же, любимая. Если она была добра к моей бедной девочке в дни невзгод, об этом нельзя забывать. Надевай свою шляпку, Люси, мы как раз успеем на экспресс.

– Вы поедете со мной?

– Несомненно, дорогая. Неужели вы думаете, я отпущу вас одну?

– Я была уверена, что вы поедете со мной, – промолвила она задумчиво.

– Ваша подруга прислала адрес?

– Нет, но она всегда жила в Бромптоне, на Кресцент-Вилла, и наверняка все еще там.

Леди Одли едва успела надеть шляпку и шаль, когда услышала, что экипаж уже подан и сэр Майкл зовет ее.

Апартаменты Люси, как я уже говорила, представляли собой ряд смежных комнат, в конце которых находилась большая восьмиугольная прихожая, увешанная картинами. Невзирая на то что времени было мало, леди Одли задержалась у дверей этой комнаты, закрыла замок на два оборота и положила ключ в карман. Пройти в комнаты миледи теперь было невозможно.

Глава 8. Перед бурей

Итак, обед в Одли-Корт был отложен, и мисс Алисии пришлось подождать, пока ее представят красивому молодому вдовцу Джорджу Толбойсу.

Говоря откровенно, желание юной леди познакомиться с Джорджем было отчасти притворным; но если бедная Алисия хотела зажечь искру ревности в груди своего кузена, то она недостаточно хорошо знала нрав Роберта Одли. Ленивый, красивый и равнодушный адвокат относился к жизни, как к абсурдной ошибке, и считал, что разумный человек не может воспринимать всерьез все происшествия этой глупой жизни.

Его хорошенькая смуглолицая кузина могла в него влюбиться по уши, могла твердить ему об этом в своей очаровательной женственной манере по сотне раз на день в течение всех 365 дней в году; но до тех пор, пока она не дождетя того единственного 29 февраля и не скажет ему прямо: «Роберт, ты женишься на мне?» – он даже и не будет догадываться о ее чувствах.

С другой стороны, даже если бы он сам влюбился, то его чувство было бы сродни смутному, слабому ощущению; он мог бы прожить всю жизнь, испытывая лишь легкое недомогание – то ли любовь, то ли несварение желудка.

Итак, совершенно напрасно скакала моя бедная Алисия

по дорожкам вокруг Одли все те три дня, что молодые люди провели в Эссексе; зря тратила время, надевая хорошенькую амазонку и шляпу с плюмажем в надежде случайно повстречать Роберта и его друга. Черные локоны (не пушистые завитки леди Одли, а тяжелые блестящие локоны, обрамляющие стройную смуглую шею), розовые капризные губки, прямой нос, смуглое лицо с ярким румянцем, который вспыхивал на нем при виде апатичного кузена, – все это напрасно бросалось к ногам скучного зануды Роберта Одли, и лучше бы ей было спокойно отдыхать в прохладной гостиной Корта, чем напрасно загонять лошадь под жарким сентябрьским солнцем.

Рыбная ловля – не самое веселое времяпрепровождение, и неудивительно, что в день отъезда леди Одли молодые люди (один из-за своей сердечной раны был просто не способен ничему радоваться, другой же вообще не нуждался в развлечениях), итак, молодые люди начали уставать от тенистых лип и извилистых ручьев вокруг Одли.

– На Фигтри-Корт, конечно, не веселее, – размышлял Роберт вслух, – но в целом, я думаю, лучше, чем здесь; там, по крайней мере, рядом табачная лавка, – добавил он невозмутимо попыхивая отвратительной сигарой, которую ему доставил хозяин таверны.

Джордж Толбойс, который согласился на поездку в Эссекс, только чтобы не противоречить своему другу, совсем не возражал против немедленного возвращения в Лондон.

– Я с радостью вернусь, Боб, – говорил он, – так как хочу съездить в Саутгемптон, я не видел моего малыша почти месяц.

Он всегда называл своего сына «малыш» и говорил о нем скорее с печалью, чем с надеждой. Казалось, мысль о мальчике не утешает его. Он чувствовал, что мальчик никогда его не полюбит, даже более того, у него было смутное предчувствие, что он не доживет до той поры, когда Джорджи станет взрослым.

– Я не романтик, Боб, – говорил он иногда, – и поэзия для меня – пустой звук, но после смерти жены у меня такое чувство, как будто я стою на пустынном берегу, сзади надо мной нависли огромные страшные скалы, а к моим ногам медленно, но верно подбирается волна. Кажется, что с каждым днем этот мрачный безжалостный поток все больше приближается, не набрасывается на меня с ревом и воем, нет, но ползет, подкрадывается, скользит мне навстречу, готовый сомкнуться над моей головой, когда я меньше всего ожидаю конца.

Роберт Одли пристально посмотрел на своего друга в немом изумлении, и немного подумав, сказал:

– Джордж Толбойс, я мог бы понять это, если бы вы имели обыкновение плотно ужинать. Холодная свинина, да еще пережаренная, могла бы произвести такое действие. Вам нужна перемена, дорогой мой, – свежий ветерок Фигтри-Корт и умиротворяющая атмосфера Флит-стрит. Погодите-ка, – неожиданно добавил он, – нашел! Вы курили сигары нашего

любезного хозяина, это все объясняет.

Они повстречали Алисию Одли полчаса спустя после того, как твердо решили покинуть Эссекс рано утром на следующий день. Молодая леди была весьма удивлена и разочарована, услышав о решении кузена, и именно по этой причине притворилась, что это ей глубоко безразлично.

– Уж больно быстро вы устали от Одли, – заметила она беззаботно, – но, конечно, здесь у вас нет друзей, кроме родственников в Кортэ, а в Лондоне, без сомнения, у вас самое блестящее общество и...

– Хороший табак, – перебил Роберт Одли свою кузину. – Одли – замечательный старинный уголок, но когда придется курить сушеные капустные листья, то знаете ли, Алисия...

– Так вы уезжаете завтра утром?

– Совершенно верно – экспрессом, который отбывает в десять пятьдесят.

– Тогда леди Одли упустит возможность быть представленной мистеру Толбойсу, а мистер Толбойс не увидит самую хорошенькую женщину в Эссексе.

– В самом деле... – пробормотал, запинаясь, Джордж.

– Самая хорошенькая женщина Эссекса вряд ли дождется восхищения от моего друга, Джорджа Толбойса, – заметил Роберт. – Его сердце в Саутгемптоне, где его ждет маленький кудрявый мальчишка, ростом не выше его колен, который называет его «большой джентльмен» и просит у него ле-

денцы.

– Я собираюсь сегодня писать своей мачехе, – сообщила Алисия. – В своем письме она особенно интересовалась, как долго вы намерены здесь оставаться, и успеет ли она вернуться, чтобы принять вас.

Мисс Одли вынула письмо из кармана своей амазонки восхитительный блестящий кусочек бумаги необыкновенного кремового оттенка.

– Вот что она пишет в постскриптуме: «Непременно сообщи о мистере Одли и его друге, а то ты такая забывчивая, Алисия!»

– Какой у нее красивый почерк! – заметил Роберт, когда его кузина сворачивала записку.

– Да, хорош, не так ли? Взгляните, Роберт.

Она дала ему письмо, и он лениво рассматривал его несколько минут, пока Алисия похлопывала по изящной шее своей гнедой кобылки, которой не терпелось пуститься вскачь.

– Сейчас, Аталанта, сейчас. Давай записку, Боб.

– Это самая хорошенькая, самая кокетливая маленькая ручка, какую я когда-либо видел. Честное слово, Алисия, да же если бы я никогда не видел тетушку, я бы узнал, какова она, по этому кусочку бумаги. Да, вот оно, все здесь – пушистые золотистые локоны, словно очерченные карандашом брови, аккуратный прямой носик, победная детская улыбка – все это угадывается в этих изящных завитках. Взгляни,

Джордж.

Но рассеянный и мрачный Джордж Толбойс не слышал их – он успел отойти на несколько шагов и, стоя у края леса, бил тростью по камышу.

– Не обращайтесь внимания, – в нетерпении произнесла юная леди. – Давайте письмо и позвольте мне уехать, уже больше восьми часов, а я должна послать ответ с вечерней почтой. Вперед, Аталанта! До свидания, Роберт, до свидания, мистер Толбойс. Счастливого пути.

Гнедая кобыла резво поскакала легким галопом, и мисс Одли успела скрыться из вида, прежде чем две крупные слезы, которые ее гордость все время загоняла внутрь, заблестели в ее глазах.

– И это мой единственный родственник, ближайший после папы, – негодовала она. – Ему нет до меня никакого дела!

Но по чистой случайности Роберт и его друг не уехали на следующий день, поскольку наутро молодой адвокат проснулся с ужасной головной болью и попросил Джорджа дать ему самого крепкого зеленого чая, и больше того, чтобы они отложили свой отъезд на день. Джордж, конечно, согласился, и Роберт Одли провел весь день, лежа в комнате с задернутыми шторами и читая старые газеты.

– Это из-за сигар, Джордж, – все время повторял он. – Пусть хозяин не попадается мне на глаза до нашего отъезда, иначе будет кровопролитие.

К счастью, мир в Одли был сохранен, так как в Челмсфор-

де был рыночный день, и достойный хозяин таверны уехал за покупками для своего дома – среди прочего, возможно, за новым запасом тех самых сигар, что имели такое роковое воздействие на Роберта.

Молодые люди провели день скучно и бездарно, и ближе к сумеркам мистер Одли предложил прогуляться до Корта и попросить Алисию показать им дом.

– Это поможет нам убить время, Джордж, и все-таки жаль покидать Одли, не показав тебе старую усадьбу, а там, поверь мне, есть на что посмотреть.

Солнце клонилось к закату, когда они, пройдя коротким путем через луга, вошли в аллею, ведущую к арке, – мрачный, зловещий закат и мертвая тишина кругом, испугавшая птиц, собравшихся было запеть; вместо них в канавах квакали несколько лягушек. В неподвижном воздухе зловеще шелестели листья, но не от ветра; хрупкие ветви содрогались и трепетали в предчувствии надвигающейся бури. Те самые причудливые часы с одной стрелкой, которая перескакивала с одного часа на другой, показывали семь, когда молодые люди проходили под аркой, но на самом деле было уже около восьми.

Они нашли Алисию в липовой аллее: она гуляла в тени деревьев, с которых плавно опускались на землю увядшие листья.

Как ни странно, но Джордж Толбойс, редко что-нибудь замечавший, обратил особенное внимание на это место.

– Это напоминает кладбище, – заметил он. – Как мирно спали бы мертвые под этой мрачной сенью! Хотел бы я, чтобы кладбище в Вентноре было таким.

Они прошли дальше, к разрушенной стене, и Алисия рассказала им старую легенду, связанную с этим местом, – мрачную историю, одну из тех, без которых не обходится ни один старый дом, как будто прошлое – это одна сплошная темная страница горя и преступлений.

– Нам бы хотелось увидеть дом, прежде чем стемнеет, Алисия, – сказал Роберт.

– Тогда нам следует поторопиться, – ответила она. – Пойдемте.

Она провела их через открытое французское окно, модернизированное несколько лет назад, в библиотеку, а оттуда в холл.

В зале они прошли мимо бледной горничной госпожи, которая украдкой, из-под белесых ресниц, бросила быстрый взгляд на молодых людей.

Когда они поднимались наверх, Алисия обернулась и заговорила с девушкой:

– После того как мы побываем в гостиной, мне бы хотелось показать этим джентльменам комнаты госпожи. Они в порядке, Феба?

– Да, мисс, но дверь прихожей заперта, и по-моему, миледи забрала ключ с собой в Лондон.

– Забрала ключ! Невозможно! – удивилась Алисия.

– Да, мисс, но я думаю, это так. Я не могу найти его, он всегда был в двери.

– Клянусь, – промолвила Алисия в нетерпении, – это так похоже на госпожу, одна из ее глупых причуд. Она, видно, боялась, что мы заберемся в ее комнаты и будем рассматривать ее красивые платья и рыться в ее драгоценностях. Это весьма досадно, так как лучшие картины висят в той прихожей. Там есть и ее собственный портрет, незаконченный, но очень похожий.

– Ее портрет! – воскликнул Роберт Одли. – Я бы отдал что угодно, чтобы увидеть его, поскольку не рассмотрел хорошенько ее лицо. Можно проникнуть туда каким-нибудь другим путем, Алисия?

– Другим путем?

– Да, через другие комнаты?

Его кузина покачала головой и повела их в коридор, где висело несколько семейных портретов. Она показала им обитую гобеленами комнату, где огромные фигуры на выцветшем полотне выглядели угрожающе в свете сумерек.

– Похоже, тот парень с боевым топором не прочь размозжить Джорджу голову, – заметил мистер Одли, указывая на свирепого воина, чья поднятая рука виднелась из-за темной головы Джорджа.

– Пойдем отсюда, Алисия. Эта комната сырая, и здесь водятся привидения. Сдается мне, все привидения – результат сырости. Вы спите в сырой постели – и неожиданно пробуж-

даетесь посреди ночи, дрожа от лихорадки и видите, что у изголовья постели сидит старая леди в придворном костюме времен Георга Первого. Старая леди – результат несварения желудка, а лихорадка – это влажные простыни.

В гостиной зажгли свечи. В Одли-Корт никогда не было новомодных ламп. Комнаты сэра Майкла были освещены толстыми восковыми свечами, стоящими в массивных серебряных подсвечниках.

В гостиной мало что можно было увидеть, и вскоре Джордж Толбойс устал рассматривать красивую современную мебель и картины.

– А нет ли какого-нибудь потайного хода или старинного дубового сундука, ну что-нибудь эдакое, а, Алисия? – спросил Роберт.

– Ну конечно же! – оживилась мисс Алисия. – Почему я не вспомнила об этом раньше? Как глупо, разве нет?

– Почему глупо?

– Потому что, если вы согласны проползти на четвереньках, то можете увидеть комнаты госпожи, ведь именно этот ход ведет в ее гардеробную. Я думаю, она сама о нем не знает. Представляю, как бы она поразилась, если бы однажды вечером, когда она укладывала волосы перед зеркалом, перед ней вдруг появился невесть откуда вор-взломщик в маске и с фонарем!

– Посмотрим, что за тайный ход, Джордж? – спросил мистер Одли.

– Давай, если хочешь.

Алисия провела их в комнату, которая когда-то была ее детской. Теперь она пустовала, за исключением тех редких случаев, когда в доме было много гостей.

Роберт Одли приподнял угол ковра, согласно указанию кухни, и открыл грубо вырезанную дверцу люка в дубовом полу.

– А теперь послушайте, – сказала Алисия. – Вы должны спуститься в ход, он высотой около четырех футов, наклоните голову и идите вдоль него до поворота налево, и в самом конце его увидите небольшую лесенку и люк, похожий на этот, который вы откроете; дверца открывается в полу гардеробной госпожи, прикрытом только персидским ковром. Понятно?

– Разумеется.

– Тогда возьмите свечу, – мистер Толбойс последует за вами. Я даю вам двадцать минут на осмотр картин – по минуте на каждую – и в конце этого срока буду ждать вашего возвращения.

Итак, уже через пять минут они стояли посреди живописного беспорядка гардеробной леди Одли.

Она покинула дом в спешке, и все ее блестящие туалетные принадлежности были разбросаны на мраморном туалетном столике. В комнате было нечем дышать из-за густого запаха духов, пузырьки с которыми стояли открытыми. Букет оранжевых цветов увядал на маленьком письменном столи-

ке. Несколько красивых платьев кучей лежали на полу, в открытых дверях шкафа виднелись его сокровища. Драгоценности, расчески из слоновой кости, изысканный китайский фарфор были разбросаны тут и там по комнате. Джордж Толбойс увидел в зеркале свое бородатое лицо, высокую тощую фигуру и удивился, как неуместно он выглядел среди этой роскоши.

Из гардеробной они прошли в будуар, а оттуда в прихожую, где, как сказала Алисия, находилось двадцать ценных картин, помимо портрета госпожи.

Портрет госпожи стоял на мольберте, покрытый мягкой зеленой тканью в центре восьмиугольной комнаты. Фантазия художника изобразила ее стоящей в этой же самой комнате, на фоне тех же, увешанных картинами стен. Боюсь, что молодой человек принадлежал к братству прерафаэлитов, поскольку он потратил много времени, тщательно выписывая мельчайшие детали картины – начиная от завитков волос и кончая тяжелыми складками ее пурпурного бархатного платья.

Молодые люди осмотрели сначала картины на стенах, оставив незаконченный портрет «на закуску».

К этому времени стемнело. Свеча, которую нес Роберт, оставляла за собой яркое пятно света. В широком незашторенном окне виднелось бледное небо, на котором мерцали последние холодные блики угасающих сумерек. Ветки плюща бились о стекло с тем же зловещим трепетом, от которого

дрожал каждый лист в саду, предчувствуя надвигающуюся бурю.

– А вот и неизменные белые лошади нашего друга, – сказал Роберт, останавливаясь перед Воуверманом. – Пуссен, Кейп... Гм. Ну а теперь к портрету.

Он помедлил, взявшись рукой за покрывало, и обернулся к своему другу.

– Джордж Толбойс, – начал он. – У нас только одна свеча, этого явно недостаточно, чтобы рассмотреть полотно. Не согласишься ли ты осмотреть картину по очереди: самое неприятное – это когда кто-нибудь стоит сзади и дышит тебе в затылок, в то время как ты занят созерцанием.

Джордж сразу же согласился. Портрет госпожи интересовал его не более, чем все остальные тяготы этого суетного света. Он отошел в сторону, и прислонившись лбом к оконному стеклу, устремил взор в темноту ночи.

Когда он обернулся, то увидел, что Роберт поставил мольберт поудобнее, а сам уселся на стул перед ним, чтобы на свободе вдоволь насмотреться на картину.

Он встал, когда Джордж обернулся.

– Теперь твоя очередь, Толбойс, – промолвил он, – Это необычное полотно.

Он занял место Джорджа у окна, а его друг уселся на стул перед мольбертом.

Да, художник явно был прерафаэлит. Только прерафаэлит мог так тщательно выписать каждый волосок этих пушистых

локонов, отливающих золотом. Только прерафаэлит мог так выделить каждую деталь этого тонкого лица и придать ему мертвяще бледный цвет, а глубоким голубым глазам странный зловещий блеск. Только прерафаэлит мог дать этим хо-рошеньким надутым губкам тяжелое и почти зловещее выражение, какое у них было на портрете.

Он был похож и в то же время не похож, как будто перед лицом госпожи вспыхнуло странное пламя и высветило новые черты и выражение лица, каких раньше не бывало у нее. Совершенство черт, великолепие красок, все это было; но я полагаю, что художник рисовал так много необычных средневековых чудовищ, что однажды увидел в госпоже что-то от прекрасной дьяволицы.

Ее алое платье, необычайно яркой окраски, как и все в этой картине, окружало ее фигуру мягкими складками, похожими на пламя; ее прекрасная головка показывалась из этого неистовства красок, как из бушующего горнила. Действительно, пурпурное платье, солнечный свет на лице, золотисто-красный отсвет на светлых волосах, ярко-розовая окраска губ, пылающие краски каждой детали на заднем плане – все это, вместе взятое, производило впечатление, которое никак нельзя было назвать приятным.

Но несмотря на всю свою странность, портрет не мог бы произвести более сильного впечатления на Джорджа Толбойса: он просидел перед ним в течение четверти часа, не проронив ни звука, не отрывая от него глаз, судорожно сжи-

мая правой рукой подсвечник, другая же рука бессильно повисла вдоль туловища. Он пребывал в этом состоянии так долго, что Роберт, наконец, обернулся.

– Джордж, я думал, ты уснул.

– Да, почти что.

– Ты наверно простудился в той сырой комнате с гобеленами – хрипишь, как ворон. Но пойдем же.

Роберт Одли взял свечу из его руки и пополз обратно через потайной ход, за ним Джордж, внешне спокойный, но едва ли такой, как обычно.

Алисия ждала их в детской.

– Ну и как? – поинтересовалась она.

– Мы все успели. Но мне не нравится портрет, в нем что-то странное.

– Да, это так, – согласилась Алисия. – Но у меня свое представление о нем. Я думаю, что художник под воздействием вдохновения способен увидеть в обычном лице нечто другое, невидимое простому глазу. Мы никогда не видели у госпожи того выражения, что на портрете, но я полагаю, она *могла бы* быть такой.

– Алисия, – взмолился Роберт Одли, – не будь такой романтической!

– Но, Роберт...

– Не надо, если ты любишь меня. Картина – это картина, а госпожа – это госпожа. Я воспринимаю все именно так, и я не метафизик: не разубеждай меня.

Он повторил это несколько раз с ужасом, вполне искренним и затем, позаимствовав зонтик на случай грозы, покинул Корт, ведя за собой молчаливого Джорджа Толбойса. Единственная стрелка причудливых часов перескочила на девять, когда они дошли до арки, но прежде чем пройти под ее тенью, им пришлось отступить в сторону и пропустить экипаж, проехавший мимо них. Это была пролетка из деревни, хорошенькое личико леди Одли выглядывало из окошка. Несмотря на темноту, она разглядела две темные фигуры.

– Кто это? – спросила она, высунув голову из окошка. – Это садовник?

– Нет, моя дорогая тетушка, – ответил смеясь Роберт. – Это ваш самый преданный племянник.

Они с Джорджем остановились у арки, пока пролетка подъехала к дверям и удивленные слуги вышли встретить господ.

– Я думаю, сегодня вечером дождя не будет, – сказал баронет, взглянув на небо. – Но завтра наверняка разразится гроза.

Глава 9. После бури

Сэр Майкл ошибся в своем предсказании погоды. Гроза не заставила себя долго ждать, она разразилась с ужасающей яростью над деревушкой Одли за полчаса до полуночи.

Роберт Одли относился к грозе и молнии с тем же спокойствием, с каким воспринимал все невзгоды жизни. Он лежал на диване в гостиной, читая газету из Челмсфорда пятидневной давности и попивая холодный пунш из огромного бокала. Но на Джорджа Толбойса буря производила совсем иное действие. Роберт был удивлен, когда, взглянув на своего друга, увидел, что тот сидит напротив открытого окна, белый как мел, и пристально смотрит на черное небо, сотрясаемое громом и вспышками молний.

– Джордж, – позвал его Роберт, немного понаблюдав за ним, – ты боишься молнии?

– Нет, – отрывисто ответил он.

– Но, мой дорогой, многие, даже самые храбрые люди, боялись ее. Едва ли это можно назвать страхом, это естественно. Я уверен, что ты боишься.

– Нет, не боюсь.

– Но Джордж, если бы ты увидел себя, бледного и изможденного, с огромными ввалившимися глазами, прикованными к небу, как будто ты увидел там привидение. Говорю тебе, я знаю, – ты боишься.

– А я говорю, что нет.

– Джордж Толбойс, ты не только боишься молнии, но и злишься на себя за это и на меня за то, что я заметил твой страх.

– Роберт Одли, если ты произнесешь еще хоть одно слово, я тебя ударю, – сказав это, мистер Толбойс вышел из комнаты, с силой хлопнув дверью.

Те черные тучи, что закрывали душную землю, словно крыша из раскаленного железа, неожиданно исторгли из себя потоки ливня, когда Джордж выходил из комнаты; но если молодой человек боялся молнии, то дождя он явно не испугался, так как сразу же спустился к входной двери и вышел на мокрую дорогу.

Около двадцати минут он ходил туда и обратно под проливным дождем, а затем вернулся в таверну и поднялся в свою комнату. Роберт Одли встретил его, промокшего насквозь, на лестничной площадке.

– Ты идешь спать, Джордж?

– Да.

– Но у тебя нет свечи.

– Она не нужна мне.

– Но взгляни на свою одежду! Ты видишь, что с тебя течет? Бога ради, что тебя вынесло из дома в такую ночь?

– Я устал и хочу спать – не мешай мне.

– Может, ты выпьешь горячего бренди с водой, Джордж?

Роберт Одли мешал Джорджу пройти, он беспокоился,

что его друг ляжет спать в таком состоянии, но Джордж со злостью оттолкнул его, и проходя мимо, сказал тем же хриплым голосом, какой Роберт заметил у него в Кортэ:

– Оставь меня в покое, Роберт Одли, и держись от меня подальше.

Роберт последовал за ним в спальню, но молодой человек захлопнул дверь у него перед носом, поэтому ему ничего больше не оставалось, как предоставить мистера Толбойса самому себе.

«Мое замечание о том, что он боится молнии, вызвало его раздражение», – подумал Роберт, спокойно укладываясь спать, абсолютно равнодушный к раскатам грома, сотрясавшим, казалось, его кровать, и к молнии, отблески которой играли на зеркальных дверцах шкафа.

Гроза пронеслась над тихой деревушкой Одли, и проснувшись на следующее утро, Роберт увидел яркое солнце и между белыми занавесками окна кусочек безоблачного неба.

Иногда после бури бывает такое ясное, спокойное утро. Звонко пели птицы, на полях поднялась желтая пшеница и гордо колосилась после ожесточенной схватки с бурей, которая на протяжении ночи пыталась с помощью ветра и дождя склонить к земле тяжелые колосья. Листья дикого винограда весело стучали в окошко Роберта, отряхивая блестящие, как бриллианты, капли дождя с каждой веточки и усика.

Джордж уже ожидал своего друга за столом, накрытым к завтраку. Он был бледен, но абсолютно спокоен.

Он пожал Роберту руку в прежней, сердечной манере, которая была присуща ему до того, как ужасное несчастье постигло его и разрушило его жизнь.

– Прости меня Боб, – извинился он, – за мое недостойное вчерашнее поведение. Ты был совершенно прав, гроза выбила меня из колеи. Она всегда оказывала на меня такое действие, еще со времен юности.

– Ничего, старина. Мы уезжаем или, может быть, останемся и пообедаем сегодня вечером с дядей? – спросил Роберт.

– Ни то, ни другое, Боб. Сегодня такое чудесное утро. А что, если мы прогуляемся, половим рыбу и вернемся в город поездом в шесть пятнадцать вечером?

Роберт Одли согласился бы на что угодно, только чтобы не противоречить своему другу, поэтому, позавтракав и заказав обед на четыре часа, Джордж Толбойс вооружился удочкой и отправился на прогулку в сопровождении своего друга.

Но если раскаты грома, которые потрясли гостиницу «Солнце», не нарушили спокойствия Роберта Одли, то совсем иначе обстояло дело с более тонкими чувствами юной супруги его дяди. Она страшно боялась молнии. Ее кровать перенесли в угол комнаты, плотно задернули вокруг нее занавески, и она лежала там, зарывшись лицом в подушки и конвульсивно вздрагивая от каждого раската грома. Сэр Майкл, чье сердце никогда не знало страха, тревожился за это хрупкое создание, которое ему судьбой было предназначено оберегать. Госпожа не желала ложиться спать почти до

трех часов ночи, когда последний раскат грома не затих в дальних холмах. Все это время она лежала, не сняв своего красивого шелкового платья, закутавшись в одеяла, из-за которых было видно только ее искаженное страхом лицо, и спрашивала время от времени, закончилась ли гроза.

Ближе к четырем часам ее муж, почти всю ночь просидевший у ее постели, заметил, что она все-таки уснула глубоким сном; пробудилась она почти пять часов спустя.

Люси вышла к завтраку в половине десятого, напевая какую-то шотландскую песенку, с легким румянцем на щеках. Как и вся природа после бури, она вновь стала красивой и веселой при солнечном свете. Напевая, она легким шагом вышла на лужайку, то тут, то там срывая последние розы, добавила к ним две веточки герани, и легко шагая по росистой траве, выглядела такой же свежей и сияющей, как и цветы в ее руках. Войдя в дом через стеклянные двери, она попала в объятия баронета.

– Любимая, – обрадовался он, – какое счастье, что ты опять весела! Знаешь, Люси, прошлой ночью, когда я увидел твое бледное маленькое личико из-под зеленых покрывал, с красными кругами вокруг запавших глаз, мне было трудно узнать свою маленькую жену в этом мертвенно-бледном, дрожащем, испуганном создании. Слава богу, что сегодня солнечное утро вернуло румянец твоим щекам! Я молю Бога, Люси, чтобы мне больше никогда не увидеть тебя такой, как прошлой ночью.

Люси встала на цыпочки, чтобы поцеловать его, но он был так высок, что она доставала ему только до бороды. Она сказала ему, смеясь, что всегда была глупой и трусливой – боялась собак, боялась коров, боялась грозы и бурного моря.

– Боялась всего на свете, кроме моего обожаемого, благородного, красивого супруга, – добавила она.

Госпожа обнаружила, что ковер в ее гардеробной сдвинут, и узнала о потайном ходе. Она шутливо побранила мисс Алисию за дерзость провести двух мужчин в ее комнаты.

– И они видели мой портрет, Алисия, – возмущалась она. – Покрывало с него упало на пол, а на ковре я обнаружила огромную, мужскую перчатку. Взгляни!

Она протянула перчатку из толстой кожи для верховой езды, принадлежавшую Джорджу. Он уронил ее, разглядывая картину.

– Я дойду до таверны и приглашу ребят к обеду, – пообещал сэр Майкл, когда уходил на свою утреннюю прогулку.

В это солнечное сентябрьское утро леди Одли порхала, как бабочка, из комнаты в комнату – то присаживалась к роялю и наигрывала какую-нибудь балладу, или пробежала быстрыми пальцами мотив блестящего вальса, – то суежилась около оранжерейных цветов с маленькими серебряными ножницами, – то заходила в гардеробную поболтать с Фейбой Маркс и заново причесаться уже в третий или четвертый раз, так как ее локоны постоянно раскручивались, чем доставляла немало беспокойства своей горничной.

Казалось, в этот сентябрьский день в госпожу вселился какой-то беспокойный радостный дух, который не давал ей долго оставаться на одном месте.

А в это время наши молодые люди медленно прогуливались вдоль протоки, пока не нашли тенистый уголок, где вода была глубока и спокойна, а длинные ветви ив опускались в ручей.

Джордж Толбойс закинул удочку, а Роберт растянулся на коврике, прикрыл лицо шляпой от солнца и заснул.

Повезло тем рыбкам в ручье, на берегу которого уселся мистер Толбойс. Они развлекались от души, откусывая маленькие кусочки от наживки, совершенно не подвергая себя опасности, поскольку удочка свободно болталась в безвольной руке Джорджа, а сам он уставился на воду странным, отсутствующим взглядом.

Когда церковные часы пробили два, он бросил удочку и пошел вдоль ручья, оставив Роберта в глубоком сне; согласно привычкам этого джентльмена, его сон мог продлиться больше двух-трех часов. Пройдя около четверти мили, Джордж перешел ручей по старому мостику и углубился в луга, ведущие к Одли-Корт.

Птицы так много пели этим утром, что, возможно, уже выдохлись к этому времени; на лугах спали ленивые коровы; сэр Майкл все еще не вернулся с утренней прогулки; мисс Алисия за час до этого ускакала на своей гнедой кобылке; слуги были заняты обедом в задней части дома: а миле-

ди прогуливалась с книгой в руке по тенистой липовой аллее; таким образом, в старой усадьбе царило безмолвие в тот жаркий полдень, когда Джордж Толбойс пересек лужайку и позвонил у крепкой, обитой железом, дубовой двери.

Слуга, открывший ему дверь, сказал, что сэра Майкла нет, а госпожа прогуливается по липовой аллее.

Джордж был немного разочарован, и пробормотав что-то насчет желания увидеть госпожу или пойти ее поискать (слуга не вполне разобрал его слова), ушел, не оставив ни карточки, и ничего не передав господам на словах.

Спустя полтора часа вернулась леди Одли, но не со стороны липовой аллеи, а совсем противоположной, держа в руке открытую книгу и напевая. Алисия как раз спустилась с лошади и стояла у двери, с ней рядом был ее огромный ньюфаундленд.

Собака, которая недолюбливала госпожу, оскалила зубы и тихонько зарычала.

– Убери это ужасное животное, Алисия, – раздраженно сказала леди Одли. – Эта скотина знает, что я боюсь ее, и пользуется этим. Как только этих бестий называют великодушными и благородными! Фу, Цезарь! Я ненавижу тебя, а ты меня, и если бы ты встретил меня в каком-нибудь темном углу, ты перегрыз бы мне горло, разве нет?

Госпожа, спрятавшись за свою падчерицу, зло дразнила животное.

– Вы знаете, леди Одли, что мистер Толбойс был здесь и

спрашивал сэра Майкла и вас?

Люси приподняла свои тонкие брови.

– Я думала, он придет к обеду, – удивилась она. – Мы наверняка еще увидим его сегодня.

В подоле платья у нее была целая охапка полевых цветов. Она шла через поля, собирая их по пути. Люси легко взбежала по лестнице и поднялась в свои комнаты. Перчатка Джорджа все еще лежала на туалетном столике. Леди Одли нетерпеливо позвонила, вошла Феба Маркс.

– Убери этот мусор, – резко приказала она.

Девушка собрала перчатку, несколько увядших цветов и кусочки бумаги со стола в свой передник.

– Что ты делала все утро? – спросила госпожа. – Я надеюсь, не тратила даром времени?

– Нет, госпожа, я шила голубое платье. В этой стороне дома темно, поэтому я взяла его в свою комнату и работала у окна.

Сказав это, девушка обернулась и взглянула на леди Одли, как бы ожидая дальнейших указаний.

В этот момент Люси тоже подняла на нее глаза, и взгляды двух женщин встретились.

– Феба Маркс, – произнесла миледи, откидываясь на стуле и теребя полевые цветы на коленях, – ты хорошая трудолюбивая девушка, и пока я жива и при деньгах, у тебя не будет лучшего друга и ты не будешь ни в чем нуждаться.

Глава 10. Исчезновение

Когда Роберт Одли проснулся, то удивился, увидев, что удочка лежит на берегу, леска свисает в воду, а поплавок безобидно покачивается на воде в полуденном солнце. Молодой адвокат долго потягивался, вытягивая руки и ноги в разных направлениях, дабы убедиться, что они еще действуют; затем, одним могучим усилием усевшись на траву, он свернул коврик, чтобы его удобно было нести на плече, и побрел искать Джорджа Толбойса.

Раз или два он, все еще сонный, позвал своего друга, но его негромкий зов не испугал даже птиц над его головой, и форель в ручье у его ног; не получив ответа, уставший от затраченных усилий, он поплелся дальше, зевая и все еще высматривая Джорджа Толбойса.

Взглянув на часы, он был удивлен, что уже четверть пятого.

– Этот жалкий бродяга, должно быть, ушел домой обедать! – размышлял он вслух. – И все же это не похоже на него, он редко вспоминает о еде, пока я сам не напомню ему.

Ни хороший аппетит, ни мысль о том, что обед остынет, не могли заставить мистера Роберта Одли ускорить свой прогулочный шаг, и когда он наконец добрел до дверей таверны «Солнце», часы пробили пять. Он был уверен, что Джордж уже ожидает его в маленькой гостиной, но комната была пу-

ста, выглядела мрачной, и Роберт громко застонал.

– Как вам это понравится! – произнес он. – Холодный обед, который не с кем разделить!

Вошел хозяин таверны, чтобы самому извиниться за испорченный обед.

– Такая прекрасная пара уточек, мистер Одли, вы таких не видали, и подгорели, такая жалость, пока их держали в печи, чтоб не остыли.

– Да бог с ними, с этими утками, – в нетерпении сказал Роберт. – Где мистер Толбойс?

– Он не приходил, сэр, с тех пор, как вы вместе ушли утром.

– Что! – воскликнул Роберт. – Куда же он подевался?

Он подошел к окну и посмотрел на широкий белый тракт. Тележка, груженная снопами сена, медленно тащилась по дороге, ленивые лошади и ленивый возница клевали носом под полуденным солнцем. Стадо овец разбрелось вдоль дороги, и собачка сбилась с ног, следя, чтобы ни одна не отстала. Несколько каменщиков возвращались с работы, у дороги лудильщик чинил кастрюли, по дороге во весь опор мчалась двуколка: дюжина привычных деревенских звуков слились в один разноголосый гул и сутолоку, но нигде не было видно Джорджа Толбойса.

– Из всего необычного, что случалось со мной за всю жизнь, это самое загадочное происшествие, – промолвил Роберт Одли.

Хозяин, все еще находившийся в комнате, в удивлении взглянул на Роберта, услышав эти слова. Что же такого необычного в том, что джентльмен опаздывает к обеду?

– Пойду поищу его, – решил Роберт, схватив шляпу и выходя из дома.

Но вопрос в том, где же его искать. У ручья его наверняка не было, поэтому туда не стоило возвращаться. Роберт стоял у гостиницы, размышляя, что же ему делать, когда следом за ним вышел хозяин.

– Забыл сказать вам, мистер Одли, что ваш дядя заходил через пять минут после вашего ухода и просил передать, что ждет вас и другого джентльмена к обеду в Корте.

– Тогда Джордж, должно быть, пошел в Корт, навестить моего дядю, – решил Роберт. – Правда, это не похоже на него, но вполне возможно.

Было уже шесть часов, когда Роберт постучал у дверей своего дядюшки. Он сразу же спросил о своем друге.

– Да, – ответил слуга, – мистер Толбойс был здесь около двух часов.

– А с тех пор?

– Не появлялся.

Уверен ли он, что именно в два часа заходил мистер Толбойс, спросил Роберт. Да, совершенно уверен. Он запомнил час, потому что в это время слуги обедают и ему пришлось встать из-за стола, чтобы открыть мистеру Толбойсу дверь.

«Что же с ним случилось? – подумал Роберт, уходя из Кор-

та. – От двух до шести – целых четыре часа – и никаких следов!»

Если бы кто-нибудь осмелился сказать мистеру Роберту Одли, что он может испытывать сильную привязанность к человеку, сей циничный джентльмен только презрительно поднял бы брови, услышав это нелепое замечание. И вот он, возбужденный и взволнованный, ломал голову, строя самые невероятные предположения о своем исчезнувшем друге, и, вопреки своей привычке, быстро шагая вперед.

– Я не ходил так быстро с тех пор, как учился в Итоне, – пробормотал он, спеша через луга к деревне. – И что хуже всего, я не имею ни малейшего понятия, куда иду.

Он пересек еще один луг и, усевшись на ступеньки у изгороди, поставил локти на колени, и, положив подбородок на ладони, настроился серьезно обо всем поразмыслить.

– Нашел! – сказал он спустя несколько минут. – Железнодорожная станция!

Он вскочил и направился к небольшому строению из красного кирпича.

В течение ближайшего получаса поезда не ожидалось, и служащий пил чай в помещении, на двери которого было написано большими белыми буквами: «Посторонним вход воспрещен».

Но мистер Одли был слишком поглощен поисками своего друга, чтобы обращать внимание на подобное предупреждение. Он сразу же пошел к двери, постучал в нее тростью и

вытащил служащего из его убежища в испарине от горячего чая и доедавшего бутерброд с маслом.

– Вы помните джентльмена, который приехал со мной в Одли, Смитерс? – спросил Роберт.

– Сказать по правде, мистер Одли, не могу сказать, что помню. Вы приехали в четыре, а в это время всегда полно народа.

– Значит, вы его совсем не помните?

– Не вполне, сэр.

– Какая досада! Я хочу знать, Смитерс, не брал ли он сегодня билет до Лондона после двух часов дня. Это высокий, широкоплечий молодой человек, с большой темной бородой. Его нельзя не узнать.

– Четыре или пять джентльменов брали билеты на тридцать, – неопределенно сказал служащий, бросая беспокойный взгляд через плечо на свою жену, которая отнюдь не была в восторге от того, что прервали их чаепитие.

– Четыре или пять человек! Но подходит кто-либо из них под описание моего друга?

– Ну, я думаю, что у одного из них была борода, сэр.

– Темная?

– Не знаю, но вроде бы да.

– Он был одет в серое?

– Думаю, да, многие господа носят серое. Он грубовато спросил билет и сразу же ушел на платформу, посвистывая.

– Это Джордж! – сказал Роберт. – Спасибо, Смитерс, не

буду больше вас беспокоить... Ясно как день, – бормотал он, покидая станцию, – что на него опять напала хандра, и он поехал в Лондон, ни словом не обмолвившись об этом. Завтра утром я тоже уеду, но сегодня вечером я, пожалуй, могу сходить в Корт и познакомиться с молодой супругой дядюшки. Они не обедают раньше семи: если я пойду через поле, то как раз успею. Боб, то есть Роберт Одли, это никуда не годится: ты по уши влюбляешься в свою тетушку.

Глава 11. Синяк на руке госпожи

Роберт нашел сэра Майкла и леди Одли в гостиной. Госпожа сидела у рояля на вращающемся табурете и просматривала новые ноты. Она кружилась на своем сиденье, шурша шелковыми оборками, когда доложили о мистере Роберте Одли; поднявшись, она сделала перед племянником немного церемонный реверанс.

– Премного вам благодарна за соболя, – произнесла она, протягивая ему свою маленькую ручку, унизанную сверкающими бриллиантами. – Благодарю вас за такие чудесные меха. Так любезно было с вашей стороны привезти их для меня!

Роберт успел уже забыть о поручении, которое он выполнил для леди Одли во время поездки в Россию. Его голова была настолько занята Джорджем Толбойсом, что он только кивнул в ответ.

– Поверите ли, сэр Майкл, – сказал он. – Этот мой глупый приятель вернулся в Лондон, покинул меня.

– Мистер Джордж Толбойс вернулся в город! – воскликнула госпожа, подняв брови.

– Какая ужасная катастрофа! – заметила Алисия. – Пифиас в лице мистера Роберта Одли не может и минуты прожить без Дамона, известного как Джордж Толбойс.

– Он отличный парень, – вступился Роберт за друга. – И,

говоря откровенно, я беспокоюсь о нем.

Беспокойтесь о нем! Госпоже стало интересно, почему Роберт так волнуется о своем друге.

– Я скажу вам почему, леди Одли, – ответил молодой адвокат. – Смерть его жены год назад явилась сильным потрясением для Джорджа. Он так и не смог пережить это горе. Внешне он спокоен, но часто говорит странные вещи, и временами мне кажется, что эта беда доконает его и он на что-нибудь решится.

Роберт Одли говорил намеками, но его собеседники догадывались, что он имеет в виду.

Последовало молчание, во время которого леди Одли поправила свои золотистые локоны, глядясь в трюмо напротив стола.

– Боже мой! – сказала она. – Это так странно. Никогда не думала, что мужчины способны на такие поступки и чувства. Я всегда полагала, что им все равно, было бы хорошенькое личико, и когда номер один – блондинка с голубыми глазами, умирает, им нужно только подыскать себе номер два – брюнетку с карими глазами, для разнообразия.

– Джордж Толбойс не из таких. Я убежден, что смерть жены разбила его сердце.

– Как печально! – негромко заметила леди Одли. – Со стороны миссис Толбойс было жестоко умереть и заставить так страдать своего бедного мужа.

«Алисия была права, она и вправду еще ребенок», – по-

думал Роберт, глядя на хорошенькое лицо своей тетки.

За обедом госпожа была само очарование, она мило призналась, что не способна разрезать фазана, установленного перед ней, и призвала на помощь Роберта.

– Я могла разрезать баранью ножку у мистера Доусона, – смеялась она, – но это было так легко, и я обычно вставала.

Сэр Майкл с гордостью наблюдал за впечатлением, которое госпожа производила на его племянника, и сам восхищался ее красотой и очарованием.

– Я так рад, что моя маленькая женушка снова в хорошем настроении, – заметил он. – Вчера она была очень подавлена после неудачной поездки в Лондон.

– Неудачной!

– Да, мистер Одли, – ответила госпожа. – Вчера утром я получила телеграфное послание от моего старого доброго друга и наставницы о том, что она при смерти, и если я хотела повидать ее, то должна была немедленно поспешить к ней. В послании не было адреса, и конечно же я решила, что она живет там же, что и три года назад. Сэр Майкл и я сразу же поспешили в город и поехали по старому адресу. Но дом снимали какие-то странные люди, которые ничего не могли сообщить мне о моем друге. Это очень уединенное место, где живут лишь несколько торговцев. Сэр Майкл расспрашивал в магазинах поблизости, но несмотря на столько затраченных усилий, мы так ничего и не смогли выяснить. У меня нет друзей в Лондоне, и некому было помочь, кроме

моего дорогого, великодушного мужа, который сделал все, что в его власти, чтобы найти новое место жительства моего друга, но напрасно.

– Очень неразумно не сообщить адрес в телеграфном послании, – заметил Роберт.

– Когда люди умирают, как-то не думается о таких вещах, – тихо произнесла госпожа, с упреком взглянув на мистера Одли своими голубыми глазами.

Несмотря на все очарование леди Одли и то, что Роберт откровенно восхищался ею, адвокат не мог избавиться от смутного чувства беспокойства в этот тихий сентябрьский вечер.

Он сидел у окна, разговаривая с госпожой, но мысли его уносились далеко, на тенистую Фигтри-Корт, и он думал о Джордже, который сидел в комнате с собаками и канарейками и курил в одиночестве свою сигару. «Лучше б я никогда не встречал этого парня, – думал он. – Я чувствую себя как отец, потерявший своего единственного сына. Если бы я мог вернуть ему жену и поселить его в Вентноре, где бы он жил в мире и спокойствии до конца своих дней».

Госпожа продолжала что-то говорить, ее голосок звучал как журчание ручейка, а мысли Роберта, против его воли, все время возвращались к Джорджу Толбойсу.

Он вспомнил, как его друг спешил в Саутгемптон почтовым поездом, чтобы навестить своего мальчика; как часто он сидел над объявлениями в «Таймс» в поисках корабля, ко-

торый отвез бы его обратно в Австралию. И вдруг с содроганием он представил его, холодного и бездыханного, на дне протоки с лицом, обращенным к темнеющим небесам.

Леди Одли заметила его рассеянность и спросила, о чем он думает.

– О Джордже Толбойсе, – коротко ответил он.

Она нервно вздрогнула.

– Честное слово, – промолвила она, – вы так говорите об этом мистере Толбойсе, что можно подумать, с ним что-нибудь случилось.

– Боже сохрани! Но я не могу не беспокоиться о нем.

Позже вечером сэр Майкл попросил госпожу сыграть что-нибудь, и она села за рояль. Роберт Одли тоже подошел к инструменту, чтобы помочь переворачивать ноты, но она играла по памяти, и он был избавлен от беспокойства, к которому его обязывала учтивость.

Он принес две зажженные свечи и установил их на рояле для хорошенькой музыкантши. Она взяла несколько аккордов, затем начала мечтательную сонату Бетховена. Одной из странностей ее характера была эта любовь к мрачным и меланхоличным мелодиям в противоположность ее веселой, легкомысленной натуре.

Роберт Одли оставался рядом с ней, и поскольку ему не нужно было переворачивать страницы нот, то он начал с интересом разглядывать ее унизанные драгоценностями белые руки, которые легко скользили по клавишам, и ее изящ-

ные запястья под кружевными рукавами. Он рассматривал ее пальчики один за другим: на этом сверкает рубин; тот украшен изумрудом; и меж ними всеми звездное сияние бриллиантов. От пальцев его взор скользнул к округлым запястьям: широкий плоский золотой браслет упал с ее правой руки, когда она играла бурный пассаж. Она резко остановилась, чтобы надеть его, но прежде этого Роберт Одли успел заметить синяк на ее нежной коже.

– Вы поранили руку, леди Одли, – воскликнул он.

Она быстро вернула браслет на место.

– Это пустяки, – сказала она. – К несчастью у меня такая кожа, что малейшее прикосновение оставляет следы.

Она продолжала играть, но сэр Майкл пересек комнату, чтобы самому взглянуть на запястье жены.

– Что это, Люси? – спросил он. – Как это случилось?

– Как глупы вы оба, беспокоясь о таких пустяках! – засмеялась леди Одли. – Я довольно рассеянна и несколько дней назад повязала кусочек ленты вокруг руки так туго, что остался синяк.

«Гм! – подумал Роберт. – Госпожа явно лжет, синяк появился совсем недавно, а не несколько дней назад, цвет кожи только начал изменяться».

Сэр Майкл взял хрупкую кисть в свои сильные руки.

– Подержи свечу, Роберт, – попросил он, – и давай-ка посмотрим на эту бедную маленькую ручку.

Это был не один синяк, а четыре четкие багровые отме-

тины, как будто оставленные четырьмя пальцами какой-то мощной руки, которая грубо схватила тонкое запястье. Узкая ленточка, туго повязанная, могла бы, наверно, оставить такие следы, и госпожа продолжала уверять, что насколько она помнит, это именно так и произошло.

Поперек одной из багровых отметин пролежала более темная полоска, как будто кольцо, надетое на один из этих сильных и безжалостных пальцев, отпечталось на нежной плоти.

«Я уверен, что она лжет, – подумал Роберт, – как можно верить этой истории о ленточке».

В половине одиннадцатого он пожелал своим родственникам спокойной ночи и сказал, что он должен первым же поездом ехать в Лондон искать Джорджа на Фигтри-Корт.

– Если там его нет, то я поеду в Саутгемптон, – решил он. – Но если я не найду его и там...

– Что тогда? – спросила госпожа.

– Буду думать, что произошло что-то необычное.

Роберт Одли возвращался в таверну в подавленном настроении; он почувствовал себя еще хуже, войдя в гостиную, где они вместе с Джорджем сидели у окна и курили сигары.

– Подумать только, – размышлял он, – что можно так привыкнуть к парню! Но как бы там ни было, завтра утром я прежде всего поеду за ним в город и, несмотря ни на что, найду его хоть на краю земли.

По своей натуре мистер Роберт Одли был флегматичен, решительность была совсем не в его духе, но если он все же

дерзал сделать решительный шаг, то в нем появлялось какое-то настойчивое упрямство, которое влекло его к достижению цели.

Леность ума, которая не давала ему думать о дюжине вещей сразу, или слишком тщательно о каждой из них, что свойственно большинству энергичных людей, делала его замечательно прозорливым относительно всего, что привлекало его внимание.

И несмотря на то что старые законники в парке посмеивались над ним, а подающие надежды молодые адвокаты пожимали плечами под своими шелковыми мантиями, когда заходил разговор о Роберте Одли, я думаю, что, если бы ему поручили дело в суде, он бы немало удивил тех магнатов, что недооценивали его способности.

Глава 12. Все еще не найден

Блики сентябрьского солнца играли в водах фонтана в садах Темпля, когда Роберт Одли вернулся на Фигтри-Корт на следующее утро.

Канарейки все так же пели в маленькой комнате, где жил Джордж, и в квартире ничего не изменилось после отъезда молодых людей – ни один стул не был сдвинут; крышка от коробки с сигарами была так же приоткрыта, как и раньше – ничто не говорило о присутствии Джорджа Толбойса. Он поискал на каминной полке и столах в последней надежде найти там письмо от Джорджа.

«Может быть, он ночевал здесь прошлой ночью и отправился в Саутгемптон рано утром, – подумал он. – Весьма вероятно, что здесь уже побывала миссис Мэлони и все убрала».

Но пока он сидел, лениво разглядывая комнату и посвистывая, тяжелая поступь на лестнице возвестила о приходе той самой миссис Мэлони, которая обслуживала молодых людей.

Нет, мистер Толбойс не приходил домой, она заглядывала в шесть утра, квартира была пуста.

Что-нибудь случилось с добрым джентльменом, спросила она, увидев бледное лицо Роберта Одли.

Он резко повернулся к ней. Случилось! Что должно с ним

случиться? Они расстались только вчера, в два часа дня.

Миссис Мэлони собралась было рассказать ему историю о молодом машинисте, когда-то снимавшем у нее комнату, и который однажды, съев хороший обед, и в приподнятом настроении ушел из дома, чтобы неожиданно встретить свою смерть при столкновении экспресса и товарного поезда; но Роберт уже надел шляпу и вышел из дома, прежде чем честная ирландка успела начать свою печальную историю.

Смеркалось, когда он добрался до Саутгемптона. Он хорошо помнил дорогу к бедному домику на маленькой улице, ведущей к морю, где жил тесть Джорджа. Джорджи играл в открытых дверях гостиной, когда молодой человек шел вниз по улице.

Возможно, из-за этого и из-за царившей в доме тишины у Роберта возникло смутное предчувствие, что того, кого он искал, здесь нет. Старик сам открыл ему дверь, а ребенок с интересом разглядывал странного джентльмена.

Это был красивый мальчик, у него были карие глаза и выющиеся волосы отца, но в его лице таилось какое-то скрытое выражение, и хотя каждая черта в отдельности напоминала Джорджа Толбойса, мальчик не был на него похож.

Старик обрадовался Роберту Одли, он вспомнил, что имел счастье встречаться с ним в Вентноре в связи с печальным событием, – не окончив предложения, старик стал вытирать свои слезящиеся старческие глаза. Не войдет ли мистер Одли? Роберт зашел в маленькую гостиную. Мебель бы-

ла ветхая и грязная, комната пропиталась застарелым запахом табака и бренди с водой. На грязном ковре тут и там валялись сломанные игрушки мальчика, трубки старика, порванные, с пятнами бренди газеты. Маленький Джорджи пошел к гостю, украдкой разглядывая его своими огромными карими глазами. Роберт посадил его к себе на колени и дал поиграть цепочкой от часов, пока разговаривал со стариком.

– Мне, наверное, уже не имеет смысла задавать вопрос, из-за которого я сюда приехал, – начал он. – Я надеялся, что застану здесь вашего зятя.

– Что! Вы знали, что он приезжает в Саутгемптон?

– Знал, что он приезжает! – обрадовался Роберт. – Так, значит, он здесь?

– Нет, сейчас его нет, но он был здесь.

– Когда?

– Прошлой ночью, он приезжал почтовым поездом.

– И сразу же уехал опять?

– Он оставался немногим более часа.

– Боже мой! – с облегчением сказал Роберт. – Он заставил меня напрасно волноваться. Но что все это значит?

– Так вы ничего не знали о его намерении?

– Каком намерении?

– Я имею в виду его решение уехать в Австралию.

– Я знал, что у него всегда были такие мысли, но не более того.

– Сегодня вечером он отплывает из Ливерпуля. Он при-

ехал сюда в час ночи, чтобы попрощаться с мальчиком, прежде чем он покинет Англию, возможно навсегда. Он сказал мне, что устал от всего и что тамошняя грубая жизнь более всего подходит к нему. Он пробыл здесь час, поцеловал мальчика, не разбудив его, и уехал из Саутгемптона почтовым поездом, который отбывает в четверть третьего.

– Что же все это значит? – недоумевал Роберт. – Что могло заставить его покинуть Англию вот так, не сказав ни слова мне, своему самому близкому другу, даже не переменяв одежды, ведь он оставил все в моей квартире? Это очень странный поступок!

Старик мрачно посмотрел на него.

– Знаете, мистер Одли, – сказал он, многозначительно постукивая пальцем по лбу, – я иногда думаю, что смерть Элен очень странно повлияла на бедного Джорджа.

– Пфф! – пренебрежительно произнес Роберт. – Удар был слишком жесток для его чувств, но он в таком же здравом уме, что и я.

– Возможно, он напишет вам из Ливерпуля, – предположил тесть Джорджа. Казалось, он хочет сгладить негодование Роберта, вызванное поведением его друга.

– Ему следовало бы это сделать, – мрачно заметил Роберт, – так как мы были хорошими друзьями еще с тех пор, как вместе учились в Итоне. Не очень-то красиво со стороны Джорджа Толбойса так относиться ко мне.

Но даже когда он говорил эти слова упрека, его сердце

пронзило чувство сожаления.

– Это не похоже на него, – сказал он. – Это совсем не похоже на Джорджа Толбойса.

Маленький Джорджи встрепенулся.

– Так зовут меня, – пролепетал он. – И так зовут моего папу – большого джентльмена.

– Да, маленький Джорджи, и твой папа приезжал прошлой ночью и поцеловал тебя, пока ты спал. Ты помнишь?

– Нет, – ответил мальчик, покачав своей маленькой кудрявой головкой.

– Ты, должно быть, очень крепко спал, маленький Джорджи, и не увидел своего бедного папу.

Ребенок ничего не ответил, но затем, устремив взгляд на Роберта, коротко спросил:

– Где красивая леди?

– Какая красивая леди?

– Красивая леди, которая часто приезжала раньше.

– Он говорит о своей бедной маме, – заметил старик.

– Нет, – решительно и громко сказал мальчик, – не мама.

Мама всегда плакала. Я не любил маму...

– Тсс, маленький Джорджи!

– Но я не любил ее, а она не любила меня. Она все время плакала. Я говорю о красивой леди, которая была одета в прекрасное платье и подарила мне золотые часы.

– Он имеет в виду жену моего старого капитана – чудесная женщина, она очень привязалась к Джорджи, и дарила ему

подарки.

– Где мои золотые часы? Разрешите мне показать джентльмену мои часы, – кричал Джорджи.

– Они в чистке, Джорджи, – ответил дедушка.

– Все время они в чистке, – обиделся мальчик.

– Часы в целости и сохранности, уверяю вас, мистер Одли, – смущенно пробормотал старик и, вынув квитанцию из ломбарда, протянул ее Роберту.

Она была выписана на имя капитана Мортимера: «Часы, с бриллиантами, 11 фунтов».

– Мне часто не хватает нескольких шиллингов, – пожаловался старик. – Мой зять всегда был щедр по отношению ко мне... но... но... есть другие, мистер Одли... и ко мне плохо относятся.

Он вытер несколько слезинок, жалуясь плачущим голосом.

– Пойдем, Джорджи, bravому мальчугану пора спать. Пойдем с дедушкой. Извините, я покину вас на четверть часа, мистер Одли.

Мальчик беспрекословно пошел с ним. У двери старик обернулся и произнес тем же ноющим голосом:

– Приходится доживать свои дни в таком бедном месте, мистер Одли. Я принес много жертв и все еще приношу их, но ко мне плохо относятся.

Оставшись один в сумрачной маленькой гостиной, Роберт Одли сидел в задумчивости, уставясь на пол.

Итак, Джордж уехал, возможно, он получит от него письмо с объяснением, вернувшись в Лондон; но по всей вероятности, он больше никогда не увидит своего старого друга.

– Подумать только, я так привязался к парню, – произнес он, высоко подняв брови.

– Комната так пропитана табаком... – пробормотал он вскоре. – Вреда не будет, если я выкурю здесь сигару.

Он вытащил сигару из коробки; маленький камин еще не погас, и он огляделся в поисках того, чем можно было бы прикурить.

Полуобгоревший, скомканный лист бумаги лежал на коврик перед камином, он поднял его и развернул. Роберт рассеянно посмотрел на написанные карандашом строчки – и вдруг его взгляд поймал кусочек имени – имени, которое занимало все его мысли. Он поднес обрывок бумаги к окну и стал его рассматривать при слабом свете угасающего дня.

Это была часть телеграфной депеши. Верхняя часть сгорела, но более важная, основная часть послания сохранилась.

«...олбойс приезжал в... прошлой ночью и уехал почтовым поездом в Лондон, направляясь в Ливерпуль, откуда должен отплыть в Сидней».

Дата, имя и адрес отправителя сгорели вместе с верхней частью. Лицо Роберта Одли смертельно побледнело. Он аккуратно свернул кусочек бумаги и положил его между листами своей записной книжки.

– Бог мой! – промолвил он. – Что это значит? Я сегодня же еду в Ливерпуль, чтобы разузнать там.

Глава 13. Тревожные мысли

Роберт Одли уехал из Саутгемптона почтовым поездом и вошел в свою квартиру, когда в его пустые комнаты вползал холодный серый рассвет и канарейки только начали расправлять свои перышки.

В почтовом ящике было несколько писем, но ни одного от Джорджа Толбойса.

Молодой адвокат падал с ног от усталости, проведя целый день в дороге. Впервые за двадцать восемь лет ленивая монотонность его безмятежной жизни была нарушена. Он начал терять представление о времени. Казалось, прошли месяцы с тех пор, как он потерял из вида Джорджа Толбойса. Было трудно поверить, что прошло менее сорока восьми часов с того времени, как Джордж оставил его спящим под ивами у ручья с форелью.

Его глаза устали. Он еще раз обошел все комнаты в поисках письма от Джорджа, и затем, не раздеваясь, улегся на кровать своего друга в комнате с канарейками и геранью.

– Я подожду утренней почты, – решил он, – и если там не будет письма от Джорджа, то я без промедления отправлюсь в Ливерпуль.

Он был настолько измучен, что сразу же забылся сном – глубоким, но не освежающим, и во сне его мучили кошмары. То он следовал за какими-то незнакомыми людьми и вхо-

дил в странные дома, пытаюсь разгадать тайну телеграфного послания; то он видел себя на кладбище в Вентноре у могильной плиты, которую Джордж заказал для своей умершей жены. И вдруг в этом таинственном бесконечном сне он подходит к могиле и видит, что могильная плита исчезла, и каменщик ему говорит, что ему нужно убрать надпись по причине, которую Роберт со временем узнает.

Стук у входной двери разбудил его.

Это было унылое серое утро, дождь стучал в окна, и канарейки печально чирикали, возможно жалуясь на плохую погоду. Роберт не мог сказать, долго ли стучали в дверь. Он услышал это во сне, и еще не вполне проснулся.

– Должно быть, это глупая миссис Мэлони, – пробормотал он. – Она может снова постучать. Почему она не может открыть дверь своим ключом, вместо того, чтобы вытаскивать смертельно измученного человека из постели?

В дверь снова постучали, но затем перестали, очевидно стучавший выбился из сил, и через минуту в двери повернулся ключ.

– Значит, у нее все-таки был ключ, – решил Роберт. – Хорошо, что я не встал.

Дверь между гостиной и спальней была полуоткрыта, и он видел, как прачка суетится в комнате, вытирает пыль, переставляет предметы с места на место.

– Это вы, миссис Мэлони? – позвал он.

– Да, сэр.

– Тогда во имя всех святых, зачем вы подняли этот шум у двери, когда у вас все время был с собой ключ?

– Шум у двери, сэр!

– Да, этот адский стук.

– Но я не стучала, мистер Одли, я сразу вошла с ключом...

– Тогда кто же стучал? Кто-то тарабанил в дверь с четверть часа назад, я думаю, вы, должно быть, встретились с ним, когда поднимались наверх?

– Но я сегодня припозднилась, сэр, сначала я убирала в комнатах мистера Мартина, и пришла сюда сразу с верхнего этажа.

– Так вы никого не видели у двери или на лестнице?

– Ни души, сэр.

– Как это досадно! – расстроился Роберт. – Выходит, я позволил этому человеку уйти, не узнав, кто он и чего хочет! А вдруг это был кто-нибудь с известием от Джорджа Толбойса?

– Если это так, сэр, то он наверняка придет снова, – успокоила его миссис Мэлони.

– Да, конечно же, если это кто-нибудь по делу, то он вернется, – решил Роберт.

Дело было в том, что с того момента, как он нашел телеграфное послание, он потерял всякую надежду получить известие от Джорджа. Он чувствовал, что в исчезновении Джорджа есть какая-то тайна – какое-то вероломство против него или против Джорджа. А что, если жадный тесть моло-

дого человека пытался их разъединить по той причине, что деньги были вверены попечению Роберта Одли? Что, если – ведь и в наши цивилизованные времена творятся всякие ужасные дела – что, если старик заманил Джорджа в Саутгемптон и покончил с ним, чтобы завладеть теми 20 тысячами фунтов, которые под опекой Роберта были оставлены маленькому Джорджи?

Но ни одно из этих предположений не объясняло телеграфного послания, а именно оно вызывало у Роберта смутную тревогу. Почтальон не принес письма от Джорджа Толбойса, и человек, стучавший в дверь, так и не вернулся, поэтому Роберт Одли снова покинул Фигтри-Корт в поисках своего друга. На этот раз он велел кэбмену ехать на станцию Юстон, и через двадцать минут он уже был на платформе, выясняя расписание поездов.

Ливерпульский экспресс отбыл полчаса назад, и ему пришлось ждать больше часа пассажирский поезд.

Роберт Одли нервничал из-за этой задержки. Полудюжина кораблей могли уплыть в Австралию, пока он слонялся по платформе, натыкаясь на чемоданы и носильщиков и кляня свое невезение.

Он купил «Таймс» и помимо воли стал искать глазами вторую колонку, с болезненным интересом изучая объявления о пропавших людях – сыновьях, братьях и мужьях, которые ушли из дома и больше не вернулись.

Его внимание привлекло объявление о молодом человеке,

чье тело было выброшено на берег недалеко от Ламбета.

Что, если и Джорджа постигла такая участь? Но нет, телеграфное послание делало его тестя причастным к исчезновению Джорджа, и любое расследование должно начинаться с этого.

Только в восемь часов вечера Роберт добрался до Ливерпуля; он успел узнать, какие суда отплыли в колонии за последние два дня.

Лишь один корабль с эмигрантами отплыл в четыре часа дня – «Виктория Регия», приписанный к Мельбурну.

Результаты его расспросов были таковы – если он хотел узнать, кто был на «Виктории Регии», ему нужно было подождать до утра, чтобы получить информацию о судне.

В девять утра на следующий день Роберт уже был в конторе.

Служащий, к которому он обратился, ответил ему со всей учтивостью. Молодой человек достал нужную книгу и, пробежав острием ручки по списку пассажиров, которые отплыли на «Виктории Регии», сказал Роберту, что среди них не было человека по имени Толбойс. Роберт продолжал спрашивать. Не появился ли кто-нибудь из пассажиров незадолго до отплытия?

Один из служащих поднял голову, услышав вопрос Роберта. Да, сказал он, он помнит молодого человека, который пришел в контору и заплатил за проезд в половине четвертого. Его имя было последним в списке – Томас Браун.

Роберт Одли пожал плечами. Зачем нужно было Джорджу скрывать свое имя? Он спросил, не помнит ли служащий, как выглядел этот мистер Томас Браун.

Нет, контора переполнена в это время, много людей входит и выходит, и он не обратил особенного внимания на этого последнего пассажира.

Роберт поблагодарил клерков за их любезность и попрощался с ними. Когда он выходил из конторы, один из молодых людей окликнул его.

– О, кстати, сэр, – сказал он. – Я вспомнил кое-что об этом Томасе Брауне – его рука была на перевязи.

Роберту Одли ничего больше не оставалось, как вернуться в город. В шесть вечера он снова вошел в свою квартиру, смертельно уставший от бесплодных поисков.

Миссис Мэлони принесла ему обед и пинту вина из таверны на Стрэнде. Вечер был сырой и холодный, и прачка разожгла огонь в камине гостиной.

Съев половину бараньей отбивной и даже не попробовав вина, Роберт закурил сигару и уставился на яркое пламя в камине.

– Джордж Толбойс не отплывал в Австралию, – произнес он после долгого и мучительного размышления – Если он жив, то все еще находится в Англии, если он мертв, его тело спрятано где-то в Англии.

Он оставался в задумчивости очень долго – тревожные и невеселые мысли оставили тень на его мрачном лице, кото-

рую не могли рассеять ни яркий свет глаз, ни веселое пламя огня.

Поздно вечером он встал, отодвинул стол, придвинул ближе к огню свою конторку, вынул лист бумаги и обмакнул перо в чернила.

После этого он помедлил, потер лоб рукой и снова впал в задумчивость.

– Я составлю запись всего, что произошло, начиная с нашей поездки в Эссекс и до сегодняшнего вечера.

Он набросал этот перечень короткими четкими предложениями, нумеруя каждое из них.

Озаглавил его он следующим образом:

«Перечень фактов, связанных с исчезновением Джорджа Толбойса, включая также те из них, что не имеют явной связи с этим обстоятельством».

Несмотря на свое взволнованное состояние, Роберт был довольно горд официальной представительностью заголовка. Он сидел некоторое время, разглядывая его с любовью и покусывая перо от ручки.

– Честное слово, – заявил он. – Я начинаю думать, что мне следовало бы заняться своей профессией, чем слоняться без дела всю жизнь, как я это делал.

Роберт выкурил полсигары, прежде чем направил свои мысли в нужное русло, и затем начал писать:

«1. Я пишу Алисии, предлагая привезти Джорджа в Корт.

2. Алисия пишет, что ничего не выйдет, поскольку леди Одли возражает.

3. Мы приезжаем в Эссекс, несмотря на возражения. Я вижу госпожу. Госпожа отказывается от знакомства с Джорджем в тот вечер, по причине усталости.

4. Сэр Майкл приглашает Джорджа и меня к обеду на следующий вечер.

5. Госпожа получает телеграфное послание на следующее утро, которое призывает ее в Лондон.

6. Алисия показывает мне письмо от госпожи, в котором та просит, чтобы ей сообщили, когда я и мой друг, мистер Толбойс, намерены покинуть Эссекс. В письме есть постскрипtum, еще раз повторяющий вышеизложенную просьбу.

7. Мы навещаем Корт и просим показать дом. Комнаты госпожи заперты.

8. Мы попадаем в вышеуказанные апартаменты посредством потайного хода, о существовании которого госпоже неизвестно. В одной из комнат находим ее портрет.

9. Джордж испугался грозы. Весь оставшийся вечер его поведение чрезвычайно странно.

10. Джордж приходит в себя на следующее утро. Я предлагаю немедленно покинуть Одли-Корт, он предпочитает остаться до вечера.

11. Мы идем удить рыбу. Джордж покидает меня, чтобы сходить в Корт.

12. Последняя информация, какую я имею о нем в Эссексе, получена в Кorte, где слуга говорит, что, по

его мнению, мистер Толбойс сказал, что пойдет поищет госпожу в окрестностях.

13. Я получаю информацию о нем на станции, которая, возможно верна, а возможно, и нет.

14. Я еще раз получаю известия о нем в Саутгемптоне, где, согласно словам его тестя, он находился около часа предыдущей ночью.

15. Телеграфное послание».

Когда Роберт Одли закончил этот короткий перечень, который он составлял чрезвычайно осмотрительно, с частыми остановками для размышлений, исправлений и добавлений, он долгое время сидел, рассматривая исписанную страницу.

Наконец, он еще раз перечитал ее, останавливаясь у некоторых пунктов и пометчая их крестиком, затем свернул этот лист и положил его в свое бюро, в отделение, где уже было письмо от Алисии, – в тот самый ящик с пометкой «Важно».

После этого он вернулся в свое кресло у камина, отодвинул в сторону книгу и закурил сигару.

«Сплошные потемки от начала и до конца, – размышлял он. – Ключ к этой загадке нужно искать или в Саутгемптоне или в Эссексе. Будь что будет, я принял решение. Сначала я еду в Одли-Корт, поискать Джорджа Толбойса поблизости».

Глава 14. Жених Фебы

«Мистер Джордж Толбойс. – Любой, кто видел этого джентльмена после 7-го числа сего месяца или имеет о нем какие-либо сведения, будет щедро вознагражден, связавшись с А. З., Ченсери-Лейн, 14».

Сэр Майкл прочитал это объявление во второй колонке «Таймс», сидя за завтраком с госпожой и Алисией, спустя два-три дня после возвращения Роберта в город.

– По-видимому, о друге Роберта до сих пор нет никаких известий, – заметил он, прочитав объявление жене и дочери.

– Что до этого, – ответила госпожа, – меня только удивляет, какой глупец дает о нем объявление. Молодой человек был явно беспокойного нрава, ему не сиделось долго на одном месте.

Хотя объявление появлялось три раза подряд, общество в Кортэ мало интересовало исчезновение мистера Толбойса, после этого единственного случая его имя больше не упоминалось ни сэром Майклом, ни госпожой, ни Алисией.

Отношения Алисии Одли и ее хорошенькой мачехи не улучшились после того вечера, когда молодой адвокат обедал в Кортэ.

– Она тщеславная, легкомысленная, бессердечная маленькая кокетка, – говорила Алисия своему ньюфаундленду, Цезарю, который был единственным поверенным секретов

юной леди. – Она опытная, законченная кокетка, Цезарь; ей недостаточно окрутить половину мужского населения в Эссексе своими кудряшками и глупым хихиканьем, она во что бы то ни стало должна заставить этого глупого кузена стоять перед ней на задних лапках. У меня просто не хватает терпения с ней.

В подтверждение последнего заявления мисс Алисия относилась к своей мачехе с такой явной дерзостью, что сэр Майкл счел себя обязанным сделать замечание своей единственной дочери.

– Бедняжка очень чувствительна, Алисия, – увещевал баронет, – она чрезвычайно болезненно воспринимает твое отношение.

– Я несколько не верю этому, папа, – уверенно ответила Алисия. – Ты думаешь, что она чувствительна, потому что у нее мягкие маленькие белые ручки, большие голубые глаза с длинными ресницами и всевозможное притворство, которое вы, глупые мужчины, называете очаровательным. Чувствительна! Да я видела, как она этими самыми хрупкими белыми пальчиками делает жестокие вещи и смеется, видя причиненную ею боль. Мне очень жаль, папа, – добавила она, увидев огорченное выражение на лице отца. – Хотя она встала между нами и украла у бедной Алисии любовь твоего щедрого сердца, я хотела бы полюбить ее для твоего блага, но я не могу, не могу, не может и Цезарь. Она подошла к нему однажды с хищной улыбкой на лице и погладила его боль-

шую голову своей мягкой ручкой, но если бы я не держала его за ошейник, он бы вцепился ей в горло и перегрыз его. Она может очаровать всех мужчин в Эссексе, но она никогда не подружится с моей собакой.

– Твою собаку следовало бы пристрелить, – сердито ответил сэр Майкл, – если Люси подвергнется опасности из-за ее злобного нрава.

Ньюфаундленд медленно повернул голову в сторону говорящего, как будто он понял каждое слово. В этот момент в комнату зашла леди Одли и животное съежилось около своей хозяйки с приглушенным рычанием. В поведении собаки чувствовался скорее ужас, чем ненависть, каким бы невероятным не мог показаться страх Цезаря перед этим хрупким созданием, как Люси Одли.

Несмотря на все свое дружелюбие, госпожа не могла не заметить, что Алисия не любит ее. Они никогда не упоминала об этом, лишь однажды, пожал своими изящными плечами, она промолвила со вздохом:

– Весьма прискорбно, что ты не можешь полюбить меня, Алисия, так как я никогда не умела заводить врагов, но если приходится, то ничего другого мне не остается. Если мы не можем быть друзьями, то давай, по крайней мере, соблюдать нейтралитет. Ты не будешь пытаться вредить мне?

– Вредить вам! – воскликнула Алисия. – Как я могу повредить вам?

– Ты не будешь пытаться лишить меня привязанности тво-

его отца.

– Может быть, я не могу быть такой любезной, как вы, госпожа, и расточать улыбки и комплименты каждому встречному поперечному, но я не способна на низость, и даже если бы и была, то, я думаю, вы настолько защищены любовью моего отца, что никто, кроме вас самой, не может лишить вас его привязанности.

– Как ты неумолима, Алисия, – произнесла госпожа с небольшой гримасой. – Я полагаю, ты намекаешь на то, что я лжива. Но я не могу не улыбаться людям и не говорить им любезности. Я знаю, что я не *лучше* других, но что же делать, если я *приятнее*. Это естественно.

Таким образом, Алисия исключила любую возможность сближения между ней и мачехой, и поскольку сэр Майкл был в основном занят сельским хозяйством и спортом, из-за чего ему приходилось проводить много времени вне дома, то вполне естественно, что госпожа была вынуждена искать общества у своей белобрысой служанки.

Феба Маркс в точности соответствовала тому типу девушек, которых произвели из служанок в компаньонки. Она была достаточно образованна, чтобы понимать свою хозяйку, когда Люси позволяла себе раздражаться интеллектуальной трескотней, в которой язык едва поспевал за мыслями. Феба неплохо знала французский и могла читать романы в желтых обложках, которые заказывала госпожа в Берлингтон-Аркейд, и обсуждать со своей хозяйкой перипетии этих

романтических историй. Сходство Люси Одли и ее горничной, возможно, сближало этих женщин. Оно не было явным, их можно было увидеть рядом и ничего не заметить. Но если бы кто-нибудь увидел, как Феба бесшумно скользит по темным коридорам Корта в призрачном свете сумерек, он легко мог принять ее за госпожу.

Резкий октябрьский ветер гнал по липовой аллее опавшие листья и с призрачным шорохом наметал их в кучи вдоль сухих гравиевых дорожек. Старый колодец наполовину, должно быть, был заполнен листьями, принесенными ветром, которые как в водоворот затягивало в его черную, разрушенную пасть. Опавшие листья усыпали плотным ковром тихую гладь пруда, полностью скрыв его прозрачные воды. Усилия всех садовников, которых нанял сэр Майкл, не могли сдерживать разрушительного натиска осени на землях вокруг поместья.

– Терпеть не могу этот унылый месяц! – воскликнула госпожа, прогуливаясь по саду и зябко поеживаясь под своим манто из соболей. – Повсюду разрушение и упадок, и холодный свет солнца освещает это уродство земли, словно сияние газовых ламп морщины старой женщины. Состарюсь ли я когда-нибудь, Феба? Выпадут ли мои волосы, так же, как листья опадают с этих деревьев? Что со мной станет, когда я буду старой?

Она вздрогнула при этой мысли и, плотнее укутавшись в меха, зашагала вперед так быстро, что ее служанка с трудом

поспевала за ней.

– Ты помнишь, Феба, – продолжала она вскоре, замедлив шаг, – ты помнишь тот французский рассказ, что мы с тобой читали – историю о прекрасной женщине, которая совершила какое-то преступление – не помню какое – в зените своей власти и всеобщего поклонения, когда весь Париж пил за ее здоровье, а простые люди, оставив без внимания карету короля, бежали толпой за ее экипажем, только чтобы взглянуть на ее лицо? Ты помнишь, как она хранила свою тайну почти полвека, проведя свои преклонные годы в кругу семьи, любимая и почитаемая провинциальным обществом, как святая и благодетельница бедных; и когда она поседела и глаза почти ослепли от возраста, ее тайна из-за какой-то неожиданной случайности была раскрыта; ее судили, признали виновной и приговорили к сожжению на костре? Короля, который ей покровительствовал, уже не было в живых; двор, где она блистала, канул в прошлое; влиятельные чиновники и судьи, которые могли бы ей помочь, давно сгнили в своих могилах; храбрые юные рыцари, которые отдали бы жизнь за нее, пали на полях сражений; она пережила всех и увидела, как век, к которому она принадлежала, растаял, как дым; и она взошла на костер в окружении лишь нескольких невежественных крестьян, которые забыли о ее щедрости и улюлюкали вслед злой колдунье.

– Я не люблю такие грустные истории, – промолвила Феба Маркс с содроганием. – Нет нужды читать книги, в этом

мрачном месте и так хватает ужасов.

Леди Одли пожала плечами и рассмеялась, видя прямоту своей служанки.

– Это мрачное место, Феба, – подтвердила она, – хотя не стоит говорить об этом моему дорогому старичку мужу. Несмотря на то, что я жена одного из самых влиятельных людей в графстве, не знаю, лучше ли мне, чем у мистера Досуна; но все же носить соболя стоимостью в шестьдесят гиней и тратить тысячу фунтов на украшение комнат кое-что значит.

Казалось странным, что Феба Маркс, находясь на положении компаньонки, получая щедрое вознаграждение и пользуясь привилегиями, как никакая другая служанка, желала оставить свое место; но тем не менее это было так – она страстно желала сменить преимущества Одли-Корта на весьма малообещающее будущее в качестве жены своего кузена Люка.

Молодой человек ухитрился воспользоваться удачей, которая выпала на долю его возлюбленной. Он не давал Фебе покоя до тех пор, пока она не выпросила для него, не без вмешательства госпожи, места помощника конюха в Корте.

Он никогда не выезжал ни с Алисией, ни с сэром Майклом; и лишь раз, в один из немногих случаев, когда госпожа взбиралась на маленькую серую чистокровку, предоставленную в ее распоряжение, он сопровождал ее в поездке верхом. В первые же полчаса он убедился, что как бы грациозно ни

выглядела госпожа в своей голубой амазонке, она была весьма посредственной наездницей, и совсем не способна управлять лошадью.

Леди Одли убеждала свою служанку, что она совершает глупость, желая выйти замуж за грубого конюха.

Две женщины сидели вместе у огня в гардеробной госпожи, над домом нависло серое небо, и черный узор плюща темнел на створчатых окнах.

– Я надеюсь, ты не влюблена в это неуклюжее, отвратительное существо, не так ли, Феба? – резко спросила госпожа.

Девушка сидела на низкой скамеечке у ног своей хозяйки. Она не ответила сразу на вопрос госпожи, устремив отсутствующий взор на пламя в камине.

Вскоре она заговорила, скорее рассуждая вслух, чем отвечая на вопрос Люси:

– Я не думаю, что могу полюбить его. Мы с детства были вместе, и я пообещала, что когда мне мінет пятнадцать лет, то я стану его женой. Я не смею нарушить сейчас это обещание. Временами я даже составляла предложение, какое скажу ему, отказываясь сдержать свою клятву, но слова замирали у меня на губах, и я сидела, глядя на него, и ком в горле мешал мне вымолвить хоть слово. Я не смею отказать ему. Я часто смотрела, как он сидит и остругивает кол для забора своим огромным ножом, пока мне не начинало казаться, что как раз такие, как он, заманивают своих возлюбленных

в уединенные местечки и убивают за то, что они не держат своего слова. Мальчиком он был отчаянным и мстительным. Я однажды видела, как он схватил этот самый нож, ссорясь со своей матерью. Говорю вам, госпожа, я должна выйти за него замуж.

– Глупая девчонка, ты не сделаешь ничего подобного! – возмутилась Люси. – Ты думаешь, что он убьет тебя, не так ли? А не кажется ли тебе, что если он убийца, ты вряд ли будешь в безопасности в качестве его жены? Если ты обманешь его, если он захочет жениться на другой женщине или присвоить твои небольшие деньги, разве он не мог бы тогда убить тебя? Говорю тебе, ты не выйдешь за него, Феба. Во-первых, я ненавижу этого человека, а во-вторых, я не могу расстаться с тобой. Мы дадим ему несколько фунтов, чтобы он смог начать свое дело.

Феба Маркс схватила руки госпожи в свои и конвульсивно сжала их.

– Госпожа, моя хорошая, добрая госпожа! – взмолилась она со страстью. – Не просите меня обманывать его. Говорю вам, я должна выйти за него замуж. Вы не знаете его. Я погибла, если нарушу свое слово. Я должна выйти за него!

– Ну хорошо, Феба, – уступила ее хозяйка. – Я не могу спорить с тобой. За всем этим, должно быть, кроется какая-то тайна.

– Это так, госпожа, – промолвила девушка, отвернувшись от Люси.

– Мне будет жаль потерять тебя, но я обещала быть тебе другом. Чем твой кузен собирается зарабатывать на жизнь, когда вы поженитесь?

– Ему бы хотелось открыть таверну.

– В таком случае, она у него будет, и чем быстрее он ухнет до смерти, тем лучше. Сегодня вечером сэр Майкл обедает на холостяцкой вечеринке у майора Магрейва, а моя падчерица с друзьями в Грейндже. Ты можешь привести своего кузена в гостиную после обеда, и я скажу ему, что собираюсь предпринять для него.

– Вы так добры, госпожа, – вздохнула Феба.

Леди Одли сидела в роскошной гостиной, освещенной пламенем камина и восковыми свечами; ее темно-фиолетовое бархатное платье ярко выделялось на янтарного цвета подушках, волосы струились золотым потоком вокруг шеи. Все вокруг нее дышало богатством и роскошью, и странным контрастом всему этому и ее красоте был неуклюжий конюх, который стоял, почесывая голову, в то время как госпожа объясняла ему, что собирается сделать для своей служанки. Обещания Люси были весьма щедры, и она ожидала, что, несмотря на свою неуклюжесть, он хоть и в своей грубой манере, но выразит благодарность.

К ее удивлению он стоял, глядя в пол и не говоря ни слова в ответ на ее предложение. Феба стояла рядом с ним, и, казалось, его грубость неприятно поразила ее.

– Скажи госпоже, что ты благодарен, Люк, – сказала она.

– Да я не так уж и благодарен, – грубо ответил ее любовник. – Пятьдесят фунтов не хватит, чтобы открыть таверну. Пусть будет сто, госпожа.

– Это уж слишком, – возразила госпожа. Ее ясные голубые глаза заблестели от негодования. – Хотелось бы мне знать, откуда такая дерзость.

– О да, тем не менее вы дадите, – ответил Люк со спокойной наглостью, за которой скрывалось нечто большее. – Вы дадите сотню, госпожа.

Леди Одли поднялась со своего места, пристально глядя ему в лицо, затем, подойдя вплотную к своей служанке, произнесла высоким, звенящим голосом, который появлялся у нее в моменты сильного волнения:

– Феба Маркс, ты рассказала *этому человеку!*

Девушка упала на колени у ног госпожи.

– О, простите меня, простите меня, – рыдала она. – Я бы ни за что не рассказала, он заставил меня!

Глава 15. Настороже

Хмурым ноябрьским утром, когда желтый туман низко стелился по лугам и стадо коров с трудом пробиралось сквозь туманный мрак, натываясь на чернеющие изгороди или спотыкаясь о небольшие рвы, неразличимые во мгле; когда деревенская церквушка тускло вырисовывалась в призрачном свете; когда все дорожки и двери домов, крыши и серые старые трубы, деревенские мальчишки и бродячие собаки – все казалось причудливым и таинственным в этой полутьме, Феба Маркс и ее кузен Люк проходили через кладбище Одли и вскоре предстали перед дрожащим от холода помощником приходского священника, чье облачение стало сырым от утреннего тумана и повисло на нем мокрыми складками, и настроение которого отнюдь не улучшилось от того, что ему пришлось пять минут ожидать жениха и невесту.

Одетый в свой выходной костюм, мешковато сидевший на нем, Люк не выглядел красивее, чем обычно; но зато Феба, облаченная в изящные шуршащие шелка серого цвета, подаренные госпожой, смотрелась, как заметили немногие зрители этой церемонии, совершенной леди.

Но леди туманной и призрачной, смутных очертаний и тусклого цвета, чьи глаза, волосы, лицо и платье настолько слились с бледными тенями, что в мрачном свете туман-

ного ноябрьского утра какой-нибудь суеверный незнакомец мог принять невесту за привидение какой-то совсем другой невесты, давно скончавшейся и похороненной за церковной оградой.

Мистера Люка Маркса, героя церемонии, это мало занимало. Он обеспечил себе жену по собственному выбору и получил предмет своих желаний – таверну. Госпожа предоставила ему 75 фунтов, необходимых для покупки небольшой гостиницы с трактиром, с запасом пива и спиртных напитков, расположенной в центре маленькой деревушки на вершине холма под названием Маунт-Стэннинг. На вид это был невзрачный домишко: ветхий и побитый непогодой, он стоял на возвышении, открытый всем ветрам, отгороженный лишь несколькими голыми и старыми тополями, которые выросли быстрее, чем набрали силу, и имели вследствие этого жалкий и заброшенный вид. Ветер дул по-своему у гостиницы «Касл» и временами жестоко использовал свою мощь. Этот ветер так разбивал и гнул низкие, крытые соломой крыши хозяйственных построек и конюшен, что они накренились вперед, словно шляпа, свисающая с низкого лба деревенского хулигана; этот ветер так сотрясал деревянные ставни на узких створчатых окнах, что они разбивались и болтались на ржавых петлях; этот ветер перевернул голубятню и разбил флюгер, который был дерзко установлен на самом верху, чтобы вещать о могуществе стихии; этот ветер раздувал огонь на любом, самом скромном деревянном украшении и

с презрительной яростью терзал и разметал его; этот ветер оставлял мох на бесцветной поверхности оштукатуренных стен; одним словом, этот самый ветер расшатывал, разрушал и раскалывал груды ветхих строений, а затем с пронзительным воем уносился прочь – буйствовать в своей необузданной стихии. Бывший владелец таверны упал духом и устал от бесконечной борьбы со своим могучим врагом, ветру была предоставлена свобода действий, а таверна «Касл» медленно приходила в упадок. Но несмотря на это, внутри, за дверями, она продолжала процветать. Крепкие гуртовщики заглядывали в маленький бар, чтобы выпить; состоятельные фермеры проводили вечера, беседуя о политике, в низенькой, обшитой деревянными панелями гостиной, пока их лошади жевали подозрительного вида смесь из заплесневелого сена и вполне сносных бобов в полуразрушенных конюшнях. Временами даже участники охоты в Одли останавливались в гостинице «Касл», чтобы выпить и покормить лошадей; а однажды, по великому незабываемому случаю, владелец охотничьих собак заказал ужин на тридцать персон, и хозяин таверны чуть не сошел с ума от важности заказа.

Итак, Люк Маркс, став владельцем таверны «Касл» в Маунт-Стэннинге, считал, что ему крупно повезло.

Жениха и невесту ожидал фаэтон, чтобы отвезти их в новое жилище, и несколько простых деревенских жителей, которые с детства знали Фебу Маркс, слонялись у церковных ворот, чтобы пожелать ей счастливого пути. Ее бледные гла-

за стали еще бледнее от пролитых слез и красных кругов вокруг глаз. Жениха раздражало это проявление чувств.

– Чего ты реवेशь, золотце? – свирепо спросил он. – Если не хотела выходить за меня, сказала бы сразу. Я что, собираюсь убить тебя?

Служанка госпожи вздрогнула, когда он заговорил с ней, и плотнее закуталась в свою маленькую шелковую накидку.

– Да ты замерзла в этом своем пышном наряде, – заметил Люк, с брезгливостью посмотрев на ее дорогое платье. – Почему это женщинам обязательно надо одеваться, как господа? Уж я тебе не буду покупать шелковых платьев, точно говорю.

Он усадил дрожащую девушку в фаэтон, укутал ее грубым покрывалом и поехал прочь сквозь густой туман, сопровождаемый негромкими приветственными криками нескольких мальчишек, которые сгрудились у ворот.

В услужение госпоже из Лондона была привезена новая горничная вместо Фебы Маркс – очень яркая девица, которая носила черное атласное платье и розовые ленты на чепчике и постоянно жаловалась на скуку, царившую в Одли-Корт.

На Рождество в старый особняк приехали гости. Сельский сквайр и его толстая жена заняли комнату с гобеленами; веселые девушки носились по длинным коридорам, а молодые люди выглядывали из забранных решетками окон, наблюдая за южными ветрами и облачным небом; в старых конюшнях

не осталось ни одного свободного стойла; во дворе на скорую руку была установлена кузница, чтобы подковывать лошадей; стало шумно из-за непрерывного лая собак; на верхних этажах толпились слуги; в каждом маленьком створчатом окошке, укрывшемся под фронтоном, и в каждом слуховом оконце на причудливой старой крыше мерцали свечи в зимней ночи; так что какой-нибудь застигнутый ночью путник, неожиданно вышедший к Одли-Корту, обманутый светом, шумом и суетой, мог легко впасть в заблуждение и принять гостеприимный особняк за старомодную гостиницу, которые исчезли с лица земли давным-давно, с той поры, как последняя почтовая карета совершила свое печальное путешествие во двор скупщика.

Среди других гостей в Эссекс на охотничий сезон прибыл мастер Роберт Одли, с полдюжиной французских романов, ящиком сигар и тремя фунтами турецкого табака в своем чемодане.

Молодые сельские сквайры, беседовавшие за завтраком лишь о голландских кобылах и жеребятках, о славных семичасовых поездках верхом через три графства, и которые вставали от накрытого стола, дожевывая холодный филей, чтобы взглянуть на растянутое сухожилие лошади или на жеребенка, только что привезенного от ветеринара, так вот эти самые сквайры сочли Роберта Одли, мирно жующего кусочек хлеба с мармеладом, персоной, не стоящей их внимания.

Молодой адвокат привез с собой пару собак, и сельские

джентльмены, которые платили по 50 фунтов за пойнтера и могли проехать сотню миль, чтобы посмотреть на выводок сеттеров, прежде чем заключить сделку, громко смеялись над двумя несчастными шавками; одна из них бежала за Робертом от Ченсери-Лейн, другую же Роберт отобрал у уличного торговца, который бил ее. И более того, так как Роберт настаивал, чтобы эти два весьма плачевного вида животных находились под его креслом в гостиной (к большому раздражению госпожи, которая, как мы знаем, не любила собак), то гости Одли-Корта смотрели на племянника баронета как на безобидного чудака.

Во время своих прошлых посещений Корта Роберт Одли выказывал слабый интерес к занятиям спортом. На спокойном сером пони сэра Майкла он не спеша трусил по вспаханым полям, и, притомившись, останавливался, тяжело дыша, у ближайшего фермерского дома и выражал сильнейшее желание больше не гнаться за гончими в это утро. Он зашел так далеко, что надел с великим трудом пару коньков с целью покататься по замерзшему пруду и позорно упал при первой же попытке; раскинув руки, он безмятежно лежал на спине, пока стоящие рядом не решили, что пора его поднять. Он уселся на заднем сиденье экипажа во время приятной утренней прогулки, бурно протестуя, когда коляска ехала в гору, и каждые десять минут требуя остановиться, чтобы поправить подушки. Но в этом году он не был склонен к подобного рода развлечениям. Все время он проводил, слоняясь по гостиной

и стараясь угодить и быть любезным с госпожой и Алисией.

Леди Одли принимала знаки внимания племянника в своей изящной детской манере, которую ее обожатели находили очаровательной; но Алисия была возмущена переменой в поведении кузена.

– Вы всегда были жалким, бездушным занудой, Боб, – с презрением разразилась юная леди, врываясь в гостиную в костюме для верховой езды после охотничьего завтрака, на который Роберт не явился, предпочитая чашку чая в будуаре госпожи. – Но в этом году не знаю, что на вас нашло. Вы не годитесь ни на что, кроме как держать шелковую ленточку и читать Теннисона леди Одли.

– Моя дорогая вспыльчивая, стремительная Алисия, успокойтесь, – взмолился молодой человек. – Вывод – это не барьер, и вам не стоит выносить свое суждение так быстро, как несется ваша лошадка Аталанта, беря барьер, в погоне за несчастной лисой. Леди Одли интересуется меня, а соседи моего дяди – не очень. Этот ответ вас удовлетворит, Алисия?

Мисс Одли презрительно вскинула голову.

– Лучшего ответа я от вас и не получу, Боб, – нетерпеливо произнесла она. – Ради бога, развлекайтесь как хотите; сидите, развалившись, в кресле хоть целый день с этими вашими нелепыми собаками на коленях, портите портьеры госпожи своими сигарами и раздражайте всех в доме своей глупой флегматичной физиономией.

Услышав эту тираду, мистер Роберт Одли широко рас-

крыл свои красивые серые глаза и беспомощно посмотрел на Алисию.

Молодая леди расхаживала по комнате, постукивая кнутом по своему костюму для верховой езды. Ее глаза горели гневным огнем, на смуглых щеках выступил яркий румянец. По всем этим признакам молодой адвокат не мог не догадаться, что его кузина в гневе.

– Да, – повторила она, – своей глупой, флегматичной физиономией. Вы знаете, Роберт Одли, что, несмотря на ваше показное дружелюбие, вас переполняют тщеславие и надменность. Вы свысока взираете на наши развлечения; вы поднимаете брови, пожимаете плечами, откидываетесь назад в своем кресле и игнорируете нас и наши занятия. Вы эгоистичный сибарит без сердца...

– Алисия! Бога ради!

Выронив газету, он беспомощно смотрел на свою обидчицу.

– Да, *эгоистичный*, Роберт Одли! Вы приводите домой полуголодных собак, потому что вам нравятся голодные собаки. Вы наклоняетесь и гладите каждую шавку на деревенской улице, потому что вам нравятся никчемные жучки. Вы обращаете внимание на маленьких детей и даете им полпенса, потому что вам это доставляет удовольствие. Но вы поднимаете ваши брови на четверть ярда, когда бедный сэр Гарри Тауэрс рассказывает какую-нибудь глупую историю, и лениво окидываете беднягу высокомерным взглядом. Что до ва-

шего дружелюбия, вы скорее дадите ударить себя и скажете «спасибо», чем возьмете на себя труд дать сдачи; но вы не пройдете лишней мили, чтобы услужить своему лучшему другу. Да сэр Гарри стоит двадцати таких, как вы. Он, может быть, не умеет правильно говорить и поднимать брови до корней волос, но он пойдет в огонь и воду за девушку, которую любит, в то время как вы...

В этот момент, когда Роберт уже был готов к новой вспышке гнева, а Алисия, казалось, собиралась нанести свой главный удар, юная леди не выдержала и разразилась слезами.

Роберт вскочил с кресла, опрокинув собак на ковер.

– Алисия, моя дорогая, что с вами?

– Это... это... это перо от шляпы попало мне в глаза, – рыдала его кузина, и, прежде чем Роберт смог проверить справедливость этого утверждения, Алисия пулей вылетела из комнаты.

Мистер Одли собирался последовать за ней, когда среди шума, поднятого во дворе гостями, собаками и конюхами, он различил ее голос. Сэр Гарри Тауэрс, самый аристократичный молодой спортсмен в окрестностях, поддерживал ее маленькую ступню в своей руке, пока она вскакивала в седло.

– Боже мой! – воскликнул Роберт, наблюдая за веселой стайкой всадников, пока они не скрылись под аркой. – Что все это значит? Как превосходно она сидит на лошади! И какая стройная фигурка, и красивое, открытое, смуглое лицо;

но так налететь на человека без малейшего повода! Вот результат того, что девушке позволяют гнаться за сворой гончих. Она научилась смотреть на все жизненные препятствия как на несколько футов бревен или поваленный забор, и она мчится по жизни словно по графским просторам, – прямо вперед и невзирая ни на что. Какой она могла бы быть чудесной девушкой, если бы воспитывалась на Фигтри-Корт! Если я когда-нибудь женюсь и у меня будут дочери, они получат самое лучшее образование и не ступят за порог дома, пока не достигнут возраста, когда их можно будет выдать замуж, и тогда я сам проведу их через Флит-стрит к церкви Святого Дунстана и передам в руки мужей.

Роберт Одли еще был занят этими размышлениями, когда в гостиную вошла госпожа, свежая и сияющая в своем элегантном утреннем костюме, ее золотистые локоны блестели от ароматизированной воды, в которой она купалась, в руках она держала альбом для рисования. Она установила маленький мольберт на столике у окна и начала смешивать краски на палитре. Полуприкрыв глаза, Роберт наблюдал за ней.

– Моя сигара не беспокоит вас, леди Одли?

– О нет, я привыкла к запаху табака. Мистер Доусон, врач, каждый вечер курил, когда я жила в его доме.

– Доусон – неплохой человек, не так ли? – небрежно спросил Роберт.

Госпожа залилась смехом.

– Самый лучший на свете, – подтвердила она. – Он пла-

тил мне двадцать пять фунтов в год – только представьте. Я хорошо помню, как получала деньги – шесть старых тусклых соверенов и маленькую кучку неопрятного, грязного серебра, только что полученного от пациентов! Но тогда я была так рада получить их, в то время как *сейчас* – не могу не смеяться, вспомнив об этом – эти краски стоят по гинее каждая, кармин и ультрамарин по тридцать шиллингов. Вчера я отдала миссис Доусон одно из моих шелковых платьев, бедняжка расцеловала меня, и врач нес узелок домой, спрятав его под плащом.

Госпожа долго и весело смеялась. Краски были смешаны, она срисовывала акварельный этюд, изображающий до невозможности красивого итальянского крестьянина в манере Тернера. Рисунок был почти закончен, ей оставалось только добавить несколько легких штрихов самой тонкой из своих кисточек. Она изящно подняла кисть, вглядываясь в картину.

Глаза Роберта Одли не отрывались от ее хорошенького лица.

– Это действительно перемена, – промолвил он после большой паузы, во время которой госпожа могла забыть, о чем говорила. – И большая перемена! Некоторые женщины пошли бы на что угодно, чтобы совершить такую перемену.

Ясные голубые глаза леди Одли расширились, она не отрываясь смотрела на молодого адвоката.

Зимнее солнце, осветив ее лицо из бокового окошка, оза-

рило лазурью ее прекрасные глаза, пока не начало казаться, что они мерцают, становясь то голубыми, то зелеными, как опаловые оттенки моря изменяются в летний день. Маленькая кисточка выпала из ее руки, и алое пятно закрыло лицо крестьянина.

Роберт Одли нежно разглаживал скомканный лист табака своими осторожными пальцами.

– Мой друг на углу Ченсери-Лейн дал мне не такой хороший табак, как обычно, – бормотал он. – Если вы когда-нибудь закурите, моя дорогая тетушка, будьте очень осторожны, выбирая сигары.

Госпожа глубоко вздохнула, подняла кисточку и громко засмеялась, услышав совет Роберта:

– Как вы эксцентричны, мистер Одли! Знаете, иногда вы озадачиваете меня...

– Не больше, чем озадачиваете меня вы, моя дорогая тетушка.

Госпожа отложила краски и альбом и, перейдя к другому окну, на значительное расстояние от Роберта Одли, уселась в его глубокой нише и занялась вышиванием.

Теперь Роберт сидел далеко от госпожи, в другом конце комнаты, и только временами видел ее прекрасное лицо, окруженное ярким ореолом золотистых волос.

Уже с неделю находился он в Кортэ, но ни разу ни он, ни госпожа не упоминали имени Джорджа Толбойса.

Этим же утром, исчерпав все темы для разговора, Люси

Одли осведомилась о друге своего племянника.

– Этот мистер Джордж... Джордж... – начала она, запинаясь.

– Толбойс, – подсказал Роберт.

– Да, точно – мистер Джордж Толбойс. Кстати, довольно необычное имя и, без сомнения, странная личность. Вы видели его в последнее время?

– Я не видел его с седьмого сентября, с того самого дня, когда он оставил меня спящим на лугу, недалеко от деревни.

– Бог мой! – удивилась госпожа. – Какой, должно быть, чудак этот мистер Джордж Толбойс! Расскажите мне о нем.

Вкратце Роберт рассказал ей о своих поездках в Саутгемптон и Ливерпуль с прямо противоположными результатами; госпожа слушала его очень внимательно.

Чтобы лучше рассказывать, молодой человек оставил свое место, прошел в другой конец комнаты и сел напротив леди Одли в амбразуре окна.

– И какие вы делаете выводы из всего этого? – помолчав, спросила она.

– Это такая загадка для меня, – ответил он, – я даже не знаю, что и думать; но во мраке неизвестности я могу нащупать путь к двум предположениям, которые кажутся мне почти несомненными фактами.

– И это...

– Во-первых, Джордж Толбойс никогда не уезжал дальше Саутгемптона. А во-вторых, не надо забывать, что он вообще

не ездил в Саутгемптон.

– Но вы проследили его там. Его тесть видел его.

– У меня есть причины сомневаться в честности его тестя.

– Великий боже! – с сожалением воскликнула госпожа. –

Что вы имеете в виду?

– Леди Одли, – мрачно промолвил молодой человек, – я никогда не практиковал в качестве адвоката. Я вступил в ряды профессии, на членов которой возложена большая ответственность и священные обязанности; я уклонялся от этой ответственности и обязанностей так же, как от всех тягот этой суетной жизни: но иногда мы оказываемся вовлеченными в то, чего более всего избегали, и в последнее время я обнаружил, что вынужден думать об этих вещах. Леди Одли, вы когда-нибудь изучали теорию косвенных улик?

– Как вы можете спрашивать бедную женщину о таких ужасных вещах? – возмутилась она.

– Косвенные улики, – продолжал молодой человек, как будто не слыша ее восклицания, – это удивительное полотно, сотканное из нитей, протянутых из каждой точки окружности, и достаточно крепкое, чтобы повесить человека. За какими незначительными, казалось бы, пустяками кроется порой разгадка какой-нибудь ужасной тайны, которую до сих пор не могли раскрыть умнейшие из умных! Кусочек бумаги, лоскут порванной одежды, пуговица от пальто, слово, неосторожно сорвавшееся с виновных губ, отрывок из письма, закрытая или открытая дверь, тень в окне, точность мо-

мента, тысяча незначительных обстоятельств, забытых преступником, но все это – стальные звенья удивительной цепи, которая куется знанием детектива, и в итоге – виселица построена, в мрачном тумане серого утра звонит колокол, помост скрипит под ногами осужденного, и преступление наказывается.

Легкие тени зеленого и алого упали на госпожу из окна с разноцветным стеклом, у которого она сидела; все естественные краски сошли с ее лица, оно стало пепельно-серым.

Откинув голову на подушки и безвольно уронив на колени руки, леди Одли потеряла сознание.

– С каждым днем круг сужается, – медленно произнес Роберт Одли. – Джордж Толбойс никогда не ездил в Саутгемптон.

Глава 16. Роберту указали на дверь

Рождественская неделя закончилась, и гости, один за другим, разъезжались из Одли-Корта. Толстый сквайр и его жена покинули серую комнату с гобеленами, оставив чернобробых воинов хмуриться со своей стены и угрожать новым гостям или же мстительно окидывать свирепым взглядом пустые апартаменты. Веселые девушки-хохотушки на втором этаже упаковывали в сундуки смятые бальные платья из тончайшей прозрачной материи. Старинные семейные дребезжащие экипажи, запряженные лошадьми, которым приходилось выполнять более тяжелую работу, чем кататься по ровным дорогам графства, были поданы во двор к сурового вида дубовой двери и нагружены всевозможным дамским багажом. Хорошенькие румяные лица выглядывали из окошек, чтобы улыбнуться на прощанье стоявшим у двери хозяевам, пока экипажи с грохотом проезжали под увитой плющом аркой. Сэр Майкл был всеобщим любимцем. Он пожимал руки юным спортсменам, целовался с румяными девушками, иногда даже обнимал солидных матрон, которые хотели выразить ему благодарность за приятно проведенное время; радужный, гостеприимный, щедрый, счастливый и любимый всеми баронет спешил из комнаты в комнату, из холла в конюшни, из конюшен во двор, оттуда к воротам, чтобы успеть проводить своих гостей. В эти прощальные дни золотистые

локоны госпожи мелькали тут и там, словно блуждающие солнечные блики. Ее огромные голубые глаза были печальны и очаровательно гармонировали с мягким пожатием ее маленькой руки и дружескими, возможно, немного стереотипными словами о том, что ей *так* жаль терять своих гостей, и что она места себе не найдет, пока они не приедут снова, чтобы оживить Корт своим обществом.

Но как ни жаль было госпоже расставаться со своими гостями, был по крайней мере один, чьего общества она не лишалась. Роберт Одли не выказывал намерения покинуть дом своего дяди. У него не было никаких обязанностей, говорил он, и потом, если в жаркую погоду Фигтри-Корт была тениста и прохладна, то в зимние месяцы там задували резкие ветра, неся с собой ревматизм и простуду. И все были так добры к нему в Корте, что он совсем не был склонен уезжать отсюда.

У сэра Майкла на это был один ответ: «Оставайся, мой дорогой мальчик, оставайся, мой дорогой Боб, сколько пожелаешь. Ты мне как сын. Подружись с Люси, и пусть Корт на всю жизнь будет твоим домом».

В ответ Роберт только с чувством пожимал руку дяди, бормоча что-то о «славном старом князе».

Следует заметить, что иногда в голосе молодого человека появлялась смутная печаль, когда он называл сэра Майкла «славным старым князем»; неясная тень нежного сожаления затуманивала глаза Роберта, когда он, сидя в углу комнаты,

смотрел на убеленного сединой баронета.

Прежде чем отбыл последний из молодых спортсменов, сэр Гарри Тауэрс потребовал и получил аудиенцию у мисс Алисии Одли в библиотеке; при свидании он выразил так много чувств, и столь неподдельно искренних, что Алисия разрыдалась, отвечая ему, что будет вечно почитать и уважать его за честное и благородное сердце, но он никогда, никогда, никогда не должен (если не желал причинить ей страдание) просить у нее более, чем это почитание и уважение.

Сэр Гарри вышел из библиотеки через стеклянную дверь в сад. Он побрел по той самой липовой аллее, так похожей на кладбище, и под деревьями, с которых давно облетела листва, повел сражение со своим юным храбрым сердцем.

– И что я за дурак, что так переживаю! – кричал он, топая ногой о замерзшую землю. – Я всегда знал, что так и будет, я всегда знал, что она слишком хороша для меня. Благослови ее Боже! Как благородно и нежно она говорила со мной, как прекрасна она была с этим пылающим румянцем на смуглой коже и слезами в огромных серых глазах – почти так же прекрасна, как в тот день, когда одолела тот поваленный забор и позволила мне приколоть лисий хвост к ее шляпе, когда мы ехали домой! Благослови ее Боже! Я мог бы вынести что угодно, но только не ее привязанность к этому трусливому законнику. Этого я снести не в силах.

Под «этим трусливым законником» сэр Гарри подразумевал мистера Роберта Одли, который стоял в холле и внима-

тельно изучал карту центральных графств, когда Алисия вышла из библиотеки с заплаканными глазами после разговора с охотником за лисами.

Роберт, который был близорук, почти касался карты носом, когда юная леди приблизилась к нему.

– Да, – произнес он, – Норвич действительно находится в Норфолке, а этот дурак, молодой Винсент, говорил, что он в Хертфордшире. О, Алисия, вы ли это?

Он повернулся как раз вовремя, чтобы остановить ее на пути к лестнице.

– Да, – коротко ответила она, пытаясь пройти мимо.

– Алисия, вы плакали?

Молодая леди не снизила до ответа.

– Вы плакали, Алисия. Сэр Гарри Тауэрс из Тауэрс Парк просил вашей руки, так?

– Вы подслушивали под дверью, мистер Одли?

– Нет, мисс Одли. Принципиально я против подслушивания, а на практике, я думаю, это слишком трудоемкое дело, но я адвокат, мисс Одли, и в состоянии вывести заключение методом дедукции. Вы знаете, что такое дедуктивное свидетельство, мисс Одли?

– Нет, – ответила Алисия, взглянув на своего кузена, словно красивая молодая пантера на своего обожаемого мучителя.

– Я так и думал. Осмелюсь сказать, сэр Гарри поинтересовался бы, не есть ли это новая порода лошадей. Я догадыва-

вался, что баронет собирается сделать вам предложение; во-первых, потому что он спустился вниз с пробором не на той стороне и с лицом белым, как полотно; во-вторых, потому что он ничего не мог есть за завтраком и пролил свой кофе; и в-третьих, потому что он попросил беседы с вами до своего отъезда из Корта. Ну и как, Алисия? Выходим мы за баронета и быть ли бедному кузену Бобу шафером на свадьбе?

– Сэр Гарри Тауэрс – благородный молодой человек, – промолвила Алисия, пытаясь пройти мимо.

– Но принимаем мы его предложение – да или нет? Будем ли мы леди Тауэрс, владелицей великолепного поместья в Хертфордшире, летней резиденции наших охотников?

– Вам-то что за дело, мистер Роберт Одли? – горячо воскликнула Алисия. – Вам что до того, что со мной станет и за кого я выйду? Да выйди я замуж за трубочиста, вы бы только подняли свои брови и сказали: «Клянусь богом, она всегда была эксцентрична». Я отказала сэру Гарри Тауэрсу, но когда я думаю о его благородной и бескорыстной любви и сравниваю ее с бессердечным, ленивым, высокомерным безразличием других, у меня появляется желание бежать за ним и сказать...

– Что вы передумали и будете леди Тауэрс?

– Да.

– Не стоит, Алисия, не стоит, – убедительно произнес Роберт Одли, взяв изящную ручку кухни и ведя ее наверх. – Пойдемте в гостиную, Алисия, моя очаровательная, стреми-

тельная, взволнованная маленькая кухня. Присядьте здесь, у окна, и давайте спокойно, не ссорясь, поговорим.

В гостиной никого, кроме них, не было. Сэр Майкл уехал верхом, госпожа была в своих комнатах, а бедный сэр Гарри Тауэрс мерил шагами липовую аллею, сквозь голые ветви которой пробивалось холодное зимнее солнце.

– Моя бедная маленькая Алисия, – нежно начал Роберт, обращаясь к ней, как к капризному ребенку, – вы полагаете, что если человек не строит кислую физиономию, не делает пробора не на той стороне и не ведет себя как сумасшедший, пытаясь доказать силу своей страсти, вы полагаете, Алисия Одли, что этот человек не может быть чувствительным к достоинствам маленькой, добросердечной нежной девушки? В жизни много трудностей, и нужно спокойно и покорно принимать то, что она посылает. Я не кричу на каждом перекрестке, что могу достать хорошие сигары за углом Ченсери-Лейн и что моя кухня – чудесная девушка, но я не менее других благодарен судьбе за это.

Алисия широко раскрыла свои серые глаза и изумленно смотрела на своего кузена. Роберт взял на руки самого страшного и тощего из своих барбосов и безмятежно почесывал его за ушами.

– Это все, что вы можете мне сказать, Роберт? – кротко спросила Алисия.

– Ну, думаю, что да, – ответил ее кузен, немного поразмыслив. – Я хотел сказать вам следующее – не выходите за

этого баронета-охотника за лисами, если кто-то другой вам нравится больше, поскольку если вы только наберетесь терпения и будете спокойно относиться к жизни, избавитесь от привычки хлопать дверями, врываться в комнаты и вылетать из них пулей, говорить о конюшнях и скакать верхом по полям, то, без сомнения, человек, которому вы отдаете предпочтение, будет вам прекрасным мужем.

– Благодарю вас, кузен, – ответила мисс Одли, покраснев от негодования до корней своих темных выющихся волос, – но так как вы можете не знать человека, которому я отдаю предпочтение, я думаю, вам лучше не отвечать за него.

Несколько мгновений Роберт задумчиво теребил уши собаки.

– Да, конечно, – медленно произнес он, – если я не знаю его – но я думал, что знаю.

– Знаете ли вы! – воскликнула Алисия, и с такой силой рванув дверь, что ее кузен вздрогнул, она вылетела из комнаты.

– Я только сказал, мне казалось, что я знаю его! – крикнул Роберт ей вслед и затем, упав в кресло, задумчиво прошептал: – Такая хорошая девушка, но если бы только она не носилась, как угорелая!

Итак, удрученный и мрачный, бедный сэр Гарри Тауэрс покинул Одли-Корт.

Мало удовольствия доставляло ему возвращение в вели-

чественный особняк, спрятавшийся среди тенистых дубов и почтенных буковых деревьев. Большому дому из красного кирпича, окна которого светились в конце аллеи, суждено навеки быть пустым, думал он, пока Алисия не станет его хозяйкой.

Сотни улучшений, которые он планировал, были теперь бесполезны и вылетели из его головы. Охотничья лошадь, которую конюх Джим объезжал для будущей госпожи; два щенка пойнтера, которые воспитывались для следующего охотничьего сезона; беседка в саду, пустующая со времен смерти матери, которую он хотел реставрировать для мисс Одли, – все это было ни к чему теперь и только вызывало раздражение.

– Что толку от богатства, если не с кем разделить его? – размышлял вслух юный баронет. – Только становишься эгоистом и привыкаешь пить слишком много портвейна. Трудно примириться с мыслью, что девушка может отказаться от преданного сердца и таких конюшен, как в нашем парке. Это как-то выбивает из колеи.

Действительно, этот неожиданный отказ привел в расстройство те немногие мысли, что были в голове юного баронета.

Он был отчаянно влюблен в Алисию со времени последнего охотничьего сезона, когда он встретил ее на балу. Его страсть, которую он лелеял все долгое лето, вспыхнула с новой силой в эти зимние месяцы, и только робость удержива-

ла его от предложения своей руки. Но он совсем не ожидал, что ему откажут, так как успел привыкнуть к заискиванию мамаш, у которых были дочери на выданье, да и у самих дочек он пользовался успехом; он так привык чувствовать себя героем любого общества, что, хотя в присутствии самых остроумных людей он мог только сказать: «Ба, наверняка!» и «Ей-богу!» – он был настолько испорчен лестью, которую источали ему хорошенькие лукавые глазки, что совсем не будучи от природы тщеславным, он все же привык думать, что стоит ему только сделать предложение самой хорошенькой девушке в Эссексе, как оно будет немедленно принято.

– Да, – благодушно говорил он какой-нибудь восхищенной спутнице, – я знаю, что я – неплохая партия, и знаю, почему девушки так учтивы со мной. Они очень хорошенькие и дружелюбные, но мне нет до них дела. Как они все похожи – могут только опускать глаза и говорить: «Сэр Гарри, почему вы называете эту кудрявую черную собачку ретривером?», или «О, сэр Гарри, неужели бедная кобыла действительно растянула себе связки?». Я и сам не блещу большим умом, знаю, – осуждающе добавлял баронет, – и мне не нужна чересчур умная женщина, которая пишет книги и носит зеленые очки, но, черт возьми, мне нравятся девушки, которые знают, о чем говорят.

Поэтому, когда Алисия сказала «нет», или, скорее, произнесла маленькую речь об уважении и почтении, которой хорошо воспитанные барышни заменяют противное однослож-

ное слово, сэра Гарри Тауэрс почувствовал, что здание будущего, которое он так самодовольно воздвигал, в одночасье рухнуло и от него осталась лишь груда руин.

Сэр Майкл с чувством пожал ему руку, перед тем как молодой человек сел на лошадь.

– Мне очень жаль, Тауэрс, – произнес он с огорчением. – Вы хороший человек и стали бы прекрасным мужем моей дочери, но вы знаете, что есть кузен, и я думаю, что...

– Не говорите ничего, сэра Майкл, – решительно прервал его молодой охотник за лисами. – Я могу пережить все, только не это. Человек, чья рука на уздечке весит полтонны (он чуть не разорвал рот Кавалеру, сэра, в тот день, когда вы позволили ему сесть на эту лошадь); человек, который подвертывает свои воротнички и ест хлеб с мармеладом! Нет, нет, сэра Майкл, это странный мир, но я не могу думать так о мисс Одли. Должно быть, есть еще кто-то, сэра, это не может быть кузен.

Сэр Майкл покачал головой, глядя, как отвергнутый поклонник уезжает прочь.

– Не знаю, что и думать, – прошептал он. – Боб – хороший парень, могло бы быть и хуже; но он колеблется, как будто она ему безразлична. Тут есть какая-то загадка – да, загадка!

Старый баронет произнес это задумчивым тоном. Тени ранних зимних сумерек, сгустившиеся под низким дубовым потолком холла, и причудливый изгиб дверной арки мрачно нависли над его красивой головой; но светоч его клонящейся

к закату жизни, его прекрасная и любимая молодая жена была рядом с ним, и он не замечал теней, пока она была с ним.

Она вприпрыжку бежала к нему навстречу через холл и, встряхнув своими золотыми локонами, спрятала свою голову на груди мужа.

– Итак, последний гость уехал, дорогой, и мы наконец одни, – сказала Люси. – Разве это не чудесно?

– Да, любимая, – с обожанием ответил баронет, глядя ее волосы.

– За исключением мистера Роберта Одли. Как долго твой племянник собирается оставаться здесь?

– Так долго, как пожелает, моя крошка, он здесь всегда желанный гость, – ответил баронет, и затем, как бы напоминая себе, нежно добавил: – Но только пока его визит приятен тебе, пока его ленивые привычки, курение или его собаки не раздражают тебя.

Леди Одли надула свои розовые губки и потупилась с задумчивым видом.

– Нет, не то, – нерешительно начала она. – Мистер Одли очень приятный молодой человек и весьма достойный, но, знаете ли, сэр Майкл, я все-таки слишком молодая тетушка для такого племянника и...

– И что, Люси? – резко спросил баронет.

– Бедная Алисия ревниво относится к любым знакам внимания ко мне со стороны мистера Одли, и... и... я думаю, для ее блага будет лучше, если ваш племянник сократит свое

пробывание у нас.

– Он уедет сегодня же вечером, Люси! – воскликнул сэр Майкл. – Я был слеп, с моей стороны было очень неразумно не подумать об этом раньше. Моя любимая девочка, едва ли было справедливо по отношению к Бобу подвергать бедного парня искушению твоими чарами. Я всегда знал его как хорошего, честного парня, но... но... он уедет сегодня вечером.

– Но прошу вас не быть слишком резким с ним! Вы не будете грубы?

– Грубым? Нет, Люси. Я оставил его в липовой аллее. Пойду скажу ему, что он должен покинуть дом через час.

Итак, в той самой аллее, под мрачной тенью которой стоял Джордж Толбойс в тот вечер, когда разразилась гроза, накануне своего исчезновения, сэр Майкл Одли сказал своему племяннику, что Корт не является больше его домом, и что госпожа слишком молода и прекрасна, чтобы принимать знаки внимания со стороны красивого двадцативосьмилетнего племянника.

Роберт лишь пожал плечами и высоко поднял свои густые черные брови, когда сэр Майкл деликатно намекнул ему на это.

– Я действительно был внимателен к госпоже, – пояснил он. – Она интересуется меня, вызывает у меня глубокий и странный интерес. – А затем изменившимся голосом, с несвойственным ему чувством, он повернулся к баронету и,

схватив его за руку, воскликнул: – Боже сохрани, мой дорогой дядя, если я когда-либо заставлю волноваться такое благородное сердце, как ваше! Не дай бог, чтобы хоть малейшая тень бесчестья упала на вашу достойную голову – я буду последний человек, который сделает это!

Молодой человек произнес эти слова задыхаясь и бессвязно, прерывистым голосом, какого раньше сэр Майкл никогда не замечал у него, и затем, отвернувшись, разрыдался.

Он покинул Корт той же ночью, но далеко не уехал. Вместо того, чтобы сесть в вечерний поезд, следующий в Лондон, он сразу же направился к небольшой деревушке Маунт-Стэннинг, и войдя в гостиную, спросил Фебу Маркс, может ли она предоставить ему комнату.

Глава 17. В гостинице «Касл»

Маленькая гостиная, куда Феба Маркс провела племянника баронета, располагалась на первом этаже и была отделена от приемной, которую занимали владелец таверны и его жена, лишь тонкой перегородкой, состоящей из реек и штукатурки.

Казалось, что мудрый архитектор, который замышлял, этот дом, особенно позаботился о том, чтобы при строительстве использовался лишь самый хрупкий и непрочный материал, дабы ветру, который испытывал особое пристрастие к этому открытому месту, была дана полная воля разгуливать, потворствуя своим прихотям.

Вместо прочной каменной кладки использовалось презренное дерево; шаткие потолки подпирались хрупкими стропилами и балками, угрожающими упасть на головы тех, кто внизу, каждую штормовую ночь; двери имели особенность никогда не закрываться, но зато постоянно хлопать; окна были построены таким образом, что закрытыми они впускали сквозняк, а открытыми совершенно не проветривали помещение.

Роберт огляделся с легкой улыбкой покорности судьбе. Решительно, все это очень отличалось от роскошного комфорта Одли-Корта; довольно странная причуда со стороны молодого человека: вместо того чтобы вернуться в уютные

апартаменты Фигтри-Корта, слоняться без дела в унылой сельской гостинице.

Но у него было с собой все, что нужно – немецкая трубка, табак, полдюжина французских романов и две сварливые собаченции, которые дрожали у маленького дымного камина и время от времени коротко и звонко лаяли, намекая, что пора бы и подкрепиться.

Пока Роберт рассматривал свое новое жилище, Феба Маркс позвала деревенского мальчугана, который был у нее на посылках, и, проведя его на кухню, дала ему небольшую записку, аккуратно свернутую и запечатанную.

– Ты знаешь Одли-Корт?

– Да, мэм.

– Сегодня вечером ты сбегаеть туда и передашь это в руки леди Одли, я дам тебе шиллинг.

– Да, мэм.

– Ты понял? Спроси госпожу, скажешь, что у тебя послание – не записка, учти, – а когда увидишь ее, передай это в ее собственные руки.

– Да, мэм.

– Ты не забудешь?

– Нет, мэм.

– Тогда беги.

Мальчику не нужно было говорить дважды, и уже через минуту он несся вниз по дороге, круто спускавшейся с холма и ведущей к Одли.

Подойдя к окну, Феба Маркс увидела, как фигурка мальчика исчезла в зимних сумерках.

«Если за его приездом сюда кроется что-нибудь дурное, – подумала она, – госпожа хотя бы вовремя узнает об этом».

Феба сама принесла поднос с чайным прибором и яичницу с ветчиной, приготовленную для неожиданного постояльца. Ее бледные волосы были гладко причесаны, светло-серое платье сидело на ней так же хорошо, как раньше. Она была все такой же серой мышкой: ни ярких розовых лент, ни шуршащего шелкового платья не было у жены владельца таверны. Молчаливая и замкнутая, она, казалось, целиком погружена в себя и отгорожена от внешнего мира.

Роберт задумчиво разглядывал ее, пока она стелила скатерть и подвигала столик ближе к огню.

«Эта женщина, – подумал он, – умеет хранить тайны».

Собаки поглядывали довольно подозрительно на спокойную фигуру Фебы, которая легко скользила по комнате от столика к чайнице, от чайницы к большому чайнику, который закипал в камине.

– Вы не нальете мне чаю, миссис Маркс? – попросил Роберт, усаживаясь в кресло.

– Вы приехали из Корта, сэр? – поинтересовалась Феба, протягивая Роберту чайницу.

– Да, я уехал от дяди час назад.

– А госпожа, сэр, с ней все в порядке?

– Да, конечно.

– Так же весела и беспечна, как всегда, сэр?

– Так же весела и беспечна.

Налив мистеру Одли чаю, Феба почтительно удалилась, но когда она уже стояла у двери, взявшись за ручку, он заговорил снова.

– Вы знали леди Одли, когда она была мисс Люси Грэхем, не так ли? – спросил он.

– Да, сэр. Я жила у миссис Доусон, когда госпожа служила там гувернанткой.

– И долго она была в семье врача?

– Полтора года, сэр.

– Она приехала из Лондона?

– Да, сэр.

– Кажется, она сирота?

– Да, сэр.

– Она всегда была такой же веселой, как и сейчас?

– Всегда, сэр.

Роберт допил свой чай и передал чашку миссис Маркс. Их глаза встретились – ленивое выражение в его глазах и ее беспокойный, вопрошающий взгляд.

«Эта женщина была бы неплохим свидетелем, – подумал он. – Нужно быть очень умным адвокатом, чтобы сбить ее в перекрестном допросе».

Он выпил еще одну чашку чая, отодвинул в сторону тарелку, покормил собак и закурил трубку, пока Феба выносила поднос.

Снаружи ветер с завыванием проносился над замерзшими полями, задувал в опустевших лесах, безжалостно сотрясал оконные рамы.

– Сквозняк из окон и двери не делает комнату уютнее, – пробормотал Роберт. – Без сомнения, есть более приятные ощущения, чем стоять по колени в холодной воде.

Он пошевелил угли в камине, погладил собак, надел пальто, подвинул дряхлый старенький диванчик поближе к камину, укутал ноги дорожным пледом, и растянувшись во весь рост на подушках из конского волоса, закурил трубку и стал наблюдать, как голубовато-серые колечки дыма поднимаются к темному потолку.

– Да, – пробормотал он опять, – эта женщина умеет хранить тайны. Адвокат от истца мало что вытянет из нее.

Как уже говорилось, приемная с баром была отделена от гостиной, которую занимал Роберт, только тонкой перегородкой. Молодому адвокату было слышно, как несколько деревенских торговцев и фермеров смеялись и беседовали в баре, пока Люк подавал им напитки.

Иногда он мог даже расслышать их слова, особенно хозяйина, так как он говорил грубым хриплым голосом и громче всех хвастался.

– Этот человек глуп, – промолвил Роберт, положив трубку. – Пойду-ка я поговорю с ним.

Он подождал, пока завсегдагаи один за другим разошлись, и когда Люк Маркс запер входную дверь за последним из

них, он не спеша вошел к ним в приемную.

Феба сидела за низким столиком, на котором стояла ее рабочая коробка с нитками и иголками. Она штопала грубые носки мужа с таким видом, как будто это были тонкие изящные чулки госпожи.

Новая обстановка, в которой она теперь оказалась, совершенно не коснулась ее: в гостинице «Касл», в обществе грубого, неуклюжего мужа, у нее были те же изящные, изысканные манеры, что и в роскошном будуаре госпожи.

Она быстро взглянула на Роберта, когда он вошел. В ее бесцветных глазах промелькнуло раздражение, сменившееся беспокойством – и почти ужасом, когда она перевела взгляд с мистера Одли на Люка Маркса.

– Я заглянул к вам немного поболтать перед сном, – произнес Роберт, усаживаясь поближе к веселому пламени очага. – Вы не возражаете против моей сигары, миссис Маркс? Я имею в виду, если я выкурю одну? – объяснил он.

– Вовсе нет, сэр.

– Смеху-то будет, начини она возражать, – проворчал мистер Маркс, – когда тут все подряд целый день смолят.

Некоторое время Роберт задумчиво попыхивал сигарой, прежде чем продолжил беседу.

– Расскажите мне о Маунт-Стэннинге, мистер Маркс, – попросил он вскоре.

– Да тут и говорить-то не о чем, – ответил Люк, рассмеявшись резким скрипучим смехом. – Изо всех скучных дыр на

земле, эта – самая тоскливая. Не то чтобы не было дохода – не могу пожаловаться; но неплохо было бы иметь таверну в Челмсфорде, или Брентвуде, или Ромфорде, где есть хоть какая-то жизнь на улицах; и я бы имел это, – добавил он недовольным тоном, – если бы кое-кто не был таким скупердяем.

Пока он ворчливо жаловался, бормоча себе под нос, Феба подняла голову от своей работы и заговорила с ним.

– Мы забыли запереть сарай, Люк, – напомнила она. – Ты не пойдешь и не поможешь мне?

– Перебьется на сегодня эта чертова дверь, – ответил мистер Маркс. – Я уселся покурить и отдохнуть и больше с места не сдвинусь.

Он вынул длинную трубку из-за каминной решетки и начал не спеша набивать ее.

– Я беспокоюсь за эту дверь, Люк, – настаивала его жена. – Если мы не закроем ее на засов, туда легко залезут бродяги, их полно кругом.

– Тогда иди сама закрой, – ответил мистер Маркс.

– Но засов очень тяжелый.

– Так пусть стоит открытой, раз ты у нас такая благородная, что не можешь запачкать свои белые ручки. Что-то ты больно забеспокоилась об этом сарае. Сдается мне, ты не хочешь, чтобы я поговорил с этим господином. Ой, да не надо так хмуриться! Вечно ты перебиваешь меня на полуслове, но больше я этого не потерплю. Ты поняла? Не потерплю!

Феба Маркс пожала плечами, свернула свою работу, за-

крыла коробку и, сложив на коленях руки, устремила взгляд на упрямое, словно у быка, лицо мужа.

– Так, значит, вам не очень хочется жить в Маунт-Стэннинге? – вежливо продолжал расспрашивать Роберт, желая сменить тему разговора.

– Нет, – отвечал Люк, – и я уже сказал, что если бы кое-кто не был таким жадным, у меня была бы таверна в большом торговом городе, а не в этой старой развалине, где в ветреный день срывает волосы с головы. Ну что такое пятьдесят фунтов или даже сто фунтов?...

– Люк! Люк!

– Ты не заткнешь мне рот этим своим «Люк, Люк!». Я повторяю: что такое сто фунтов?

– Да, – отчетливо произнес Роберт Одли, отвечая Люку, но устремив глаза на взволнованное лицо Фебы. – И в самом деле, что такое сотня фунтов для человека, который (или, скорее, его жена) обладает властью над персоной, о которой идет речь?

Лицо Фебы, всегда бесцветное, стало мертвенно-бледным; она не выдержала вопрошающего взгляда Роберта и опустила глаза.

– Ого, четверть двенадцатого, – заметил Роберт, взглянув на часы. – Поздний час для такой тихой деревушки, как Маунт-Стэннинг. Спокойной ночи, мой достойный хозяин. Спокойной ночи, миссис Маркс. Я думаю, подавать воду для бритья завтра утром не стоит раньше девяти...

Глава 18. Роберта навещает нежданная гостья

Когда на следующее утро часы пробили одиннадцать, Роберт все еще сидел за завтраком, с комфортом развалившись в кресле; его собаки сидели рядом, не сводя с него глаз и открыв рты, в ожидании кусочка ветчины или тоста. На коленях у него лежала местная газета, и он время от времени принимался читать первую страницу, заполненную всевозможными объявлениями о фермерском инвентаре, шарлатанских снадобьях и прочих небезынтересных вещах.

Погода переменилась, и снег, который в последние дни скапливался в небе черными тучами, теперь пушистыми хлопьями падал на замерзшую землю и ложился сугробами в небольшом садике около дома.

Роберт выглянул в окно: длинная пустынная дорога, ведущая в Одли, была усыпана снегом.

– Чудесно, – промолвил он в восхищении, – для человека, привыкшего к красотам Темпла!

Наблюдая, как снег валит все гуще и быстрее, Роберт чрезвычайно удивился, увидев двуколку, которая медленно поднималась в гору.

– Интересно, какому это горемыке не сидится дома в такое утро, – прошептал он, возвращаясь в свое кресло у огня.

Не прошло и нескольких минут, как в комнату вошла Фе-

ба Маркс с известием, что приехала леди Одли.

– Леди Одли! Попросите ее войти, – сказал Роберт и затем, когда Феба вышла из комнаты, чтобы пригласить неожиданную посетительницу, он пробормотал сквозь зубы: – А вот это оплошность с вашей стороны, госпожа, какой я не ожидал от вас.

Холодное и ненастное январское утро нисколько не отразилось на госпоже – она все так же сияла. Когтистые лапы свирепого Деда Мороза хватают за нос всех людей – но только не госпожу; от суровой холодной непогоды губы становятся бледными и синими, но хорошенький маленький ротик госпожи не утратил своей яркости и свежести.

Она была закутана в те самые соболя, что Роберт привез ей из России, и держала в руках огромную муфту, которая казалась больше, чем она сама.

Люси выглядела, как беспомощный ребенок, и когда она подошла к камину, у которого стоял Роберт, и протянула к огню свои изящные в перчатках руки, в глазах у Роберта мелькнула жалость.

– Какое утро, мистер Одли, – промолвила она, – какое утро!

– И не говорите! Зачем вы покинули дом в такую погоду, леди Одли?

– Потому что я хотела увидеть вас – именно вас.

– Неужели!

– Да, – подтвердила госпожа в большом замешательстве,

теребя пуговицу от перчатки и почти что оторвав ее, – да, мистер Одли, я чувствовала, что с вами плохо обошлись, что... одним словом, что у вас есть причины жаловаться, и перед вами следует извиниться.

– Мне не нужны никакие извинения, леди Одли.

– Но вы имеете на них право, – спокойно возразила госпожа. – Дорогой Роберт, ну к чему нам эти церемонии? Вам было хорошо и удобно в Одли, мы были вам рады, но мой дорогой глупый муж вбил себе в голову, что спокойствие его бедной маленькой жены подвергается опасности, когда рядом племянник двадцати восьми или двадцати девяти лет покуривает сигары в ее будуаре, и в итоге наш приятный семейный кружок разрушен.

Люси Одли говорила быстро и оживленно, как болтает ребенок. Роберт взглянул почти с печалью на ее яркое живое лицо.

– Леди Одли, – произнес он с ударением, – боже упаси, чтобы вы или я навлекли горе или бесчестье на моего великодушного дядюшку! Возможно, это к лучшему, если меня не будет в доме; может быть, лучше бы я никогда не переступал его порога!

Госпожа молча слушала его, глядя на огонь, но при его последних словах она резко вскинула голову и впилась в него странным взглядом – серьезным и вопрошающим, значение которого было вполне понятно молодому адвокату.

– О, бога ради, не тревожьтесь, леди Одли, – мрачно

промолвил он. – Вам не следует опасаться с моей стороны ни сентиментальной чепухи, ни слепого любовного увлечения, заимствованного у Бальзака или Дюма-сына. Завсегда-таки Темпла скажут вам, что Роберта Одли не затронула эпидемия, внешними признаками которой являются подвернутые воротнички и байроновские шейные платки. Я только сказал, что лучше бы я не переступал порога дома моего дяди в прошлом году; но я придаю этому скорее важное, а отнюдь не сентиментальное значение.

Госпожа пожала плечами.

– Вы продолжаете говорить загадками, мистер Одли, – заметила она. – Вы должны простить бедной маленькой женщине, что она отказывается разгадывать их.

Роберт ничего не ответил.

– Но скажите мне, – продолжала госпожа уже совсем другим тоном, – что побудило вас приехать в такое унылое место?

– Любопытство.

– Любопытство!

– Да, у меня появился интерес к этому мужлану с бычьей шеей, темно-рыжими волосами и серыми недобрыми глазами. Опасный человек, госпожа, не хотел бы я быть в его власти.

Неожиданная перемена произошла с леди Одли: кровь отлила от ее лица, голубые глаза загорелись гневом.

– Что я вам сделала, Роберт Одли, – с негодованием вос-

кликнула она, – за что вы меня так ненавидите?

Он ответил мрачным тоном:

– У меня был друг, леди Одли, которого я нежно любил, и с тех пор, как я потерял его, боюсь, что мои чувства к другим людям странным образом изменились.

– Вы имеете в виду того самого мистера Толбойса, который уехал в Австралию?

– Да, я имею в виду того самого мистера Толбойса, который, как мне сказали, отправился в Ливерпуль с целью уехать в Австралию.

– А вы не верите, что он уплыл в Австралию?

– Не верю.

– А почему?

– Простите меня, леди Одли, но я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

– Как вам будет угодно, – небрежно промолвила она.

– Спустя неделю, после того, как исчез мой друг, – продолжал Роберт, – я послал объявления в газеты Сиднея и Мельбурна, обращаясь к нему с просьбой, если он находится в каком-либо из этих городов, написать мне о своем местопребывании; я также обратился ко всем, кто встречал его в колониях или в плавании, с просьбой предоставить мне о нем любую информацию. Джордж Толбойс покинул Эссекс или исчез из Эссекса седьмого сентября прошлого года. До конца этого месяца я буду ждать ответа на свое объявление. Сегодня уже двадцать седьмое – срок приближается.

– А если вы не получите ответа? – поинтересовалась леди Одли.

– Если я не получу ответа, то буду думать, что мои опасения не были беспочвенны, и я начну действовать.

– Что вы под этим подразумеваете?

– О, леди Одли, вы мне напоминаете, сколь беспомощен я в этом деле. От моего друга могли избавиться в этой самой гостинице, ударив ножом в спину у этого очага, где я сейчас стою, и я мог бы оставаться здесь хоть год, так и не узнав ничего о его судьбе, как если бы я вообще не заходил сюда. Что мы знаем о тайнах, которые обитают в домах, куда ступает наша нога? Если бы завтра мне пришлось войти в тот простой плебейский дом из восьми комнат, где Мария Мэннинг и ее муж зверски убили своего гостя, у меня не было бы ощущения того прошлого ужаса. Грязные дела творились под самыми гостеприимными крышами, страшные преступления совершались среди красивейших мест, не оставив никаких следов. Я не верю в мандрагору или в пятна крови, которые не может стереть никакое время. Я скорее верю в то, что мы можем находиться в атмосфере преступления, не сознавая этого, и при этом легко дышать. Я верю в то, что мы запросто можем смотреть в улыбающееся лицо убийцы и восхищаться его безмятежной красотой.

Госпожа посмеялась над откровениями Роберта.

– У вас, кажется, склонность к рассуждениям о всяких ужасах, – насмешливо съязвила она. – Вам следовало быть

полицейским детективом.

– Иногда я думаю, что из меня получился бы неплохой детектив.

– Почему?

– Потому что я терпелив.

– Но возвратимся к мистеру Джорджу Толбойсу, о котором мы позабыли, заслушавшись вашими речами. Что, если вы не получите ответа на свои объявления?

– Тогда подтвердится вывод о том, что мой друг мертв.

– И тогда?

– Я тщательно исследую то, что он оставил в моей квартире.

– И что же это? Я полагаю, сюртуки, жилеты, ботинки, трубки, – засмеялась леди Одли.

– Нет, письма – от его друзей, его старых школьных товарищей, его отца, его товарищей-офицеров.

– Да?

– Также письма от его жены.

Несколько мгновений госпожа хранила молчание, задумчиво глядя на огонь.

– Приходилось ли вам видеть письма, написанные его покойной женой? – спросила она вскоре.

– Никогда. Бедняжка! Вряд ли ее письма прольют свет на судьбу моего друга. Я думаю, это обычные женские каракули. Очень немногие имеют такой очаровательный и необычный почерк как у вас, леди Одли.

– А, так вам знакома моя рука.

– Да, я хорошо знаю ваш почерк.

Госпожа еще раз погрела руки, и взяв в руки свою огромных размеров муфту, которую она отложила в сторону на стул, собралась уходить.

– Вы отказались принять мои извинения, мистер Одли, – промолвила она, – но я полагаю, вы уверены в моих чувствах по отношению к вам.

– Совершенно уверен, леди Одли.

– В таком случае до свидания, и разрешите посоветовать вам не задерживаться долго в этом сыром месте, где сквозит изо всех щелей, чтобы не возвратиться на Фигтри-Корт с ревматизмом.

– Я возвращусь в город завтра утром, чтобы посмотреть письма.

– Тогда еще раз до свидания.

Она протянула ему руку. Она была такая тонкая и слабая, что казалось, одним небольшим усилием он мог сломать ее, если бы решил быть безжалостным.

Он проводил ее до экипажа и смотрел ему вслед: он поехал не к Одли, а в направлении Брентвуда, что был в шести милях от Маунт-Стэннинга.

Полтора часа спустя, когда Роберт стоял у дверей таверны и курил, наблюдая, как покрываются снегом окрестные поля, экипаж вернулся, на этот раз без пассажирки.

– Вы отвезли леди Одли обратно в Корт? – спросил он

кучера, который решил выпить кружку горячего эля.

– Нет, сэр. Я только что со станции в Брентвуде. Госпожа отправилась в Лондон поездом двенадцать сорок.

– В город?

– Да, сэр.

– Госпожа уехала в Лондон! – размышлял вслух Роберт, возвращаясь в маленькую гостиную. – Тогда я последую за ней следующим поездом, и если я не ошибаюсь, то знаю, где найду ее.

Он упаковал свой чемодан, заплатил по счету, который аккуратно выписала Феба Маркс, надел на собак ошейники и прицепил их к одному поводку, и сел в тряскую пролетку, что держали в таверне «Касл» для удобства жителей Маунт-Стэннинга. Он успел на экспресс, который уходил из Брентвуда в три часа, с удобством устроился в уголке пустого купе первого класса, укрылся огромными пледами и закурил сигару, спокойно пренебрегая запретом. «Компания может принимать сколько угодно правил и запретов, – пробормотал он, – но пока у меня есть хоть полкроны, чтобы заплатить служащему, я воспользуюсь свободой и буду наслаждаться своей манильской сигарой».

Глава 19. Ошибка кузнеца

Ровно пять минут пятого Роберт Одли сошел на платформу Шередит и терпеливо ожидал, пока его собак и чемодан не доставят к служащему, вызвавшему кэб и распорядившемуся багажом с безликой учтивостью так присущей той категории слуг, которой запрещено принимать дань от благодарной публики. Роберт Одли ожидал довольно долго с покорным терпением, но так как экспресс – это длинный поезд и из Норфолка приехало множество пассажиров с ружьями, охотничьими собаками и другими подобными атрибутами, то понадобилось много времени, чтобы обслужить всех претендентов, так что даже ангельское терпение адвоката к мирским делам подверглось искушению.

«Может быть, когда тот джентльмен, поднявший шум вокруг своего пойнтера с красновато-коричневыми пятнами, получит наконец ту самую собаку и те самые пятна, что ему нужны (хотя такое счастливое стечение обстоятельств едва ли произойдет), тогда они, быть может, выдадут наконец мне багаж и позволят уйти. Эти мошенники поняли с первого взгляда, что я лопух, и что даже если они прибьют меня на этой самой платформе, у меня никогда не хватит духу возбудить дело против железнодорожной компании». Неожиданно его поразила какая-то мысль, и оставив свои вещи под присмотром служащего, он перешел на другую сторону стан-

ции.

Он услышал, как звенит звонок и, взглянув на часы, вспомнил, что в это время отправляется поезд до Колчестера. Со времени исчезновения Джорджа Толбойса он узнал, что значит неуклонно идти к достижению цели, и успел добраться вовремя до противоположной платформы, где пассажиры уже занимали свои места.

Одна дама, очевидно, только что приехала на станцию и спешила на платформу, и как только Роберт подошел к поезду, она почти налетела на него.

– Прошу меня извинить, – церемонно начала она, затем, подняв глаза от жилета мистера Одли, который находился на одном уровне с ее лицом, она воскликнула:

– Роберт! Вы уже в Лондоне?

– Да, леди Одли, вы совершенно правы, гостиница «Касл» – тоскливое место и...

– Она вам надоела – я знала, что так и случится. Откройте мне, пожалуйста, дверь в вагон – поезд тронется через две минуты.

Роберт Одли озадаченно посмотрел на жену своего дяди.

«Что это значит? – подумал он. – Она так отличается от той несчастной, беспомощной женщины, которая на минуту сбросила маску и жалобно смотрела на меня в маленькой комнате в Маунт-Стэннинге всего четыре часа назад. Что же вызвало эту перемену?»

Размышляя об этом, он открыл ей дверь и помог устро-

иться в купе, накинул на колени меха и укутал в огромную бархатную накидку, в которой ее хрупкая фигурка совсем скрылась.

– Большое спасибо, вы так добры ко мне! – поблагодарила она. – Вы, наверное, думаете, зачем я путешествую в такую погоду, а мой муж даже не знает об этом; но я приехала в город, чтобы уладить ужасный счет от модистки, о котором моему супругу лучше не знать, поскольку, несмотря на свою снисходительность, он может подумать, что я слишком расточительна, а даже мысль об этом заставляет меня страдать.

– Боже вас упаси от страданий, леди Одли, – мрачно промолвил Роберт.

Она взглянула на него с улыбкой, в которой было что-то вызывающее.

– Да, упаси боже, – прошептала она. – Едва ли они выпадут на мою долю.

Прозвенел второй звонок, и поезд тронулся. Последнее, что увидел Роберт, была ее сияющая, вызывающая улыбка.

«Что бы ни привело ее в Лондон, это было успешно завершено, – подумал он. – Удалось ли ей сбить меня с толку своими женскими фокусами? Суждено ли мне приблизиться к истине, или всю жизнь я буду мучиться неясными сомнениями и страшными подозрениями, которые будут преследовать меня до тех пор, пока я не сойду с ума? Зачем она приезжала в Лондон?».

Он продолжал мысленно задавать себе этот вопрос, под-

нимаясь по лестнице на Фигтри-Корт, держа собак под мышками и перекинув дорожный плед через плечо.

В его комнатах было все как обычно. Герань была полита, канарейки устроились на ночь под зеленым мягким покрывалом, что свидетельствовало о заботе добросовестной миссис Мэлони. Роберт поспешно окинул взором гостиную, затем, опустив собак на коврик у камина, он прошел прямо в маленькую комнату, которая служила ему гардеробной.

В этой комнате он хранил старые чемоданы, коробки, чехлы и другой хлам; именно здесь Джордж Толбойс оставил свой багаж. Роберт поднял чемодан с крышки большого сундука, и склонившись к нему со свечой, внимательно осмотрел замок.

На вид он был в том же состоянии, в каком Джордж оставил его, сложив свои траурные одежды в это дряхлое хранилище вместе с вещами своей покойной жены. Роберт провел рукавом своего пальто по изношенной, обитой кожей крышке, на которой большими медными буквами значились инициалы «Д. Т.», но миссис Мэлони, прачка, была, должно быть, самой аккуратной из всех домохозяек, так как ни на чемодане, ни на сундуке не было пыли.

Роберт Одли послал мальчишку за своей ирландской служанкой и мерил шагами гостиную, с беспокойством ожидая ее прихода.

Она появилась минут через десять и, выразив восторг по поводу возвращения своего хозяина, смиренно ожидала его

распоряжений.

– Я послал за вами, только чтобы узнать, был ли здесь кто-нибудь, то есть, обращался ли к вам кто-нибудь за ключом от моих комнат сегодня – какая-нибудь дама?

– Дама? Нет, ваша честь, дамы не было, но приходил кузнец.

– Кузнец!

– Да, которого вы вызывали.

– Я вызывал кузнеца! – воскликнул Роберт. «Я оставил в шкафу бутылку французского бренди, – подумал он, – и миссис Эм, похоже не теряла времени даром».

– Ну да, ваша честь велели ему осмотреть замки, – ответила миссис Мэлони. – Он живет в конце маленькой улочки у моста, – добавила она, довольно толково объяснив ему, где находится дом этого человека.

Роберт приподнял брови в безмолвном удивлении.

– Если вы присядете и соберетесь с мыслями, миссис Эм, – сказал он (Роберт сокращал таким образом ее имя, следуя принципу, что нужно избегать лишних затрат труда), – то, возможно, мы сможем понемногу понимать друг друга. Вы говорите, что здесь был кузнец?

– Да, сэр, так и было.

– Сегодня?

– Совершенно верно, сэр.

Шаг за шагом мистер Одли узнал следующее. Днем в три часа к миссис Мэлони зашел кузнец и попросил ключ от ком-

нат мистера Одли, чтобы он мог проверить замки, которые, по его словам, сломались. Он заявил, что действует по распоряжению самого мистера Одли, о котором ему стало известно из письма, полученного из провинции, где этот господин проводил Рождество. Миссис Мэлони, поверив ему, впустила его в комнаты, где он оставался около получаса.

– Я полагаю, вы были с ним, пока он осматривал замки? – спросил мистер Одли.

– Конечно, сэр, я, если можно так сказать, все время была поблизости, входила и выходила, так как в тот день я мыла лестницу.

– О, так вы все время были поблизости. Если бы вы могли дать мне ясный ответ, миссис Эм, мне бы хотелось узнать, как долго вас не было, пока кузнец был в моих комнатах?

Но миссис Мэлони не могла дать ясного ответа. Может быть, минут десять, хотя вряд ли так долго. Может быть, четверть часа, но она была уверена, что не больше. Ей *казалось*, что не больше пяти минут, но «эти ступеньки, ваша честь...», и здесь она пускалась в рассуждения о мытье лестниц в целом и ступенек возле комнат Роберта в частности.

Мистер Одли устало вздохнул, печально покоряясь судьбе.

– Ничего страшного, миссис Эм, – успокоил он ее. – У кузнеца было полно времени, чтобы сделать все, что нужно, и, смею сказать, даже в том случае, если бы вы оказались умнее.

Миссис Мэлони уставилась на своего хозяина со смешанным выражением удивления и тревоги.

– Так здесь ему нечего было украсть, ваша честь, только канарейки, герань и...

– Да-да, я все понял. Ну, достаточно миссис Эм. Расскажите мне, где этот человек живет, и я схожу к нему.

– Но вы сначала пообедаете, сэр?

– Прежде всего я схожу к кузнецу.

Он взял шляпу и пошел к двери.

– Его адрес, миссис Эм?

Ирландка направила его на небольшую улицу за церковью Святого Брайда, куда мистер Роберт Одли и обратил свои стопы сквозь грязную слякоть, которую простые лондонцы называют снегом.

Он нашел дом и ухитрился, цепляясь тульей шляпы за притолоку, войти через низкую узкую дверь в маленький магазин. У незастекленного окна горел газовый рожок, в небольшой задней комнате собралась веселая компания, но никто не заметил Роберта и не ответил на его приветствие. Причина этого была вполне очевидна. Компания была настолько погружена в свое веселье, что была совершенно глуха ко всяким призывам из внешнего мира, и только пройдя в глубь маленького, с низким потолком магазинчика и открыв застекленную дверь, что отделяла его от пирующих, Роберту удалось привлечь их внимание.

Глазам Роберта открылось живописное зрелище.

Кузнец, его жена и две-три заглянувшие на огонек особы женского пола тесной кучкой сидели у стола, который украшали две бутылки: не вульгарные бутылки с бесцветным экстрактом из можжевеловых ягод, к которому так пристрастился простой народ, а настоящие портвейн и шерри – жгучий, крепчайший шерри, оставляющий огненный вкус во рту, орехово-коричневый шерри – неестественно коричневый, и старый добрый портвейн, не бледное винцо, слабое и с возрастом потерявшее цвет, но насыщенное, полноценное, животворное вино, сладкое, крепкое и яркое.

Кузнец что-то рассказывал, когда Роберт Одли открыл дверь.

– И с этим, – говорил он, – она и ушла, вся из себя стройная и изящная.

При появлении мистера Одли общество пришло в замешательство, однако было заметно, что кузнец смутился более других. Он так поспешно поставил свой стакан, что расплескал вино, и нервно вытер рот грязной ладонью.

– Вы сегодня заходили в мою квартиру, – спокойно заговорил Роберт. – Простите за беспокойство, леди, – обратился он к дамам. – Вы заходили сегодня в мои комнаты, мистер Уайт, и...

Кузнец перебил его.

– Здесь произошла ошибка, сэр, – произнес он, заикаясь. – Мне очень жаль. Меня послали к другому господину, мистери Олвину в Ковент-Гарден, его имя выскочило у меня из

головы, а так как я раньше выполнял для вас кое-какую работу, то подумал, что, должно быть, вы послали за мной, и поэтому я зашел к миссис Мэлони за ключом; но как только я увидел ваши замки, то сказал себе: «У этого господина замки в порядке, он не хотел, чтобы их чинили».

– Но вы оставались в течение получаса.

– Да, сэр, один замок барахлил – в той двери, что ближе к лестнице, я его снял, почистил и поставил на место. Я не буду ничего брать с вас за работу, надеюсь, вы будете так добры и поймете, что случилась ошибка, ведь в июле будет уже тринадцать лет, как я работаю и...

– И ничего подобного, я полагаю, раньше не случалось, – мрачно промолвил Роберт. – Да, это особый вид работы, которая бывает не каждый день. Как я вижу, вы развлекаетесь, мистер Уайт. Держу пари, вы сегодня неплохо поработали – вам улыбнулась удача, и вы, как говорится, «обмываете это дело», а?

Роберт Одли посмотрел ему прямо в лицо. Кузнец был неплохим человеком, и в его лице не было ничего, чего можно было бы стыдиться, за исключением грязи, а это, как говорила мать Гамлета, «дело житейское», но, несмотря на это, мистер Уайт не выдержал спокойного испытующего взгляда молодого адвоката и опустил глаза, заикаясь и бормоча извиняющимся тоном что-то о своей «хозяйке», и о соседках, о шерри и портвейне с таким смущением, как будто он, честный рабочий в свободной стране, извинялся перед мистером

Одли за то, что пировал в собственном доме.

Роберт оборвал его небрежным кивком.

– Ради бога, не извиняйтесь, – произнес он. – Я люблю смотреть, как люди развлекаются. Спокойной ночи, мистер Уайт, спокойной ночи, леди.

Он приподнял шляпу перед «хозяйкой» и ее соседками, которые были очарованы его приятными манерами и красивым лицом, и вышел из магазина.

«Итак, – разговаривал он сам с собой, возвращаясь к себе домой, – с этим она и ушла, вся из себя стройная и изящная. Кто это ушел? И о чем рассказывал кузнец, когда я прервал его на этом предложении? О, Джордж Толбойс, Джордж Толбойс, суждено ли мне приблизиться к тайне твоей судьбы? Приближаюсь ли я к ней сейчас, медленно, но верно? Сужается ли круг с каждым днем, пока не превратится в темное кольцо вокруг дома тех, кого я люблю? Чем все это кончится?»

Он устало вздохнул, медленно бредя по улицам Темпля в свое одинокое жилище.

Миссис Мэлони приготовила холостяцкий обед, сам по себе превосходный и питательный, но банальный. Она поджарила ему баранью котлету, которая теперь была накрыта тарелкой на маленьком столике у огня.

Роберт Одли вздохнул, принимаясь за привычную еду, и с великим сожалением вспоминая повариху своего дяди.

– В ее котлетах баранина казалась чем-то большим, чем просто баранина, возвышенной; мясо, которое вряд ли было взято у какой-нибудь земной овцы, – сентиментально бормотал он, – а котлеты миссис Мэлони всегда такие жесткие; но такова жизнь – какое это имеет значение?

Съев несколько кусков, он оттолкнул тарелку.

– Я больше не ел хороших обедов за этим столом с тех пор, как потерял Джорджа Толбойса, – размышлял он вслух. – Здесь все кажется таким мрачным, как будто бедняга умер в соседней комнате и не был похоронен. Каким далеким кажется теперь тот сентябрь – тот день, когда я расстался с ним, живым и здоровым, и потерял его неожиданно и необъяснимо, как будто разверзлась земля, и он провалился в преисподнюю!

Глава 20. Запись в книге

Мистер Одли поднялся из-за стола и направился к бюро, где хранилась бумага, куда он записал все, что касалось Джорджа Толбойса. Он открыл его, вынул документ из ящика с пометкой «Важно» и сел за стол. Роберт добавил несколько новых параграфов к уже имеющимся, тщательно нумеруя их.

– Помогите нам всем, Господи, – прошептал он. – Должна ли эта бумага, к которой ни один поверенный не приложил руку, стать моим первым кратким изложением дела?

Он писал около получаса, затем положил документ на место и запер бюро. После этого он взял свечу и пошел в комнату, где хранились его чемоданы и сундук Джорджа. Вынув связку ключей из кармана, он начал их пробовать, один за другим. Замок в старом потертом сундуке оказался простой, и уже с пятой попытки ключ легко повернулся.

– Такой замок не нужно было бы взламывать, – пробормотал Роберт, открывая крышку сундука.

Он не спеша вынимал его содержимое, каждый предмет в отдельности и аккуратно складывал все на стул. Он брал вещи с такой почтительной нежностью, как будто поднимал мертвое тело своего исчезнувшего друга. Одну за другой он складывал аккуратно сложенные траурные одежды на стул. Роберт нашел старые пенковые трубки, смятые перчатки,

бывшие когда-то новыми и красивыми у парижского портного; старые театральные программки, где крупным шрифтом значились имена актеров, давно ушедших в мир иной; старые благоухающие пузырьки с духами, источающие давно вышедшие из моды запахи; маленькие аккуратные связки писем, на которых было тщательно помечено имя их писавшего; вырезки из старых газет и небольшую стопку ветхих, потрепанных книг, страницы у которых рассыпались, как колода карт.

Но среди этой кучи бесполезного хлама, каждый клочок которого когда-то был для чего-то нужен, напрасно высматривал Роберт то, что искал: пачку писем, которые написала его пропавшему другу покойная супруга Элен Толбойс. Он не раз слышал, как Джордж упоминал об этих письмах. Однажды он видел, как его друг с благоговением раскладывал старые ветхие листки; он видел так же, как он сложил аккуратно перевязанную ленточкой Элен пачку в сундук вместе с одеждой. Трудно сказать, вынимал ли он их после этого, или чья-то чужая рука забрала их после его исчезновения, но письма пропали.

Роберт Одли тяжело вздохнул, складывая вещи обратно, одну за другой. Дойдя до стопки потрепанных книг, он помедлил.

– Я просмотрю их, – решил он. – Может, найду что-нибудь.

Библиотеку Джорджа нельзя было назвать блестящей кол-

лекцией. Там были Ветхий Завет и латинская грамматика, французская брошюра об упражнениях с кавалерийской саблей, томик «Тома Джонса», жесткая кожаная обложка которого держалась на одной нитке, «Дон Жуан» Байрона, напечатанный таким убийственным шрифтом, предназначенным, должно быть, специально для услуг окулистов, и толстая книжка с потрепанным переплетом в красной позолоченной обложке.

Роберт Одли запер сундук и взял книги под мышку. Когда он вернулся в гостиную, миссис Мэлони убирала остатки трапезы. Он отложил книги в сторонку и терпеливо ожидал, пока прачка закончит свою работу. У него не было настроения даже выкурить пенковую трубку – свою привычную утешительницу; книги в желтых обложках, стоящие на полке, казались устаревшими и бесполезными – он открыл томик Бальзака, но золотистые локоны дядиной жены маячили и развевались перед ним в сверкающей дымке. Томик выпал из его руки, он сидел в прострации, устало наблюдая, как миссис Мэлони выгребает золу из камина, подбрасывает дров в огонь, задергивает темные шторы, накрывает канарек и надевает шляпку в соседней комнате, прежде чем пожелать своему хозяину спокойной ночи. Когда за ирландкой закрылась дверь, он в нетерпении поднялся со стула и начал мерить шагами комнату.

– Зачем я продолжаю все это, – размышлял он вслух, – когда знаю, что это приближает меня, шаг за шагом, день

за днем, час за часом к заключению, которого мне следует избегать? Как будто я привязан к колесу и с каждым поворотом оно увлекает меня с собой туда, куда катится. Или я могу сегодня вечером остановиться и сказать, что выполнил свой долг по отношению к исчезнувшему другу; я терпеливо искал его, но искал напрасно? Оправдывает ли это меня? Найду ли я себе оправдание, если позволю цепи, которую так медленно, по звеньям собирал, оборваться в этом месте, или я должен добавлять новые звенья к этой фатальной цепи, пока последнее звено не станет на свое место и круг замкнется? Я уверен, что больше никогда не увижу своего друга, и никакие мои усилия не помогут ему. Он мертв – такова суровая правда. Обязан ли я выяснить, как и где он умер? Или, находясь на пути к этому открытию, нарушу ли я верность памяти Джорджа Толбойса, если остановлюсь и поверну назад? Что мне делать? Что мне делать?

Он спрятал лицо в ладони. Та единственная цель, которая медленно возрастала в его беспечной натуре до тех пор, пока не стала достаточно сильной, чтобы произвести перемену в самом его существе, сделала его тем, кем он никогда не был – христианином, сознающим свою слабость; стремящимся следовать путем, к которому его зовет долг; боящимся уклониться от добросовестного выполнения весьма необычной задачи, которая была на него возложена, и уверенного, что более сильная рука указывает ему путь, по которому ему следует идти. Возможно той ночью, сидя в оди-

ночестве у огня и думая о Джордже Толбойсе, он впервые по-настоящему, от чистого сердца приносил молитву Богу. Когда он поднял голову, очнувшись от долгих молчаливых раздумий, его глаза были полны решимости и черты лица приобрели новое выражение.

– Прежде всего справедливость к мертвым, – произнес он, – милость к живым – после.

Он подкатил кресло к столу, подрезал фитиль лампы и занялся осмотром книг.

Он брал их, одну за другой, тщательно просматривал, начиная с титульного листа, где обычно пишется имя владельца, затем искал какой-нибудь клочок бумаги, который мог быть оставлен между страницами. На первой странице латинской грамматики школьным прямым почерком стояло имя мистера Толбойса; на обложке французской брошюры карандашом крупным неаккуратным почерком Джорджа небрежно были нацарапаны буквы Д.-Т.; «Том Джонс», очевидно, был приобретен в книжной лавке, на нем имелась надпись, помеченная 14 марта 1788 г., которая гласила, что сия книга являлась данью уважения мистеру Томасу Скроутону от его покорного слуги, Джеймса Эндерли; на «Дон Жуане» и Ветхом Завете ничего не было. Роберт Одли вздохнул с облегчением: он добрался до последней из книг без каких-либо результатов; ему осталось осмотреть толстый с золотым обрезом красный томик.

Это был ежегодник за 1845 год. Медные гравюры, на ко-

торых были изображены хорошенькие леди того времени, пожелтели и покрылись плесенью; костюмы были нелепые и диковинные; глупо улыбающиеся красотки поблекли. Даже небольшие стихотворения (в которых тусклая свеча поэта слабо освещала туманный замысел художника) звучали старомодно, как звуки, издаваемые лирой, струны которой ослабели от сырости времен. Роберт Одли не задерживался, чтобы прочитать эти хилые творения. Он быстро листал страницы в поисках какой-нибудь записки или обрывка письма. Он нашел только локон золотистых волос, того сверкающего редкого оттенка, который встречается только у детей – пучок волос цвета солнца, которые вились так же естественно, как виноградная лоза и были совсем не похожи на локон мягких гладких волос, который дала Джорджу Толбойсу домохозяйка в Вентноре после смерти его жены. Роберт Одли отложил осмотр книги и, завернув этот желтый локон в бумагу, положил его в конверт, который запечатал своим перстнем, и сложил его вместе с записями о Джордже и письмом Алисии в ящик с пометкой «Важно». Он уже собирался отложить толстый ежегодник к другим книгам, когда обнаружил, что первые две чистые страницы склеились. Роберт был так решительно настроен вести свое расследование до самого конца, что взял на себя труд разъединить листы острым концом ножа для бумаг и был вознагражден за свое упорство, обнаружив надпись на одном из них.

Она состояла из трех частей и была сделана тремя разными

ми людьми. Первый абзац был датирован годом, в котором ежегодник был издан, и гласил, что книга является собственностью некоей мисс Элизабет Энн Бинс, которая получила сей драгоценный том в награду за примерное поведение и послушание в семинарии Кэмфорд. Второй абзац был датирован пятью годами позже и был написан рукой самой мисс Бинс, которая подарила книгу в знак вечной любви и бесконечного почтения (мисс Бинс была явно романтической особой) своей верной подруге Элен Мэлдон. Третий абзац был сделан в сентябре 1853 г. рукой Элен Мэлдон, которая преподнесла ежегодник Джорджу Толбойсу; при виде этой третьей части лицо Роберта Одли изменилось – оно покрылось болезненной серой бледностью.

– Я так и думал, – промолвил он, с тяжелым вздохом закрывая книгу. – Видит бог, я был готов к худшему, и оно свершилось. Теперь я все понимаю. Мне нужно ехать в Саутгемптон. Я должен отдать мальчика в более надежные руки.

Глава 21. Миссис Плусон

Среди пачки писем, которые Роберт Одли нашел в чемодане Джорджа, было одно, помеченное именем его отца, — отца, который, не был снисходителен к своему единственному сыну и с радостью воспользовался предложением, предоставленным ему опрометчивой женьбой Джорджа, чтобы лишить его средств к существованию. Роберт Одли никогда не встречался с мистером Харкотом Толбойсом, но рассказы Джорджа о своем отце дали его другу некоторое представление о характере этого джентльмена. После исчезновения Джорджа он тотчас написал мистеру Толбойсу, тщательно подбирая слова и прозрачно давая понять, что в этом таинственном деле не все чисто; но по истечении нескольких недель он получил весьма официальное послание, в котором мистер Харкот Толбойс недвусмысленно заявил, что умывает руки во всем, что касается его сына со дня его свадьбы, и что его исчезновение так же абсурдно, как и его нелепая женьба. Автор этого отеческого письма добавил в постскриптуме, что если у мистера Джорджа Толбойса было низкое намерение заставить волноваться своих друзей этим притворным исчезновением, и таким образом поиграть на их чувствах с целью вытянуть из них побольше денег, то он глубоко ошибался в характере тех особ, с кем имел дело.

Роберт Одли написал в ответ на это несколько негодую-

щих строк, ставя в известность мистера Толбойса, что его сын едва ли стал бы прятаться с такой далеко идущей целью, как покушение на карман своих родственников, так как в момент своего исчезновения он положил в банк двадцать тысяч фунтов. Отправив это письмо, Роберт оставил всякую мысль дождаться помощи от человека, который должен более всех быть заинтересован в судьбе Джорджа, но теперь, когда он с каждым днем все ближе продвигался к развязке, черным пятном лежавшей перед ним, его мысли возвращались к этому бездушному мистеру Харкоту Толбойсу.

– Я как можно быстрее поеду в Дорсетшир после того, как закончу все дела в Саутгемптоне, – говорил он, – и повидаю этого человека. Если уж и он допустит, чтобы судьба его сына осталась темной и мрачной тайной для всех, кто его знал; если он сможет, дожить до конца своих дней, оставаясь в неведении, какой смертью умер его несчастный сын, – тогда зачем мне пытаться распутать этот запутанный клубок, разгадывать страшную загадку и пытаться сложить воедино разрозненные кусочки мозаики, которые, собравшись вместе, могут образовать чудовищную картину? Я поеду к нему и изложу мои ужасные подозрения. Пусть он и решает, что мне делать.

Роберт Одли отправился первым экспрессом в Саутгемптон. Снег лежал толстым белым покровом на полях, через которые он проезжал, и молодой адвокат укутался в такое множество шерстяных шарфов и дорожных пледов, что ка-

зался ходячим шерстяным снопом, а не живым человеком ученой профессии. Он мрачно смотрел в окно, запотевшее от дыхания его самого и пожилого офицера, который был его единственным попутчиком, и видел, как проносятся мимо леса и поля, призрачные в белом саване снега. Он плотнее укутался в широкие складки своего пледа, поеживаясь, и роптал на свой жребий, который гнал его в путешествие в этот ненастный зимний день.

«Кто бы мог подумать, что я так полюблю этого парня, – думал он, – и буду так скучать по нему? У меня есть небольшое состояние, дающее мне три процента годовых, я – предполагаемый наследник дядюшкиного титула, и я знаю, что некая юная милая девица сделает все на свете, как мне кажется, ради моего счастья; но я бы добровольно от всего отказался и согласился остаться без единого пенни, лишь бы эта тайна благополучно разъяснилась и Джордж Толбойс был рядом со мной».

Он приехал в Саутгемптон между 11 и 12 часами, перешел через платформу, и сквозь снег, летевший ему в лицо, направился в нижнюю часть города к пристани. Часы на церкви Святого Михаила пробили двенадцать, когда он пересек старую площадь, на которой возвышалось это строение, и дальше, по узким улочкам его путь пролегал к морю.

Мистер Мэлдон обосновался на одной из безрадостных улиц, которые спекулянты-застройщики любят пристраивать за счет какого-нибудь клочка пустоши к окраине солид-

ного города. Бриксам Тирейс был, возможно, одним из самых мрачных кварталов, когда-либо построенных из кирпича и известки с тех пор, как самый первый каменщик уложил свой мастерок штукатурки и самый первый архитектор начертил план. Застройщик, спекулировавший на этих десяти домах из восьми комнат, которые скорее походили на тюрьму, повесился, прежде чем дома были подведены под крышу. Человек, скупивший эти могильники с пустыми глазницами окон, обанкротился, когда обойщики еще не закончили свою работу на Бриксам Тирейс, успев, таким образом, лишь побелить потолки и одновременно обелить себя.

Всяческие напасти и неплатежи крепко прицепились к злополучным жилищам. Судебный пристав и маклер были так же хорошо известны местной детворе, как мясник и булочник. Платежеспособных жильцов будил в полночные часы шум призрачных мебельных фургонов, которые тайком уползали в безлунную ночь. Неплатежеспособные обитатели, сидя в своих восьмикомнатных твердынях, не таясь, игнорировали сборщика налога на воду и неделями существовали без каких бы то ни было видимых средств обеспечения этой необходимой жидкостью.

Зайдя со стороны моря в этот район, где царила нищета, Роберт с содроганием огляделся. Из одного дома выносили покойника – маленького ребенка, и Роберт с ужасом подумал, что если бы в маленьком гробике лежал сын Джорджа, он был бы в какой-то мере ответственен за смерть мальчика.

«Бедный ребенок не проведет еще одну ночь в этой лагуне, – подумал он, стуча в дверь мистера Мэлдона. – Он – единственное, что осталось от моего пропавшего друга, и теперь я должен обеспечить его безопасность».

Неряшливая девчонка-прислуга открыла дверь и подозрительно уставилась на мистера Одли, спрашивая довольно гнусавым голосом, что ему угодно. Дверь в маленькую гостиную была открыта, и Роберт слышал стук ножей и вилок и детский веселый голосок маленького Джорджа. Он сказал прислуге, что приехал из Лондона и хотел бы увидеть мистера Толбойса и что он сам о себе доложит; и без дальнейших церемоний, пройдя мимо нее, он открыл дверь в гостиную. Девчонка ошеломленно следила за ним взглядом и вдруг, пораженная какой-то неожиданной мыслью, сбросила через голову передник и выскочила на улицу. Она бросилась прямо через пустырь, нырнула в узкую аллею и не перевела дыхания до тех пор, пока не очутилась на пороге одной таверны под названием «Карета и лошадки», которую облюбовал мистер Мэлдон. Верный вассал лейтенанта приняла Роберта Одли за нового сборщика злосчастных налогов, отвергнув то, что он сказал о себе, как хитроумную уловку, предназначенную для разорения местных банкротов, – и поспешила, чтобы вовремя предупредить своего господина о приближении неприятеля.

Войдя в гостиную, Роберт был удивлен, увидев маленького Джорджа сидящим напротив женщины, которая отдавала

должное убогой трапезе, накрытой на грязной скатерти, запивая ее пивом. Женщина поднялась, когда вошел Роберт, и неуклюже присела перед ним. Она выглядела лет на пятьдесят и была одета в потрепанную траурную одежду. У нее было бледное вялое лицо, и две гладкие пряди волос, видневшиеся из-под чепчика, были того тусклого льняного оттенка, который обычно сопутствует румяным щекам и белесым ресницам. В свое время она, возможно, была деревенской красавицей, но ее относительно правильным чертам было присуще низкое выражение, и они казались искаженными, слишком маленькими для ее лица. Этот недостаток был особенно заметен в очертаниях рта, который явно не подходил для ее зубов. Она улыбнулась, присев перед Робертом, и ее улыбка обнажила почти все огромные лошадиные зубы, отнюдь не украшавшие ее внешность.

– Мистера Мэлдона нет дома, сэр, – произнесла она весьма противным голосом, в котором не было и намека на учтивость, – но если вы насчет платы за воду, он просил меня передать, что...

Ее перебил маленький Джордж Толбойс, который слез со своего высокого стула, на который его усадили, и подбежал к Роберту Одли.

– Я вас знаю, – пролепетал он, – вы приезжали в Вентнор с большим джентльменом, и сюда однажды приезжали и дали мне денег, а я отдал их деду, чтобы он сохранил.

Роберт Одли взял мальчика на руки и отнес его к малень-

кому столику у окна.

– Встань здесь, Джорджи, – сказал он, – я хочу хорошенько рассмотреть тебя.

Он повернул лицо мальчика к свету и обеими руками убрал со лба его темные кудри.

– С каждым днем ты все больше похож на отца, Джорджи; ты становишься совсем взрослым, – прибавил он. – Тебе хотелось бы пойти в школу?

– О да, очень хочу, – с живостью ответил мальчик. – Однажды я ходил в школу к мисс Пекине – знаете, это дневная школа, на соседней улице, за углом, но я заболел корью, и дед больше не пускал меня, он боялся, что я опять заболею; дедушка не разрешает мне играть с ребятами на улице, потому что они грубые, он сказал, что они мерзкие мальчишки, но я не должен так говорить, это неприлично. Он говорит черт и дьявол, и ему можно, потому что он старый. Я тоже буду говорить черт и дьявол, когда стану старый, и я хочу пойти в школу, прямо сегодня, миссис Плуосон приготовит мой сюртучок, не так ли, миссис Плуосон?

– Конечно, мистер Джорджи, если ваш дедушка позволит, – ответила женщина, с беспокойством глядя на Роберта Одли.

«Что такое происходит с этой женщиной? – подумал Роберт, повернувшись от мальчика к светловолосой вдове, которая медленно клонила к столу, где стоял маленький Джордж. – Неужели она все еще принимает меня за сборщи-

ка налогов, или, быть может, причина ее беспокойства лежит глубже? Хотя это маловероятно, какие бы секреты ни были у лейтенанта Мэлдона, вряд ли эта женщина знает о них».

Миссис Плоусон к этому времени склонилась совсем низко над столиком и украдкой почти обхватила мальчика руками, когда Роберт резко обернулся.

– Что вы собираетесь сделать с ребенком? – спросил он.

– Я собираюсь только умыть его хорошенькое личико, сэр, и пригладить волосы, – ответила женщина тем же противным голосом. – Вы не разглядите его как следует, пока лицо грязное. Мне не потребуется и пяти минут, чтобы он заблестел, как чайник.

Она уже обхватила мальчика своими длинными тощими руками и собиралась целиком завладеть им, когда Роберт остановил ее.

– Пусть остается такой, какой есть, благодарю вас, – возразил он. – Я недолго пробуду в Саутгемптоне и хочу услышать все, что этот маленький человечек расскажет мне.

Мальчуган подошел поближе к Роберту и доверчиво посмотрел адвокату в глаза.

– Вы мне очень нравитесь, – затараторил он. – Я вас боялся раньше, потому что стеснялся. Сейчас я не стесняюсь – мне уже почти шесть лет.

Роберт ободряюще погладил мальчика по головке, но смотрел не на него: он наблюдал за светловолосой вдовой, которая отошла к окну и высматривала что-то на пустоши.

– По-моему, вы о ком-то беспокоитесь, мэм, – заметил Роберт.

Она покраснела и смутилась.

– Я посмотрела, не идет ли мистер Мэлдон, – запинаясь ответила она. – Он огорчится, если не увидит вас.

– Так вы знаете, кто я?

– Нет, сэр, но...

Мальчик перебил ее, вынув из-за пазухи небольшие часы и показывая их Роберту.

– Вот те часы, что подарила мне красивая леди, – похвастался он. – Теперь они у меня, но совсем недолго, потому что ювелир, который их чистит, такой бездельник, как говорит дедушка, и так долго их всегда держит; дедушка сказал, что их снова нужно почистить, из-за налогов. Он всегда забирает их почистить, когда налоги, но он говорит, что если они потеряются, красивая леди даст мне другие. Вы знаете красивую леди?

– Нет, Джорджи, расскажи мне о ней.

Миссис Плоусон снова склонилась над мальчиком. На этот раз она вооружилась носовым платком и проявила большое беспокойство о состоянии носа Джорджа, но Роберт не побоялся страшного оружия и забрал ребенка от мучительницы.

– С мальчиком все будет в порядке, мэм, – уверил он, – если вы оставите его в покое хоть на пять минут. Ну-ка, Джорджи, садись ко мне на колени и расскажи мне о красивой ле-

ди.

Ребенок вскарабкался на колени мистеру Одли, бесцеремонно ухватившись за воротник его пальто.

– Я вам все расскажу о красивой леди, – начал он, – потому что вы мне очень нравитесь. Дедушка наказывал мне не говорить никому, но вам я расскажу, потому что вы мне нравитесь и потому что вы возьмете меня в школу. Однажды ночью красивая леди приходила сюда, давно, очень давно, – он покачал головой со значительным видом. – Она приходила, когда я был не такой большой, как сейчас, и ночью, когда я уже лег спать, она входила ко мне в комнату, садилась на кровать и плакала, и оставила мне часы под моей подушкой, и она... Почему вы мне строите рожи, миссис Плоусон? Я все скажу этому господину, – неожиданно добавил он, обращаясь ко вдове, которая стояла за спиной Роберта.

Миссис Плоусон сконфуженно пробурчала какие-то извинения, она боялась, что мальчик утомил господина.

– Положим, мэм, вы могли бы и подождать, пока я сам скажу об этом, – резким тоном произнес Роберт. – Подозрительный человек, глядя на ваше поведение, может подумать, что между мистером Мэлдоном и вами существует тайный сговор, и вы просто боитесь, что мальчик сболтнет лишнее.

Он поднялся со стула и в упор посмотрел на миссис Плоусон. Вдова побледнела, как мертвец, и попыталась что-то ответить, но ее губы пересохли, и ей пришлось облизнуть их, прежде чем ей удалось выдать из себя хоть слово.

Малыш пришел ей на помощь.

– Не сердитесь, миссис Плоусон, – попросил он. – Миссис Плоусон очень добра ко мне. Миссис Плоусон – мама Матильды. Вы не знали Матильду. Бедная Матильда все время плакала, она была больна, она...

Мальчика прервало неожиданное появление мистера Мэлдона, который стоял на пороге гостиной и не сводил с Роберта Одли пьяных испуганных глаз. Девчонка-прислуга была рядом с ним, все еще тяжело дыша.

Он яростно обрушился на миссис Плоусон, и хотя еще был день, речь его была уже пьяной и нечленораздельной.

– Кто вас назовет здраво... здраво... слящей женщиной! – ругался он. Почему не заберете ребенка и не умоете ему лицо? Хотите пагубить меня? Уведите ребенка прочь! Мистер Одли, сар, я рад вас видеть и принимать вас в этом убогом жилище, – добавил старик с пьяной учтивостью, падая на стул и пытаясь смотреть прямо на неожиданного гостя.

«Не знаю, что старик скрывает, – подумал Роберт, когда миссис Плоусон выталкивала из комнаты маленького Джорджа Толбойса, – но эта женщина посвящена в его секрет. Какова ни была бы тайна, что здесь сокрыта, с каждым шагом она все больше темнеет и сгущается; и напрасно пытаюсь я повернуть назад и остановиться на этой дороге, более сильная рука указывает мне путь к неизвестной могиле моего потерянного друга».

Глава 22. Маленький Джорджи покидает свой старый дом

– Я собираюсь забрать с собой вашего внука, мистер Мэлдон, – мрачно промолвил Роберт, когда миссис Плуосон удалилась со своим юным подопечным.

Пьяный кураж старика медленно рассеивался, как густой лондонский туман, сквозь который слабо пробивается солнечный луч. Далеко не блестящему уму лейтенанта Мэлдона понадобилось значительное время, чтобы пробиться сквозь туманные пары рома с водой; но наконец свет слабо замерцал сквозь тучи, и старик пришел в рассудок.

– Да, да, – согласился он слабеющим голосом, – забирайте мальчика от его бедного старого дедушки. Я так и думал, что этим кончится.

– Вы ожидали, что я возьму его с собой? – спросил Роберт, изучая его полупьяное лицо внимательным взглядом. – Почему вы так думали, мистер Мэлдон?

Винным парам снова удалось одержать верх над светом разума, и лейтенант тупо ответил:

– Так думал – потому что думал, и все тут.

Увидев, что молодой адвокат нетерпеливо нахмурился, он сделал еще одно усилие, и свет замерцал снова.

– Я полагал, что вы или его отец заберете его с собой.

– Когда я в последний раз был в этом доме, мистер Мэл-

дон, вы сказали мне, что Джордж Толбойс уплыл в Австралию.

– Да, да, я знаю, знаю, – смущенно ответил старик, почесывая свои редкие седые волосы трясущимися руками. – Я знаю, но он мог вернуться – не правда ли? Ему не сиделось на одном месте, и он бывал такой странный иногда. Он вполне мог вернуться.

Он повторил это несколько раз слабым, заплетающимся языком; с трудом найдя среди всякого хлама на каминной полке свою глиняную трубку, он набил ее и закурил сильно трясущимися руками.

Роберт посмотрел на эти морщинистые, трясущиеся руки, которые роняли кусочки табака на коврик перед камином. Затем, пройдясь несколько раз по комнате, он дал старику сделать в покое несколько затяжек от своей великой утешительницы.

Вдруг он обернулся к лейтенанту с мрачной решимостью на своем красивом лице.

– Мистер Мэлдон, – медленно заговорил он, внимательно наблюдая за эффектом своих слов, – Джордж Толбойс никогда не уплывал в Австралию – это я знаю точно. Более того, он никогда не приезжал в Саутгемптон, и ложь, которую вы сказали мне восьмого сентября прошлого года, была продиктована вам телеграфным посланием, полученным вами в тот день.

Грязная глиняная трубка выпала из трясущейся руки и

разбилась о каминную решетку, но старик даже не сделал попытки взять другую, он сидел, дрожа с ног до головы и глядя, бог знает как жалостно, на Роберта Одли.

– Ложь была продиктована вам, и вы усвоили урок. Но вы так же видели здесь Джорджа Толбойса седьмого сентября, как я вижу его сейчас в этой комнате; вы думали, что сожгли телеграфное послание, но сгорела только часть его – уцелевшая часть находится у меня.

Лейтенант Мэлдон почти протрезвел.

– Что я наделал? – шептал он беспомощно. – О боже, что я наделал?

– В два часа дня седьмого сентября прошлого года, – продолжал безжалостный обвиняющий голос, – Джорджа Толбойса видели живым и здоровым в одном доме в Эссексе.

Роберт остановился, чтобы посмотреть, какое действие произвели его слова. В старике не было заметно никакой перемены. Он сидел все так же, дрожа всем телом, тупо глядя перед собой невидящим взглядом и потеряв дар речи от ужаса.

– В два часа в тот самый день, – повторил Роберт, – моего бедного друга видели, живого и невредимого, в... в доме, о котором я говорил. С того часа и по сей день, его не видел ни один человек. Я предпринял шаги, которые *должны* были бы принести известия о его местопребывании, будь он жив. Я проделал это терпеливо и тщательно, вначале даже с надеждой. Теперь я знаю, что его нет в живых.

Роберт Одли ожидал, что старик как-тоотреагирует на его слова, но он совершенно не был готов к тому жестокому страданию, страшному ужасу, которые исказили лицо мистера Мэлдона, когда Роберт произнес последние слова.

– Нет, нет, нет, – снова и снова повторял лейтенант высоким пронзительным голосом, – нет, нет! Бога ради, не говорите этого! Только не мертв, что угодно, но не мертв! Возможно, скрывается, может, его подкупили, чтобы не мешал, но не мертв, не мертв, не мертв!

Потеряв самообладание, он громко выкрикивал эти слова, бил себя кулаками по седой шевелюре, раскачивался, как маятник, на стуле. Его слабые руки больше не дрожали.

– Я убежден, – продолжал Роберт тем же мрачным, неумолимым тоном, – что мой друг никогда не покидал Эссекс, и я убежден, что он умер седьмого сентября прошлого года.

Несчастный старик, все еще колотя себя руками по голове, сполз со стула и скорчился у ног Роберта.

– О нет, нет, бога ради, нет! – хрипло кричал он. – Нет! Вы не знаете, что говорите, о чем просите меня думать, вы не сознаете своих слов!

– Я слишком хорошо осознаю их значение и весомость, так же, как и вы, мистер Мэлдон. Помогите нам Бог!

– Ох, что я делаю? Что я делаю? – обессиленно бормотал старик, затем, с усилием поднявшись на ноги, он выпрямился во весь рост и произнес в несвойственной ему манере, не без достоинства – достоинства, которое всегда должно быть

неотделимо от невыразимого горя, в какой бы форме оно не проявлялось, – мрачно произнес:

– Вы не имеете права приходить сюда и пугать человека, который выпил и немного не в себе. Вы не имеете никакого права это делать, мистер Одли. Даже офицер, офицер, сэр, который... который... – Он не заикался, но его губы так сильно дрожали, что слова, казалось, разбились на кусочки от этой дрожи. – Повторяю, офицер, сэр, который арестовывает вора или... – Он остановился, чтобы облизнуть губы и остановить таким образом эту дрожь, но ему это не удалось. – Вора или убийцу... – Голос изменил ему, и только по его трясущимся губам догадался Роберт о значении последнего слова. – Предупреждает его, сэр, что он не может сказать ничего, что повредило бы ему или... или... другим людям. Закон... закон, сэр, милостив к... к подозреваемому преступнику. Но вы, сэр, вы... вы приходите в мой дом в такое время, когда... когда вопреки обыкновению, так вам и все кругом скажут, я обычно трезв, вы приходите и увидев, что я... что я немного не в себе, вы используете эту возможность, чтобы устрасить меня, и... и это неправильно, сэр, это...

Его дальнейшие слова остались невысказанными; задыхаясь, как будто они душили его, он упал на стул, уронил голову на стол и громко разрыдался. Возможно, среди всех злосчастных семейных драм, которые разыгрывались в этих убогих домишках, среди всех ничтожных страданий, позор-

ного стыда, жестокого горя, горького бесчестья, никогда не было такой трагедии. Старик, спрятав лицо от дневного света, безудержно рыдал. Безднадежно и жалостно созерцал Роберт эту сцену.

«Если бы я знал, – подумал он, – я бы пощадил его. Возможно, было бы лучше пощадить его».

Убогая комната, грязь, беспорядок, фигура старика, его седая голова на заляпанной скатерти среди остатков не очень изысканного обеда, – все это расплывалось перед глазами Роберта Одли, когда он вспоминал другого человека, почти такого же возраста, но столь отличающегося во всем! И который мог испытать такое же или даже более мучительное страдание и проливать еще более горькие слезы. Это мгновение, когда слезы подступили к его глазам и затуманили жалкое зрелище, было достаточно долгим, чтобы вернуть его обратно в Эссекс и показать образ дяди, пораженного стыдом и горем.

«Почему я продолжаю это? – размышлял он. – Как я безжалостен, и как неумолимо влечет меня мой жребий. Это не я, это та рука, что манит меня все дальше и дальше по темной дороге, о конце которой я не смею даже думать».

Он думал об этом, пока сидел, спрятав лицо, борясь со своей жестокой болью и не в силах успокоить ее.

– Мистер Мэлдон, – произнес Роберт Одли, немного помолчав. – Я не прошу вас простить меня за то, что навлек на вас, так как мной владеет столь сильное чувство, что ра-

но или поздно оно должно было проявиться. Есть такие... — Он замолчал в нерешительности. Рыдания не прекращались: они становились то тише, то громче, то раздражались с новой силой, то на мгновение затихали, но не прекращались. — Есть такие вещи, которые, как говорится, нельзя спрятать. Все тайное рано или поздно становится явным. Я думаю, сколь мудры эти старые, как мир, истины, которые люди постигали из собственного опыта, а не из книг. Если бы я и смирился с тем, что мой друг останется навеки в своей неизвестной могиле, весьма вероятно, что какой-нибудь незнакомец, который никогда не слышал имени Джорджа Толбойса, может по чистой случайности наткнуться на тайну его гибели. Возможно, завтра, или лет через десять, или даже в другом поколении, когда рука, поразившая его, будет так же холодна как и его собственная. Если бы я *мог* оставить это дело, если бы я только мог покинуть навсегда Англию, и намеренно избежать возможности когда-нибудь найти другой ключ к разгадке этой тайны, я бы сделал это, даже с радостью, но я *не могу!* Рука, которая сильнее, чем моя, манит меня вперед. Мне не хотелось воспользоваться своим преимуществом перед вами, но я обязан идти дальше, я обязан продолжать, если существует кто-нибудь, кого бы вы предупредили, сделайте это, предостерегите этого человека. Если тайна, к которой я постепенно, час за часом, приближаюсь, касается кого-либо, в ком вы заинтересованы, дайте ему ускользнуть прежде, чем я дойду до конца. Пусть они покинут эту стра-

ну, пусть покинут всех, кто их знает, всех, кому угрожает их зло, пусть они удалятся – их не будут преследовать. Но если они пренебрегут вашим предупреждением, попытаются сохранить свое нынешнее положение, не считаясь с тем, что вы намерены им сказать, – то пусть они берегутся меня, ибо когда час пробьет, клянусь, им не будет пощады.

Старик впервые за все время поднял голову и вытер свое морщинистое лицо грязным носовым платком.

– Заявляю вам, что я вас не понимаю, – произнес он. – Со всей ответственностью заявляю вам, что не могу понять ваших слов, и я не верю, что Джордж Толбойс мертв.

– Я бы отдал десять лет своей жизни, если бы мог увидеть его живым, – печально ответил Роберт. – Мне жаль вас, мистер Мэлдон, мне жаль всех нас.

– Я не верю, что мой зять мертв, – повторил лейтенант. – Я не верю, что бедный парень умер.

Миссис Плоусон вошла в комнату, ведя маленького Джорджи, чье сияющее лицо показывало, что могут сотворить желтое мыло и мытье с человеческим лицом.

– Боже мой! – воскликнула миссис Плоусон. – О чем это вы тут беседовали? Даже наверху были слышны ваши рыдания.

Маленький Джорджи подбежал к дедушке и погладил своей пухлой ручкой его мокрые от слез щеки.

– Не плачь, дед, – утешил он его, – не плачь. Ты возьмешь мои часы в чистку, и добрый ювелир одолжит тебе де-

нег, чтобы заплатить налог, пока он чистит часы. Пойдем к ювелиру, ты же знаешь, он живет на Хай-стрит, на его двери нарисованы золотые шарики, чтоб было всем понятно, что он – из Ломбард-Ломбардшира, – лепетал ребенок, произнося название через черточку. – Пойдем, дед.

Мальчик вытащил из-за пазухи драгоценную игрушку и направился к двери, гордый тем, что является обладателем столь полезного талисмана.

– В Саутгемптоне водятся волки, – объяснил он Роберту Одли, свысока кивая головой, – дедушка говорит, что когда он берет мои часы, он отпугивает волков от двери. А там, где вы живете, есть волки?

Молодой адвокат не ответил на вопрос ребенка, но остановил его, когда тот потянул деда к двери.

– Твоему дедушке сегодня не нужны часы, Джордж, – мрачно промолвил он.

– Тогда почему он грустный? – наивно спросил Джорджи. – Когда ему нужны часы, он всегда печальный и вот так бьет себя по лбу, – мальчик остановился, чтобы показать это своими маленькими кулачками, – и говорит, что она, то есть красивая леди, использует его, и он не может прогнать волка от двери, и тогда я говорю: «Дедушка, возьми часы», – и он берет меня на руки и говорит: «О, мой благословенный ангелочек! Как я могу украсть у моего ангелочка!» – и потом он плачет, но не так, как сегодня, не так громко, только слезы текут по его щекам.

Роберту Одли было тяжело слушать болтовню ребенка, но, казалось, она принесла облегчение старику. Он не слушал, о чем мальчик говорил; несколько раз прошелся он по небольшой комнате, пригладил свои всклокоченные волосы и позволил миссис Плуосон привести в порядок галстук.

– Бедный старый джентльмен, – вздохнула она, глядя на Роберта. – Что его так огорчило?

– Его зять умер, – ответил мистер Одли, не сводя глаз с сочувствующего лица миссис Плуосон. – Он умер спустя полтора года после смерти Элен Толбойс, которая похоронена на кладбище в Вентноре.

Она почти не изменилась в лице, но отвела глаза в сторону, когда он заговорил, и еще раз пришлось миссис Плуосон облизнуть свои побелевшие губы, прежде чем ответить ему.

– Бедный мистер Толбойс умер! – удивилась она. – Это действительно плохие новости, сэр.

При этих словах маленький Джорджи задумчиво взглянул ей в лицо.

– Кто умер? – спросил он. – Джордж Толбойс – это мое имя. А кто умер?

– Другой человек, которого зовут Джордж Толбойс, Джорджи.

– Бедняга! Его положат в яму?

У мальчика было простое представление о смерти, которое мудрые взрослые обычно внушают детям и которое не простирается дальше открытой могилы.

– Мне бы хотелось увидеть, как его положат в яму, – заметил Джорджи, немного помолчав. Он уже побывал на нескольких детских похоронах по соседству и весьма ценился как плакальщик. Он относился, таким образом, к церемонии погребения, как к мрачному празднику, основными атрибутами которого были пирог, вино и поездка в экипаже.

– Вы не возражаете, если я заберу мальчика с собой, мистер Мэлдон? – спросил Роберт Одли.

К этому времени старик успокоился. Он нашел другую трубку за аляповатой рамой зеркала и попытался раскурить ее от клочка скомканной газеты.

– Вы не возражаете, мистер Мэлдон?

– Нет... нет, сэр, вы – его опекун и имеете полное право забирать его куда угодно. Он был большим утешением для меня в моей одинокой старости, но я был готов расстаться с ним. Я... я, возможно, не всегда выполнял свои обязанности по отношению к мальчику, сэр... что касается школы и... ботинок. Количество ботинок, которое изнашивают мальчики его возраста, сэр, не всегда доступно уму таких молодых людей, как вы; возможно, его не всегда пускали в школу, и он временами носил потрепанные ботинки, когда мы не располагали большими средствами, но его не обижали. Нет, сэр, расспрашивайте его хоть неделю, вы не услышите, что его бедный старый дедушка хоть раз сказал ему грубое слово.

И тут Джорджи, почувствовав, что его старый защитник в отчаянии, громко заплакал и заявил, что никогда не покинет

его.

– Мистер Мэлдон, – промолвил Роберт Одли наполовину печальным, наполовину сострадательным тоном, – когда я рассматривал свое положение прошлой ночью, я не думал, что оно окажется еще более тягостным, чем я полагал. Я могу сказать только одно – да смилостивится Господь над всеми нами. Я чувствую, что моя обязанность – забрать мальчика, и сразу же из этого дома я отвезу его в лучшую школу в Саутгемптоне и даю слово чести, что не буду, пользуясь его невинной простотой, выпытывать у него ничего, что могло бы... я имею в виду, – он резко остановился, – я имею в виду следующее – я не стану разгадывать тайну через него. Я... я не детектив и не думаю, что даже самому образованному детективу хотелось бы получить информацию от ребенка.

Старик ничего не ответил, он сидел, прикрыв лицо рукой и безжизненными пальцами другой, зажав потухшую трубку.

– Уведите отсюда мальчика, миссис Плуосон, – попросил он, немного помолчав, – уведите и оденьте его. Он поедет с мистером Одли.

– Должна сказать, что очень некрасиво со стороны джентльмена забирать у бедного деда его любимца, – вдруг воскликнула миссис Плуосон полным негодования голосом.

– Тише, миссис Плуосон, – жалобно ответил старик. – Мистеру Одли виднее. Я... мне недолго осталось жить, я больше никого не побеспокою.

Слезы медленно просачивались и стекали по его грязным

пальцам, которыми он прикрывал красные глаза.

– Бог свидетель, я не причинял вреда вашему другу, сэр, – продолжал он, когда миссис Плоусон вышла вместе с Джорджем, – или желал ему зла. Он был хорошим зятем. Я никогда не причинял ему умышленного зла, сэр. Я... я тратил его деньги, может быть, но я сожалею об этом, сейчас я очень сожалею об этом. Но я не верю, что он мертв, нет, сэр, нет, я не верю этому! – воскликнул старик, опустив руку и глядя в глаза Роберту. – Я не верю этому, сэр! Как... как он может быть мертв?

Роберт оставил без ответа этот страстный призыв. Он печально покачал головой и, отойдя к окошку, смотрел на небольшой участок пустоши, где беспорядочно росла герань и играли ребяташки.

Возвратилась миссис Плоусон с маленьким Джорджем, укутанным в пальто и шарф, и Роберт взял мальчика за руку.

– Скажи своему дедушке «до свиданья», Джорджи.

Маленький человечек бросился к старику и, прижавшись к нему, целовал грязные слезы на его увядших щеках.

– Не плачь обо мне, дедушка, – говорил он. – Я пойду в школу, чтобы стать умным, и я буду навещать тебя и миссис Плоусон, не так ли? – добавил он, повернувшись к Роберту.

– Да, дорогой, конечно.

– Заберите его, сэр, уведите его, – рыдал мистер Мэлдон, – вы разрываете мне сердце.

Малыш, совершенно довольный, потопал рядом с Робер-

том. Ему очень хотелось пойти в школу, хотя он был довольно-таки счастлив со своим старым, вечно пьяным дедом, который испытывал сентиментальную привязанность к ребенку и сделал все, чтобы избаловать Джорджи, ничем не ограничивая его; вследствие этой снисходительности у мистера Толбойса появилось пристрастие к поздним часам, горячим неудобоваримым ужинам и глоткам рома с водой из стакана дедушки.

Он поведал о своих чувствах и привычках Роберту Одли, когда они шли в гостиницу «Долфин», но адвокат не поддерживал разговор.

В таком месте, как Саутгемптон, нетрудно было найти хорошую школу. Роберт Одли отправился вверх по Хай-стрит к академии Марчмонта для юных джентльменов, оставив Джорджи на попечении добродушного официанта, которому, казалось, нечего было делать, кроме как смотреть в окно и вытирать невидимую пыль с блестящих полированных столов.

Роберт встретил группу опрятных, хорошего поведения юных джентльменов, которые шли гулять в сопровождении двух младших учителей.

Он рассказал директору школы, что маленький Джордж Толбойс был оставлен на его попечение другом, который отбыл в Австралию за несколько месяцев до этого и которого, по его мнению, уже не было в живых. Он доверял его особой заботе мистера Марчмонта и попросил, чтобы к мальчи-

ку пускали только тех посетителей, у которых будет от него письмо. Договорившись обо всем, он вернулся в гостиницу за Джорджем.

Он обнаружил, что мальчик успел подружиться с изнывающим от безделья официантом, и оба с интересом следили, что происходит на улице.

Бедный Роберт очень мало знал о потребностях ребенка. В детстве его интересовали гусеницы, морские свинки, канарейки и собаки, но у него никогда не было необходимости заботиться о юном создании пяти лет от роду.

Он попытался вернуться на двадцать пять лет назад и вспомнить, чем он питался в возрасте пяти лет.

«Мне смутно представляется, как я получал много хлеба и молока и еще вареную говядину, – вспоминал он. – И еще довольно смутное воспоминание о том, как я не любил их. Интересно, любит ли этот малыш хлеб, молоко и вареную говядину».

Он стоял, подергивая себя за пышные усы и задумчиво глядя на ребенка.

– Осмелюсь заметить, что ты проголодался, Джордж, – вымолвил он наконец.

Мальчик кивнул, а официант еще раз вытер невидимую пыль со стола, уже готовясь постелить скатерть.

– Может, ты хотел бы что-нибудь съесть на ланч? – предложил мистер Одли, все еще подергивая свой ус.

Мальчик рассмеялся.

– Ланч! – закричал он. – Но уже полдень, и я пообедал.

Роберт Одли почувствовал, что зашел в тупик. Чем же можно было подкрепиться мальчугану, который три часа дня называл полднем?

– Ты поешь хлеба с молоком, Джорджи, – сказал он вскорее. – Официант, хлеб с молоком и пинту рейнвейна.

Мистер Толбойс скорчил рожицу.

– Я никогда не ем хлеб с молоком, – заявил он. – Я не люблю их. Мне нравится то, что дедушка называет «что-нибудь пикантное». Я бы не прочь съесть телячью котлетку. Дедушка рассказывал мне, как он однажды здесь пообедал, и телячьи котлеты были выше всяких похвал. Пожалуйста, можно мне телячью котлету с яйцом, ну, вы знаете, и лимонный сок? – добавил он, обращаясь к официанту. – Дедушка знает здешнего повара. Повар такой хороший джентльмен, он однажды дал мне шиллинг. У него одежда лучше, чем у деда, даже лучше вашей, – сказал мистер Джорджи, пренебрежительным кивком, указывая на пальто Роберта из грубой ткани.

Роберт Одли ошеломленно замер. Как ему следовало обращаться с этим пятилетним эпикурейцем, который отвергал хлеб с молоком и просил телячьи котлеты?

– Я скажу тебе, что мы сделаем, Джорджи, – решил он. – Я дам тебе обед.

Официант проворно закивал головой.

– Честное слово, сэр, – одобрительно заметил он, – я думаю, что юный джентльмен знает, как управиться с ним.

– Я дам тебе обед, – повторил Роберт, – немного жульена, тушеный угорь, котлеты, дичь и пудинг. Что ты на это скажешь, Джорджи?

– Не думаю, что молодой господин будет возражать, когда увидит все это, сэр, – улыбнулся официант. – Угорь, жульен, котлеты, дичь, пудинг – пойду скажу повару, сэр. На какое время, сэр?

– Ну, скажем на шесть часов, и мистер Джордж попадет в новую школу ко времени отхода ко сну. Вы не сможете пока занять чем-нибудь ребенка? У меня еще есть одно дело, которое нужно уладить, и я не смогу взять его с собой. Я буду ночевать здесь сегодня. До свидания, Джорджи, позаботься о себе сам, и пусть твой аппетит будет готов к шести часам.

Роберт Одли оставил мальчика с официантом и направился к морю, выбрав уединенный берег, который вел вдоль разрушенной городской стены к небольшой деревне у узкой речки.

Он нарочно избегал общества ребенка и долго брел сквозь летящий ему в лицо снег, пока тьма не опустилась на землю.

Он вернулся в город и на станции выяснил расписание поездов в Дорсетшир.

«Я отправлюсь завтра рано утром, – размышлял он, – и увидаю отца Джорджа прежде, чем наступит ночь. Я расскажу ему все – все, за исключением имени интересующей меня подозреваемой особы, и ему решать, что делать даль-

ше».

Мистер Джорджи воздал должное обеду, который заказал Роберт. Онпил слабый эль в количестве, изумившем его опекуна, и получал огромное удовольствие от жареного фазана и хлебного соуса, которые, несмотря на свой юный возраст, сумел оценить. В восемь часов в его распоряжение была предоставлена двуколка, и он отбыл в наилучшем настроении с совереном в кармане и письмом от Роберта к мистери Марчмонту, в котором был чек на обмундирование юного джентльмена.

– Как здорово, что у меня будет новая одежда, – радовался он, прощаясь с Робертом, – потому что миссис Плоусон уже столько раз чинила старую. Теперь она может отдать ее Билли.

– Какому Билли? – спросил Роберт, смеясь болтовне ребенка.

– Билли – младший брат бедной Матильды. Он, знаете ли, простой мальчик. И Матильда была простая, но она...

Но в этот момент возница взмахнул кнутом, старая лошадь тронулась с места, и Роберт Одли больше ничего не услышал о Матильде.

Глава 23. В тупике

Мистер Харкот Толбойс жил в квадратном особняке из красного кирпича, выдержанном в строгом стиле, в миле от небольшой деревушки Грейндж-Хит, в Дорсетшире. Этот чопорный особняк стоял в центре такого же строго квадратного участка земли, едва ли достаточно большого, чтобы называться парком, но слишком обширного, чтобы быть чем-то другим, поэтому ни дом, ни земля не имели названия, а имение было обозначено просто – у сквайра Толбойса.

Не исключено, что мистер Харкот Толбойс был последним человеком на земле, с кем мог ассоциироваться домашний, сердечный сельский старый английский титул сквайра. Он не занимался ни охотой, ни фермерством. Южный ветер и облачное небо были ему глубоко безразличны, пока не были помехой его собственному комфорту; его волновали только виды на урожай, поскольку это касалось арендной платы, которую он взимал с фермеров своего поместья.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, с прямой осанкой, костлявый и худой, с квадратным бледным лицом, светло-серыми глазами и редкими темными волосами, которые были зачесаны за уши вокруг лысой макушки, что придавало ему легкое сходство с терьером – резким, непреклонным, упрямым терьером, которого ни за что не украдет ни один уважающий себя собачий воришка.

Никто не знал, что на душе у Харкота Толбойса. Он был подобен своему дому – квадратному, обращенному на север и открытому всем ветрам. В его характере не было укромных уголков, в которые можно было бы прокрасться как в тень, спасаясь от его невыносимого солнечного света. Ибо он был весь свет. Мистер Толбойс воспринимал все в одном ярком сиянии своего ума, ему было не дано видеть умиротворяющие тени, которые могли бы смягчить резкие очертания суровых фактов, подчиняя их красоте. Не знаю, удастся ли мне выразить то, что я имею в виду, когда говорю, что в его характере не было никаких изгибов – сплошь прямые черты, никогда не отклоняющиеся вправо или влево, чтобы округлить безжалостные углы его ума. Для него хорошее было хорошим, плохое – плохим. Он никогда в своей лишенной сострадания, слишком добросовестной жизни не допускал и мысли о том, что обстоятельства могли сделать зло не таким черным, и наоборот, – уменьшить силу добра. Он отрекся от собственного сына только потому, что тот его ослушался, и он был готов, не думая, отказаться от единственной дочери по той же причине.

Если бы этот не терпящий возражений упрямый человек мог обладать такой слабостью, как тщеславие, он бы непременно гордился своей твердостью. Он бы гордился непреклонной категоричностью своего ума, которая делала его таким несговорчивым человеком. Он бы гордился непоколебимым упрямством, которое ни любовь, ни жалость не могли

заставить свернуть от безжалостной цели. Его сильная натура никогда не знала слабости любви.

Если он и сожалел о женитьбе своего сына и о разрыве с ним, то его тщеславие было сильнее, чем раскаяние, и вынуждало его скрывать это. Хотя на первый взгляд могло показаться маловероятным, что такой человек может быть тщеславен, я не сомневаюсь, что тщеславие было тем центром, откуда исходили все противоречивые черты характера мистера Харкота Толбойса. Осмелюсь сказать, что Брут был тщеславен, и с удовольствием принимал одобрение пораженного благоговейным трепетом Рима, когда отдал своих сыновей на казнь. И Харкот Толбойс послал бы своего сына на плаху и получал жестокое удовольствие от собственных страданий. Бог знает, как горько мог переживать этот суровый человек разлуку с единственным сыном, или насколько мучительнее были бы его страдания от этой постоянной заносчивости, что скрывала его пытку.

«Мой сын причинил мне непростительное зло, женившись на дочери пьяного нищего, – отвечал мистер Толбойс каждому, кто отваживался его спрашивать о Джордже, – и с этого часа у меня нет больше сына. Я не желаю ему зла. Он просто умер для меня. Я скорблю о нем, как и о его матери, которая умерла девятнадцать лет назад. Если вы будете говорить о нем со мной, как о мертвом, я готов выслушать вас. Если же вы будете говорить о нем, как о живом, я отказываюсь вас слушать».

Я полагаю, что Харкоту Толбойсу доставляла удовольствие мрачная римская пышность его речи, и ему бы хотелось носить тогу и непреклонно перекинуть ее через плечо, поворачиваясь спиной к заступнику Джорджа. Сам Джордж даже не пытался смягчить суровый приговор своего отца. Он слишком хорошо его знал и понимал, что это безнадежно.

– Если я напишу ему, он перевернет конверт, напишет на обратной стороне мое имя и адрес и отошлет его назад, – говорил молодой человек, – и призовет весь дом в свидетели того, что оно совершенно не тронуло его и не вызвало ни одного смягчающего воспоминания или сострадательной мысли. Он будет упорствовать в своем решении до смертного часа. Осмелюсь сказать, в глубине души он рад, что его единственный сын оскорбил его и дал ему возможность продемонстрировать свои римские добродетели.

Так Джордж отвечал своей жене и ее отцу, которые настаивали, чтобы он попросил помощи у Харкота Толбойса.

– Нет, моя дорогая, – говорил он решительно. – Может быть, нелегко быть бедными, но мы переживем это. Мы не пойдем с жалостливыми лицами к суровому отцу просить у него приюта и хлеба, чтобы получить отказ в высокопарном стиле и послужить классическим примером на благо всей округи. Нет, моя любимая, голодать легко, но унижаться трудно.

Возможно, миссис Джордж не очень легко согласилась с первой из этих двух альтернатив. Ей совсем не хотелось го-

лодать, и она жалобно заныла, когда бутылки шампанского с ярлыками Кликко сменились на шестипенсовый эль, который приносил неряшливый официант из ближайшей пивной. Джордж был вынужден нести свое бремя и предложил руку помощи своей жене, которая и не думала скрывать свое сожаление и разочарование.

– Я думала, драгуны все богатые, – жаловалась она раздраженным голосом. – Девушки всегда хотят выйти замуж за драгунов, торговцы жаждут их обслужить, а владельцы гостиниц развлечь, театральные менеджеры любят, когда им покровительствуют драгуны. Разве можно было предположить, что офицер будет пить дешевый эль, курить ужасный, вырви глаз табак и разрешать своей жене носить потрепанную шляпку?

Если в этих речах и проявлялся эгоизм, Джордж Толбойс не замечал его. Он любил и доверял своей жене с первого до последнего часа их короткой совместной жизни. Любовь, которая не слепа – это в конце концов лишь мнимое божество, поскольку когда Купидон снимает с глаз повязку, это неизбежно указывает на то, что он собирается расправить свои крылышки и улететь. Джордж всегда помнил тот час, когда впервые был очарован хорошенькой дочкой лейтенанта Мэлдона, и как бы она ни переменялась с тех пор, тот образ, что его пленил, остался неизменным и таковым навеки запечатлелся в его сердце.

Роберт Одли покинул Саутгемптон поездом, который от-

правился до рассвета, и прибыл на станцию Веерхэм в первой половине дня. Он нанял экипаж до Грейндж-Хит.

Снег превратился в твердую корку, день был ясный и морозный, все предметы четко вырисовывались на фоне холодного синего неба. Копыта лошадей звонко цокали по скованной льдом дороге. Зимний холодный день напоминал того человека, к которому ехал Роберт. Он был такой же резкий, холодный и непреклонный, безжалостный к страданиям и неприступный к смягчающему свету солнца. Этот день не нуждался в солнечном свете, он признавал только это январское сияние, которое лишь освещало незащищенную от ветра голую землю, нисколько не согревая ее; и таков был Харкот Толбойс, который принимал самую суровую половину любой правды и во всеуслышание заявлял всем неверующим, что другой половины не было, нет, да и быть не могло.

Сердце у Роберта Одли упало, когда фаэтон остановился у высокой неприступной ограды и возница слез с козел, чтобы открыть широкие железные ворота, которые распахнулись с клацающим звуком и зацепились за большие железные колья, врытые в землю, с лязгом щелкнувшие по нижнему засову ворот, как будто хотели их укусить. Сразу за воротами росли редко посаженные высокие стройные ели, которые вызывающе потрясали своим вечнозеленым убором, не страшась ледящего дыхания мороза. Прямая гравийная широкая дорожка пролегла между этими стройными красавицами через ровную лужайку к квадратному особняку из

красного кирпича, каждое окошко которого блестело и мерцало на январском солнце, как будто только что вымытое до блеска какой-нибудь неутомимой служанкой.

Не знаю, был ли Брут надоедой в собственном доме, но среди прочих своих римских достоинств мистер Толбойс обладал глубокой неприязнью к беспорядку и был грозой всех домашних в своих владениях.

Окна блестели и каменные ступени сияли в солнечном свете, ровные садовые дорожки были посыпаны свежим гравием и придавали этому месту желтовато-красный вид, что неприятно напоминало рыжие волосы. Лужайка была украшена темными, зимними, похоронного вида кустами, росшими на клумбах в строго геометрическом порядке, и пролет каменных ступенек, ведущий к квадратной, наполовину из стекла двери в холл, был уставлен темно-зелеными деревянными кадками, в которых росли те же суровые вечнозеленые кусты.

«Если этот человек хоть немного похож на свой дом, – подумал Роберт, – неудивительно, что бедный Джордж с ним расстался».

В конце редкой аллеи дорожка резко сворачивала за угол и вела под нижние окна дома. Возница слез, поднялся по ступенькам и позвонил в колокольчик, который сердито лязгнуло, как будто оскорбился тем, что его коснулась плебейская рука.

Дверь открыл мужчина в черных брюках и полосатом све-

жевыстиранном льняном жилете.

– Да, мистер Толбойс дома. Не даст ли господин свою визитную карточку?

Роберт ожидал в холле, пока его карточку понесли к хозяину дома. Холл был огромный, с высоким потолком и каменным полом. Дубовые панели сверкали той же безукоризненной чистотой, как и все внутри и снаружи этого особняка.

У некоторых людей хватает ума увлекаться картинами и статуями, волнующими их чувства. Мистер Харкот Толбойс был слишком практичен, чтобы позволить себе эти глупые прихоти. Единственными украшениями холла были барометр и стойка для зонтов.

Роберт Одли осматривался кругом, пока о нем докладывали отцу Джорджа.

Вскоре вернулся слуга в льняном жакете. Это был худощавый бледный мужчина около сорока лет, чья внешность, казалось, изжила всякие чувства, которым подвержена человеческая натура.

– Соблаговолите пройти сюда, сэр, – промолвил он. – Мистер Толбойс примет вас, хотя он и завтракает сейчас. Он просил меня сообщить вам, что, как ему представляется, каждому в Дорсетшире известно о времени его завтрака.

Это был явный укор мистеру Роберту Одли. Тем не менее он не произвел впечатления на молодого адвоката. Он лишь приподнял свои брови.

– Я не из Дорсетшира, – заметил он. – Мистер Толбойс

мог бы это знать, если бы оказал мне честь и немного пошевелил мозгами. Вперед, мой друг.

Бесстрастный слуга уставился на Роберта в безграничном ужасе и, открыв одну из тяжелых дубовых дверей, провел его в огромную столовую, обставленную с суровой простотой апартаментов, предназначенных лишь для того, чтобы в них есть, но не жить; и во главе стола, за которым спокойно могли уместиться восемнадцать человек, Роберт узрел мистера Харкота Толбойса.

Мистер Толбойс был одет в домашний халат из серой ткани, повязанный поясом. Это суровое одеяние из всей современной одежды, возможно, более всего напоминало римскую тогу. Он носил тускло-желтый жилет, туго накрахмаленный батистовый галстук и безукоризненный воротничок. Цвет его халата был почти так же холоден, как и взгляд его серых глаз.

Роберт Одли не ожидал, что у Харкота Толбойса будут манеры и характер Джорджа, но он надеялся увидеть хоть какое-нибудь фамильное сходство между отцом и сыном. Но ничего подобного. Было бы трудно представить более непохожего на Джорджа человека, чем его родитель. Роберт больше не удивлялся жестокому письму, полученному от мистера Толбойса, когда увидел его автора. Такой человек едва ли мог написать иначе.

В большой комнате находилось еще одно лицо, в направлении которого взглянул Роберт, поздоровавшись с Харко-

том Толбойсом и пребывая в сомнении, как ему приняться за дело. Этим вторым лицом была дама, сидевшая у последнего из четырех окон и занятая каким-то шитьем, у ее ног стояла плетеная корзинка, полная коленкора и фланели.

Хотя она находилась в другом конце комнаты, Роберт заметил, что она молода и похожа на Джорджа Толбойса.

«Его сестра! – мгновенно подумал он, осмелившись перевести взгляд с хозяина дома на женскую фигуру у окна. – Вне всякого сомнения, это его сестра. Он так любил ее. Не может же она быть полностью безразлична к его судьбе?»

Девушка привстала со своего стула, и ее работа соскользнула с колен на пол, клубок пряжи откатился по дубовому полированному полу за край турецкого ковра.

– Сядь, Клара, – приказал строгий голос мистера Толбойса.

Казалось, он обращается не к своей дочери, к тому же, он сидел к ней спиной, когда она поднялась. Как будто он почувствовал это каким-то шестым чувством или у него были глаза на затылке.

– Сядь, Клара, – повторил он, – и держи свою пряжу в рабочем ящике.

Девушка вспыхнула и наклонилась поискать клубок. Мистер Роберт Одли, которого отнюдь не смутило поведение хозяина дома, поднял клубок и вернул его владелице; Харкот Толбойс в изумлении наблюдал за ним.

– Возможно, мистер... мистер Роберт Одли! – произнес

он, взглянув на карточку, которую он держал между указательным и средним пальцами. – Возможно, когда вы закончите искать клубки пряжи, вы будете так добры сообщить мне, чему я обязан этим визитом?

Он величественно взмахнул своей красивой рукой, и слуга, поняв его жест, подвинул тяжелый красный сафьяновый стул.

– Вы можете остаться, Уилсон, – сказал мистер Толбойс, когда слуга собрался удалиться. – Мистер Одли, возможно, захочет кофе.

Роберт ничего не ел в это утро, но, взглянув на огромную мрачную скатерть, чайные и кофейные серебряные принадлежности, он отказался от приглашения мистера Толбойса.

– Мистер Одли не будет пить кофе, Уилсон, – произнес хозяин дома, – вы можете идти.

Слуга поклонился и вышел, открыв и закрыв за собой дверь так осторожно, как будто уважение к мистеру Толбойсу требовало, чтобы он сразу же просочился сквозь дубовые панели, словно привидение.

Мистер Харкот Толбойс сидел, сурово устремив свои серые глаза на посетителя, положив руки на красные сафьяновые ручки стула и соединив кончики пальцев. Это была поза, в которой, будь он Брутом, он бы сидел на процессе, где судили его сыновей. Если бы Роберта Одли было легко смутить, мистеру Толбойсу удалось бы это; но так как Роберт мог с абсолютным спокойствием сидеть даже среди грохота

битвы, покуривая свою сигару, то римское величие хозяина дома оставило его безразличным. Достоинства отца мало что значили для него в сравнении с возможными причинами исчезновения его сына.

– Некоторое время назад я писал вам, мистер Толбойс, – спокойно начал Роберт, убедившись, что его готовы слушать.

Харкот Толбойс кивнул головой. Он понимал, что Роберт приехал поговорить о его пропавшем сыне. Видит Бог, его ледяной стоицизм был скорее жалким притворством тщеславного человека, чем бессердечностью, как полагал Роберт. Он поклонился своему посетителю. Суд начался, и Брут развлекался.

– Я получил ваше послание, мистер Одли, – промолвил он. – Оно среди прочих деловых писем: на него в свое время был дан ответ.

– Письмо касалось вашего сына.

У окна, где сидела девушка, раздалось легкое шуршание: почти тотчас он взглянул на нее, но она не шевельнулась. Она не работала и была совершенно неподвижна.

«Похоже, она так же бессердечна, как и ее отец, хотя и похожа на Джорджа», – решил мистер Одли.

– Ваше письмо касалось особы, которая, возможно, однажды была моим сыном, – возразил Харкот Толбойс. – Прошу вас не забывать, что у меня нет больше сына.

– Вам не нужно напоминать мне об этом, мистер Толбойс, – мрачно промолвил Роберт. – Я слишком хорошо пом-

ню это. У меня веские причины полагать, что у вас действительно больше нет сына. У меня есть причины думать, что он мертв.

Возможно, мистер Толбойс стал немного бледнее, услышав слова Роберта, но он только поднял свои колючие серые брови и мягко покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Уверю вас, нет.

– Я полагаю, что Джордж Толбойс умер в сентябре месяце.

Девушка, которую звали Клара, сидела, судорожно вцепившись в кусочек ткани, который шила, и ни разу не шевельнулась, как только Роберт заговорил о смерти своего друга. Он не мог отчетливо видеть ее лицо, так как она сидела далеко от него и спиной к окну.

– Нет, нет, уверю вас, – повторил мистер Толбойс, – здесь произошла печальная ошибка.

– Вы думаете, я ошибаюсь, полагая, что ваш сын мертв? – спросил Роберт.

– Наиболее вероятно, – ответил мистер Толбойс, снисходительно улыбаясь. – Наиболее вероятно, мой дорогой сэр. Исчезновение было, несомненно, ловким трюком, но недостаточно умным, чтобы обмануть меня. Позвольте мне объяснить вам этот случай, мистер Одли, и убедить вас в трех вещах. Во-первых, ваш друг не умер. Во-вторых, он скрывается с целью внушить мне тревогу, поиграть на чувствах... человека, который был однажды его отцом, и в конечном счете добиться моего прощения. В-третьих, он не получит

этого прощения, как бы долго он ни скрывался, и таким образом, он поступит мудро, без промедления вернувшись к своему месту жительства и привычным занятиям.

– Так, значит, вы считаете, что он намеренно скрывается от всех, кто его знает, с целью...

– С целью воздействовать на *меня*, – воскликнул мистер Толбойс, который воспринимал жизнь лишь с позиций своего тщеславия и напрочь отказывался взглянуть на дело с любой другой точки зрения. – С целью воздействовать на меня. Он знал непреклонность моего характера, он имел обо мне некоторое представление и прекрасно понимал, что все обычные попытки смягчить мое решение или увести меня от жизненной цели, обречены на провал. Тогда он решил испробовать необычные средства, он скрылся, чтобы лишить меня покоя, и когда истечет должное время, и он обнаружит, что это не волнует меня, тогда он вернется к своим обычным уловкам. И когда он сделает это, – мистер Толбойс поднялся до истинного величия, – я прощу его. Да, сэр, я прощу его, Я скажу ему: «Ты пытался обмануть меня, а я показал тебе, что меня не обманешь; ты пытался испугать меня, но я не из пугливых; ты не верил в мое великодушие, а я докажу тебе, что могу быть великодушным».

Судя по тому, как Харкот Толбойс произнес свою речь, можно было понять, что он давным-давно тщательно составил ее.

Роберт Одли вздохнул, услышав его речи.

– Бог свидетель, что, может быть, у вас и будет возможность сказать это своему сыну, сэр, – печально ответил он. – Мне было очень приятно узнать, что вы желаете простить его, но я боюсь, что на этом свете вы его больше не увидите. Мне нужно вам многое рассказать об... об этом печальном предмете, мистер Толбойс, но я бы лучше поговорил с вами наедине, – добавил он, взглянув на девушку у окна.

– Моя дочь знает мое мнение по этому поводу, мистер Одли, – ответил Харкот Толбойс. – Нет причины, по которой ей не следует услышать все, что вы имеете сказать. Мисс Клара Толбойс, – мистер Роберт Одли, – добавил он, величественно взмахнув рукой.

Молодая леди склонила голову в ответ на поклон Роберта. «Пусть она все услышит, – подумал он. – Если у нее так мало чувств, что она не проявила ни одно из них, то пусть она услышит худшее».

Наступила небольшая пауза, во время которой Роберт достал несколько бумаг из своего кармана; среди них был и документ, составленный им сразу же после исчезновения Джорджа.

– Мне потребуется все ваше внимание, мистер Толбойс, – произнес он, – так как то, что я должен раскрыть вам, крайне тяжело. Ваш сын был очень дорог мне – по многим причинам. Возможно, более всего потому, что я прошел с ним через самое большое горе в его жизни и потому еще, что он был сравнительно одинок в этом мире – отвергнутый вами,

потерявший единственную женщину, которую любил.

– Дочь пьяного нищего, – как бы мимоходом заметил мистер Толбойс.

– Если бы он умер в своей постели, – продолжал Роберт Одли, – от разбитого сердца, я бы безутешно оплакивал его, даже если бы я своими руками закрыл его глаза и увидел его спокойно лежащим в своей могиле. Я бы горевал по своему старому школьному товарищу и другу, который был мне так дорог. Но это горе – ничто в сравнении с тем, что я испытываю сейчас, когда почти наверняка знаю, что мой бедный друг был убит.

– Убит!

Отец и дочь одновременно повторили это ужасное слово. Лицо отца покрылось смертельной бледностью, его дочь уронила голову на стиснутые руки и больше ни разу не подняла ее.

– Мистер Одли, вы сошли с ума! – воскликнул Харкот Толбойс. – Вы сошли с ума, или же ваш друг поручил вам играть на моих чувствах. Я протестую против этого тайного заговора и я... я беру назад свое прощение человеку, который был однажды моим сыном.

Сказав это, он снова пришел в себя. Удар был слишком сильным.

– В мое намерение не входит без нужды волновать вас, сэр, – ответил Роберт. – Бог свидетель, что, возможно, вы правы, а я нет. Я молю Бога об этом, но я не могу даже на-

десяться на это. Я пришел к вам за советом. Я изложу вам ясно и хладнокровно обстоятельства, вызвавшие мои подозрения; если вы скажете, что эти подозрения глупы и беспочвенны, я готов подчиниться вашему решению, я покину Англию, прекращу поиски доказательств, подтверждающих мои опасения. Если вы скажете продолжать, я продолжу.

Ничто не могло более удовлетворить тщеславие мистера Харкота Толбойса, чем это обращение. Он заявил, что готов выслушать все, что Роберт может сообщить ему, и готов сделать все, что в его силах, чтобы помочь ему.

Роберт Одли подвинул стул ближе к мистеру Толбойсу и начал подробный отчет обо всем, что произошло с Джорджем с того времени, как он приехал в Англию, и до часа его исчезновения, также обо всех событиях, что случились после его исчезновения и могли так или иначе иметь к нему отношение. Харкот Толбойс слушал его с преувеличенным вниманием, время от времени перебивая его, чтобы задать какой-нибудь вопрос. Клара Толбойс так и не подняла головы с судорожно сжатых рук.

Стрелки часов показывали четверть двенадцатого, когда Роберт начал свой рассказ. Часы пробили двенадцать, когда он закончил.

Он скрыл имена своего дяди и его жены, когда рассказывал о событиях, к которым они имели отношение.

– Теперь, сэр, – заключил он, когда его рассказ был закончен, – я жду вашего решения. Вы услышали причины, по ко-

торым я пришел к этому ужасному заключению. Как могут эти причины повлиять на вас?

– Они ни в коей мере не влияют на мое предыдущее суждение, – ответил Харкот Толбойс с беспричинной гордостью упряма. – Я все еще думаю, как и ранее, что мой сын жив и это исчезновение – тайный заговор против меня.

– И вы говорите мне остановиться? – мрачно спросил Роберт.

– Я скажу вам лишь следующее: если вы продолжите, сделайте это ради собственного удовлетворения, но не для моего. Я не нахожу ничего в том, что вы мне рассказали, что заставило бы меня волноваться за безопасность... вашего друга.

– Да будет так! – неожиданно воскликнул Роберт. – С этого момента я умываю руки. Моей целью с этой минуты будет забыть об этом.

Говоря это, он поднялся и взял свою шляпу со стола. Он взглянул на Клару Толбойс. Она оставалась в том же положении.

– Прощайте, мистер Толбойс, – мрачно промолвил он. – Видит бог, хотел бы я, чтобы вы оказались правы, а я нет. Но боюсь, что наступит день, когда вы будете глубоко сожалеть о безразличии, с которым отнеслись к безвременной судьбе своего единственного сына.

Он мрачно поклонился мистеру Харкоту Толбойсу и девушке, чье лицо было спрятано в ладони.

Еще минуту Роберт помедлил в надежде, что мисс Толбойс посмотрит на него, даст какой-нибудь знак или выразит желание задержать его.

Мистер Толбойс позвонил своему бесстрастному слуге, который проводил Роберта до входной двери, как будто вел его на казнь.

«Она такая же, как и ее отец, – подумал мистер Одли, в последний раз взглянув на ее опущенную голову. – Бедный Джордж, ты нужен только одному другу в этом мире, так как очень немногие любили тебя».

Глава 24. Клара

Роберт Одли обнаружил своего кучера спящим на козлах тряского фаэтона. Он угостился таким крепким пивом, что временно впал в бесчувствие, и очень обрадовался возвращению своего пассажира. Белая лошадка, такая старая, что казалось, будто она родилась в тот же год когда был сделан фаэтон, и вместе с фаэтоном вышедшая из моды, так же крепко спала, как и ее хозяин; она дернулась и проснулась, когда Роберт спустился по каменным ступеням в сопровождении бесстрастного слуги, похожего на палача, который почтительно подождал, пока Роберт не уселся в экипаж и не отъехал.

Лошадь, подстегнутая кнутом кучера и вожжами, как сомнамбула потащила вперед, и Роберт, надвинув шляпу на глаза, задумался о своем пропавшем друге.

Когда-то, наверное, он играл в этих строгих садах, под этими мрачными елями, если вообще ребенок мог быть резвым и игривым, находясь в поле зрения холодных серых глаз мистера Харкота Толбойса. Возможно, он играл под этими темными деревьями вместе со своей сестрой, которая услышала сегодня о его судьбе, не пролив ни единой слезы. Роберт взглянул на строгую чопорность этого аккуратного участка земли, недоумевая, как удалось Джорджу вырасти в таком месте открытым, великодушным, беззаботным това-

рищем, которого он знал. Как же так получилось, что постоянно имея перед глазами своего отца, он ничего от него не взял и не стал надоедой для своих близких? Как же это случилось? Потому что есть кое-кто выше наших родителей, кому мы должны быть благодарны за души, делающие нас великими или ничтожными; в то время как семейные носы и подбородки могут передаваться в строгой последовательности от отца сыну, от деда внуку, как и форма увядших цветов повторяется в цветущих бутонах на следующий год; дух тонкий и неуловимый, независимый от всех земных правил, подчиняется лишь гармоничному Божьему Закону.

«Слава богу! – подумал Роберт Одли. – Слава богу! Все кончено. Мой бедный друг должен остаться в своей неизвестной могиле, и я не навлеку позор на тех, кого люблю. Это, возможно, случится раньше или позже, но не через меня».

Он почувствовал невыразимое облегчение от этой мысли. Его великодушная натура восставала против обязанности, которая оказалась на него возложена – шпиона и собирателя злополучных фактов, ведущих к ужасным выводам.

Он глубоко вздохнул. Теперь все было кончено.

Фаэтон медленно выполз из ворот, пока он думал об этом, и он поднялся на ноги и обернулся, чтобы бросить последний взгляд на мрачные ели, гравийные дорожки, ровно подстриженную траву и огромный, пустынный особняк из красного кирпича.

Он вздрогнул, увидев женщину, которая бежала, почти летела по дороге и махала носовым платком.

В немом изумлении Роберт несколько мгновений не сводил глаз с этого удивительного видения, прежде чем вышел из оцепенения.

– Неужели этой летящей особе женского пола нужен я! – наконец воскликнул он. – Вам лучше остановиться, – обратился он к кучеру. – Воистину наш век – век эксцентричности, ненормальная эпоха в мировой истории. Возможно, ей нужен я. Весьма вероятно, что я забыл свой носовой платок, и мистер Толбойс послал эту женщину отдать мне его. Наверное, мне лучше выйти и встретить ее. Как это учтиво – вернуть мой носовой платок.

Роберт Одли сошел с фаэтона и не спеша двинулся к женщине, которая быстро его догоняла.

Он был довольно близорук, и только когда она оказалась рядом с ним, он увидел, кто это.

– О боже! – воскликнул он. – Да это мисс Толбойс!

Это была мисс Толбойс, запыхавшаяся и с пылающими щеками, в шерстяной шали, брошенной на голову.

В первый раз Роберт Одли увидел вблизи ее лицо – она была очень красива. У нее были карие глаза, такие же, как у Джорджа, матовая кожа (щеки ее зарумянились, когда она догнала его, но потом краска схлынула с ее лица), правильные черты и живое открытое лицо, на котором сразу же отражалось любое движение мысли или чувство. Он за несколько

мгновений разглядел все это и удивлялся теперь ее выдержке во время своей беседы с мистером Толбойсом. В ее глазах не было слез, они лишь лихорадочно блестели, а ее губы дрожали, когда она заговорила с ним.

– Мисс Толбойс, – удивился он, – что я могу... Почему?...

Она перебила его, схватив за руку, придерживая другой рукой шаль на голове.

– О, позвольте мне поговорить с вами, – взмолилась она, – позвольте поговорить с вами, иначе я сойду с ума. Я слышала все. Я согласна с вами, и я просто сойду с ума, если не смогу сделать хоть что-нибудь, чтобы отомстить за его смерть.

Роберт был слишком смущен, чтобы сразу ответить ей. Меньше всего он ожидал увидеть ее вот так.

– Возьмите меня под руку, мисс Толбойс, – попросил он. – Ради бога, успокойтесь. Давайте немного пройдемся в направлении к дому и спокойно побеседуем. Я бы не стал так разговаривать, когда пришел к вам, если бы знал...

– Если бы знали, что я люблю своего брата, – быстро подхватила она. – Откуда вам было знать, что я люблю его? Как можно было подумать, что я люблю его, когда у меня никогда не было возможности оказать ему сердечный прием под этой крышей или вымолить доброе слово у его отца. Каково мне было предать свою любовь к нему, ведь я знаю, что даже привязанность сестры обернется против него. Вы не знаете моего отца, мистер Одли. Я знаю его слишком хорошо. Заступить за Джорджа означало бы погубить все дело. Я зна-

ла, что предоставить все отцу и положиться на время – мой единственный шанс когда-нибудь увидеть любимого брата. И я ждала – терпеливо, надеясь на лучшее, так как знала, что мой отец любит своего единственного сына. Я вижу вашу презрительную улыбку, мистер Одли; осмелюсь сказать – незнакомцу трудно поверить, что под своей мнимой твердостью мой отец скрывает любовь к своим детям, не теплую привязанность, так как его жизнью всегда управлял строгий закон долга. – Пстойте, – неожиданно остановилась она, положив ладонь на его руку и вглядываясь в еловую аллею, – я выбежала из дома через заднюю дверь. Папа не должен увидеть нас вместе, мистер Одли, и фаэтон, стоящий у ворот. Вы не вернетесь на дорогу, мистер Одли, и не скажете кучеру проехать немного вперед? Я выйду за ограду через небольшие ворота подалее и встречу вас на дороге.

– Но вы простудитесь, мисс Толбойс, – возразил Роберт, с беспокойством глядя на нее. – Вы вся дрожите.

– Но не от холода, – ответила она. – Я думаю о моем брате Джордже. Если вам хоть немного жаль единственную сестру вашего пропавшего друга, сделайте о чем я вас прошу, мистер Одли. Я должна поговорить с вами... я должна поговорить с нами спокойно, если смогу.

Она приложила ладонь ко лбу, как будто пыталась справиться с мыслями, и затем указала на ворота. Роберт поклонился и оставил ее.

Он приказал вознице не спеша ехать к станции и пошел

вдоль ограды, которая окружала земли мистера Толбойса. В сотне ярдов от главного входа он наткнулся на небольшие деревянные ворота и стал ожидать мисс Толбойс.

Вскоре она присоединилась к нему с шарфом на голове и сухими блестящими глазами.

– Вы не пройдете со мной за ограду? – попросила она. – Нас могут заметить с большой дороги.

Он поклонился, прошел через ворота и тщательно закрыл их за собой.

Когда она взяла его под руку, он обнаружил, что она все еще дрожит, и очень сильно.

– Ради бога, успокойтесь, мисс Толбойс, – произнес он. – Я мог и ошибиться в своем заключении, я мог...

– Нет, нет, нет, – воскликнула она, – вы не ошиблась! Мой брат был убит. Назовите мне имя той женщины, которую вы подозреваете в том, что она имеет отношение к его исчезновению... к его убийству.

– Я не могу этого сделать до тех пор, пока...

– Пока?

– Пока я не буду знать, что она виновна.

– Вы сказали моему отцу, что прекратите поиски истины, что судьба моего брата останется зловещей загадкой, которая никогда не будет раскрыта на этом свете; но вы не поступите так, мистер Одли, вы не предадите память своего друга. Вы увидите, что мщение настигнет тех, кто его погубил. Вы сделаете это, не так ли?

Мрачная тень, словно темное покрывало, легла на красивое лицо Роберта Одли.

Он вспомнил, что произнес за день до этого в Саутемптоне: «Рука, которая сильнее, чем моя, манит меня вперед по темной дороге».

За четверть часа до этого он был уверен, что все кончено, что он освобожден от мрачного обязательства раскрыть тайну смерти Джорджа. А теперь эта девушка, эта очевидно бесстрастная девушка, обрела голос и побуждала его двигаться дальше, навстречу своей судьбе.

– Если бы вы знали, каким горем для меня может обернуться раскрытие этой тайны, мисс Толбойс, – с горечью промолвил он, – вы бы вряд ли просили меня продолжать это дело.

– И все же я прошу вас, – ответила она страстно, – я прошу вас отомстить за безвременную гибель моего брата. Вы сделаете это? Да или нет?

– Что, если я отвечу нет?

– Тогда я сама сделаю это! – горячо воскликнула она, глядя на него блестящими карими глазами. – Я сама найду ключ к этой разгадке, я найду эту женщину, да, хотя вы и отказываетесь сообщить мне, в какой части Англии пропал мой брат. Я объеду всю землю, из конца в конец, чтобы раскрыть тайну его судьбы, если вы отказываетесь сделать это для меня. Я совершеннолетняя, сама себе хозяйка, так как одна из тетюшек оставила мне наследство; я смогу нанять людей, ко-

которые помогут мне в поисках, и я сделаю все, чтобы их заинтересовать. Выбирайте, мистер Одли. Вы или я найду убийцу моего брата?

Он взглянул ей в лицо и увидел, что ее решение не было плодом мимолетного женского энтузиазма, который бы сломился под железной тяжестью трудностей. Ее прекрасные черты, их благородные очертания стали, казалось, мраморными из-за своего непреклонного выражения. Лицо, в которое он смотрел, было лицом женщины, которую только смерть могла заставить свернуть от намеченной цели.

– Я выросла в атмосфере подавления, – спокойно продолжала она. – Я подавляла свои естественные сердечные чувства, пока они стали неестественными по своей силе: мне не разрешалось иметь друзей или поклонников. Мама умерла, когда я была маленькой. А отец всегда был для меня тем, что вы видели сегодня. У меня не было никого, кроме брата. Всю любовь своего сердца я отдала ему. Неужели вас удивляет, когда я, узнав, что юную жизнь погубила чья-то вероломная рука, желаю, чтобы над предателем свершилось возмездие? Господи, – неожиданно взмолилась она, сложив в молитве руки и подняв глаза к холодному зимнему небу, – приведи меня к убийце моего брата, пусть моя рука отомстит за его безвременную смерть!

Роберт Одли смотрел на нее в благоговейном восхищении. Ее красота стала величественной от долго подавляемой силы страсти. Она так отличалась от всех женщин, которых

он когда-либо знал. Его кухня была хорошенькая, дядина жена красивая, но Клара Толбойс была прекрасна.

– Мисс Толбойс, – промолвил Роберт после недолгого молчания, – ваш брат не останется неотомщенным. Он не будет забыт. Я не думаю, что любые профессионалы, к чьей помощи вы собираетесь прибегнуть, быстрее раскроют эту тайну, чем это сделаю я, если вы будете терпеливы и доверитесь мне.

– Я полагаюсь на вас, – ответила она, – так как вижу, что вы поможете мне.

– Уверен, что такова моя судьба, – мрачно промолвил он.

В течение всей беседы с Харкотом Толбойсом Роберт Одли тщательно избегал любых выводов из обстоятельств, которые изложил отцу Джорджа. Он просто рассказал ему о том, что с ним случилось с момента прибытия в Лондон и до его исчезновения: но он увидел, что Клара Толбойс пришла к тому же заключению, что и он, они без слов поняли друг друга.

– У вас есть какие-нибудь письма вашего брата, мисс Толбойс? – спросил он.

– Два. Одно, написанное вскоре после его женитьбы; и второе, отправленное из Ливерпуля за день до того, как он отплыл в Австралию.

– Вы позволите мне взглянуть на них?

– Да, я пошлю их вам, если вы дадите ваш адрес. Вы будете писать мне время от времени? Чтобы рассказывать мне, при-

ближаетесь ли вы к истине. Здесь мне придется действовать скрытно, но через два или три месяца я собираюсь уехать и тогда буду иметь полную свободу действий.

– Вы не собираетесь покинуть Англию? – спросил Роберт.

– О нет! Я собираюсь только нанести давно обещанный визит друзьям в Эссексе.

Роберт так сильно вздрогнул при этих словах, что она пристально посмотрела ему в лицо. Его явное волнение частично выдало его секрет.

– Мой брат Джордж исчез в Эссексе, – догадалась она. Он не мог возразить ей.

– Мне жаль, что вы так много узнали, – ответил он. – С каждым днем мое положение становится более трудным и мучительным. До свидания.

Она машинально подала ему руку, более холодную, чем мрамор, которая безучастно лежала в его руке и обреченно упала, когда он отпустил ее.

– Ради бога, возвращайтесь в дом, – с тревогой настаивал он. – Боюсь, вы можете пострадать от этой утренней прогулки.

– Пострадать! – с презрением воскликнула она. – Вы говорите мне о страдании, когда единственное существо в мире, которое любило меня, покинуло его в расцвете молодости. Что осталось мне с сего часа, кроме страдания? Что мне холод? – промолвила она, сорвав с головы шаль и подставив свою прекрасную голову пронизывающему ветру. – Да я бы

пошла до Лондона босиком, по снегу, ни разу не остановившись, если бы могла вернуть его к жизни. Чего бы я ни сделала, чтобы возвратить его!

В порыве страстного горя выкрикивала она эти слова, и, закрыв лицо ладонями, впервые за день она наконец разрыдалась. Эти рыдания так потрясли ее хрупкую фигуру, что она должна была прислониться к дереву, чтобы не упасть.

Роберт смотрел на нее с нежным состраданием, она была так похожа на его друга, которого он любил и потерял, что он просто не мог думать о ней как о незнакомке, впервые увиденной им этим утром.

– Успокойтесь, прошу вас, – уговаривал он. – Нужно надеяться вопреки всему. Мы можем ошибаться, возможно, ваш брат жив.

– О, если бы это было так, – страстно прошептала она. – Если бы это могло быть так.

– Давайте надеяться на лучшее.

– Нет, – ответила она, глядя на него сквозь слезы, – давайте надеяться только на возмездие. До свидания, мистер Одли. Пойдите, ваш адрес.

Он дал ей карточку, и она положила ее в карман своего платья.

– Я пришлю вам письма Джорджа, – пообещала она. – Они могут вам помочь. До свиданья.

Она оставила его, потрясенного ее страстностью и благородной красотой лица. Он смотрел, как она исчезла среди

стройных стволов елей, и затем медленно побрел к воротам.

«Пусть те, кто стоит между мной и тайной, надеются лишь на Божью милость, – думал он, – потому что в память Джорджа Толбойса они будут принесены в жертву».

Глава 25. Письма Джорджа

Роберт Одли не стал возвращаться в Саутгемптон; взяв билет на первый поезд до Лондона, через час-два после того, как совсем стемнело, он уже был на мосту Ватерлоо. Снег, густой и хрустящий в Дорсетшире, в Лондоне был черной скользкой слякотью, подтаявшей от ламп тракторов и газовых рожков у мясных лавок.

Роберт Одли пожал плечами, глядя на грязные улицы, по которым его вез двухколесный экипаж: повинуюсь необыкновенному инстинкту, по-видимому врожденному у извозчиков наемных экипажей, кучер выбирал самые темные и отворотительные улицы, совершенно незнакомые обычному пешеходу.

«Какая замечательная штука жизнь, – думал адвокат. – Какое непередаваемое благо и благословенный дар! Дайте любому человеку просчитать свое существование, вычитая те часы, когда он был абсолютно счастлив и спокоен, без малейшего облачка на горизонте. И он наверняка с горечью рассмеется, сосчитав сумму своего счастья и обнаружив, сколь ничтожно она мала. За тридцать лет он бывал счастлив всего неделю или дней десять. В течение тридцати лет холодной декабрьской, бушующей мартовской и дождливой апрельской погоды, выдались лишь семь-восемь чудесных августовских деньков, когда в безоблачном небе сияло солн-

це и веял ласковый летний ветерок. С какой любовью мы воскрешаем в памяти эти редкие счастливые дни и надеемся, что они повторятся; пытаемся воссоздать обстоятельства, при которых это было, предопределяем и обманываем судьбу, чтобы вернуть былое счастье. Как будто радость можно создать из каких-то составных частей! Как будто счастье не мимолетно, словно яркая перелетная птица, которая с нами лишь один летний денек, а на следующий – уже навсегда улетела! Взять хотя бы супружество, – размышлял Роберт, который мог предаваться этому занятию и в тряском экипаже, платя шесть пенсов за милю, и верхом на диком мустанге в широких просторах прерий. – Взять хотя бы супружество! Кто может сказать, каков должен быть единственный разумный выбор из 999 ошибок? Вон та девушка у края тротуара, собравшаяся перейти дорогу, как только проедет мой экипаж, может быть единственной женщиной изо всех созданий женского пола в этом огромном мире, способной сделать меня счастливым. И все же я проезжаю мимо, обрызгивая ее грязью из-под колес моего экипажа в беспомощном неведении, слепо покоряясь персту судьбы. Если бы та девушка, Клара Толбойс, опоздала на пять минут, я бы уехал из Дорсетшира, считая ее холодной, жесткой и бессердечной и оставаясь до конца дней в этом заблуждении. Я принял ее за величественный и бездушный автомат, а теперь я знаю, какая эта благородная и прекрасная женщина. Как это может все круто поменять в моей жизни! Я покинул их дом в этот зим-

ний день, твердо намереваясь перестать думать о тайне смерти Джорджа. Я увидел ее и она заставила меня идти дальше по этому отвратительному пути – кривой дорожке осторожности и подозрения. Как я могу сказать сестре моего друга, которого больше нет в живых: „Я полагаю, что ваш брат был убит! И думаю, что знаю, кто его убийца; но я не буду ничего предпринимать, чтобы развеять мои сомнения или подтвердить опасения“? Я не могу этого сказать. Эта женщина знает уже половину моей тайны, скоро она сама узнает остальное, и тогда... и тогда...»

И здесь, посреди размышлений Роберта Одли, экипаж остановился, и ему пришлось заплатить извозчику и подчиниться рутинному механизму жизни, который никогда не меняется, радуемся ли мы или печалимся, женимся или идем на казнь, поднимаемся ли вверх по служебной лестнице или лишаемся звания адвоката своими же собратями из-за какого-нибудь таинственного запутанного преступления.

Нас раздражает несокрушимый ход жизни, это неуклонное движение маленьких колесиков и винтиков человеческой машины, которые все идут и не останавливаются в то время, как ходовая пружина давно разбита и стрелки на потрескавшемся циферблате показывают уже ненужное время.

Кто не испытывал в первом отчаянии горя беспричинной ярости против безмолвной благопристойности стульев и столов, строгой чопорности турецких ковров, против непреклонного упорства, с каким продолжают оставаться на сво-

их местах все предметы внешнего мира? Нам хочется вырвать с корнем гигантские деревья в первобытном лесу и разорвать на части их огромные ветви, но самое большое, на что мы способны, давая выход своему гневу, это перевернуть стул или разбить какую-нибудь безделушку стоимостью в несколько шиллингов.

Сумасшедшие дома достаточно велики и многочисленны, но когда подумаешь, как много беспомощных бедняг разбивают себе лбы об это несокрушимое постоянство внешнего мира, в то время как внутри у них царит кипение страстей и ураган чувств; когда вспомнишь, как много умов балансируют на тонкой грани между рассудком и безрассудством, сумасшедшим сегодня и здравомыслящим завтра, душевнобольным вчера и нормальным сегодня, то начинает казаться, что таких домов должно быть еще больше.

Роберт велел кэбмену остановиться на углу Ченсери-Лейн, поднялся по ярко освещенной лестнице в обеденную залу «Лондона» и уселся за одним из уютных столиков, ощущая внутри себя скорее пустоту и усталость, чем здоровый аппетит. Он зашел в этот роскошный ресторан, чтобы пообедать, поскольку ему было просто необходимо что-нибудь поесть, и было гораздо легче получить хороший обед у мистера Сойера, чем очень плохой у миссис Мэлони, чье воображение не простиралось дальше котлет и жареного мяса. Напрасно пытался учтивый официант вызвать у бедного Роберта чувство должного уважения к вопросу принятия пи-

щи. Роберт пробормотал, чтобы тот принес ему что-нибудь по своему усмотрению, и дружелюбный официант, знавший Роберта Одли как частого гостя за их маленькими столиками, вернулся к хозяину с печальным лицом и с известием, что Роберт Одли, живущий на Фигтри-Корт, сегодня явно не в духе. Роберт съел обед и выпил пинту мозельского, почти не ощущая превосходного вкуса яств и аромата вина. Мысленный монолог все еще продолжался, и молодой философ современной школы приступил к обсуждению модного вопроса о суетности всего в этом мире, о том, что глупо идти по дороге, ведущей в никуда, или трудиться в поте лица над тем, что не имеет значения.

«Я принимаю власть этой бледной девушки с величественными чертами лица и спокойными карими глазами, — размышлял он. — Я уважаю ум, который сильнее моего, уступаю и склоняюсь перед ним. Я изменил основному принципу своей жизни и пострадал от своего безрассудства. На прошлой неделе я обнаружил два седых волоска на своей голове, а у глаз появились морщины. Да, я явно старею, но почему... почему так должно быть?»

Он отодвинул тарелку и приподнял брови, рассматривая крошки хлеба на узорчатой скатерти, и продолжая раздумывать над этим вопросом.

«За каким дьяволом я делаю все это? — спрашивал он себя. — Но мне уже не выбраться из этого дела, так что уж лучше я подчинюсь этой кареглазой девушке и буду делать все,

что она мне скажет, терпеливо и преданно. Какое замечательное решение тайны жизни заключается в женском засилье! Мужчина грелся бы целыми днями на солнышке и питался зеленым салатом, если бы только жена ему позволила. Но этого она ни за что не допустит, благослови Бог ее пылкое сердце и деятельный ум! Она придумает кое-что получше. Слышал ли кто-нибудь о женщине, относящейся к жизни так, как должно? Вместо того чтобы нести ее, как неизбежное бремя, воздавая за ее краткость, она ступает по жизни, как будто это красочный маскарад или пышная процессия. Она наряжается для нее, глупо улыбается, хихикает и жестикулирует. Она расталкивает соседей и бьется за лучшее место под солнцем, она орудует локтями, корчится, топает ногами и задается. Громкая, беспокойная и шумная, она рано встает и поздно ложится. Она протаскивает своего мужа в лорды-канцлеры или толкает его в парламент. На полной скорости она загоняет его в ленивую правительственную машину, и он бьется там о колеса, кривошипы, винты и шкивы до тех пор, пока кто-нибудь, ради всеобщего спокойствия, не сделает из него то, что она хотела. Вот почему некомпетентные люди часто занимают высокие посты, бестолково во все вмешиваются, создавая этим всеобщую неразбериху. Все мужчины, которые не на своем месте, были задвинуты туда своими женами. Восточному монарху, заявившему, что женщины по сути своей являются причиной любого зла, следовало пойти немного дальше и посмотреть, почему так проис-

ходит. А все это потому, что женщины *никогда не лентяются*. Они и не знают, что такое быть спокойными. Эти Семирамиды, Клеопатры, Жанны д'Арк, королевы Елизаветы и Екатерины Вторые безумствуют в битве, убийстве, протесте и отчаянии. Если они не взбаламутят весь земной шар и не поиграют в мяч с его полушариями, они превратят домашние ссоры в войны и поднимут бурю в стакане воды. Запрети им разглагольствовать о свободе наций и грехах человечества, так они поссорятся с миссис Джоунс о фасоне мантии или о характере служанки. Какая злая насмешка назвать их слабым полом! Они сильный, шумный, более упорный защищающий свои права пол. Они желают свободы мнений, выбора профессий, не так ли? Так пусть получают их. Пусть будут адвокатами, врачами, проповедниками, учителями, солдатами, законодателями, да кем угодно, лишь бы они не мутили воду».

Мистер Одли пропустил пальцы сквозь густую шевелюру своих прямых каштановых волос, и в этот момент отчаяние вновь овладело им.

«Я ненавижу женщин, – думал он яростно. – Это самоуверенные, бесстыдные, противные существа, созданные для того, чтобы раздражать и уничтожать тех, кто выше их. Взять хотя бы бедного Джорджа! Это все женских рук дело, с начала и до конца. Он женится на женщине, и отец отрекается от него, не имеющего ни гроша, ни профессии. Он услышал о ее смерти, и это разбило его сердце – честное и мужественное, которое стоит миллиона тех вероломных комков эгоиз-

ма и меркантильной выгоды, что бьется в груди женщин. Он идет в дом женщины, и больше его никто не видит в живых. А теперь я загнан в угол еще одной женщиной, о чьем существовании я и не подозревал до сегодняшнего дня. И... опять же, – вдруг не к месту подумал он, – Алисия, еще одна обуза. Я знаю, ей бы хотелось, чтобы я на ней женился; и, осмелюсь сказать, она вынудит меня. Но все-таки я бы лучше не женился, хотя она милая попрыгунья и такая великодушная, благослови Бог ее бедное маленькое сердечко».

Роберт заплатил по счету и дал официанту щедрые чаевые. Молодой адвокат делил свой небольшой доход с теми, кто ему служил, так как его равнодушие распространялось на все, в том числе и на фунты, шиллинги и пенсы. Возможно, что в этом он был исключением из правила, ведь часто можно обнаружить, что философ, считающий жизнь заблуждением, довольно серьезно относится к вложению своих денег, признавая реальность индийских бонов или испанских сертификатов, в противоположность болезненным сомнениям собственного эго в метафизике.

В этот вечер уютные комнаты на Фигтри-Корт показались мрачными Роберту Одли. У него не было настроения читать французские романы, комичные и сентиментальные, заказанные им за месяц до этого, которые лежали неразрезанные на столе. Он взял свою любимую пенковую трубку и со вздохом плюхнулся в кресло.

«Так чертовски одиноко сегодня вечером. Если бы бед-

ный Джордж сидел сейчас напротив... или даже его сестра, она так на него похожа, мое существование было бы более сносным. Но когда человек прожил сам с собой лет восемь или десять, то он становится плохой компанией».

Вскоре, выкурив трубку, он рассмеялся.

«Эта мысль о сестре Джорджа, – подумал он, – какой же я дурак».

На следующий день пришло письмо, написанное твердой, но женской рукой, почерк которого был ему незнаком. Он обнаружил этот небольшой пакет на столике для завтрака, рядом с французской булочкой, завернутой в салфетку заботливыми, но довольно грязными руками миссис Мэлоуни. Несколько минут он рассматривал конверт, прежде чем вскрыть его, – не гадая, кто автор письма, на нем был почтовый штемпель Грейндж-Хит, а только один человек мог написать ему из этой безвестной деревеньки; он созерцал его в ленивой мечтательности, которая была частью его натуры.

– От Клары Толбойс, – медленно прошептал он, критически рассматривая четкие буквы, которыми были написаны ее имя и адрес. – Да, наверняка от Клары Толбойс, я узнаю почерк Джорджа, правда, у нее он более аккуратный и решительный, но очень, очень похож.

Он перевернул письмо и осмотрел печать.

«Интересно, что она пишет, – подумал он. – Письмо толстое; она наверняка из тех женщин, что пишут длинные

письма; без сомнения, она будет на меня давить, подгонять и выводить из себя. Но делать нечего!».

Со вздохом покорности судьбе он вскрыл конверт. В нем были только два письма Джорджа и коротенькая записка:

«Посылаю Вам письма, пожалуйста, сохраните и верните их.

К. Т.».

В письме, написанном из Ливерпуля, не содержалось ничего о жизни Джорджа, за исключением его неожиданного решения отправиться в Новый Свет.

Зато письмо, отправленное сразу после женитьбы Джорджа, содержало полное описание его жены – так написать мог только мужчина, чей медовый месяц еще не кончился; подробно обрисована каждая черта лица, с обожанием воссоздано изящество формы и красота выражения, любовно отображены очаровательные манеры.

Роберт Одли перечел письмо трижды, прежде чем сложил его.

«Если бы Джордж знал, какой цели послужит это описание, – подумал молодой адвокат, – наверняка его рука опустилась бы, парализованная ужасом и неспособная написать ни одной буквы из этих нежных слов».

Глава 26. Расследование прошлого

Заканчивался январь, медленно влача свои тоскливые дни. Пронеслись рождественские праздники, а Роберт Одли оставался в Лондоне, все так же одиноко проводя свои вечера в гостиной на Фигтри-Корт, прогуливаясь солнечным утром в садах Темпла, рассеянно наблюдая за игрой ребятшек и слушая их болтовню. У него было немало друзей среди обитателей старинных домов в Темпле, друзья ожидали его и в уютных сельских уголках, где для него всегда была наготове свободная комната, а у веселого огня каминов стояли предназначенные для него удобные легкие кресла. Но, казалось, он напрочь потерял интерес к обществу, развлечениям и занятиям своего класса со времени исчезновения Джорджа Толбойса. Пожилые старшины юридической корпорации с шутливой снисходительностью посматривали на бледное мрачное лицо молодого человека. Они полагали, что тайная причина этой перемены кроется в какой-нибудь безответной привязанности. Ему советовали воспрянуть духом и приглашали на вечеринки, на которых джентльмены пили за здоровье «прекрасной женщины, со всеми ее недостатками, благослови ее Бог»., проливая при этом слезы и пребывая весь вечер в слезливом хмелю. У Роберта не было настроения проводить время за бокалом вина или дружеским пуншем. Им овладела одна навязчивая идея. Он был

рабом одной-единственной мрачной мысли, одного страшного предчувствия. Над домом его дяди сгустились тучи, и по его сигналу должен грянуть гром и разрушить эту жизнь.

– Если бы она только послушалась моего предупреждения и скрылась – говорил он временами сам себе. – Видит бог, я дал ей такую возможность. Почему она не использует ее?

Иногда он получал известия от сэра Майкла или от Алисии. Письма молодой леди содержали лишь несколько коротких строк, что папа здоров и с ним все в порядке и что леди Одли как обычно весела и легкомысленно развлекается, не обращая никакого внимания на окружающих.

Из письма мистера Марчмонта, директора школы в Саутгемптоне, Роберт узнал, что у маленького Джорджа все хорошо, но он немного отстает в учении и не преодолел еще рубикона слов из двух слогов. Капитан Мэлдон заходил проведать своего внука, но ему было в этом отказано в соответствии с инструкциями мистера Одли. Позже старик послал мальчику пирожные и конфеты, но их не передали ему по причине несъедобности.

В конце февраля Роберт получил письмо от кузины Алисии, которое поторопило его навстречу своей судьбе, заставив вернуться в дом, откуда он был в какой-то степени изгнан благодаря проискам дядиной жены.

«Папа очень болен, – писала Алисия, – не опасно, хвала Господу; но он прикован к постели приступом жестокой лихорадки, которая явилась следствием

сильной простуды. Приезжайте и навестите его, Роберт, если вы хоть немного беспокоитесь о своих ближайших родственниках. Он несколько раз спрашивал о вас, и я уверена, он будет рад вам. Приезжайте тотчас, но не говорите об этом письме.

Любящая вас Алисия».

Смертельный ужас пронзил сердце Роберта Одли, когда он прочел это письмо – неясный, но осязаемый страх, который он не осмеливался облечь в слова.

«Поступил ли я правильно? – подумал он, мучаясь этим новым ужасом, – Поступил ли я правильно, вмешиваясь в правосудие и сохраняя в тайне мои сомнения в надежде, что защищаю от горя и позора тех, кого люблю? Что мне делать, если я увижу, что он болен, очень болен, быть может, умирает – умирает на ЕЕ груди? Что мне делать?».

Одно было ясно: нужно немедленно ехать в Одли-Корт. Он собрал чемодан, прыгнул в кэб и уже через час после получения письма Алисии был на железнодорожной станции.

Тусклые огни деревни слабо мерцали в сгущающихся сумерках, когда Роберт добрался до Одли. Он оставил чемодан на станции и не спеша направился по узкой дорожке между живыми изгородями к уединенному тихому Карту. Деревья качали над его головой своими голыми ветвями, причудливыми в сумеречном свете. Ветер с воем проносился над полями и лугами, заставляя трепетать эти сучковатые ветви на фоне темного серого неба. Слово призрачные руки

сморщенных, высохших гигантов, они манили Роберта к дому дяди. Казалось, будто эти призраки в холодных зимних сумерках негодуют и грозятся, чтобы он поторопился. Длинная аллея, столь уютная и красивая, когда благоухающие липы разбрасывали по дорожке свои светлые цветы, а в летнем воздухе кружились лепестки шиповника, выглядела суровой и заброшенной в этот мрачный период междуцарствия, отделяющий домашние радости Рождества от подступающей весны с ее бледным румянцем – мертвый сезон, когда Природа в оцепенении спит чутким сном в ожидании чудесного пробуждения, когда придет пора распусться листьям на деревьях и зацвести цветам.

Печальное предчувствие прокралось в душу Роберта, когда он приближался к дому дяди. Ему был знаком здесь каждый уголок, каждый изгиб деревьев, каждая причудливая ветка, каждая неровность в живой изгороди из боярышника, карликового конского каштана, низкорослых ив и кустов ежевики и орешника.

Сэр Майкл был вторым отцом молодому человеку, великодушным и благородным другом, серьезным советчиком, и, быть может, самой сильной сердечной привязанностью Роберта была его любовь к седобородому баронету. Но эта любовь была настолько частью самого Роберта, что редко выражалась словами, посторонний человек и представить не мог глубины его чувства, которое бурлило глубоким мощным потоком под спокойной вялой поверхностью характера адвока-

та.

«Что станет с этим местом, если моему дяде суждено умереть? – думал он, приближаясь к увитой плющом арке и спокойному водоему, холодно-серому в сумерках. – Будут ли другие люди жить в старом доме, сидеть под низкими дубовыми потолками хорошо знакомых комнат?»

Предчувствие грядущей боли наполнило грудь молодого человека, когда он подумал, что рано или поздно наступит день, и закроются дубовые ставни, и скроют солнечный свет от дома, который он так любил. Ему доставляло мучение даже подумать об этом, как и всем людям тягостна мысль о том, какой короткий отрезок времени отмерен нам на этой земле. Разве удивительно, что некоторые путники ложатся спать под изгородями, не испытывая желаний продолжить свой нелегкий путь к жилищу, где их никто не ждет? Разве удивительно, как терпеливо, покорно и спокойно ожидаем мы то, что предстоит нам на другом берегу темной бурной реки? Слоит ли удивляться, что люди стремятся стать великими ради величия, по любой причине, но не из простой добросовестности? Если бы Роберт Одли жил во времена Томаса Кемписа, он бы наверняка соорудил себе хижину отшельника в густом лесу и провел бы свои дни в тихом подражании известному автору «Имитации». Но, пожалуй, Фигтри-Корт тоже уединенное жилище в своем роде, а католические требники (со стыдом должна я признаться) молодой адвокат заменил на Поль де Кока и Дюма-сына. Но сии

грехи столь неважны, что ему было бы легко обратить их в добродетели.

В длинной галерее окон, обращенных к арке, светилося лишь одно, когда Роберт проходил под мрачной тенью плюща, беспокойно шелестевшего на ветру. Он узнал это освещенное окно в большом эркере дядиной комнаты. Когда он в последний раз видел этот старый дом, он был полон веселых гостей, каждое окошко светилося, как звездочка в темноте; а теперь, темный и безмолвный, он глядел в зимнюю ночь, словно мрачное баронское обиталище, из своего лесного уединения.

Лицо слуги, который открыл дверь неожиданному гостю, просияло, когда он узнал племянника хозяина.

– Увидев вас, сэр Майкл приободрится, – радостно сказал он, впуская Роберта Одли в освещенную только огнем каминна библиотека, казавшуюся заброшенной от того, что кресло баронета на коврике перед камином пустовало.

– Принести вам сюда обед, сэр, прежде чем вы подниметесь наверх? – спросил слуга. – Пока болеет хозяин, госпожа и мисс Одли рано обедают, но я могу вам что-нибудь принести, если желаете, сэр.

– Я ничего не буду, пока не увижу дядю, – поспешно ответил Роберт. – То есть если я могу сразу же пройти к нему. Полагаю, он не слишком болен и сможет принять меня? – беспокойно добавил он.

– О нет, сэр, не слишком. Прошу сюда, пожалуйста.

Он провел Роберта вверх по короткой дубовой лестнице в восьмиугольную комнату, в которой Джордж Толбойс так долго сидел пять месяцев назад, устремив отсутствующий взор на портрет госпожи. Теперь картина была закончена и висела на почетном месте напротив окна среди Кейпа, Пуссена и Воувермана, чьи краски поблекли рядом с красочным шедевром современного художника. Когда Роберт приостановился на минутку, чтобы бросить взгляд на памятную картину, на него посмотрело яркое лицо, обрамленное сиянием золотистых волос, с усмешкой на губах. Несколько мгновений спустя, пройдя через будуар и гардеробную госпожи, он уже стоял на пороге комнаты сэра Майкла. Баронет спокойно спал, его руку крепко держали изящные пальчики его молодой жены. Алисия сидела на маленьком стульчике у камина, в котором яростно горели крупные поленья. Вид этой роскошной спальни мог послужить богатым материалом для художника. Массивная мебель, темная и мрачная, кое-где оживлялась кусочками позолоты; изящество каждой детали, в которой богатство было подчинено тонкому вкусу, и, наконец, самое важное, хрупкие фигуры двух женщин и благородные черты пожилого мужчины, являлись достойным объектом изучения для художника.

Люси Одли, в бледном ореоле отливающих золотом волос вокруг ее задумчивого лица, с летящими линиями ее мягкого муслинового халата, ниспадающего прямыми складками к ее ногам, с агатовым браслетом, обхватившим ее запястье,

могла бы послужить моделью для средневековой святой в одной из маленьких часовен, укрывшихся в уголках старинного собора, которых не изменили ни Реформация, ни Кромвель; и какой мученик Средних веков мог иметь более святой вид, чем мужчина, чья седая борода покоилась на темном шелковом покрывале величественной кровати?

Роберт помедлил на пороге, боясь разбудить дядю. Обе дамы услышали его шаги, хотя он старался ступать как можно тише, и подняли головы. Лицо госпожи, наблюдающей за больным, хранило печать беспокойной серьезности, что делало его еще более прекрасным; но, узнав Роберта Одли, оно мгновенно лишилось своих нежных красок и стало испуганным и бледным в свете лампы.

– Мистер Одли! – вскрикнула она слабым дрожащим голосом.

– Тсс! – предупредительно шепнула Алисия. – Вы разбудите папу. Как хорошо, что вы приехали, Роберт, – добавила она, пригласив своего кузена занять свободный стул у кровати.

Молодой человек уселся на указанное ему место в изножье кровати напротив госпожи, сидящей рядом с подушками. Он долго и пристально смотрел в лицо спящего; затем еще дольше и пристальнее в лицо леди Одли, на щеки которой постепенно возвращался румянец.

– Он был не очень болен? – спросил Роберт, как и Алисия, шепотом.

Госпожа ответила на его вопрос.

– О нет, не опасно болен, – промолвила она, не отрывая глаз от лица мужа. – Но мы все еще очень и очень беспокоимся.

Роберт не отводил испытующего взгляда от этого бледного лица.

«Она посмотрит на меня, – подумал он. – Я заставлю ее взглянуть мне в глаза, и я все прочту в них, как и раньше. Она узнает, что со мной ее хитрости бесполезны».

Он помолчал несколько минут, прежде чем продолжить беседу. Тишину нарушали лишь спокойное дыхание спящего, тиканье позолоченных часов, висящих над кроватью, и потрескивание дров в камине.

– Я не сомневаюсь, что вы волновались, леди Одли, – произнес наконец Роберт, поймав ее взгляд, когда она украдкой посмотрела на него – Вам, как никому другому, дорога жизнь моего дяди. Ваше счастье, ваше благосостояние, ваша *безопасность* зависят от его жизни.

Он произнес это таким тихим шепотом, что его слова не могли достичь ушей Алисии, сидящей в другом конце комнаты.

– Я знаю это, – ответила она. – Тем, кто захочет меня ударить, придется бить по нему.

Она указала на спящего, все еще глядя на Роберта Одли. В ее голубых глазах был вызов, они стали ярче от триумфа, светившегося в них. Вызов был и в ее спокойной улыб-

ке – улыбке роковой красавицы, полной скрытого значения, улыбке, которую так преувеличил художник на портрете жены сэра Майкла.

Роберт отвернулся от ее красивого лица и прикрыл глаза ладонью, поставив преграду между ними, которая препятствовала ее острому взгляду и вызывала ее любопытство. «Наблюдает ли он за ней или думает о чем-то? И о чем он думает?»

Роберт Одли просидел у кровати почти час, прежде чем его дядя проснулся. Баронет обрадовался приезду племянника.

– Как хорошо, что ты приехал, Боб, – произнес он. – Я так много думал о тебе, когда заболел. Ты знаешь, Боб, ты и Люси должны стать хорошими друзьями, ты должен научиться думать о ней, как о своей тете, хотя она молода и красива и... и... ну ты понимаешь, да?

Роберт сжал его руку, но взгляд его был мрачен, когда он ответил.

– Я вас прекрасно понимаю, сэр, – спокойно промолвил он. – И даю вам слово чести, что я надежно огражден от очарования госпожи, она знает это так же, как и я.

Люси поджала свои хорошенькие губки.

– Ба, глупый Роберт, – воскликнула она. – Вы принимаете все чересчур серьезно. Если я и подумала, что вы слишком молоды для племянника, то это только из страха сплетен, а не...

Она запнулась, но закончить предложение ей помешал весьма своевременный приход мистера Доусона, ее бывшего хозяина.

Он пощупал пульс у своего пациента, задал два или три вопроса, заявил, что состояние баронета явно улучшается, обменялся общими фразами с Алисией и леди Одли, и собрался уходить. Роберт поднялся и проводил его до двери.

– Я посвечу вам на лестнице, – предложил он, взяв свечу и зажигая ее от лампы.

– Нет, нет, мистер Одли, ради бога, не беспокойтесь, – запротестовал врач. – Я хорошо знаю дорогу.

Но Роберт настоял на своем, и они вместе вышли из комнаты. Войдя в восьмиугольную комнату, адвокат помедлил и закрыл за собой дверь.

– Вы не посмотрите, плотно ли закрыта другая дверь, мистер Доусон? – попросил он, указывая на дверь, что вела на лестницу. – Мне бы хотелось поговорить с вами.

– С большим удовольствием, – ответил врач, выполняя его просьбу. – Но если вы тревожитесь за дядю, мистер Одли, то я сразу же могу вас успокоить. Нет ни малейшего повода для беспокойства. Если бы его болезнь была серьезной, я бы немедленно телеграфировал семейному врачу.

– Я уверен, вы бы исполнили свой долг, сэр, – мрачно промолвил Роберт. – Но я не собираюсь говорить о моем дяде. Мне бы хотелось задать два-три вопроса о другой особе.

– В самом деле.

– Об особе, которая когда-то жила в вашей семье как мисс Люси Грэхем; об особе, которая теперь леди Одли.

На спокойном лице мистера Доусона появилось удивление.

– Извините, меня, мистер Одли, – ответил он. – Едва ли вы можете ожидать, что я стану отвечать на вопросы о супруге вашего дяди без разрешения сэра Майкла. Я могу понять причину, которая побуждает вас задавать подобные вопросы, скажем прямо, не очень достойную причину. – Он сурово посмотрел на молодого человека, прежде чем продолжить. – Вы влюбились в хорошенькую жену своего дяди, сэр, и вы хотите, чтобы я был посредником в этом вероломном флирте, но этого не будет, сэр, этого не будет. Я всегда уважал эту даму как мисс Грэхем, сэр, – продолжал он, – и я уважаю ее вдвойне как леди Одли не потому, что ее положение переменилось, но потому, что она жена одного из самых достойных людей в христианском мире.

– Вы не можете уважать моего дядю или его честь более, чем я, – ответил Роберт. – Для вопросов, которые я хочу задать, нет недостойной причины; но вы *должны* на них ответить.

– *Должен!* – возмущенно откликнулся мистер Доусон.

– Да, вы друг моего дяди. Именно в вашем доме он встретил женщину, ставшую его женой. Она называла себя сиротой и, полагаю, пользовалась не только его восхищением, но и жалостью. Она говорила ему, что совсем одинока в этом

мире, не так ли? Ни друзей, ни родственников. Это все, что я мог узнать о ее прошлом.

– Почему вы хотите узнать больше? – спросил врач.

– Причина этому ужасна, – ответил Роберт Одли. – Вот уже несколько месяцев, как я борюсь с сомнениями и подозрениями, которые отравили мне жизнь. С каждым днем они все увеличиваются, их не успокоит банальная софистика и слабые аргументы, которыми люди скорее пытаются обмануть себя, чем поверить в то, чего боятся. Я не думаю, что женщина, которая носит имя моего дяди, достойна быть его женой. Я могу и ошибаться. Дай бог, если это так. Но если я ошибаюсь, то роковая цепь косвенных улик еще никогда так плотно не смыкалась вокруг безвинного человека. Я бы хотел рассеять мои сомнения... или подтвердить опасения. Есть единственный способ, которым я могу это сделать. Я должен тщательно проследить ее прошлую жизнь шестилетней давности и до этой ночи. Сегодня двадцать четвертое февраля тысяча восемьсот пятьдесят девятого года. Я хочу знать о всех событиях ее жизни между сегодняшним вечером и февралем пятьдесят третьего года.

– И ваша причина стоит того?

– Да, я хочу освободить ее от ужасного подозрения.

– Которое существует только у вас в голове?

– И в голове еще одного человека.

– Могу я спросить, кто это?

– Нет, мистер Доусон, – решительно ответил Роберт. –

Я не могу раскрыть более того, что уже сказал. Во многих вещах я нерешительный, колеблющийся человек, но в этом случае я вынужден быть решительным. Повторяю, я *должен* знать историю жизни Люси Грэхем. Если вы отказываетесь помочь мне, я найду других. Как мне ни больно, но я скорее обращусь к дяде за сведениями, которые вы скрываете, чем столкнусь с препятствием, не успев начать свое расследование.

Несколько минут мистер Доусон хранил молчание.

– Не могу выразить, как вы удивили и встревожили меня, мистер Одли, – начал он. – Я могу рассказать так мало о прошлом леди Одли, что было бы глупым упрямством утаивать те небольшие сведения, что у меня есть. Я всегда считал супругу вашего дяди одной из самых добродушных женщин. Я *не могу* заставить себя думать иначе. Это все равно что вырвать с корнем одно из самых сильных убеждений в своей жизни. Вы желаете проследить ее жизнь от этого часа до пятьдесят третьего года?

– Да.

– Она вышла замуж за вашего дядю в июне пятьдесят седьмого. В моем доме она прожила немногим более тринадцати месяцев. Четырнадцатого мая пятьдесят шестого года она появилась у нас.

– И она приехала к вам?...

– Из школы в Бромптоне, которую содержала леди по имени Винсент. Именно ее настоятельная рекомендация убеди-

ла меня принять мисс Грэхем в свою семью, не выясняя больше ничего о ее прошлом.

– Вы встречались с этой миссис Винсент?

– Нет. Я дал объявление, и мисс Грэхем на него ответила. В своем письме она сослалась на миссис Винсент, владелицу школы, в которой тогда преподавала. У меня так мало свободного времени, что я был рад избежать необходимости потратить целый день на поездку в Лондон, чтобы навести справки о юной леди. Я нашел имя миссис Винсент в справочнике, понял, что это ответственная особа, и написал ей. Ее ответ был совершенно удовлетворителен: мисс Люси усердна и добросовестна, полностью соответствует положению, которое я ей предлагал. Я принял эту рекомендацию, и ни минуты не сожалел об этом. Я рассказал вам все, мистер Одли, что знал.

– Не будете ли вы так добры дать мне адрес этой миссис Винсент, – попросил Роберт, вынимая записную книжку.

– Конечно. Она жила тогда на Кресцент-Вилла, девять, в Бромптоне.

– А, ну да, – пробормотал Роберт, и в памяти неожиданно всплыл прошлый сентябрь. – Кресцент-Вилла, да, я слышал раньше об этом адресе от самой леди Одли. Эта миссис Винсент телеграфировала жене моего дяди в начале сентября. Она была больна... умирала, по-моему, и послала за госпожой, но съехала со старой квартиры, и ее не нашли.

– В самом деле! Леди Одли никогда не говорила об этом.

– Возможно, нет. Так случилось, что я был здесь в то время. Благодарю вас, мистер Доусон, за те сведения, что вы так любезно мне предоставили. Я продвинулся на два с половиной года, но нужно еще восполнить пробел в три года, прежде чем я смогу снять с нее ужасное подозрение. До свидания.

Роберт пожал руку врачу и вернулся в комнату дяди. Он отсутствовал около четверти часа. Сэр Майкл снова заснул, госпожа задернула шторы и затенила лампу у его постели. Алисия и ее мачеха пили чай в будуаре леди Одли.

Люси Одли подняла глаза от хрупкого китайского фарфора и следила за Робертом беспокойным взглядом, как он, легко ступая, прошел в комнату дяди, а оттуда обратно в будуар. Она выглядела такой хорошенькой и невинной, сидя у фарфоровых приборов и сверкающего серебра. Определенно женщина выглядит лучше всего, заваривая чай. Это самое женское и домашнее из всех занятий делает каждое ее движение гармоничным, придает очарование каждому ее взгляду. Клубы пара от кипящей воды, в которой она заваривает целительные травы, известные только ей одной, окутывают ее облаком душистых благоуханий, сквозь которые она чудится дивной феей. За чайным столиком она – королева, всемогущая и недоступная. Что знают мужчины о таинственном напитке? Почитайте, как бедный Газмет заваривал чай, и содрогнитесь от этого варварства. Как неуклюже эти бедняги пытаются помочь колдунье, правящей за чай-

ным подносом; как беспомощно они держат чайник, как постоянно подвергают опасности хрупкие чашки и блюда и тонкие руки жрицы. Уничтожить чайные столики – значит лишить женщин их законной империи. Послать пару неповоротливых мужчин к гостям, чтобы они разносили смесь, заваренную в комнате экономки – значит свести самую компанейскую и дружескую изо всех церемоний к раздаче пайков. Представьте, что все женщины Англии поднялись до высокого уровня мужской интеллектуальности, выше кринолинов, выше усилий стать хорошенькими, выше чайных столиков и выше этих скандальных сплетен, которые восхищают даже сильных мужчин; и какую унылую, отвратительную жизнь придется вести тогда более сильному полу.

Лучистый бриллиант на белом пальчике госпожи сверкал среди чайных принадлежностей, и она склонила свою хорошенькую головку над индийской чайницей из сандалового дерева и серебра с такой серьезностью, как будто на свете не было более высокой цели, чем заваривание чая.

– Вы выпьете с нами чаю, мистер Одли? – спросила она Роберта, стоящего у двери.

– Пожалуй.

– Но вы, возможно, не обедали? Может быть, мне позвонить и приказать принести вам что-нибудь более существенное, чем бисквиты и хлеб с маслом?

– Нет, благодарю вас, леди Одли. Я пообедал, прежде чем уехал из города, мне только чашку чая.

Он уселся за маленький столик и посмотрел на сидевшую напротив Алисию с книгой на коленях, явно увлеченную чтением. Лицо ее утратило яркий румянец, она казалась не такой оживленной, как обычно, скорее подавленной, – без сомнения, из-за болезни отца, подумал Роберт.

– Алисия, моя дорогая, – обратился к ней адвокат, – вы неважно выглядите.

Мисс Одли пожала плечами, но даже не удосужилась поднять глаз от книги.

– Может быть, и так, – презрительно ответила она. – Какое это имеет значение? Я становлюсь философом вашей школы, Роберт Одли. Какое это имеет значение? Кому дело до того, здорова я или больна?

«Какая она злючка», – подумал адвокат. Он знал, что когда кузина обращается к нему «Роберт Одли», значит, она сердита на него.

– Не стоит набрасываться на человека только потому, что он задал вежливый вопрос, Алисия, – с упреком заметил он. – Что никому нет дела до вашего здоровья, так это чепуха. *Мне* есть дело. – Мисс Одли посмотрела на него с улыбкой. – Сэру Гарри Тауэрсу есть дело. – Мисс Одли нахмурившись уткнулась в книгу.

– Что вы читаете, Алисия? – спросил Роберт после небольшой паузы, во время которой он сидел, задумчиво помешивая чай.

– «Перемены и случайности».

– Роман?

– Да.

– Кто написал?

– Автор «Глупостей и ошибок», – ответила Алисия, все еще продолжая изучать роман на ее коленях.

– Интересный?

Мисс Одли скривила губы и пожала плечами.

– Не особенно, – сказала она.

– Тогда я думаю, вы могли бы быть лучше воспитаны и не читать, в то время, как ваш кузен сидит напротив, – мрачно заметил Роберт, – особенно если учесть, что его визит короткий и он уедет завтра утром.

– Завтра утром! – воскликнула госпожа, неожиданно подняв голову.

Хотя радость в ее глазах была так мимолетна, словно вспышка молнии в летний день, она не осталась незамеченной Робертом.

– Да, – повторил он. – Я должен уехать завтра в Лондон по делу, но я вернусь на следующий день, если позволите, леди Одли, и останусь, пока не поправится дядя.

– Но ведь вы не всерьез встревожены о нем, не так ли? – с беспокойством спросила госпожа. – Вы не думаете, что он очень болен?

– Нет, – ответил Роберт. – Слава богу, нет ни малейших причин для опасений.

Госпожа помолчала, задумчиво глядя на пустые чашки с

выражением невинной серьезности капризного ребенка на лице.

– Но вы заперлись с мистером Доусоном, – промолвила она. – Ваша долгая беседа не на шутку встревожила меня. Вы все время говорили о сэре Майкле?

– Нет, не все.

Госпожа снова опустила глаза на чашки.

– Но что вы могли говорить мистеру Доусону или он вам? – спросила она, немного помолчав. – Вы совсем не знаете друг друга.

– Предположим, мистер Доусон хотел проконсультировать меня по одному делу.

– И что же это? – в нетерпении воскликнула она.

– Было бы неэтично говорить с вами об этом, госпожа, – мрачно ответил Роберт.

Она закусила губу и погрузилась в молчание. Алисия отбросила книгу и посмотрела на озабоченное лицо своего кузена. Время от времени он беседовал с ней, но ему явно стоило больших усилий отвлечься от своей задумчивости.

– Честное слово, Роберт Одли, вы просто прекрасный собеседник, – воскликнула вскоре Алисия, истощив свой скромный запас терпения двумя-тремя бесплодными попытками начать разговор. – Может быть, в следующий раз, когда вы приедете в Корт, вы захватите с собой ваши мозги. Судя по вашей скучной внешности, могу представить, что вы оставили свой интеллект где-нибудь в Темпле. Вы нико-

гда не были очень приятным, но в последнее время вы стали просто несносны. Полагаю, что вы влюбились, мистер Одли, и размышляете о достойном объекте своей привязанности.

А он думал об обращенном к нему лице Клары Толбойс, возвышенном в своем непередаваемом горе, о ее страстных словах, все еще звучавших в его ушах так же ясно, как и в первый раз. Снова он увидел устремленный на него взгляд ее карих глаз. Опять он услышал этот мрачный вопрос: «Вы или я найду убийцу моего брата?» Он находился в Эссексе, в небольшой деревушке, откуда, как он твердо верил, Джордж Толбойс никуда не уезжал. Он был в месте, где закончилась жизнь его друга так же внезапно, как заканчивается рассказ, когда читатель закрывает книгу. Может ли он уклониться от расследования, в которое оказался вовлечен? Может ли он теперь остановиться? Нет, тысячу раз нет! Только не с образом этого пораженного горем лица, которое запечатлелось в его памяти. Только не со звуками ее слов, все еще звучащими в его ушах.

Часть вторая

Глава 1. Дальше, но не ближе

Роберт покинул Одли на следующее утро первым поездом и приехал на станцию Шередит около девяти часов. Он не стал возвращаться в свою квартиру, а нанял кэб и отправился сразу же в Вест Бромптон, на Кресцент-Вилла. Он понимал, что ему едва ли удастся найти леди, которую он искал, по этому адресу, так же, как не удалось это его дяде несколько месяцев назад, но он надеялся, что сможет обнаружить какую-нибудь нить, ведущую к новому месту жительства школьной учительницы, несмотря на неудачу сэра Майкла.

«Согласно телеграфному посланию, миссис Винсент находилась в предсмертном состоянии, – размышлял Роберт. – Если я все же найду ее, то по крайней мере выясню, было ли то сообщение подлинным».

После небольших трудностей он нашел Кресцент-Вилла. Большие дома наполовину были втиснуты в груды кирпича и стройматериала, громоздившегося вокруг них. Новые дома, новые улицы, новые площади вели внутрь этих нагромождений из камня и штукатурки по обеим сторонам улицы. Дорога была скользкой от мокрой глины, колеса и копыта ло-

шадей утопали в ней. Полное запустение, царившее в новом недостроенном районе, наложило мрачную печать на соседние улицы, возникшие вокруг Кресцент-Вилла; Роберт потратил сорок минут согласно своим часам и час с четвертью по подсчетам кэбмена, объездив их из конца в конец в поисках Вилла, чьи черные, почтенного возраста колпаки дымовых труб хмурились на него сверху из-за нетронутых залежей штукатурки, не успевшей потускнеть от времени и дыма.

Достигнув наконец цели своего путешествия, мистер Одли вылез из кэба, сказал вознице ждать его на углу, и отправился на поиски.

«Если бы я был знаменитым сыщиком, я бы этим не занимался, – подумал он. – Мое время стоило бы гинею или около того за минуту, и я бы участвовал в известном деле Хогс против Богс, которое как раз сегодня разбирается судом присяжных в Вестминстерском зале. Как бы там ни было, я все же могу позволить себе быть терпеливым».

Он спросил о миссис Винсент в доме, номер которого дал ему мистер Доусон. Служанка, открывшая ему дверь, никогда не слышала имени этой дамы, но, сходя к своей хозяйке и узнав у нее, она вскоре вернулась и сообщила Роберту, что миссис Винсент жила здесь; но уехала за два месяца до того, как нынешние жильцы поселились в доме, и «миссис пробыла здесь пятнадцать месяцев», – толково добавила девушка.

– Но вы не можете мне сказать, куда она уехала? – спросил Роберт, упав духом.

– Нет, сэр, миссис полагает, что эта дама разорилась и съехала неожиданно, поэтому она не желала, чтобы в округе знали ее адрес.

Мистер Одли почувствовал, что он в тупике. Если миссис Винсент покинула это место, имея долги, она, без сомнения, будет тщательно скрывать свое место жительства. В таком случае можно было надеяться узнать ее адрес у кого-нибудь из торговцев; ведь вполне вероятно, кое-кто из самых крупных ее кредиторов сделает все возможное, чтобы обнаружить убежище банкрота.

Он огляделся в поисках ближайших магазинов и обнаружил в нескольких шагах булочную, книжную лавку и овощной магазин. Три запустелых магазина с зеркальными витринами и претензией на элегантность.

Он остановился на булочнике, который величал себя кондитером и выставил в витрине несколько образцов бисквитов в стеклянных банках, успевших превратиться в камень, и глазированные пироги, прикрытые зеленой марлей.

«Она наверняка покупала хлеб, – размышлял Роберт около булочной, и вполне вероятно, покупала его в ближайшей лавке. Начну-ка я с булочника».

Булочник стоял за прилавком, пререкаясь из-за счета с молодой бедно одетой женщиной. Он не обращал внимания на Роберта до тех пор, пока не закончил спор; уже расписываясь на счете, он поднял глаза и спросил адвоката, что ему угодно.

– Вы не могли бы мне сказать адрес некоей миссис Винсент, проживавшей в номере девять по Кресцент-Вилла полтора года назад? – вежливо спросил мистер Одли.

– Нет, не могу, – ответил булочник, покраснев и почему-то повысив голос, – я бы и сам не прочь его узнать. Эта дама задолжала мне одиннадцать фунтов за хлеб, а это больше того, что я могу позволить себе потерять. Если кто-нибудь может сообщить мне, где она живет, я был бы весьма обязан.

Роберт Одли пожал плечами и попрощался с ним. Он почувствовал, что обнаружить место пребывания этой леди окажется более хлопотно, чем он ожидал. Он мог бы поискать имя миссис Винсент в Почтовом справочнике, но весьма маловероятно, что дама, находящаяся в столь непростых отношениях со своими кредиторами, даст им возможность так легко установить ее место жительства.

«Если булочник не может найти эту даму, то как мне искать ее? – думал он в отчаянии. – Если такому решительному, энергичному человеку, как булочник, не удалось это, то как может худосочный флегматичный бедняга, вроде меня, надеяться выполнить эту задачу?»

Мистер Одли предавался этим мрачным размышлениям, не спеша направляясь к месту, где оставил свой кэб. На пути между булочной и углом он услышал за собой шаги и женский голос, просивший его остановиться. Он обернулся и оказался лицом к лицу с бедно одетой женщиной, которая

улаживала свой счет с булочником.

– Что? – рассеянно спросил он. – Чем могу быть полезен, мэм? Вам миссис Винсент тоже должна деньги?

– Да, сэр, – ответила женщина в полусветской манере, которая вполне соответствовала ее убогому платью с претензией на элегантность. – Миссис Винсент – моя должница, но дело не в этом, сэр. Мне... мне хотелось бы узнать, какое у вас к ней дело... потому что... потому что...

– Вы можете дать мне адрес, мэм? Вы это хотите сказать, не так ли?

Женщина немного поколебалась, с подозрением глядя на Роберта.

– Вы не связаны с... с продажей в рассрочку, не так ли, сэр? – спросила она, разглядывая внешность мистера Одли.

– С чем, мэм? – воскликнул молодой адвокат, ошеломленно уставившись на нее.

– Прошу меня извинить, сэр, – воскликнула маленькая женщина, увидев, что совершила ошибку. – Я подумала, что вы могли этим заниматься. Некоторые джентльмены, собирающие товар для магазинов, где все продается в рассрочку, сами одеваются красиво, и я знаю, что миссис Винсент задолжала кучу денег.

Роберт Одли положил ладонь на ее руку.

– Дорогая мадам, – промолвил он. – Я не хочу ничего знать о делах миссис Винсент. Что касается того, что вы называете продажей в рассрочку, то у меня нет ни малейшего

представления о том, что означает это выражение. Миссис Винсент не должна мне деньги, в каких бы плохих отношениях она ни была с тем ужасным булочником. Я никогда не встречался с ней, но хотел бы видеть ее сегодня, чтобы задать ей несколько простых вопросов о юной леди, которая однажды жила в ее доме. Если вы знаете, где живет миссис Винсент и дадите мне ее адрес, вы сделаете мне огромное одолжение.

Он вынул свою визитную карточку и протянул ее женщине, которая с беспокойством изучила кусочек картона, прежде чем опять заговорила.

– Я вижу, вы выглядите и говорите как джентльмен, сэр, – произнесла она после короткой паузы. – Но я надеюсь, вы извините меня за недоверчивость; у бедной миссис Винсент были ужасные трудности, и я единственный человек в округе, кому она доверила свой адрес. Я швея, сэр, и работала на нее в течение шести лет, и хотя она не платит мне регулярно, знаете ли, время от времени она дает мне немного денег, и я потихоньку перебиваюсь. Так значит, я могу сказать вам, где она живет, сэр? Вы не обманете меня, не так ли?

– Клянусь честью, нет.

– Тогда, сэр, – продолжила швея, понизив голос, как будто ее могли подслушать мостовая или железные перила у домов, – это коттедж «Акация» на Пекхэм-Гроув. Вчера я отнесла туда платье для миссис Винсент.

– Благодарю вас, – сказал Роберт, записывая адрес в свою

записную книжку. — Я вам чрезвычайно обязан, и вы можете быть уверены, что у миссис Винсент не будет неприятностей из-за меня.

Он приподнял шляпу, поклонился маленькой швее и вернулся к кэбу.

«В любом случае, мне повезло больше, чем булочнику, — подумал он. — Теперь к следующей остановке, путешествуем вспять по жизни госпожи».

Поездка из Бромптона до Пекхэм-Гроув оказалась долгой, и между Кресцент-Вилла и коттеджем «Акация» у Роберта Одли оказалось достаточно времени для раздумий. Он думал о своем дяде, слабом и больном, лежащем в дубовой комнате в Одли Корт. Он думал о красивых голубых глазах, сторожащих сон сэра Майкла; о мягких белых ручках, удовлетворявших его желания, когда он просыпался; низком музыкальном голосе, облегчающем его одиночество, утешающем его в преклонные годы. Как бы эта картина радовала его глаза, не знай он всего, о чем и не догадывались другие. Но когда он видел ту черную тучу, что нависла над домом дяди, какой лукавой насмешкой, злым обманом казалось это видение.

Пекхэм-Гроув, достаточно приятная в летнее время года, имела мрачный вид в серый февральский день, когда деревья стояли голые, а небольшие садики опустели. Оштукатуренные стены коттеджа «Акация» отделяют улицы лишь два высоких чахлых тополя. Зоркий глаз кэбмена уловил малень-

кую медную дощечку на воротах, указывавшую, что это коттедж «Акация», и он высадил мистера Одли на тротуаре перед маленькими воротами.

Коттедж «Акация» находился гораздо ниже на общественной лестнице, чем Кресцент-Вилла, и маленькая служанка, которая вышла к деревянной калитке и заговорила с мистером Одли, явно успела привыкнуть к схваткам с безжалостными кредиторами.

Она начала плести какие-то привычные небылицы о том, что она не уверена относительно места пребывания своей хозяйки, и сказала Роберту, что если он назовет ей свое имя и скажет, по какому он делу, то она пойдет и посмотрит, дома ли миссис Винсент.

Мистер Одли достал визитную карточку и написал карандашом ниже своего имени – «Относительно бывшей мисс Грэхем».

Служанка понесла карточку хозяйке, а Роберт остался в ожидании.

Через пять минут она вернулась с ключом от калитки. «Ее хозяйка дома, – сказала она, Роберту, впуская его, – будет счастлива встретиться с джентльменом».

Квадратная гостиная, куда она провела Роберта, в каждом крохотном украшении, в каждом предмете обстановки несла отпечаток бедности. Рабочий, обставляющий свою крошечную гостиную полудюжиной стульев из тростника, столом Пембрук, голландскими часами, маленьким зерка-

лом, фаянсовым пастушком и пастушкой и набором безвкусных чайных подносов, использует наилучшим образом свои скудные средства и обычно ухитряется добиться некоторого уюта; но леди, теряющая прекрасную обстановку дома, который она вынуждена покинуть и поселиться в небольшом жилище с жалкими остатками, приобретенными каким-нибудь милосердным другом на распродаже ее имущества, – эта леди отмечена печатью изящного разорения и безвкусной бедности, несопоставимой по несчастью с любой другой стадией, какой может достигнуть нищета.

Комната, которую рассматривал Роберт Одли, была обставлена убогими остатками, ухваченными от разорения, настигшего неблагоприятную школьную учительницу на Кресцент-Вилла. Пианино, шкаф, слишком большой для комнаты, мрачный в своем пышном великолепии, с позолоченными лепными украшениями, края у которых откололись; и карточный столик на тонких ножках составляли основные предметы обстановки. Потертый клочок брюссельского ковра покрывал центр комнаты и образовывал оазис из роз и лилий в пустыне выцветшего зеленого половика из грубой шерстяной материи. Заштопанные портьеры закрывали окна, на которых висели проволочные корзинки с какими-то ужасными растениями из семейства кактусовых, росшие вниз, словно какой-то сумасшедший класс растительности, чьим колючим, похожим на пауков отросткам взбрело в голову стоять на головах.

Мягкую зеленую скатерть на карточном столике украшали безвкусно переплетенные ежегодники и книжки о красоте, но эти литературные шедевры не привлекали внимания Роберта Одли. Он уселся на один из шатких стульев и терпеливо ожидал прихода школьной наставницы. Он слышал гул полудюжины голосов в соседней комнате и треньканье на вконец расстроенном пианино.

Он ожидал уже около четверти часа, когда дверь открылась и хорошо одетая леди со следами былой красоты на лице вошла в комнату.

– Мистер Одли, я полагаю, – промолвила она, делая Роберту знак садиться и располагаясь в кресле напротив. – Надеюсь, вы извините меня, что я заставила вас ожидать, но мои обязанности...

– Это мне следует извиниться за то, что я побеспокоил вас, – вежливо ответил Роберт, – но причина, побудившая меня нанести вам визит, весьма серьезна. Вы помните ту леди, чье имя я написал на карточке?

– Конечно.

– Могу я спросить, знаете ли вы что-нибудь о ней с тех пор, как она покинула ваш дом?

– Очень мало. Почти ничего. Мисс Грэхем, я думаю, получила место в семье врача в Эссексе. Именно я дала ей рекомендацию для этого джентльмена. Больше я ничего о ней не слышала.

– Но вы переписывались с ней? – нетерпеливо спросил Ро-

берт.

– Нет.

Мистер Одли некоторое время оставался в молчании, мрачные мысли тенью легли на его лицо.

– Могу я спросить, не посылали ли вы телеграфного послания мисс Грэхем в начале сентября о том, что вы серьезно больны и хотели ее увидеть?

Миссис Винсент улыбнулась, услышав этот вопрос.

– У меня нет оснований для такого послания, – ответила она, – я в жизни никогда серьезно не болела.

Роберт Одли помедлил, прежде чем задать следующие вопросы, и что-то быстро написал карандашом в своей записной книжке.

– Если я задам вам несколько прямых вопросов о мисс Люси Грэхем, мадам, – промолвил он, – не окажете ли вы мне любезность ответить на них, не спрашивая у меня причины, побудившей делать подобные расспросы?

– Вероятно, – ответила миссис Винсент. – Я не знаю ничего плохого о мисс Грэхем, и у меня нет причин делать тайну из того немногого, что я знаю.

– Тогда не назовете ли вы дату, когда молодая леди впервые пришла к вам?

Миссис Винсент улыбнулась и покачала головой. У нее была приятная улыбка – открытая улыбка женщины, которой в свое время восхищались.

– Совершенно бесполезно спрашивать меня об этом, ми-

стер Одли, – ответила она. – Я самое беззаботное существо на свете, я никогда не могла запомнить даты, хотя делаю все, что в моей власти, чтобы внушить своим ученицам, как важно для их будущего благополучия знать, когда Вильгельм Завоеватель начал свое правление и все такое. Но я не имею ни малейшего понятия о том, когда мисс Грэхем пришла ко мне, хотя помню, что это было давным-давно, как раз тем летом, когда у меня было шелковое платье персикового цвета. Мы должны проконсультироваться у Тонкс.

Роберт Одли недоумевал, кто или что может быть Тонкс: дневник или памятная книжка.

Миссис Винсент позвонила; вошла служанка, впустившая Роберта.

– Попросите мисс Тонкс зайти ко мне, – сказала она.

Не прошло и пяти минут, как появилась мисс Тонкс. У нее был холодный неприветливый вид, и казалось, она принесла морозный воздух в складках своего темного шерстяного платья. У нее не было определенного возраста, она выглядела так, как будто не была молодой, но никогда и не состарится, а будет вечно работать в привычной колее, как автоматическая машина для обучения юных леди.

– Тонкс, моя дорогая, – без церемоний начала миссис Винсент, – этот джентльмен родственник мисс Грэхем. Ты не помнишь, когда она приехала к нам на Кресцент-Вилла?

– Она приехала в августе пятьдесят четвертого года, – ответила мисс Тонкс. – Я думаю, это было восемнадцатого ав-

густа, но не вполне уверена, что не семнадцатого. Я помню, это был вторник.

– Спасибо, Тонкс, ты просто бесценное сокровище, – воскликнула с улыбкой миссис Винсент.

Возможно, именно из-за своей бесценной природы мисс Тонкс не получала вознаграждения от своей работодательницы в течение последних трех или четырех лет. Миссис Винсент могла сомневаться: платить ли ей, только из презрения к скудному жалованью, несопоставимому с достоинствами учительницы.

– Чем еще Тонкс или я можем быть вам полезны, мистер Одли? – спросила школьная наставница. – У Тонкс память гораздо лучше, чем у меня.

– Не могли бы вы сказать мне, откуда мисс Грэхем приехала к вам? – спросил Роберт.

– Не уверена, – ответила миссис Винсент. – Я смутно помню, мисс Грэхем говорила что-то о морском побережье, но не сказала, где это, или же я забыла. Тонкс, мисс Грэхем говорила вам, откуда приехала?

– О нет! – ответила мисс Тонкс, со значением покачав своей суровой маленькой головой. – Мисс Грэхем ничего не рассказывала мне, она слишком умна для этого. Она умела хранить свои секреты, несмотря на невинную внешность и вьющиеся локоны, – язвительно добавила мисс Тонкс.

– Так вы думаете, у нее были секреты? – в нетерпении спросил Роберт.

– Я знаю, – с ледяной решительностью ответила мисс Тонкс, – всевозможные секреты. Я бы не стала нанимать такого человека в качестве младшей учительницы в солидную школу без единой рекомендации.

– Значит, мисс Грэхем не представила ни одной рекомендации? – спросил Роберт, обращаясь к миссис Винсент.

– Нет, – ответила леди, немного смутившись, – я не настаивала. Мисс Грэхем не поднимала вопроса об оплате; самое меньшее, что я могла сделать, – не спрашивать рекомендацию. Она сказала, что поссорилась со своим отцом и ушла из дома. Она желала жить отдельно. По ее словам, она так много перенесла, несмотря на свою молодость. Как я могла потребовать рекомендацию в подобных обстоятельствах? Особенно когда увидела, что она совершенная леди. Вы знаете, что Люси Грэхем была подлинной леди, Тонкс, и очень нехорошо с вашей стороны говорить, что я взяла ее без рекомендации.

– Когда у людей появляются любимчики, их обычно обманывают, – ответила мисс Тонкс с ледяной нравоучительностью, безо всякого отношения к предмету спора.

– Она никогда не была моей любимицей, ревнивая вы Тонкс, – заметила с упреком миссис Винсент, – я никогда не говорила, что она приносит такую же пользу, как и вы, дорогая. Вы это знаете.

– О нет! – бесчувственно ответила мисс Тонкс. – Вы никогда не говорили, что она полезна. Она лишь служила укра-

шением – ее показывали гостям да просили побренчать на пианино.

– Так вы не можете мне дать никакой нити к прошлому мисс Грэхем? – спросил Роберт, переводя взгляд с директрисы на учительницу.

Он прекрасно видел, что мисс Тонкс имела зуб против Люси Грэхем: даже время не смягчило этой ревнивой зависти. «Если эта женщина знает что-либо предосудительное о госпоже, она обязательно скажет, – подумал он. – И даже очень охотно».

Но оказалось, мисс Тонкс ничего не знает, за исключением того, что мисс Грэхем жаловалась, что к ней плохо относились, она была обманута подлой половиной человечества и незаслуженно пострадала, столкнувшись с бедностью и лишениями. Больше этого мисс Тонкс ничего сказать не могла, и Роберт скоро понял, что ее скудная информация истощилась.

– У меня есть еще только один вопрос, – сказал он наконец. – Оставила ли мисс Грэхем какие-нибудь книги или безделушки, хоть что-нибудь, когда покидала ваше заведение?

– Это мне неизвестно, – ответила миссис Винсент.

– Да, – резко воскликнула мисс Тонкс. – Она кое-что оставила. Коробку. Она наверху в моей комнате. Я держу в ней старую шляпку. Не желаете взглянуть на нее? – спросила она, обращаясь к Роберту.

– Если вы будете так добры, что позволите мне... – отве-

тил он. – Мне бы очень хотелось увидеть ее.

– Я принесу ее, – сказала мисс Тонкс. – Она небольшая.

Она выбежала из комнаты прежде, чем мистер Одли успел вежливо возразить.

«Как безжалостны эти женщины друг к другу, – подумал он. – Вот эта интуитивно чувствует, что за моими вопросами таится угроза для другой. Она чует опасность и радуется ей, и делает все возможное, чтобы помочь мне. Что это за мир, и как эти женщины забирают жизнь из наших рук. Элен Мэлдон, леди Одли, Клара Толбойс и теперь мисс Тонкс – вся женская половина человечества от начала и до конца».

Мисс Тонкс вернулась, когда молодой адвокат все еще размышлял о бесчестном поведении ее пола. Она принесла полуразвалившуюся оклеенную бумагой шляпную коробку.

Мистер Одли склонился, чтобы рассмотреть кусочки железнодорожных ярлыков, повсюду наклеенных на коробке. Ее изрядно потрепало на различных железнодорожных линиях, она явно много путешествовала. Многие ярлыки были содраны, остались лишь клочки, и на одном желтом кусочке бумаги Роберт прочитал: «Тури...»

«Коробка побывала в Италии, – решил он. – Это первые четыре буквы слова Турин, и ярлык иностранный».

Единственным направлением, которое не было стерто или оторвано, было последнее, на котором стояло имя мисс Грэхем, пассажирки до Лондона. Посмотрев на ярлык внимательнее, мистер Одли обнаружил, что он наклеен на другой.

– Не будете ли вы так добры дать мне немного воды и губку? – попросил он. – Я хочу снять верхнюю наклейку. Поверьте, у меня есть основания действовать подобным образом.

Мисс Тонкс выбежала из комнаты и почти тотчас вернулась с миской воды и губкой.

– Я сниму наклейку? – спросила она.

– Нет, благодарю вас, – холодно ответил Роберт. – Я могу сам это прекрасно сделать.

Он несколько раз намочил верхний ярлык, прежде чем отклеились края бумаги, и после двух или трех осторожных попыток влажная бумага без повреждений отклеилась, под ней был какой-то адрес.

Мисс Тонкс так и не удалось прочесть адрес из-за спины Роберта, хотя она продемонстрировала большое проворство, пытаясь сделать это.

Мистер Одли повторил те же операции с нижним ярлыком, который он также отклеил от коробки и очень осторожно положил между двумя чистыми листами своей записной книжки.

– Не буду вас больше беспокоить, – промолвил он. – Я чрезвычайно обязан вам за ту информацию, что вы мне предоставили. Всего хорошего.

Миссис Винсент улыбнулась и кивнула, пробормотав какие-то благодушные общепринятые фразы об удовольствии, которое она получила от визита мистера Одли. Мисс Тонкс,

более наблюдательная, не отрывала глаз от лица молодого человека, побелевшего, как полотно, когда он отклеил верхний ярлык, с коробки.

Роберт медленно шел от коттеджа «Акация». «Если то, что я обнаружил сегодня, не является уликой для суда присяжных, – подумал он, – то этого наверняка достаточно, чтобы убедить моего дядю в том, что он женился на коварной и бесчестной женщине».

Глава 2. Попробуем с другого конца

Роберт Одли медленно брел через рошу под голыми, не дающими тени деревьями серым февральским днем и думал о только что сделанном им открытии.

«В моей записной книжке, – размышлял он, – находится то, что образует связующее звено между женщиной, о чьей смерти прочитал Джордж Толбойс в „Таймс“ и хозяйкой дома моего дяди. История Люси Грэхем резко обрывается на пороге школы миссис Винсент. Она вошла в это заведение в августе 1854 года. Директриса и ее помощница могут подтвердить мне это, но они не могут сказать, откуда она приехала. Они не могут дать мне ни одной зацепки к секретам ее жизни со дня рождения и до того момента, когда она вошла в этот дом. Я не в состоянии продвинуться хоть немного вперед в расследовании прошлого госпожи. Что же мне следует делать, если я хочу сдержать обещание, данное Кларе Толбойс?».

Он прошел еще несколько шагов, обдумывая этот вопрос, с лицом более темным и мрачным, чем сгущавшиеся вокруг него зимние сумерки, и тяжестью на сердце.

«Мой долг достаточно ясен, – думал он, – он не становится менее ясным из-за своей мучительности или из-за того, что заставляет меня нести с собой разрушение и горе в дом, который я люблю. Мне нужно начать с другого конца и вы-

яснить историю Элен Толбойс со времени отъезда Джорджа и до дня похорон на кладбище в Вентноре».

Мистер Одли остановил проезжавший мимо двухколесный экипаж и отправился назад в свою квартиру.

Он приехал на Фигтри-Корт как раз вовремя, чтобы написать несколько строк мисс Толбойс и успеть отправить письмо до шести часов.

«Это сэкономит мне день», – подумал он, направляясь на почту со своим коротким посланием.

В письме он спрашивал у Клары Толбойс название маленького портового городка, в котором Джордж встретил капитана Мэлдона и его дочь; несмотря на довольно близкие отношения между двумя молодыми людьми, Роберт Одли почти не знал подробностей о краткой супружеской жизни своего друга.

С того момента, как Джордж Толбойс прочитал объявление о смерти своей жены в «Таймс», он избегал любого упоминания о нежной истории, что была так жестоко прервана.

В этой короткой истории было так много муки! Какие горькие угрызения совести мучили его при воспоминании о том, как он покинул ее, что было жестоко по отношению к ней, все ждавшей и ждавшей его. Роберт Одли понимал это и не удивлялся молчанию своего друга. Они старались не говорить об этой печальной истории, и Роберт совершенно ничего не знал о том единственном годе в жизни своего школьного товарища, как будто они никогда не жили вместе

в уютных апартаментах Темпла.

На письме, написанном мисс Толбойс ее братом Джорджем через месяц после женитьбы, стоял штемпель Хэрроугейт. Исходя из этого, Роберт пришел к выводу, что именно в Хэрроугейте молодая пара провела медовый месяц.

Роберт Одли попросил Клару Толбойс телеграфировать ответ на его вопрос, чтобы не терять день в расследовании, какое он обещал ей провести.

Ответ телеграфом пришел на Фигтри-Корт еще до двенадцати часов дня на следующий день.

Название портового городка было Уайлденси, в Йоркшире.

Не прошло и часа с момента получения послания, как мистер Одли уже приехал на станцию Кинг-кросс и взял билет до Уайлденси на экспресс, отправлявшийся без пятнадцати два.

Паровоз с пронзительным гудком умчал его в печальное путешествие на север мимо пустынных лугов и голых полей, слегка подернутых зеленью молодых побегов. Эта северная дорога была незнакома молодому адвокату, и широкие просторы зимнего пейзажа привели его в уныние, наполняя чувством полного одиночества. Ничто не радовало его глаз, так как он все время помнил о цели своей поездки; перед его беспокойным мысленным взором все время стояла еще более мрачная картина.

Стемнело, когда поезд доехал до конечной станции Галл,

но путешествие мистера Одли не было закончено. Среди толпы носильщиков и груд нелепого разнородного багажа, которым путешественники обременяют себя, его провели, сбитого с толку и сонного, на другой поезд, который должен был доставить его на другую железнодорожную ветку, проходящую мимо Уайлденси и идущую вдоль берега моря.

Полчаса спустя Роберт уже почувствовал в ветерке, дующем в открытое окно вагона, соленую свежесть моря, и через час поезд остановился на наводящей уныние станции, построенной посреди пустыни песка и населенной двумя или тремя мрачными служащими, один из которых звонил в резко лязгающий звонок, когда прибыл поезд.

Мистер Одли был единственным пассажиром, сошедшим на этой унылой станции. Поезд унесся дальше, к более веселым местам, прежде чем адвокат успел привести в порядок свои растрепанные чувства и взять чемодан, который был с большим трудом обнаружен в черной пещере багажного отделения, освещенной лишь одним фонарем.

«Интересно, чувствовали себя поселенцы в лесной глуши Америки так же одиноко, как и я сегодня вечером?» – подумал он, беспомощно озираясь в темноте.

Он подозвал одного из служащих и показал на свой чемодан.

– Не отнесете ли вы его в ближайшую гостиницу? – попросил он. – То есть если я могу получить там хорошую комнату.

Человек рассмеялся, взваливая чемодан себе на плечо.

– Вы можете получить хоть тридцать комнат, сэр, если пожелаете, – сказал он. – В это время года в Уайлденси не слишкомлюдно. Прошу вас сюда, сэр.

Носильщик открыл деревянную дверцу, и Роберт Одли очутился на широкой лужайке для игры в шары, покрытой гладко подстриженной травой, которая окружала огромное квадратное здание, темным силуэтом вырисовывавшееся перед ним в зимней ночи; лишь два освещенных окна оживляли эту твердыню: они находились вдали друг от друга и мерцали красным светом, словно маяки во тьме.

– Это гостиница «Виктория», сэр, – сказал носильщик. – Вы не поверите, но летом у нас здесь толпы народа.

При виде голой лужайки, пустых деревянных беседок и темных окон гостиницы было и вправду довольно трудно поверить, что в теплые летние дни здесь веселились люди; но Роберт Одли готов был поверить во все, что скажет ему носильщик, и смиренно проследовал за своим гидом к маленькой двери с торца большого отеля, которая вела в удобный бар, где более скромным летним отдыхающим предлагались освежающие напитки по их карману, и где не нужно было проходить сквозь строй чопорных, затянутых в белые жилеты официантов у главного входа.

Но в ненастном феврале осталось немного обслуживающего персонала, и хозяин гостиницы сам впустил Роберта в мрачную пустыню полированных столов из красного дерева

и стульев, обитых материей из конского волоса, называемую комнатой для кофе.

Мистер Одли уселся поближе к широкой каминной решетке и вытянул свои усталые ноги на коврик у камина, пока хозяин разворошил кочергой огромную кучу углей и красное пламя с ревом устремилось в трубу.

– Если вы желаете отдельную комнату, сэр... – начал хозяин.

– Нет, благодарю вас, – ответил Роберт безразличным тоном, – эта комната меня вполне устраивает сейчас. Я буду вам чрезвычайно обязан, если вы закажете мне баранью отбивную и пинту шерри.

– Разумеется, сэр.

– И я буду вам еще более обязан, если прежде вы уделите мне несколько минут для беседы.

– С огромным удовольствием, сэр, – ответил хозяин. – В это время года у нас так мало жильцов, что мы рады угождать джентльменам, посещающим нас. Любая информация, какую я могу предоставить вам относительно окрестностей Уайлденси и его достопримечательностей, – добавил он, машинально цитируя небольшой карманный путеводитель по курорту, – я буду просто счастлив...

– Но я не желаю ничего узнать об окрестностях Уайлденси, – перебил его Роберт, слабо сопротивляясь разговорчивости хозяина. – Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов о людях, которые когда-то здесь жили.

Хозяин поклонился и улыбнулся, всем своим видом выражая готовность рассказать наизусть биографии всех жителей небольшого приморского городка, если бы этого пожелал мистер Одли.

– Сколько лет вы здесь живете? – спросил Роберт, вынимая из кармана свою записную книжку. – Вас не будет раздражать, если я запишу ваши ответы?

– Вовсе нет, сэр, – ответил хозяин с напыщенной торжественностью и важностью. – Могу предоставить вам любую информацию, какая может оказаться для вас предельно ценной...

– Да, благодарю вас, – пробормотал Роберт, прерывая этот поток слов. – Вы жили здесь в течение...

– Шести лет, сэр.

– С пятьдесят третьего года?

– С ноября пятьдесят второго, сэр. До этого у меня было свое дело в Галле. Дом был достроен в октябре, прежде чем я въехал сюда.

– Вы не помните морского лейтенанта, в то время, я полагаю, на половинном жалованье, по имени Мэлдон?

– Капитан Мэлдон, сэр?

– Да, обычно его называли капитан Мэлдон. Я вижу, вы хорошо его помните.

– Да, сэр. Капитан Мэлдон был один из наших постоянных клиентов. Он обычно проводил вечера в этой самой комнате, хотя в то время стены были сырые, и мы не могли окле-

ить их почти в течение двенадцати месяцев. Его дочь вышла замуж за молодого офицера, приехавшего сюда со своим полком под Рождество пятьдесят второго. Они поженились здесь, сэр, почти шесть месяцев путешествовали в Европе, и потом вернулись сюда. Но джентльмен уехал в Австралию, покинул даму через неделю или две после того, как родился ребенок. Этот случай наделал здесь, в Уайлденси много шума, сэр, и миссис... миссис... забыл ее имя...

– Миссис Толбойс, – подсказал Роберт.

– Точно, миссис Толбойс. Все в Уайлденси очень сочувствовали миссис Толбойс, сэр, она была очень хорошенькая и такая обаятельная, что все любили ее.

– Вы не могли бы мне сказать, как долго мистер Мэлдон и его дочь оставались в Уайлденси после того, как мистер Толбойс покинул их? – спросил Роберт.

– Ну... нет, сэр, – ответил хозяин после минутного размышления. – Не могу сказать точно, когда это было. Я помню, как мистер Мэлдон часто сидел здесь, в этой самой гостиной, и рассказывал, что был обманут молодым человеком, которому так доверял, но не могу сказать, сколько времени прошло, прежде чем он уехал из Уайлденси. Но миссис Бакэмб может сказать вам, сэр, – живо добавил он.

– Миссис Бакэмб?

– Да, миссис Бакэмб принадлежит номер семнадцать Северных коттеджей – дом, в котором жили мистер Мэлдон и его дочь. Она неплохая, порядочная женщина, сэр, и я уве-

рен, она расскажет вам все, что вы хотите узнать.

– Спасибо, я зайду завтра к миссис Бакэмб. Погодите – еще один вопрос. Вы бы узнали миссис Толбойс, если бы увидели?

– Конечно, сэр. Так же, как свою собственную дочь.

Роберт записал адрес миссис Бакэмб в свою записную книжку, съел в одиночестве обед, выпил пару стаканчиков шерри, выкурил сигару и удалился в приготовленную для него комнату, где уже был затоплен камин.

Он быстро заснул, устав от поездок с места на место за последние два дня, но сон его был чуток: он слышал безутешное завывание ветра на песчаных пустошах и как волны монотонно набегали на берег. Смешавшись с этими унылыми звуками, печальные мысли, вызванные этим безрадостным путешествием, проходили нескончаемой чередой в его сонном мозгу и превращались в видения, которые никогда не бывали, да и не могли существовать в реальности, но которые все же имели неуловимую связь с настоящими событиями.

В этих тревожных снах он видел Одли-Корт, вырванный с корнем с зеленых пастбищ и тенистых изгородей Эссекса и стоящий одиноко, открытый всем ветрам на этом пустынном северном берегу, которому угрожало быстро накатывающееся на него бурное море, чьи волны поднимались, чтобы сокрушить так любимый им дом. Пока бурные волны подкатывались все ближе и ближе к величественному особняку,

спящий увидел бледное, сияющее как звезда лицо, выглядывающее из серебристой пены волн, и знал, что это госпожа, превратившаяся в русалку и зовущая его дядю к гибели. Над этим бушующим морем огромные тучи, чернее самой непроглядной ночи, опускались на глаза спящего; но на горизонте штормовые тучи медленно рассеивались, и в темноте из узкого разрыва облаков полился луч света на страшные волны, которые медленно, очень медленно, начали отступать, оставив старый особняк невредимым и твердо стоящим на берегу.

Роберт проснулся, хорошо помня этот сон, и с ощущением физического облегчения, как будто тяжесть, давившая на него всю ночь, была снята с его груди.

Он заснул снова и проснулся, когда из-за ставней выглянул зимний солнечный луч и пронзительный голос горничной у двери провозгласил, что уже половина девятого. Без четверти десять он покинул гостиницу «Виктория» и отправился вдоль пустынной платформы и ряда домов, стоящих лицом к морю.

Ряд тяжеловесных прочных квадратных жилищ протянулся к небольшой гавани, в которой стояли на якоре два-три торговых судна и пара угольщиков. За гаванью на холодном горизонте виднелись серые мрачные казармы, отделенные от домов Уайлденси узким заливом, через который был перекинут железный разводной мост. Алая форма часового, шагающего туда и обратно между двумя орудиями, была един-

ственным ярким пятном, оживлявшим серые каменные дома и свинцовое море.

На одной стороне гавани длинный каменный мол простирался далеко в глубь сурового одиночества моря, как будто построенный для жилья какого-нибудь современного Тимона, человеконенавистничество которого не могла удовлетворить даже уединенность Уайлденси, и мечтающего забраться еще дальше от своих собратьев людей.

Именно на этом пирсе Джордж Толбойс впервые повстречал свою жену, под сияющим солнечным небом и под музыку оркестра. Именно здесь молодой корнет впервые поддался сладкому обману роковой страсти, которая имела такое мрачное воздействие на его последующую жизнь.

Роберт с гневом смотрел на уединенный морской курорт – захудалый порт.

«Именно такое место, – думал он, – губит сильного человека. Он приезжает сюда с чистым сердцем, встречавший женщин лишь на выставках цветов да на балах; знающий о них не больше, чем о спутниках далеких планет; со смутным представлением, что женщина – это какой-то крутящийся волчок в розовом или голубом газе, или изящный манекен для демонстрации изделий модистки. Он приезжает в какое-нибудь местечко, вроде этого, и вся вселенная неожиданно сужается до полудюжины акров; громада мироздания уменьшается до шляпной коробки. Далекие создания, проплывавшие вокруг него, прекрасные и смутные, оказались у

него под носом, и прежде чем он успел опомниться – вот вам, пожалуйста! Колдовство началось: вокруг него очерчен магический круг, формула волшебных чар в действии, и жертва уже не в силах скрыться, как принц на мраморных ногах в восточной сказке».

Размышляя подобным образом, Роберт добрался до дома, где, как ему сказали, проживала миссис Бакэмб.

Чопорная пожилая служанка сразу же провела его в гостиную, такую же суровую и старомодную, как и она сама. Миссис Бакэмб, почтенная матрона около шестидесяти лет, сидела в кресле у яркого огня за каминной решеткой. Старый терьер, чья черновато-коричневая шкурка изрядно облезла, уютно устроился на коленях миссис Бакэмб.

«Мне бы хотелось пожить здесь, – подумал Роберт, – и смотреть, как серое море набегает на серый песок под спокойным серым небом. Я бы жил здесь и читал молитвы, перебирая четки, раскаивался и отдыхал».

Он уселся в кресло напротив миссис Бакэмб по приглашению леди, и положил шляпу на пол. Старенький терьер сполз с коленей своей хозяйки, чтобы полаять и таким образом выразить протест против шляпы.

– Вы желаете, сэр, я полагаю, снять – тихо, Дэш! – один из коттеджей, – предположила миссис Бакэмб, чьи мысли текли лишь в одном направлении и чья жизнь за последние двадцать лет неизменно состояла из сдачи домов внаем.

Роберт Одли объяснил цель своего визита.

– Я пришел, чтобы задать один простой вопрос, – сказал он в заключение. – Я желал бы выяснить точную дату отъезда миссис Толбойс из Уайлденси. Хозяин отеля «Виктория» сообщил мне, что вы, вероятно, сможете предоставить мне эту информацию.

Миссис Бакэмб немного подумала.

– Я могу сообщить вам дату отъезда капитана Мэлдона, – сказала она, – так как он уехал из семнадцатого номера, значительно мне задолжав. По этому делу сохранились бумаги. Что же касается миссис Толбойс...

Миссис Бакэмб немного помедлила, прежде чем продолжить.

– Вы знаете, что миссис Толбойс уехала неожиданно?

– Я не знал об этом.

– В самом деле! Да, она уехала неожиданно, бедная женщина! Она пыталась зарабатывать на жизнь уроками музыки, когда муж покинул ее; она блестящая пианистка, и я думаю, ей вполне это удалось. Но полагаю, что отец забирал у нее деньги и тратил их в трактирах. Как бы там ни было, однажды вечером у них произошла крупная ссора и на следующее утро миссис Толбойс покинула Уайлденси, оставив своего маленького мальчика с няней по соседству.

– Но вы не можете сказать мне дату ее отъезда?

– Боюсь, что нет, – ответила миссис Бакэмб, – но все же... погодите. Капитан Мэлдон писал мне в тот день, когда уехала его дочь. Бедный старый джентльмен был в отчаянии, и

он всегда приходил ко мне со своими тревогами. Если бы я нашла это письмо, оно могло быть датировано, не правда ли?

Мистер Одли заметил, что это вполне вероятно.

Миссис Бакэмб подошла к столику у окна, на котором стояла старомодная конторка из красного дерева, покрытая зеленым покрывалом и битком набитая документами, торчавшими из всех щелей. Письма, рецепты, счета, описи и налоговые бумаги безнадежно смешались, и в этой куче миссис Бакэмб начала искать письмо капитана Мэлдона.

Мистер Одли терпеливо ожидал, наблюдая, как серые облака плывут по серому небу, а серые корабли скользят по серой глади моря.

После десятиминутных поисков миссис Бакэмб издала победный возглас.

– Я нашла его, – промолвила она, – и в нем есть записка от миссис Толбойс.

Лицо Роберта Одли вспыхнуло, когда он протянул руку, чтобы взять бумагу.

«Человек, укравший любовные письма Элен Мэлдон из сундука Джорджа в моей квартире, мог бы не утруждаться», – подумал он.

Письмо старого лейтенанта не было длинным, почти каждое второе слово было подчеркнуто.

«Мой великодушный друг, – начиналось письмо (мистер Мэлдон не раз испытал щедрость леди во время проживания в ее доме, редко платя квартплату, пока в

дело не вмешался маклер). – Я в *глубоком отчаянии*. Моя дочь *покинула меня!* Можете представить себе мои *чувства!* Мы *немного поговорили вчера о денежных делах*, в чем мы всегда с вами *расходились*, и, поднявшись сегодня утром, я обнаружил, что *покинут!* Прилагаемая мной записка от Элен лежала на столе в гостиной.

Ваш в горе и отчаянии

Генри Мэлдон.

Северные коттеджи, 16 августа 1854 г.».

Записка от миссис Толбойс была еще короче:

«Я устала и хочу начать новую жизнь. Я уйду в мир, отрываясь от всего, что связывало меня с ненавистным прошлым, чтобы искать другой дом и другую судьбу. Простите меня, если я бывала раздражительной, капризной, изменчивой. Вы должны простить меня, потому что знаете, *почему* я такая. Вы знаете тайну, которая является ключом ко всей моей жизни.

Элен Толбойс».

Эти строчки были написаны почерком, который Роберт Одли знал слишком хорошо.

Он долго сидел, молчаливо размышляя над письмом, написанным Элен Толбойс.

Что означали последние два предложения: «Вы должны простить меня, потому что знаете, *почему* я такая. Вы знаете тайну, которая является ключом ко всей моей жизни»?

Он напряженно думал, пытаясь найти разгадку этих слов. Он ничего не мог припомнить, не мог представить ничего, что пролило бы свет на их значение. Дата отъезда Элен, судя по письму мистера Мэлдона, была 16 августа 1854 года. Мисс Тонкс заявила, что Люси Грэхем появилась в школе на Кресцент-Вилла между 17 и 18 августа того же года. Между отъездом Элен Толбойс из курорта в Йоркшире и прибытием Люси Грэхем в школу в Бромптоне прошло не более 28 часов. Это, возможно, составляло очень короткое звено в цепи косвенных улик, по тем не менее это было звено, и оно точно укладывалось на свое место.

– Имел ли мистер Мэлдон известия от своей дочери после того, как она уехала из Уайлденси? – спросил Роберт.

– Я думаю, что да, – ответила миссис Бакэмб, – но я не видела этого джентльмена с того августа. Я вынуждена была продать его имущество с торгов, так как он, бедняга, задолжал мне плату за пятнадцать месяцев; и только продав жалкие остатки его обстановки, он смог выселиться. Мы расстались хорошими друзьями, несмотря на то, что я послала к нему маклеров, и старый джентльмен уехал в Лондон с ребенком, которому едва исполнилось двенадцать месяцев.

Миссис Бакэмб больше нечего было добавить, а у Роберта больше не было вопросов. Он попросил разрешения взять с собой оба письма, написанные лейтенантом и его дочерью, и положив их в карман, ушел.

Он сразу же вернулся в гостиницу, где попросил распи-

сание поездов. Экспресс до Лондона отправлялся из Уайлденси в четверть второго. Роберт отослал свой чемодан на станцию, заплатил по счету и прогуливался по набережной в ожидании поезда.

«Я проследил истории Люси Грэхем и Элен Толбойс до пункта исчезновения, – думал он. – Следующая моя задача – раскрыть тайну женщины, похороненной на кладбище в Вентноре».

Глава 3. Укрытая в могиле

Вернувшись из Уайлденси, Роберт Одли обнаружил письмо от своей кузины Алисии.

«Папе гораздо лучше, – писала юная леди, – и он очень хочет, чтобы ты приехал в Корт. По какой-то необъяснимой причине мачеха вбила себе в голову, что твое присутствие весьма желательно и замучила меня своими легкомысленными вопросами о твоем местопребывании. Ради бога, приезжай без промедления и успокой их.

Твоя любящая кузина А. О.»

«Итак, госпожа обеспокоена, куда я езжу, – размышлял Роберт Одли, сидя в одиночестве у камина и куря сигару. – Она беспокоится, задает вопросы падчерице в своей очаровательной детской манере с чарующим невинным легкомыслием. Бедное маленькое создание, несчастная маленькая золотоволосая грешница; сражение между нами кажется таким неравным. Почему она не скроется, пока еще есть время? Я честно предупредил ее, открыл свои карты, и действовал достаточно открыто в этом деле, видит бог. Почему она не спасается бегством?»

Он снова и снова задавал себе этот вопрос, набивая свою пенковую трубку и окружая себя голубым облаком дыма, пока не стал казаться каким-то современным чародеем, колду-

ющим в своей лаборатории.

«Почему она не сбежит? Я бы ни за что не навлек позора на этот дом. Я бы только исполнил свой долг по отношению к своему пропавшему другу и храброму великодушному человеку, давшему торжественное обещание недостойной женщине. Видит бог, у меня нет желания наказывать. Бог свидетель, я появился на свет не для того, чтобы мстить за грехи или преследовать виновных. Я хочу только исполнить свой долг. Я сделаю ей еще одно предупреждение, открыто и честно и тогда...».

Его мысли унеслись к этому мрачному будущему, в котором он не видел ни одного светлого луча, осветившего бы тьму неизвестности, что перекрыла ему все пути, кроме одного, и окутала его со всех сторон плотным занавесом, через который надежда была бессильна проникнуть. Его постоянно преследовало видение страданий его дяди, мучила мысль о крушении и горе, которые ему суждено принести в его дом и казавшихся поэтому делом его рук. Но среди всего этого Клара Толбойс властным жестом звала его вперед, к неизвестной могиле своего брага.

«Ехать ли мне в Саутгемптон, – раздумывал он, – и попытаться выяснить, кто был похоронен в Вентноре? Продолжать ли мне расследование, подкупая презренных помощников в том бесчестном заговоре, пока я не выйду на трижды виновного главаря? Нет! Сначала я испробую другие способы узнать правду. Поехать ли мне к тому несчастному ста-

рику и обвинить его в соучастии в постыдном обмане, злой шутке, которую сыграли с моим бедным другом? Нет, я не буду мучить запуганного беднягу, как я это делал несколько недель назад. Я отправлюсь прямо к лукавой заговорщице и сорву прекрасную вуаль, под которой она скрывает свое злонаравие, и вырву у нее тайну моего друга и навсегда изгоню ее из дома, который ее присутствие оскверняет».

Он отправился в Эссекс рано утром на следующий день и добрался до Одли около 11 часов.

Несмотря на ранний час, госпожи не было дома. Она уехала за покупками в Челмсфорд вместе со своей падчерицей. Она должна была также нанести несколько визитов в городе и вряд ли вернется раньше обеда. Здоровье сэра Майкла значительно улучшилось, он спустится вниз после обеда. Пройдет ли мистер Одли в комнату дяди?

Нет, у Роберта не было желания встретиться с этим великодушным аристократом. Что он мог ему сказать? Как мог отвлечь беду, что так неумолимо надвигалась? Как смягчить ему жестокий удар, готовившийся для этого доверчивого и благородного сердца?

«Если бы я и мог простить ее за зло, причиненное моему другу, – думал Роберт, – я все равно буду ненавидеть ее за те горести, которые ее вина навлечет на человека, верившего в нее».

Роберт сказал слуге своего дяди, что прогуляется в дерев-

ню и вернется к обеду. Он медленно побрел от Корта через луга между домом дяди и деревней с большой тревогой и растерянностью в душе, наложившими отпечаток на его лицо.

«Я пойду на кладбище, – решил он, – и буду смотреть на могильные камни. Ничто не омрачит меня больше, чем я есть».

Роберт был в тех самых лугах, через которые он спешил из Одли-Корта на станцию в тот сентябрьский день, когда исчез Джордж Толбойс. Он взглянул на дорожку, по которой шел в тот день, и вспомнил, как непривычно спешил он и смутное чувство ужаса, охватившего его сразу же, как только исчез Джордж.

«Почему меня охватил тот необъяснимый страх? – думал он. – Почему я почувствовал странную тайну в исчезновении друга? Было ли это предостережением или мономанией? А что, если я не прав? Что, если цепочка улик, которую я собирал по звеньям, сплетена из моей глупости? Что, если это здание ужаса и подозрения всего лишь собрание причуд – нервические фантазии страдающего ипохондрией холостяка? Мистер Харкот Толбойс не усмотрел ничего в событиях, из которых я создал страшную тайну. Я разложил перед ним отдельные звенья цепи, и он не признает их соответствия. Он не может собрать их воедино. – Он горько улыбнулся и покачал головой. – В моей записной книжке образец почерка, который является доказательством этого заговора. Мне

остаётся только раскрыть темную сторону секрета госпожи».

Он не пошел в деревню, остался в лугах. Церковь располагалась немного позади широко раскинувшейся Хай-стрит, тяжелые деревянные ворота вели с церковного двора на широкий луг, окруженный журчащим ручьем и спускавшийся в долину, поросшую густой травой, где паслись коровы.

Роберт не спеша поднялся по узкой дорожке, ведущей к воротам на церковный двор. Тишина безлюдного пейзажа соответствовала его мрачному настроению. Одинокая фигура старика, ковыляющего к перелазу через изгородь на дальнем конце широкого луга, была единственным живым существом, которое видел молодой человек на обозримом пространстве. От разбросанных домов на длинной Хай-стрит медленно поднимался дымок, что было единственным свидетельством человеческой жизни. Медленное движение стрелок на старых церковных часах служило единственным признаком, по которому путешественник мог догадаться, что медлительный ход деревенского времени в деревне Одли еще полностью не остановился.

Да, был еще и другой знак. Когда Роберт открывал ворота церкви и бесшумно входил за маленькую ограду, до него донеслось торжественное звучание органа, хорошо слышное через полуоткрытое окно колокольни.

Он остановился и начал слушать торжественные звуки задумчивой мелодии, звучавшие как импровизация превосходного исполнителя.

«Кто бы поверил, что в церкви Одли может быть такой орган? – подумал Роберт. – Когда я был здесь в последний раз, местный учитель аккомпанировал детям лишь с помощью нескольких простых аккордов. Я никогда не думал, что старый орган может так звучать».

Он помедлил у ворот, не осмеливаясь нарушить очарование, навеянное печальной игрой органиста. Музыка органа, то нарастающая во всю мощь, то затухающая до низких шепчущих тонов, неслась к нему сквозь туманную зимнюю атмосферу, и благотворно воздействовала на него, утешая в тревоге.

Он мягко закрыл ворота и пересек небольшой кусочек земли, усыпанный гравием у дверей церкви. Дверь была оставлена открытой – возможно, органистом. Роберт Одли распахнул ее шире и вошел в квадратную крутую галерею, из которой узкая каменная лесенка, извиваясь, вела вверх на хоры и колокольню. Мистер Одли снял шляпу и открыл дверь между галереями и основным помещением церкви.

Он неслышно шагнул в священное здание, в котором в будние дни стоял сырой заплесневелый запах. Он прошел по узкому проходу к алтарю и оттуда оглядел церковь. Маленькая галерея была как раз напротив него, но тонкие зеленые занавеси перед органом были плотно задернуты, и он не мог увидеть играющего.

А звуки музыки продолжали плавно течь. Органист перешел на мелодию Мендельсона, мечтательная печаль которой

сразу же проникла в сердце Роберта. Он походил по разным закоулкам и укромным уголкам церкви, рассматривая полуразвалившиеся памятники почти забытым усопшим и слушая музыку.

«Если бы мой бедный друг Джордж Толбойс умер на моих руках, я бы похоронил его в этой тихой церкви, под сводами которой я ступаю сегодня. Скольких страданий, колебаний и мучений я мог бы избежать, – думал Роберт Одли, читая полустертые надписи на табличках из выцветшего мрамора. – Я должен узнать о его судьбе! Как много это дало бы мне. Именно эта злополучная неизвестность, это ужасное подозрение отравляет мне жизнь».

Он посмотрел на часы.

– Половина второго, – прошептал он. – Мне придется провести в ожидании еще четыре или пять мучительных часов, прежде чем госпожа вернется домой. Ее утренние визиты – ее церемонные дружеские визиты. Боже мой! Какая эта женщина актриса. Какая лукавая обманщица, законченная лгунья. Но она больше не будет играть своих комедий под крышей моего дяди. Я слишком долго вел себя как дипломат. Она отказалась внять моему косвенному предупреждению. Сегодня вечером я буду говорить открыто.

Звучание органа прекратилось, и Роберт услышал, как инструмент закрыли.

«Я посмотрю на этого нового органиста, – подумал он, – кто это может позволить себе похоронить свой талант в Од-

ли и играть чудесные фуги Мендельсона за жалование шестнадцать фунтов в год». Он помедлил возле крытой галереи, ожидая, пока органист спустится с шаткой маленькой лестницы. Уставший от тревожных мыслей и с перспективой провести в ожидании еще пять долгих часов, мистер Одли был рад отвлечься хоть ненадолго. Поэтому он позволил себе удовольствие удовлетворить свое любопытство относительно нового органиста.

Первым на крутых каменных ступеньках появился мальчик в плисовых штанах и темном холщовом халате, который тащился по лестнице, без нужды громыхая своими подбитыми гвоздями ботинками и с лицом, покрасневшим от дутья в мехи старого органа. Сразу же за мальчиком шла молодая леди, очень просто одетая в черное шелковое платье и большую серую шаль, которая вздрогнула и побледнела при виде мистера Одли.

Молодая леди была Клара Толбойс.

Изо всех людей на земле меньше всего ожидал и желал Роберт увидеть ее. Она сказала ему, что собирается навестить друзей, живущих в Эссексе, но графство большое, и деревня Одли одна из самых безвестных и уединенных.

То, что сестра его пропавшего друга оказалась здесь – здесь, где она могла следить за всеми его действиями и вывести из них тайную работу его ума, проследив его сомнения до их источника – все это увеличивало его трудности, чего он никак не ожидал. Это опять вернуло его к сознанию соб-

ственной беспомощности, и он мысленно воскликнул: «Более сильная рука манит меня вперед по темной дороге, ведущей к неизвестной могиле моего пропавшего друга».

Клара Толбойс заговорила первой.

– Вы удивлены, увидев меня здесь, мистер Одли, – промолвила она.

– Очень удивлен.

– Я говорила вам, что собираюсь в Эссекс. Я уехала из дома позавчера. Когда я уезжала, то получила ваше телеграфное послание. Подруга, у которой я остановилась, – миссис Мартин, супруга нового приходского священника в Маунт-Стэннинге. Сегодня утром я спустилась осмотреть деревню и церковь, и поскольку миссис Мартин должна посетить школы с викарием и его женой, я осталась здесь и поиграла на старом органе. Я даже не знала, пока не приехала сюда, что здесь есть деревня под названием Одли. Это местечко названо по фамилии вашей семьи, я полагаю?

– Я думаю, что это так, – ответил Роберт, удивляясь ее спокойствию, в отличие от собственного смущения. – Я смутно припоминаю историю какого-то предка, которого звали Одли из рода Одли в правление Эдуарда Четвертого. Могила за оградой у алтаря принадлежит одному из рыцарей Одли, но я никогда не старался запомнить его подвиги. Вы собираетесь ожидать здесь ваших друзей, мисс Толбойс?

– Да, они вернутся за мной на обратном пути.

– И вы вернетесь в Маунт-Стэннинг после полудня?

– Да.

Роберт стоял со шляпой в руке, рассеянно глядя на могилы и низкую ограду церковного двора. Клара Толбойс разглядывала его бледное лицо, осунувшееся от мрачной тени, что так долго на нем лежала.

– Вы были больны с тех пор, как я видела вас в последний раз, мистер Одли, – заметила она тихим голосом, в котором звучали те же печальные нотки, что и в старом органе от ее прикосновений.

– Нет, я не был болен, я был только обеспокоен, утомлен сотней сомнений и колебаний.

Он беседовал с ней, а сам думал: «О многом ли она догадывается? Много ли она подозревает?»

Он рассказал историю исчезновения Джорджа и собственных подозрений, умолчав об именах тех, кто имел отношение к этой тайне; но что, если эта девушка разгадает слабую маскировку и раскроет то, что он решил утаить?

Ее печальные глаза были прикованы к его лицу, и он знал, что она пытается прочесть его сокровенные мысли.

«Что я в ее руках? – думал он. – Что я в руках этой женщины, у которой лицо моего пропавшего друга и манеры Афины Паллады? Она читает в моей несчастной, нерешительной душе и выуживает мысли из моего сердца магией своих печальных темных глаз. Как неравна борьба меж нами, и разве могу я противостоять ее красоте и мудрости?»

Мистер Одли прочистил горло, собираясь попрощаться со

своей прекрасной собеседницей и сбежать из рабства ее присутствия в уединенные луга за церковью, когда Клара Толбойс остановила его, заговорив на ту самую тему, которой он так старался избежать.

– Вы обещали написать мне, мистер Одли, – промолвила она, – если обнаружите что-нибудь, что приблизит вас к тайне исчезновения моего брата. Вы не написали; я думаю поэтому, что вы ничего не нашли.

Роберт Одли хранил молчание. Как ему ответить на этот прямой вопрос?

– Цепь косвенных улик, которая связывает тайну вашего брата с особой, которую я подозреваю, – сказал он, помолчав, – построена из очень слабых звеньев. Я думаю, что добавил еще одно звено к этой цепи с тех пор, как встретился с вами в Дорсетшире.

– И вы отказываетесь рассказать мне, что обнаружили?

– Только до тех пор, пока я узнаю больше.

– Я поняла из вашего послания, что вы направляетесь в Уайлденси.

– Я был там.

– В самом деле! Значит, именно там вы что-то обнаружили?

– Да, – ответил Роберт. – Вы должно быть помните, мисс Толбойс, что единственное основание, на котором держатся мои подозрения, – это тождественность двух особ, между которыми нет явной связи, – идентичность особы, которая счи-

тается умершей, с одной живущей. Заговор, жертвой которого, как я полагаю, стал ваш брат, основывается на этом. Если его жена Элен Толбойс умерла тогда, когда об этом писали газеты; если женщина, похороненная на кладбище в Вентноре, действительно та самая женщина, чье имя начертано на надгробии – тогда дела нет, у меня нет ключа к тайне вашего брата. Я собираюсь проверить это. Думаю, что сейчас пора вести открытую игру, и я надеюсь, что скоро узнаю правду.

Он говорил тихим голосом, торжественность его слов выдавала напряжение чувств. Мисс Толбойс протянула руку и вложила ее в его ладонь. Холодное прикосновение этой хрупкой руки вызвало нервную дрожь в его теле.

– Вы не позволите судьбе моего брата остаться тайной, – спокойно промолвила она. – Я знаю, вы исполните свой долг по отношению к другу.

Когда Клара произносила эти слова, в церковный двор вошла жена приходского священника и два ее спутника. Роберт Одли пожал руку, лежащую на его ладони и поднес ее к губам.

– Я ленивый, праздный человек, мисс Толбойс, – сказал он, – но если бы я только мог возвратить вашего брата Джорджа к жизни и счастью, я бы без колебаний принес в жертву свои чувства. Боюсь, самое большое, что я могу сделать – это раскрыть тайну его судьбы, и совершая это, я должен пожертвовать теми, кто мне дороже всего на свете.

Он надел шляпу и поспешил прочь через ворота, ведущие

в поле, когда миссис Мартин подошла к крыльцу.

– Кто этот красивый молодой человек, который беседовал с тобой тет-а-тет, Клара? – спросила она, смеясь.

– Это некий мистер Одли, друг моего бедного брата.

– В самом деле! Не родственник ли он сэру Майклу Одли?

– Сэру Майклу Одли!

– Да, моя дорогая, это самое влиятельное лицо в приходе Одли. Но через день-другой мы нанесем визит в Корт и ты познакомишься с баронетом и его хорошенькой молодой женой.

– Его молодой женой! – повторила Клара Толбойс, пристально глядя на свою подругу. – Сэр Майкл Одли недавно женился?

– Да, он был вдовцом шестнадцать лет, и женился на бедной юной гувернантке около полутора лет назад. Это романтическая история, и леди Одли считается первой красавицей графства. Но пойдем, моя дорогая Клара, пони устал ожидать нас, и нам еще долго ехать.

Клара Толбойс уселась в маленьком открытом экипаже, ожидавшем их у главных ворот под присмотром того самого мальчика, который дул в мехи органа. Миссис Мартин встряхнула вожжами, и коренастая гнедая лошадка пустилась рысью в направлении Маунт-Стэннинга.

– Ты не расскажешь мне побольше об этой леди Одли, Фанни? – попросила мисс Толбойс после долгого молчания. – Мне хочется все узнать о ней. Ты знаешь ее девичье

имя?

– Да, она была мисс Люси Грэхем.

– И она очень хорошенькая?

– Да, очень хорошенькая. Хотя красота ее кукольная, у нее большие ясные голубые глаза и золотистые локоны, ниспадающие пушистым дождем на плечи.

Клара Толбойс молчала. Больше она не задавала вопросов о госпоже.

В ее голове звучал отрывок из письма, написанного Джорджем во время медового месяца: «Моя маленькая девочка-жена смотрит на меня, когда я пишу эти строки. О! Как я хочу, чтобы ты увидела ее, Клара! Ее глаза такие голубые и чистые, как небеса в яркий солнечный день, ее волосы обрамляют ее лицо словно бледно-золотистый ореол вокруг головы мадонны на итальянской картине».

Глава 4. В липовой аллее

Роберт Одли прогуливался по широкой лужайке перед Кортон, когда экипаж с госпожой и Алисией проехал под аркой и остановился у низенькой башенной дверцы. Мистер Одли подошел как раз вовремя, чтобы подать дамам руку и помочь им выйти из экипажа.

Госпожа выглядела очень хорошенькой в изящной голубой шляпке и соболях, которые племянник купил ей в Санкт-Петербурге. Она, казалось, очень рада видеть Роберта, и очаровательно улыбнулась, протягивая ему свою маленькую ручку, изысканно затянутую в перчатку.

– Ну, что, прогульщик, вернулись к нам? – сказала она, смеясь. – Теперь, когда вы снова с нами, мы вас никуда не отпустим. Мы не позволим ему опять убежать, не так ли, Алисия?

Мисс Одли презрительно вскинула голову, потряхнув своими тяжелыми локонами.

– Мне не о чем разговаривать с такой сумасбродной личностью, – промолвила она. – С тех пор, как Роберт Одли начал вести себя, как какой-то персонаж из немецких рассказов, преследуемый привидениями, я прекратила всякие попытки понять его.

Мистер Одли взглянул на свою кузину в комичном недоумении. «Она хорошая девушка, – подумал он, – но такая

зануда. Не знаю почему, но сейчас она стала еще большей занудой, чем раньше».

Он задумчиво подергал усы, размышляя над этим вопросом. Его мысли на какое-то время унеслись от тревог, чтобы остановиться на этом небольшом затруднении.

«Она милая, хорошая девочка, – думал он, – великодушная, благородная английская попрыгунья, и все же...» Он почти утонул в болоте сомнений и преград. В нем появилось что-то новое, чего он никак не мог понять, какая-то перемена, помимо той, что уже произошла в его характере и была вызвана тревогой за Джорджа Толбойса; и это озадачивало его и ставило в тупик.

– И где же вы блуждали в последнее время, мистер Одли? – спросила госпожа, задержавшись со своей падчерицей на пороге в ожидании, пока Роберт не отойдет в сторону и пропустит их. Молодой человек вздрогнул, когда она задала этот вопрос, и быстро взглянул на Люси. При виде ее яркой юной красоты и невинного детского личика что-то поразило его в самое сердце, и он смертельно побледнел.

– Я был... в Йоркшире, – ответил он, – в том небольшом курортном местечке, где мой бедный друг Джордж Толбойс жил во время своей женитьбы.

Изменившееся, побледневшее лицо госпожи было единственным признаком того, что она услышала его слова. Она улыбнулась слабой болезненной улыбкой и попыталась пройти мимо племянника.

– Мне нужно переодеться к обеду, – промолвила она. – Я приглашена на обед, мистер Одли, разрешите мне пройти.

– Я должен попросить вас уделить мне полчаса, леди Одли, – ответил Роберт негромко, – я приехал в Эссекс с целью поговорить с вами.

– О чем же? – спросила госпожа.

Она оправилась от потрясения, которое испытала за несколько мгновений до этого, и задала вопрос своим обычным тоном. На ее лице отразились скорее недоумение и любопытство озадаченного ребенка, чем серьезное удивление женщины.

– О чем вы можете говорить со мной, мистер Одли? – повторила она.

– Я скажу вам, когда мы будем одни, – тихо ответил Роберт, бросив взгляд на свою кухню, стоящую немного позади госпожи и наблюдающую за этой маленькой интимной беседой.

«Он влюбился в кукольную красоту моей мачехи, – решила про себя Алисия, – и именно из-за нее он стал таким несчастным субъектом. Он как раз относится к тому сорту людей, способных влюбиться в собственную тетку».

Мисс Одли прошла дальше по лужайке, повернувшись спиной к Роберту и госпоже.

«Этот нелепый истукан побледнел как полотно, увидев ее, – размышляла она. – Так что, в конце концов, может быть он и влюбился. Похоже, этот вялый онемелый кусок плоти,

который он называет своим сердцем, может биться раз в четверть века; но дать ему толчок может лишь эта голубоглазая восковая кукла. Я бы давно бросила о нем думать если бы знала, что его идеал красоты следует искать в магазине игрушек».

Бедная Алисия пересекла лужайку и скрылась в дальней части двора, где готические ворота соединялись с конюшнями. С сожалением должна я заметить, что дочь сэра Майкла отправилась искать утешения у своей собаки Цезаря и гнедой кобылки Аталанты, чей денник юная леди посещала каждый день.

– Не желаете пройти в липовую аллею, леди Одли? – попросил Роберт, когда его кузина ушла. – Я хотел бы поговорить с вами спокойно, не боясь, что нас прервут или заметят. Думаю, мы не найдем более спокойного места, чем это. Вы пойдете со мной?

– Как хотите, – ответила госпожа.

Мистер Одли заметил, что она дрожит и озирается по сторонам, как бы выискивая местечко, куда она могла от него сбежать.

– Вы дрожите, леди Одли, – заметил он.

– Да, я замерзла. Я бы лучше поговорила с вами в другой раз. Хотя бы завтра, если пожелаете. Мне нужно переодеться к обеду, и я хочу навестить сэра Майкла, я не видела его с десяти часов утра. Пожалуйста, давайте поговорим завтра.

В ее тоне чувствовалась жалоба. Бог знает, какой болью

она отозвалась в сердце Роберта. Бог знает, какие ужасные видения возникли перед его мысленным взором, когда он смотрел сверху вниз на это прекрасное юное лицо и думал о задаче, стоящей перед ним.

– Я *должен* поговорить с вами, леди Одли, – промолвил он. – Если я жесток, так это вы меня к этому вынуждаете. Вы могли бы этого избежать. Вы могли скрыться от меня. Я вас честно предупредил. Но вы решили пренебречь мной, и вам следует винить лишь собственную глупость, если я больше не буду щадить вас. Пойдемте со мной. Повторяю, я должен поговорить с вами.

В его тоне прозвучала холодная решительность, заставившая умолкнуть все возражения госпожи. Она покорно пошла за ним к маленьким железным воротам, ведущим в сад позади дома – сад, в котором небольшой простой деревянный мостик вел через спокойный пруд в липовую аллею.

Ранние зимние сумерки все больше сгущались, и замысловатый узор из голых ветвей, образующих арку над уединенной дорожкой, чернел на холодном сером небе. В этом неверном свете липовая аллея была похожа на монастырский свод.

– Зачем вы привели меня в это ужасное место – чтобы напугать до смерти? – раздраженно воскликнула госпожа. – Вам следовало бы знать, какая я нервная.

– Вы нервная, госпожа?

– Да, ужасно. Доктор Доусон постоянно прописывает мне

камфору, нюхательные соли, красную лаванду и всякие отвратительные микстуры, но не может меня вылечить.

– Вы помните, что Макбет сказал своему врачу, госпожа? – мрачно спросил Роберт. – Мистер Доусон, быть может, гораздо умнее этого шотландского кровопийцы, но я сомневаюсь, что *он* может оказать помощь мозгу, который болен.

– Кто сказал, что мой мозг болен? – воскликнула госпожа.

– Я так говорю, госпожа, – ответил Роберт. – Вы говорите, что нервны и что доктор прописывает вам так много лекарств, что их впору выбросить собакам. Позвольте мне быть врачом, который нанесет удар по источнику вашего недуга, леди Одли. Видит бог, я хочу быть милосердным, хочу пощадить вас, насколько это в моей власти, но не нарушая справедливости по отношению к другим – справедливость должна восторжествовать. Сказать ли мне, отчего вы нервничаете в этом доме, госпожа?

– Если сможете, – ответила она, посмеиваясь.

– Потому что в этом доме вас преследует призрак.

– Призрак?

– Да, призрак Джорджа Толбойса.

Роберт Одли услышал участившееся дыхание госпожи; ему показалось, что до него доносятся даже громкие удары ее сердца, пока она шла рядом с ним, то и дело вздрагивая и плотно закутавшись в соболя.

– Что вы имеете в виду? – неожиданно воскликнула она после недолгого молчания. – Почему вы мучаете меня этим

Джорджем Толбойсом, которому взбрело в голову покинуть вас на несколько месяцев? Вы сошли с ума, мистер Одли, и выбрали меня жертвой вашей мономании? Кто мне этот Джордж Толбойс, что вы беспокоите меня его персоной?

– Он вам не знаком, госпожа, не так ли?

– Конечно! – ответила леди Одли. – Почему я должна его знать?

– Рассказать вам историю исчезновения моего друга, как она видится мне, госпожа? – спросил Роберт.

– Нет, – вскрикнула леди Одли, – я ничего не хочу знать о вашем друге! Если он умер, мне очень жаль его. Если он жив, у меня нет желания ни видеть его, ни слышать о нем. Позвольте мне пройти к мужу, мистер Одли, или вы хотите удерживать меня в этом мрачном месте, пока я не заболēju и умру от холода?

– Я хочу задержать вас до тех пор, пока вы не услышите все, что я скажу, леди Одли, – решительно ответил Роберт. – Я не задержу вас дольше, чем это необходимо, и когда вы выслушаете меня, вы сами решите, что вам делать.

– Хорошо, тогда не теряйте даром времени и говорите, – небрежно ответила Люси. – Обещаю терпеливо выслушать вас.

– Когда мой друг Джордж Толбойс вернулся в Англию, – мрачно начал Роберт, – его самой первой мыслью была мысль о жене.

– Которую он бросил, – быстро заметила госпожа. – По

крайней мере, – добавила она, – я припоминаю, как вы что-то такое говорили, когда в первый раз рассказывали историю вашего друга.

Роберт Одли оставил ее слова без внимания.

– Его самой главной мыслью была мысль о жене, – повторил он. – Больше всего на свете он хотел сделать ее счастливой и подарить ей состояние, добытое его собственными сильными руками на золотых приисках Австралии. Я видел его в течение нескольких часов после его возвращения в Англию и был свидетелем радости и гордости, с которыми он ожидал встречи со своей женой. Я явился также свидетелем удара, поразившего его в самое сердце и превратившего его в совершенно другого человека. Ударом, который произвел такую жестокую перемену, было объявление о смерти его супруги в «Таймс». Теперь я знаю, что оно было черной и горькой ложью.

– В самом деле! – промолвила госпожа. – И у кого же это могла быть причина объявлять о смерти миссис Толбойс, если она была жива?

– Только у нее самой, – спокойно ответил Роберт.

– Какая же?

– А что, если она воспользовалась отсутствием Джорджа, чтобы найти более богатого мужа? Что, если она снова вышла замуж и хотела этим фальшивым объявлением убрать моего бедного друга с дороги, чтобы он не помешал?

Леди Одли пожала плечами.

– Ваши предположения довольно смехотворны, мистер Одли, – сказала она. – Надеюсь, у вас есть серьезные основания для них.

– Я просмотрел подшивки газет, выходящих в Челмсфорде и Колчестере, – продолжал Роберт, не ответив на последнее замечание госпожи, – и нашел в одной из газет Колчестера от второго июля пятьдесят седьмого года короткую заметку среди разнообразной информации, перепечатанной из других газет, о том, что некий мистер Джордж Толбойс, английский джентльмен, прибыл в Сидней с золотых приисков, добыв золотого песка и самородков на двадцать тысяч фунтов и что он реализовал свое золото и отправился в Ливерпуль на быстроходном клипере «Аргус». Конечно, это небольшое сообщение, леди Одли, но достаточное, чтобы доказать, что любой человек, проживавший в Эссексе в июле пятьдесят седьмого года, мог узнать о возвращении Джорджа Толбойса из Австралии. Вы следите за моей мыслью?

– Не очень, – ответила госпожа. – Какое отношение имеют газеты Эссекса к смерти миссис Толбойс?

– Мы постепенно дойдем до этого, леди Одли. Я уверен, что объявление в «Таймс» было фальшивым, частью заговора Элен Толбойс и лейтенанта Мэлдона против моего бедного друга.

– Заговора!

– Да, это был заговор, состряпанный ловкой женщиной, которая прикидывала шансы смерти своего мужа и обеспе-

чила себе прекрасное положение, идя на риск совершения преступления; женщиной, идущей напролом, которая намеревалась играть комедию до конца, не боясь разоблачения; безнравственной женщиной, не думавшей о том, какое горе она могла причинить честному сердцу мужчины, которого предала; но в то же время женщиной глупой, воспринимающей жизнь как игру случайностей, в которой козыри окажутся у лучшего игрока, и забывая, что выше жалких интриг есть Провидение, и все бесчестные тайны рано или поздно будут раскрыты. Даже если эта женщина, которую я имею в виду, была бы виновна лишь в опубликовании того ложного объявления в «Таймс», я бы все равно считал ее самым отвратительным существом женского пола – самым безжалостным и расчетливым из всех человеческих созданий. Та жестокая ложь явилась трусливым вероломным ударом ножа в спину бесчестного убийцы.

– Но откуда вы знаете, что объявление было ложным? – спросила госпожа. – Вы рассказывали, что ездили в Вентнор с мистером Толбойсом на могилу его жены. Кто же в таком случае умер в Вентноре, если это не была миссис Толбойс?

– А, леди Одли, – промолвил Роберт, – на этот вопрос могут ответить лишь два или три человека, и кто-нибудь из них скоро заговорит. Повторяю, госпожа, я твердо намерен разгадать тайну смерти Джорджа Толбойса. Неужели вы думаете, что от меня можно отделаться женским увиливанием, хитростью? Нет! Звено за звеном я собрал воедино цепь до-

казательств, не хватает лишь одного-двух, чтобы завершить ее. Неужели вы думаете, я позволю, чтобы мне препятствовали? Не думаете ли вы, что мне не удастся обнаружить недостающие звенья? Нет, леди Одли, я добьюсь своего, потому что *знаю, где их искать!* В Саутгемптоне живет светловолосая женщина по имени Плуосон, которая вовлечена в тайну отца жены моего друга. Я думаю, она может помочь мне узнать историю женщины, похороненной на кладбище в Вентноре, и я не пожалею трудов, чтобы раскрыть это, но не до тех пор, пока...

– Пока – что? – с жадностью спросила госпожа.

– Пока женщина, которую я хочу спасти от падения и наказания, не примет милость, оказываемую мной, и не послушает предупреждения.

Госпожа пожалала своими изящными плечами, в ее голубых глазах сверкнул вызов.

– Она была бы очень глупа, если бы позволила себе поддаться подобной глупости, – заявила она. – Вы ипохондрик, мистер Одли, вам нужно принимать камфару, или красную лаванду, или нюхательные соли. Что может быть смехотворнее той идеи, что вы вбили себе в голову? Вы расстаетесь со своим другом Джорджем Толбойсом довольно таинственным образом – то есть сей джентльмен решает покинуть Англию, не предупредив вас. Что из того? Вы сами признали, что он изменился после смерти своей жены. Он сделался странным и начал избегать общества, ему стало все равно,

что с ним будет. Но что наиболее вероятно, он просто устал от однообразия цивилизованной жизни и умчался на свои дикие золотые прииски, чтобы отвлечься от горя. Это довольно романтическая история, но самая обыкновенная. Но вы не удовлетворены таким простым объяснением исчезновения вашего друга, вы выстроили какую-то абсурдную теорию заговора, существующую лишь в вашей разгоряченной голове. Элен Толбойс мертва. «Таймс» написала об этом. Ее собственный отец говорит вам, что ее нет в живых. На надгробии на кладбище в Вентноре начертано о ее смерти. По какому праву, – ее голос повысился почти до пронзительного крика, – по какому праву, мистер Одли, вы приходите ко мне и мучаете этим Джорджем Толбойсом, по какому праву вы осмеливаетесь утверждать, что его жена все еще жива?

– По праву косвенных улик, леди Одли, – ответил Роберт, – по праву тех косвенных доказательств, которые иногда устанавливают виновность человека, совершившего убийство, при первом слушании дела, даже если на него пало меньше всего подозрений.

– Какие косвенные улики?

– Доказательства времени и места. Доказательство почерка. Когда Элен Толбойс покинула дом отца в Уайлденси, она оставила письмо, в котором писала, что устала от старой жизни, хотела найти новый дом и новую жизнь. Это письмо у меня.

– В самом деле?

– Сказать ли вам, на чей почерк похожа рука Элен Толбойс так сильно, что самый опытный эксперт не найдет между ними различий?

– Сходство почерков двух женщин самая обычная вещь в наше время, – беззаботно ответила госпожа. – Я могла бы вам показать письма полудюжины моих приятельниц и заставить вас найти какие-нибудь различия в них.

– Но что, если почерк необычен, имеет отличительные особенности, благодаря которым его можно узнать среди сотен других?

– Ну, в таком случае совпадение довольно любопытное, – ответила госпожа. – Но не более чем совпадение. Вы не можете отрицать факт смерти Элен Толбойс лишь на основании того, что ее почерк напоминает чей-то другой.

– Но если цепочка таких совпадений ведет к единственному заключению, – промолвил Роберт. – Элен Толбойс покинула дом отца, согласно ее собственному письму, потому что устала от старой жизни и хотела начать новую. Знаете, какой я делаю отсюда вывод?

Госпожа пожала плечами.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила она. – И так как вы держите меня в этом мрачном месте уже почти полчаса, я прошу вас позволить мне уйти и переодеться к обеду.

– Нет, леди Одли, – ответил Роберт с холодной неумолимостью, так не свойственной ему и превратившей его совсем

в другое существо – безжалостное воплощение правосудия, жестокое орудие возмездия, – нет, леди Одли, – повторил он, – я уже говорил вам, что женские уловки не помогут вам, вызов вам не к лицу. Я был с вами честен и открыто предупредил вас. Я косвенно намекнул на опасность еще два месяца назад.

– Что вы имеете в виду? – неожиданно спросила госпожа.

– Вы решили пренебречь моим предупреждением, леди Одли, – продолжал Роберт, – и пришло время, когда я должен говорить с вами прямо. Неужели вы думаете, что то, чем наградила вас природа, спасет от возмездия? Нет, госпожа, ваши юность и красота, грация и изящество делают вашу ужасную тайну еще более ужасной. Уликам против вас недостает лишь одного звена, чтобы осудить вас, и оно будет добавлено. Элен Толбойс больше не вернулась в дом своего отца. Когда она покинула своего бедного старого отца и его убогий кров, она заявила, что порывает с прежней жизнью. Что люди обычно делают, когда хотят начать новую жизнь, пойти по новому кругу в этой гонке жизни, освободиться от пут, связывавших их по рукам и ногам в первой попытке? Они *меняют имена*, леди Одли. Элен Толбойс оставила своего маленького ребенка – она уехала из Уайлденси с твердым намерением предать забвению свою личность. Она исчезла как Элен Толбойс шестнадцатого августа пятьдесят четвертого года и семнадцатого числа того же месяца появилась вновь как Люси Грэхем, не имеющая друзей и родственни-

ков девушка, возложившая на себя нелегкие обязанности в доме, где ей не задавали никаких вопросов.

– Вы сумасшедший, мистер Одли, – закричала госпожа. – Вы сумасшедший, и мой муж защитит меня от вашей дерзости. Ну и что из того, что Элен Толбойс убежала из дома в один день, а я вступила в дом моей работодательницы на следующий? Что это доказывает?

– Само по себе очень мало, – ответил мистер Одли, – но с помощью других улик...

– Каких улик?

– Два ярлыка, наклеенные один на другой на коробке, оставленной вами у миссис Винсент: на верхнем стоит имя мисс Грэхем, а на нижнем – миссис Джордж Толбойс.

Госпожа погрузилась в молчание. В сумерках мистер Одли не видел ее лица, но он заметил, как две маленькие ручки конвульсивно прижались к сердцу, и он понял, что выстрел достиг цели.

«Боже, помоги этому бедному несчастному созданию, – подумал он. – Теперь она знает, что пропала. Интересно, чувствуют ли судьбы то же, что и я сейчас, когда они надевают свои мантии и приговаривают к смерти какого-нибудь дрожащего от страха беднягу, не сделавшего им зла. Испытывают ли они благородное негодование или ту же боль, страдание, терзающие меня, пока я разговариваю с этой несчастной женщиной?».

Он шел рядом с ней в молчании. Они прогуливались вдоль

темной аллеи, но теперь приближались к кустарнику в конце ее, где среди порослей колючек укрылся полуразвалившийся старый колодец.

Петляющая тропинка, заросшая сорными травами, вела к этому колодцу. Роберт вышел из аллеи и свернул на эту дорожку. В кустарнике было светлее, чем в аллее, а мистер Одли хотел увидеть лицо госпожи.

Он молчал, пока они не добрались до травы, бурно росшей возле колодца. Толстая кирпичная кладка местами обвалилась, куски ее валялись тут и там среди травы и вереска. Тяжелые подпорки, поддерживавшие деревянный сруб были на месте, но железное колесо отвалилось и лежало в нескольких шагах от колодца, проржавевшее и заброшенное.

Роберт Одли облокотился об одну из массивных подпорок и посмотрел вниз на лицо госпожи, бледное в холодных зимних сумерках. Появилась луна, слабо светящийся серп в серых небесах, и ее призрачный свет смешался с туманными тенями угасающего дня. Лицо госпожи казалось в точности похожим на то, которое Роберт Одли видел в своих снах, выглядывавшим из белых хлопьев пены в зеленых морских волнах и зовущим его дядю к разрушению.

– Эти два ярлыка у меня, леди Одли, – подытожил он. – Я отклеил их с коробки, оставленной вами на Кресцент-Вилла. Я взял их в присутствии миссис Винсент и мисс Тонкс. Можете ли вы что-нибудь возразить против этого доказательства? Вы говорите мне: «Я Люси Грэхем, у меня нет ничего

общего с Элен Толбойс». В таком случае, вы можете предъявить свидетелей, знающих ваших родителей, где вы жили до того, как появились на Кресцент-Вилла? У вас должны быть друзья, родственники, связи. Даже если вы были самым одиноким созданием на этой земле, вы бы смогли указать хоть кого-нибудь, кто знал вас в прошлом.

– Да, – закричала госпожа, – если бы я оказалась на скамье подсудимых, я бы без сомнения предъявила свидетелей, чтобы опровергнуть ваше абсурдное обвинение. Но я не на скамье подсудимых, мистер Одли, и мне остается только посмеяться над вашей смехотворной глупостью. Говорю вам – вы сумасшедший! Если вам угодно говорить, что Элен Толбойс не мертва, и что я Элен Толбойс, можете оставаться при своем мнении. Если вы решили слоняться по местам, где я жила, и где жила эта миссис Толбойс, следуйте собственному желанию; но предупреждаю вас, что подобные фантазии нередко приводили людей, внешне таких же нормальных, как и вы, к долговому заключению в частных сумасшедших домах.

Роберт Одли невольно вздрогнул и отшатнулся от нее при этих словах.

«Она способна на новое преступление, только чтобы скрыть следы старого, – подумал он. – Она способна употребить все свое влияние на моего дядю, лишь бы поместить меня в сумасшедший дом».

Я бы не сказала, что Роберт Одли был трусом, но вполне допускаю, что дрожь ужаса, что-то сродни страху, прон-

зила его при воспоминании о страшных делах, которые творили женщины с того дня, как Бог сотворил Еву в райских садах. А что, если дьявольская сила притворства этой женщины окажется сильнее, чем правда, и раздавит его? Если она не пощадила Джорджа Толбойса, стоящего на ее пути и представляющего для нее определенную опасность, то пощадит ли она его, угрожавшего ей гораздо больше? Так же ли женщины милосердны, любящи и добры, как красивы и грациозны? Разве не существовало некоего месье Мазера де Латьюда, имевшего несчастье оскорбить изысканную мадам де Помпадур и искупившего свой неосторожный поступок пожизненным заключением в тюрьме? Он, дважды избежавший тюрьмы, два раза попадавший в плен, все же поверил запоздалому великодушию своего прекрасного противника и предал себя в руки неумолимой злодейки. Роберт Одли посмотрел в бледное лицо женщины, стоящей рядом с ним, это прекрасное лицо, на котором лучистые глаза светились странным опасным блеском; и припомнив сотни рассказов о женском вероломстве, содрогнулся при мысли о том, как неравна борьба между ними.

«Я открыл ей свои карты, – подумал он, – но она хранит свои. Маску, которую она надела, не сорвать. Мой дядя скорее решит, что я сошел с ума, чем поверит в ее виновность».

Бледное лицо Клары Толбойс, печальное и открытое, так не похожее на хрупкую красоту госпожи, возникло перед его мысленным взором.

«Какой же я трус, что беспокоюсь о себе и о своей безопасности, – подумал он. – Чем больше я наблюдаю эту женщину, тем больше у меня причин опасаться ее влияния на других, тем больше причин желать ее удалить из этого дома».

Он огляделся в этой сумрачной тьме. Уединенный сад напоминал тихое кладбище, обнесенное стеной и скрытое от мира.

«Где-то здесь, в этом саду она встретила с Джорджем Толбойсом в день его исчезновения, – вдруг пришло ему в голову. – Интересно, где это произошло, в каком месте он взглянул в ее жестокое лицо и обвинил в вероломстве?»

Госпожа, опершись своей маленькой ручкой о противоположную подпорку, беззаботно покачивала своей хорошенькой ножкой среди высокой травы, но украдкой посматривала на своего противника.

– Тогда это будет поединок до смерти, – мрачно промолвил Роберт. – Вы отказываетесь прислушаться к моему предупреждению. Вы отказываетесь скрыться и раскаяться в совершенном вами зле где-нибудь за границей, подальше от великодушного джентльмена, обманутого и одураченного вашими притворными чарами. Вы предпочитаете остаться здесь и бросить мне вызов.

– Да, – ответила леди Одли, вскинув голову и глядя в лицо молодому адвокату. – Я не виновата, если племянник моего мужа сошел с ума и выбрал меня жертвой своей мономании.

– Да будет так, госпожа, – отвечал Роберт. – Моего друга

Джорджа Толбойса в последний раз видели входящим в эти сады через железные ворота, какими мы прошли сюда сегодня вечером. Последнее, что о нем известно – это то, что он спрашивал вас. Его видели входящим в эти сады, но никто не видел, как он вышел отсюда. Я не верю, что он когда-нибудь покидал их. Я полагаю, он нашел свою смерть в пределах этих земель, и что его тело спрятано где-нибудь под тихой гладью воды, или в другом заброшенном уголке. Я переверну здесь все вверх дном, вырву с корнем каждое дерево в саду, но найду могилу моего убитого друга.

Люси Одли издала долгий пронзительный вопль и заломила в отчаянии руки, но ничего не ответила на это страшное обвинение. Ее руки медленно опустились, широко раскрытые глаза были прикованы к Роберту Одли, мерцая таинственным светом на мертвенно-бледном лице.

– Вы не доживете до этого, – произнесла она. – *Прежде я убью вас.* Зачем вы меня так мучаете? Почему вы не можете оставить меня в покое? Что я *вам* лично сделала, что вы решили быть моим гонителем, неотступно следовать за мной по пятам, играть в шпиона? Вы хотите свести меня с ума? Да знаете ли вы, что такое бороться с безумной женщиной? Нет, – воскликнула госпожа со смешком, – вы не знаете, иначе вы бы никогда...

Она вдруг умолкла и выпрямилась во весь рост. Это было то же движение, какое Роберт уже видел у старого полупьяного лейтенанта, и в нем чувствовалось то же оскорбленное

достоинство – величие безысходного отчаяния.

– Уходите, мистер Одли, – промолвила она. – Вы сумасшедший, да, вы сумасшедший.

– Я уйду, госпожа, – спокойно ответил Роберт. – Я никогда не примирюсь с вашими преступлениями. Вы отказались принять мою милость. Я хотел пожалеть живых. С этого момента я буду помнить лишь о долге по отношению к мертвым.

Он пошел прочь от уединенного колодца под тенью лип. Госпожа медленно следовала за ним по длинной мрачной аллее и через простой мостик к железным воротам. Когда он проходил через ворота, Алисия вышла из маленькой стеклянной двери, ведущей в обитую дубовыми панелями комнату для завтрака, и встретила кузена на пороге.

– Я везде искала вас, Роберт, – сказала она. – Папа спустился в библиотеку и, я уверена, будет рад вам.

Молодой человек вздрогнул при звуке мелодичного юного голоса своей кузины. «Боже мой! – подумал он. – Неужели эти две женщины сотворены из одного теста? Может ли эта открытая великодушная девочка, не умеющая скрыть ни одного чувства, состоять из той же плоти и крови, что и то несчастное существо, чья тень падает на дорожку около меня?»

Он перевел взгляд с кузины на леди Одли, стоящую у калитки и ожидающую, пока он позволит ей пройти.

– Не знаю, что нашло на твоего кузена, моя дорогая Али-

сия, – сказала госпожа. – Он такой рассеянный и странный, что это выше моего понимания.

– В самом деле! – воскликнула мисс Одли. – И все же я могу заключить, исходя из вашего долгого тет-а-тет, что вы сделали попытку понять его.

– О да, – спокойно заметил Роберт, – госпожа и я хорошо понимаем друг друга, но так как становится поздно, я хочу попрощаться с вами, леди. Я буду ночевать в Маунт-Стэннинге, поскольку у меня есть там дело, и я приду навестить дядю завтра.

– Что, Роберт! – воскликнула Алисия. – Ты конечно же не уйдешь, не повидав папу?

– Да, моя дорогая, – ответил молодой человек. – Я немного обеспокоен одним неприятным делом, имеющим ко мне отношение, и я лучше не пойду сейчас к дяде. Спокойной ночи, Алисия. Я приду или напишу завтра.

Он пожал кузине руку, поклонился леди Одли и вышел через темную арку на тихую аллею за Кортом.

Госпожа и Алисия наблюдали за ним, пока он не скрылся.

– Бог мой, что это случилось с моим кузенком Робертом? – в нетерпении воскликнула мисс Одли, когда адвокат ушел. – Что значит это нелепое поведение? Какое-то неприятное дело, которое его беспокоит, в самом деле! Думаю, какой-нибудь злопамятный прокурор навязал бедняге судебное дело, и он впадает в слабоумие от смутного осознания своей некомпетентности.

– Вы когда-нибудь изучали характер вашего кузена, Алисия? – серьезно спросила госпожа, немного помолчав.

– Изучала характер! Нет, леди Одли. Зачем мне это? – ответила Алисия. – Не требуется много времени, чтобы понять, что он ленивый, эгоистичный сибарит, который заботится лишь о собственном спокойствии и комфорте.

– Но ты никогда не думала, что он немного странный?

– Странный! – повторила Алисия, поджав свои алые губки и пожав плечами. – Ну да... полагаю, что для таких людей обычно есть какое-нибудь извинение. Да, я полагаю, Боб со странностями.

– Я ничего не слышала о его отце и матери, – задумчиво продолжала госпожа. – Ты помнишь их?

– Я никогда не видела его мать. Она была в девичестве мисс Дэлримил, лихая девушка, сбежавшая с моим дядей и потерявшая вследствие этого приличное состояние. Она умерла в Ницце, когда бедному Бобу было пять лет.

– Ты не слышала о ней что-нибудь особенное?

– Что вы имеете в виду – «особенное»? – спросила Алисия.

– Ты не слышала, что она странная, то, что люди называют немного не в себе?

– О нет, – смеясь ответила Алисия. – Моя тетя, полагаю, была весьма рассудительной женщиной, хотя и вышла замуж по любви. Но если помните, она умерла до того, как я родилась, и поэтому я мало о ней знаю.

– Но, полагаю, ты помнишь своего дядю?

– Моего дядю Роберта? – спросила Алисия. – О, да, я хорошо его помню.

– Был ли *он* странный, я имею в виду, были ли у него особенные привычки, как у твоего кузена?

– Да, думаю, Роберт унаследовал все странности своего отца. Мой дядя проявлял такое же безразличие к окружающим, что и мой кузен, но поскольку он был хорошим мужем, любящим отцом и добрым хозяином, никто не оспаривал его взглядов.

– Но он *был* странным?

– Да, я полагаю, считалось, что он немного странный.

– А, – мрачно промолвила госпожа, – я так и думала. Ты знаешь, Алисия, безумие чаще передается от отца к сыну, чем от отца к дочери, и от матери к дочери, чем от матери к сыну. Твой кузен Роберт Одли очень красивый молодой человек, и я думаю, очень добросердечный, но за ним нужно присматривать, Алисия, потому что он безумен!

– Безумен! – возмущенно воскликнула Алисия. – Вы выдумываете, госпожа, или же... или... вы пытаетесь напугать меня, – добавила юная леди с тревогой.

– Я только хочу, чтобы ты была настороже, Алисия, – ответила госпожа. – Мистер Одли может быть, как ты говоришь, просто немного странный, но он так разговаривал со мной сегодня вечером, что напугал меня до смерти, и я думаю, – он сходит с ума. Я сегодня же вечером серьезно по-

говоря с сэром Майклом.

– Поговорите с папой! – воскликнула Алисия. – Но вы не будете беспокоить папу такими предположениями!

– Я только предостерегу его, моя дорогая Алисия.

– Но он никогда не поверит вам, – сказала мисс Одли, – он посмеется над таким предположением.

– Нет, Алисия, он поверит всему, что я скажу ему, – ответила госпожа со спокойной улыбкой.

Глава 5. Подготовка почвы

Леди Одли прошла из сада в библиотеку, уютную домашнюю комнату, обитую дубовыми панелями, в которой сэр Майкл любил читать или писать, или обсуждать дела поместья со своим управляющим, рослым сельским жителем, агрономом и юристом, снимающим небольшую ферму в нескольких милях от Корта.

Баронет сидел в широком мягком кресле у камина. Яркие языки пламени взметались и падали, вспыхивая то на полированных выступах книжного шкафа из черного дуба, то на золотисто-красных переплетах книг, то отсвечивая от афинского шлема мраморной Паллады, то освещая лоб сэра Роберта Пила.

Лампа на письменном столе еще не была зажжена, и сэр Майкл сидел, ожидая при свете огня в камине прихода своей юной супруги.

Мне очень трудно описать чистоту его великодушной любви – такую же нежную, как привязанность молодой матери к своему первенцу, и такую же рыцарскую, как беззаветная страсть Байярда к своей госпоже.

Пока он думал о своей обожаемой жене, дверь открылась и, подняв голову, баронет увидел хрупкую фигурку у двери. – Моя дорогая! – воскликнул он, когда госпожа закрыла за собой дверь и направилась к нему. – Я думал о тебе и ожидал

тебя целый час. Где ты была и что делала?

Госпожа немного помедлила, оставаясь в тени, прежде чем ответить на его вопрос.

– Я ездила в Челмсфорд, – промолвила она, – за покупками и... – Она запнулась, в смущении теребя ленту от своей шляпки своими тонкими белыми пальчиками.

– И что же, моя дорогая, – спросил баронет, – что же ты делала, вернувшись из Челмсфорда? Я слышал, как экипаж остановился у дверей еще час назад. Ведь это был твой экипаж, не так ли?

– Да, я приехала час назад, – ответила госпожа с тем же смущением.

– И чем ты занималась, приехав домой?

Сэр Майкл задал этот вопрос с легким упреком. Присутствие юной жены словно солнце освещало его жизнь, и хотя он вовсе не хотел привязывать ее к себе, его глубоко огорчало, что она могла охотно и безо всякой надобности проводить время без него, по-детски болтая и предаваясь легкомысленным занятиям.

– Чем же ты занималась, приехав домой, моя дорогая? – повторил он. – Что так задержало тебя?

– Я беседовала с... с мистером Робертом Одли.

Она продолжала теребить ленту от своей шляпки, наматывая их на пальцы, и говорить смущенным голосом.

– Робертом! – удивился баронет. – Роберт здесь?

– Он был здесь.

– И все еще тут, я полагаю?

– Нет, он ушел.

– Ушел! – воскликнул сэр Майкл. – Что ты имеешь в виду, дорогая?

– Я хочу сказать, что ваш племянник приходил в Корт сегодня днем. Алисия и я видели его в саду. Он был здесь еще четверть часа назад, беседуя со мной, а затем поспешил прочь, ничего толком не объяснив, за исключением нелепого предлога о каком-то деле в Маунт-Стэннинге.

– Дело в Маунт-Стэннинге! Да какое дело у него может быть в этом Богом забытом уголке? Значит, он отправился ночевать, как я понял, в Маунт-Стэннинг?

– Да, думаю, он сказал что-то в этом роде.

– Честное слово, – воскликнул баронет, – похоже, он сошел с ума.

Лицо госпожи оставалось в тени, и сэр Майкл не увидел, как ее бледное лицо вспыхнуло, когда он сделал это простое замечание. Победная улыбка осветила лицо Люси, явно говорившая: «Вот оно – я могу вертеть им, как пожелаю. Я могу показать ему черное, но если скажу, что это белое, он мне поверит».

Но сэр Майкл Одли, сказав, что его племянник не в своем уме, просто воскликнул это, не подразумевая такого значения. Действительно, баронет невысоко оценивал способности Роберта к повседневным делам. Он привык смотреть на своего племянника как на добродушного, но пустого че-

ловека, чье сердце природа щедро наградила добротой, но чью голову немного обошли при распределении интеллектуальных даров. Сэр Майкл Одли сделал ошибку, которую часто совершают беспечные состоятельные люди, не имеющие случая заглянуть в глубь вещей. Он принимал лень за глупость. Он считал, что если его племянник ведет праздный образ жизни, значит он обязательно глуп. Он решил, что если Роберт не отличился ни на одном поприще, так это потому, что не смог.

Сэр Майкл позабыл о молчаливом безвестном Мильтоне, умершем безгласным из-за недостатка той упорной настойчивости, того слепого мужества, которыми должен обладать поэт, если хочет найти издателя; он позабыл о Кромвеле, лицезреющем сей благородный корабль – политическую экономию, барахтающийся в море смятения и идущий ко дну в бурю шумной суматохи, и неспособного добраться до руля или хотя бы послать спасательную шлюпку тонущему кораблю. Ошибочно судить о способностях человека лишь по тому, что он совершил.

Мировая Валгалла – закрытое пространство, и возможно, самые великие люди – те, кто молча гибнет вдали от священных ворот. Быть может, самые чистые души – те, кто избегает суматохи беговой дорожки, шума и смятения борьбы. Игра жизни чем-то напоминает игру в карты, и иногда бывает, что козыри остаются в колоде.

Госпожа сняла шляпку и уселась на обитую бархатом ска-

меечку у ног сэра Майкла. В этом детском движении не было ничего заученного или притворного. Для Люси Одли было так естественно оставаться ребенком, что никто и не пожелал бы увидеть ее другой. Было бы глупо ожидать величественной сдержанности или женской степенности от этой желтоволосой сирены так же, как ожидать от глубокого баса чистого сопрано песни жаворонка.

Она сидела, отвернув свое бледное лицо от огня и положив руки на ручку кресла, где сидел ее муж. Они были так беспокойны, эти хрупкие белые ручки.

– Знаешь, я хотела прийти к тебе, дорогой, – начала она, – я сразу хотела зайти к тебе, как только вернулась домой, но мистер Одли настоял на беседе с ним.

– Но о чем, любовь моя? – спросил баронет. – Что мог сказать тебе Роберт?

Госпожа не ответила на этот вопрос. Ее прекрасная головка склонилась на колени мужа, волнистые золотистые волосы упали на ее лицо.

Сэр Майкл поднял эту прекрасную головку своими сильными руками и заглянул в ее поднятое лицо. Огонь камина осветил большие мягкие голубые глаза на бледном лице, в них стояли слезы.

– Люси, Люси! – вскричал баронет. – Что это значит? Любовь моя, что тебя так расстроило?

Леди Одли пыталась заговорить, но слова не шли с ее дрожащих губ. Ком в горле мешал вырваться этим фаль-

шивым, но правдоподобным словам, которые были ее единственным оружием против врагов. Она не могла говорить. Отчаяние, овладевшее ею в мрачной липовой аллее, стало слишком большим, чтобы молча сносить его, и она разразилась истерическими рыданиями. Ее хрупкую фигурку сотрясало непритворное горе и разрывало ее, словно хищный зверь, на куски своей ужасной силой. Это был взрыв настоящего страдания и ужаса, раскаяния и горя. Это был один дикий выкрик, в котором более слабая женская натура берет верх над искусством сирены.

Не так собиралась она сражаться в страшном поединке с Робертом Одли. Она намеревалась использовать не это оружие, но, возможно, никакая хитрость не послужила бы ей лучше, чем этот одиночный взрыв горя. Он потряс ее мужа до глубины души. Он озадачил и ужаснул его. Он ослабил могучий ум этого мужчины до беспомощного смятения и растерянности. Он ударил по слабому месту в натуре этого порядочного человека. Он воззвал непосредственно к любви, испытываемой сэром Майклом Одли к своей жене.

Да поможет Бог нежной слабости сильного мужчины по отношению к женщине, которую он любит. Да сжалится над ним Господь, когда виновное создание, обманув его, бросается со своими слезами и горестными жалобами к его ногам в самозабвении и раскаянии, муча его видом своих страданий, надрывая сердце своими рыданиями, терзая его грудь своими стонами. Умножая свои собственные страдания до

огромной муки, слишком тяжелой, чтобы перенести ее мужчине. Да простит его Господь, если сведенный с ума этим жестоким мучением, он нарушает на какой-то миг равновесие и готов простить *все что угодно*, готов принять это несчастное существо под защиту своих объятий и простить то, что мужская честь не велит ему прощать. Раскаяние жены, стоящей у порога дома, в который она больше не имеет права войти, не сравнится со страданиями мужа, закрывающего дверь перед этим дорогим умоляющим лицом. Мучение матери, которая никогда больше не увидит своих детей, – ничто по сравнению со страданиями отца, который должен сказать этим детям: «Мои маленькие, отныне вы сироты».

Сэр Майкл поднялся с кресла, дрожа от негодования, и готовый немедленно начать битву с особой, причинившей горе его жене.

– Люси, – промолвил он, – Люси, я настаиваю, чтобы ты рассказала мне, что или кто тебя расстроил. Я настаиваю на этом. Кто бы тебя ни огорчил, будет отвечать передо мной за твое горе. Ну же, моя любовь, рассказывай мне прямо, без утайки, в чем дело?

Он снова сел и склонился над поникшей фигурой у его ног, успокаивая собственное волнение желанием облегчить отчаяние жены.

– Скажи мне, в чем дело, дорогая? – нежно прошептал он. Внезапный припадок прошел, и госпожа подняла голову: слезы в ее глазах мерцали слабым светом, и очертания ее

хорошенького розового ротика, те тяжелые, жесткие складки, которые Роберт Одли видел на портрете, были отчетливо различимы в свете огня.

– Я такая глупая, – сказала она, – он и вправду чуть не довел меня до истерики.

– Кто, кто чуть не довел тебя до истерики?

– Ваш племянник – мистер Роберт Одли.

– Роберт! – вскричал баронет. – Люси, что ты хочешь сказать?

– Я говорила вам, что мистер Одли настоял на том, чтобы я пошла в липовую аллею, дорогой, – продолжала госпожа. – Он сказал, что хочет поговорить со мной, и я пошла, а он говорил такие ужасные вещи, что...

– Какие ужасные вещи, Люси?

Леди Одли содрогнулась и конвульсивно сжала своими пальчиками сильную руку, нежно глядящую ее по лицу.

– Что он сказал, Люси?

– О, мой дорогой, как я могу рассказать вам? – вскричала госпожа. – Я знаю, что расстрою вас или вы посмеетесь надо мной, и тогда...

– Посмеюсь над тобой? Нет, Люси.

Леди Одли на минутку умолкла. Она сидела, глядя перед собой невидящим взглядом, все еще сжимая руку мужа.

– Дорогой мой, – медленно заговорила она, запинаясь и с трудом подбирая слова, – вам никогда – я так боюсь рассердить вас – вам никогда не приходило в голову, что мистер

Одли немного... немного...

– Немного что, дорогая?

– Немного не в себе, – запнулась леди Одли.

– Не в себе! – воскликнул сэр Майкл. – Моя дорогая девочка, что ты придумываешь?

– Вы только что сказали, дорогой, что он сошел с ума.

– Разве, любовь моя? – смеясь ответил баронет. – Не помню, чтобы я сказал это, ведь это просто так говорится, но ничего не значит само по себе. Может быть, Роберт немного эксцентричен, немного глуп, возможно, не очень отягощен умом, но не настолько, чтобы быть сумасшедшим.

– Но сумасшествие иногда передается по наследству, – возразила госпожа. – Мистер Одли мог унаследовать...

– Он не мог унаследовать безумие от семьи его отца, – перебил ее сэр Майкл. – Одли никогда не заселяли частные сумасшедшие дома и не платили таким врачам.

– А от семьи матери?

– Это мне неизвестно.

– Люди обычно держат такие вещи в тайне, – мрачно заметила госпожа. – Сумасшедшие могли быть в семье твоей золовки.

– Не думаю, дорогая. – ответил сэр Майкл. – Но, Люси, во имя бога, скажи мне, как это пришло тебе в голову?

– Я пытаюсь объяснить поведение вашего племянника. Иначе я не могу объяснить его. Если бы вы слышали, что он говорил мне сегодня вечером, сэр Майкл, вы бы тоже реши-

ли, что он безумен.

– Но что же он сказал, Люси?

– Даже не знаю, как ответить. Он так поразил и смутил меня. Мне кажется, он слишком долго жил совсем один в своих уединенных апартаментах в Темпле. Возможно, он слишком много читает или курит не в меру. Знаете, некоторые врачи считают сумасшествие простым заболеванием мозга, которому подвержен любой человек и которое вызывается определенными причинами и лечится определенными средствами.

Глаза леди Одли все еще были прикованы к горящим углям в широком камине. Она говорила так, как будто часто слышала рассуждения на эту тему, как будто мысль ее унеслась от племянника мужа к более широкому вопросу о безумии вообще.

– Почему бы ему не быть сумасшедшим? – сделала она вывод. – Люди бывают душевнобольными в течение многих лет, прежде чем обнаруживается их ненормальность. Они знают, что безумны, и знают, как держать это в тайне, и хранят свой секрет до самой смерти. Иногда их охватывает приступ, и в недобрый час они выдают себя. Возможно, совершают преступление. Накатывает ужасное искушение: нож в руке, ничего не подозревающая жертва рядом. Они могут усмирить беспокойного демона и уйти, и умереть, не запятив себя насилием; но могут и поддаться соблазну – страшному, страстному, жаждущему желанию насилия и ужаса.

Иногда они уступают, и тогда все кончено для них.

Леди Одли повысила голос, рассуждая на эту ужасную тему. Истерическое возбуждение, от которого она только что успокоилась, оставило на ней свой отпечаток, но она контролировала себя, и ее голос постепенно успокоился, когда она продолжила.

– Роберт Одли безумен, – решительно промолвила она. – Какой один из главных признаков безумия, ужасный знак умственного отклонения? Разум становится неподвижен, рассудок коснеет, плавное течение мысли прерывается, мыслительная способность мозга распадается. Как неподвижные воды болота гниют по причине их застойности, так и разум становится мутным и испорченным от недостатка действия; бесконечное размышление на одну тему превращается в монотипию. Роберт Одли – маньяк. Исчезновение его друга, Джорджа Толбойса, повергло его в горе и озадачило. Он так долго думал только об этом, что потерял способность рассуждать о чем-нибудь еще. Эта единственная идея, постоянно занимающая его мысли, исказилась перед его мысленным взором. Повторяйте самое простое слово в английском языке двадцать раз подряд, и перед двадцатым разом вы начнете сомневаться, действительно ли то слово, что вы повторяете, является тем самым, что вы имели в виду. Роберт Одли так долго думал об исчезновении своего друга, пока эта мысль не совершила свое фатальное воздействие. Он смотрит на обычный факт больным взглядом, он превращает его в мрач-

ный ужас, вызванный своей собственной мономанией, если вы не хотите, чтобы я стала такой же сумасшедшей, как и он, вы не должны позволять мне увидеть его снова. Он заявил сегодня вечером, что Джордж Толбойс был убит здесь, и что он вырвет с корнем каждое дерево в саду и разнесет дом по кирпичику в поисках...

Госпожа остановилась. Слова замерли на ее устах. Она истощила ту странную энергию, с которой говорила. Она превратилась из легкомысленной ребячливой красавицы в женщину, достаточно сильную, чтобы отстаивать свою точку зрения и защитить себя.

– Снести этот дом! – воскликнул баронет. – Джордж Толбойс убит в Одли-Корте! Неужели Роберт сказал это, Люси?

– Что-то подобное, и это меня очень испугало.

– Тогда он, должно быть, сумасшедший, – мрачно промолвил сэр Майкл. – Меня просто озадачило то, что ты рассказала мне. Он действительно сказал это, или ты неправильно его поняла?

– Не... не думаю, – нерешительно промолвила госпожа. – Вы видели, как я была напугана, когда вошла. Я не была бы так расстроена, если бы он не сказал что-нибудь ужасное.

Леди Одли воспользовалась самым сильным аргументом в свою пользу.

– Конечно, моя девочка, конечно, – ответил баронет. – Откуда в бедной голове мальчика появилась такая ужасная идея? Этот мистер Толбойс – мы его совсем не знаем – убит

в Одли-Корт! Я сегодня же вечером отправлюсь к Роберту в Маунт-Стэннинг. Я знаю его с детства, и не могу в нем обмануться. Если действительно что-то не так, он не сможет скрыть это от меня.

Госпожа пожалала плечами.

– Обычно незнакомый человек первым замечает психические отклонения, – заметила она.

Эти умные слова странно прозвучали в устах госпожи, но в ее новоприобретенной мудрости была какая-то странная значительность, удивившая ее мужа.

– Но вы не должны идти в Маунт-Стэннинг, мой любимый, – нежно произнесла она. – Не забывайте, вам даны строгие указания оставаться дома, пока не станет теплее и солнце не согреет эту суровую покрытую льдом землю.

Сэр Майкл Одли откинулся в своем широком кресле с покорным вздохом.

– Правда, Люси, – согласился он, – мы должны повиноваться мистеру Доусону. Полагаю, Роберт навестит меня завтра.

– Да, дорогой. Я думаю, он зайдет.

– Тогда подождем до завтра, моя любимая. Не могу поверить, что с бедным мальчиком действительно что-то случилось, просто не могу, Люси.

– Тогда как вы объясните его странное заблуждение насчет этого мистера Толбойса? – спросила госпожа.

Сэр Майкл покачал головой.

– Не знаю, Люси, не знаю, – ответил он. – Всегда так трудно поверить, что любое из бедствий, постоянно происходящих с другими людьми, когда-нибудь случится и с нами. Я не могу поверить, что мой племянник повредился в рассудке, не могу поверить. Я... я заставлю его остановиться здесь, Люси, и понаблюдаю за ним. Повторяю, любовь моя: если что-то не так, я обязательно выясню это. Я не могу ошибиться в молодом человеке, который всегда был мне вместо сына. Но, дорогая, почему тебя так напугала болтовня Роберта? Она не могла затронуть тебя.

Госпожа жалобно вздохнула.

– Вы, должно быть, думаете, что у меня сильный характер, сэр Майкл, – сказала она обиженным тоном, – если полагаете, что я могу равнодушно слушать такое. Я уверена, что никогда не смогу снова увидеться с мистером Одли.

– И ты не увидишь его, моя дорогая, нет.

– Но вы только что сказали, что оставите его здесь, – прошептала леди Одли.

– Я не буду, моя любимая девочка, если его присутствие раздражает тебя. Боже, Люси, неужели ты можешь представить хоть на минуту, что у меня есть другое желание, кроме как сделать тебя счастливой? Я проконсультируюсь с каким-нибудь лондонским врачом насчет Роберта, и пусть он выяснит, что случилось с единственным сыном моего бедного брата. Тебя не потревожат, Люси.

– Вы, должно быть, думаете, что я очень злая, дорогой, –

промолвила госпожа, – и я знаю, что мне не следует раздражаться из-за этого бедняги, но, кажется, он и вправду вбил себе в голову какие-то нелепости насчет меня.

– Насчет *тебя*, Люси! – воскликнул сэр Майкл.

– Да, дорогой. Кажется, он связывает меня каким-то непонятным образом с исчезновением этого мистера Толбойса.

– Невозможно, Люси. Ты, должно быть, неправильно поняла его.

– Не думаю.

– Тогда он и вправду безумен, – промолвил баронет. – Я подожду, пока он вернется в город, и затем пошлю кого-нибудь в его квартиру поговорить с ним. Боже мой, какое таинственное дело!

– Боюсь, что расстроила тебя, дорогой, – прошептала леди Одли.

– Да, дорогая, я очень огорчен тем, что ты рассказала мне; но ты сделала правильно, рассказав мне откровенно об этом ужасном деле. Я должен обдумать это, любимая, и попытаться решить, что делать.

Госпожа поднялась с низенькой оттоманки, на которой сидела. Огонь прогорел, и в комнате лишь слабо отсвечивало красным светом. Люси Одли наклонилась над креслом и приложила губы к широкому лбу своего мужа.

– Вы так добры ко мне, дорогой, – тихо прошептала она. – Вы никому не позволите навредить мне, не так ли?

– Навредить тебе? – повторил баронет. – Нет, любовь моя.

– Ведь знаете, дорогой, – продолжала госпожа, – в мире много злых людей, помимо сумасшедших, и в интересах некоторых людей может быть навредить мне.

– Им лучше и не пытаться, моя дорогая, – ответил сэр Майкл. – Если они осмелятся, то окажутся в опасном положении.

Леди Одли громко рассмеялась, весело и победно; ее смех, словно звон серебряных колокольчиков, разнесся по тихой комнате.

– Любимый мой, – промолвила она, – я знаю, вы любите меня. А теперь мне нужно бежать, дорогой, так как уже больше семи часов. Я приглашена на обед к миссис Монтфорд, но я хочу послать слугу с извинением, так как сейчас мне не до общества. Я останусь дома и буду ухаживать за вами, дорогой. Вы ляжете спать пораньше, не так ли, и позаботитесь о себе?

– Да, дорогая.

Госпожа вприпрыжку выскочила из комнаты, чтобы распорядиться насчет записки в дом, где она должна была обедать. Она на минуту задержалась, закрывая за собой дверь библиотеки, – помедлила, положив руку себе на грудь, чтобы успокоить быстрое биение сердца.

«Я боялась вас, мистер Роберт Одли, – подумала она, – но наступит время, когда у вас будет причина опасаться меня».

Глава 6. Просьба Фебы

Пропасть между леди Одли и ее падчерицей не уменьшилась за те два месяца, что прошли со времени праздника Рождества, отмечавшегося в Одли-Корт. Между двумя женщинами не было открытой войны – лишь вооруженный нейтралитет, нарушавшийся время от времени короткими дамскими стычками и мимолетными словесными перепалками. К сожалению, Алисия предпочла бы заранее подготовленное сражение этому молчаливому и скрытому разладу, но с мачехой было не так-то легко поссориться. На возмущение и гнев у нее были мягкие ответы. Она очаровательно улыбалась в ответ на открытую раздражительность своей падчерицы и весело смеялась, видя плохое настроение юной леди. Возможно, будь она менее дружелюбной или имей она такой же характер, как у Алисии, эти две дамы уже выплеснули бы свою вражду в одной крупной ссоре и стали после этого друзьями. Но Люси Одли не развязывала войны. Она выкладывала свою неприязнь постепенно, до тех пор, пока разрыв между ею и падчерицей, увеличиваясь понемногу с каждым днем, не превратился в огромную пропасть, через которую уже невозможно было перелететь голубю мира. Не может быть примирения там, где нет открытой войны. Сначала должно быть бурное сражение с развевающимися знаменами и грохотом канонады, а уж потом будут подписаны мирные

договоры и пожаты руки. Возможно, союз между Францией и Англией столь прочен благодаря воспоминанию о прошлых завоеваниях и разгромах. Мы ненавидели и били друг друга, но наконец выяснили отношения и теперь можем позволить себе броситься друг другу в объятия и клясться в вечной дружбе и любви.

Взаимной антипатии госпожи и Алисии способствовало также и то, что в большом доме сэра Майкла у каждой из них были свои апартаменты. Госпожа имела свои комнаты, как мы знаем, – роскошные покои, где было собрано все самое изящное и элегантное для удобства хозяйки. Алисия жила в другой части большого дома. У нее была ее любимая лошадка, ньюфаундленд и рисовальные принадлежности, что как-то скрашивало ее жизнь. Она была не очень счастлива, эта открытая добросердечная девушка, поскольку едва ли можно было чувствовать себя непринужденно в напряженной атмосфере Корта. Ее отец изменился – этот любимый отец, над которым она когда-то имела неограниченную власть капризного ребенка; теперь он принял другого правителя и подчинился новой власти. Понемногу власть госпожи все больше чувствовалась в доме, и Алисия видела, как отец постепенно удаляется от дочери через пролив, разделяющий ее и леди Одли, пока не оказался наконец на противоположном берегу пропасти и холодно смотрел на своего единственного ребенка через все увеличивающуюся бездну.

Алисия чувствовала, что он потерян для нее. Сияющие

улыбки госпожи, ее ласковые слова, ее лучезарные взгляды и чарующая грация сделали свое дело, и сэр Майкл смотрел теперь на свою дочь как на какую-то своенравную капризную молодую особу, которая плохо относится к любимой им супруге.

Бедная Алисия видела все это и как могла несла свое бремя. Оказалось очень тяжело быть красивой сероглазой наследницей, иметь в своем распоряжении собак, лошадей и слуг, и в то же время быть совсем одинокой в этом мире, не имея ни одного друга, кому можно было излить свои горести.

«Если бы Боб был способен хоть на что-нибудь, я могла бы рассказать ему, как несчастна, – размышляла мисс Одли, – но я могу с таким же успехом поделиться своими тревогами с Цезарем».

Сэр Майкл Одли повиновался своей хорошенькой медсестре и лег спать в девять часов в этот холодный мартовский вечер. Возможно, спальня баронета была для больного приятным убежищем в такую холодную погоду. Темно-зеленые бархатные занавеси были задернуты у окон и вокруг огромной кровати. В широком камине горели дрова. На восхитительном маленьком столике у его кровати стояла настольная лампа и лежала кипа газет и журналов, положенных туда собственными хорошенькими ручками госпожи для развлечения больного.

Леди Одли просидела у постели около десяти минут, серьезно разговаривая с супругом об этом странном и ужасном

деле – безумии Роберта Одли; затем поднялась и пожелала ему спокойной ночи. Она опустила пониже зеленый шелковый абажур лампы, заботливо поправив его для удобства баронета, чтобы свет не бил ему в глаза.

– Я покину тебя, дорогой, – сказала она. – если ты хочешь спать, это очень хорошо. Если захочешь почитать, книги и газеты рядом. Я оставлю дверь между нашими комнатами открытой и услышу, если ты позовешь меня.

Леди Одли прошла через свою гардеробную в будуар, где сидела со своим супругом до обеда.

В этой комнате можно было заметить множество признаков того, что она принадлежит изящной женщине. Рояль госпожи был открыт, на нем разбросаны ноты, роскошно переплетенные собрания сцен и фантазий. У окна стоял мольберт – свидетель таланта госпожи с акварельным наброском Корта и садов. Сказочной красоты вышивки из кружев и муслина, шелка всех цветов радуги и искусно окрашенная шерсть были разбросаны в беспорядке в роскошном покое; зеркала, изобретательно расставленные в противоположных углах мастером-драпировщиком, многократно отражали изображение госпожи – самый прекрасный объект в этой очаровательной комнате.

Посреди всего этого света ламп, позолоты, красок, богатства и красоты, в задумчивости сидела Люси Одли на низенькой скамеечке у камина.

Если бы мистер Холман Гант мог заглянуть в этот изыс-

канный будуар, думаю, что в его воображении запечатлелась бы картина, которая могла бы быть воспроизведена на поясном портрете епископа для прославления братства прерафаэлитов. Госпожа сидела полуоткинувшись, опершись локтем о колено и положив точеный подбородок на ладонь; глубокие складки платья ниспадали длинными волнами с ее совершенной фигуры; алые отсветы огня в камине обволакивали ее мягкой дымкой, сквозь которую отсвечивали золотом ее волосы. Она казалась еще прекраснее от окружающего ее великолепия. Чашки из золота и слоновой кости работы Бенвенуто Челлини; застекленные шкафчики стиля «буль» с монограммой Марии-Антуанетты; повсюду эмблемы из розовых бутонов и союзов любящих, птичек и бабочек, купидонов и пастушек, богинь, придворных льстецов, крестьян и молочниц; статуэтки из паросского мрамора и светло-коричневого фарфора; позолоченные корзиночки с оранжевыми цветами; индийские шкатулки филигранной работы; хрупкие фарфоровые чашки цвета бирюзы, украшенные миниатюрами с изображениями Людовика XIV, Луизы де Вальери и Жанны-Мари Дюбарри; картины и позолоченные зеркала, блестящий атлас и прозрачные кружева – все, что можно купить за золото, было собрано здесь для украшения этой комнаты, в которой сидела сейчас госпожа, слушая, как пронзительно воеет мартовский ветер, в окно стучат листья плюща, и глядя в пылающую бездну горящих углей.

Я бы стала проповедовать старое давно известное учение

и надоедливо толковать об избитой морали, если бы воспользовалась случаем и выступила против искусства и красоты, поскольку госпожа была более несчастна в своих изящных апартаментах, чем полуголодная швея на своем чердаке. Она была несчастна из-за раны, слишком глубокой, чтобы ее можно было излечить такими лекарствами, как богатство и роскошь; но ее несчастье было неестественно, и я не вижу возможности воспользоваться фактом ее горя как аргументом в пользу бедности и лишений. Резные работы Бенвенуто Челлини и севрский фарфор не могли дать ей счастье, потому что уже не волновали ее. Она перестала быть наивной, и чистое удовольствие, получаемое нами от искусства и красоты, стало ей недоступно. Шесть или семь лет назад она была бы безмерно счастлива обладать этим маленьким дворцом Аладдина, но она покинула ряды беззаботных созданий, ищущих удовольствия, и забрела далеко в глубь пустынного лабиринта греха и вероломства, ужаса и преступления; и все сокровища, собранные для нее, давали ей лишь одну радость – швырнуть их на пол и топтать, уничтожая в жестоком отчаянии.

Но было кое-что, что вселяло в нее дикую радость, ужасное веселье. Если бы Роберт Одли, ее безжалостный враг и неумолимый гонитель, пал замертво в соседней комнате, она бы ликовала на его могиле.

Какие радости оставались у Лукреции Борджиа и Екатерины Медичи, когда страшная грань между невинностью и

грехом была найдена, и погибшие создания одиноко стояли с внешней стороны? Лишь ужасные радости мести, вероломные восторги остались этим несчастным женщинам. С какой презрительной горечью, должно быть, взирали они на легкомысленное тщеславие, мелкие хитрости, жалкие грехи обычных преступников. Возможно, они страшно гордились чудовищностью своих преступлений, этой «божественностью ада», делавшей их величайшими из всех грешников.

Госпожа, сидя у огня в пустой комнате, устремив свои большие ясные голубые глаза в зияющую пропасть пламени горящих углей, возможно, думала о вещах, далеких от ужасной безмолвной борьбы, в которую оказалась вовлечена. Быть может, она размышляла о давно прошедших годах детской невинности, ребячьих шалостей и эгоизма или легкомысленных женских прегрешений, которые были так легки для ее совести. Возможно, в этих обращенных в прошлое мыслях она увидела то давнее время, когда впервые посмотрела в зеркало и поняла, что она красива: то роковое время, когда она впервые начала смотреть на свою красоту, как на Божий дар, безграничное обладание которым было противовесом всем девичьим недостаткам, всем юным прегрешениям. Вспомнила ли она тот день, в который этот сказочный природный дар красоты впервые научил ее быть эгоистичной и жестокой, безразличной к радостям и горю других, бессердечной и капризной, жаждущей восхищения, придиричливой и властной, обладающей тем мелочным женским ти-

ранством, что хуже любого деспотизма? Проследила ли она каждое прегрешение своей жизни до его подлинного источника? И обнаружила ли она тот отравленный родник собственной преувеличенной оценки своего хорошенького личика? Если бы ее мысли забрели так далеко назад по течению жизни, она должна была раскаяться в горечи и отчаянии того первого дня, когда страсти стали ее властелинами, и три демона – Тщеславие, Эгоизм и Честолюбие соединили руки и произнесли: «Эта женщина – наша рабыня; посмотрим, кем она станет под нашим руководством».

Какими маленькими казались теперь эти первые ошибки молодости, когда госпожа возвращалась мыслями в свое прошлое, сидя в одиночестве у камина! Какое мелкое тщеславие, незначительные жестокости! Торжество над школьной подругой, флирт с ее ухажером, утверждение своего права, данного ей от Бога в виде голубых глаз и отливающих золотом волос. Но как незаметно эта узкая тропинка превратилась в широкую дорогу греха и насколько быстрее стал ее шаг на этой, теперь хорошо знакомой, дорожке!

Госпожа запустила пальцы в свои распущенные локоны цвета января и рванула их, как будто хотела выдернуть с корнем. Но даже в это мгновение безмолвного отчаяния упорное владычество красоты не покидало ее, и она отпустила свои бедные спутанные волосы, которые рассыпались, образуя ореол вокруг ее головы, мерцающей в свете камина.

«Я не была злой в юности, – размышляла она, мрачно гля-

дя на огонь. – Я была лишь бездумной. Я не причиняла вреда – по крайней мере, не преднамеренно. Интересно, была я когда-нибудь по-настоящему испорченной? – задумалась она. – Мои самые большие грехи были результатом необузданных порывов, а не продуманных интриг. Я не такая, как те женщины, о которых читала – они лежали ночи напролет в темноте и безмолвии, замышляя вероломные дела, детально готовя преступления. Интересно, страдали ли они – эти женщины – страдали они когда-нибудь, как...»

Ее мысли запутались. Неожиданно она гордо выпрямилась и в глазах ее появился блеск, который не был отражением огня в камине.

– Вы сумасшедший, мистер Роберт Одли, – произнесла она, – вы сумасшедший, и все ваши измышления – фантазии безумного человека. Я знаю, что такое безумие. Я знаю его приметы и признаки и поэтому говорю: вы сумасшедший.

Она приложила руку ко лбу, как будто ее мысли смущали и озадачивали ее, и она никак не могла спокойно на них сосредоточиться.

– Осмелюсь ли я бросить ему вызов? – прошептала она. – Осмелюсь ли? Смею ли я? Остановится ли он теперь, когда зашел так далеко? Остановится ли он из страха передо мной? Побойтся ли он меня, если мысль о том, какие страдания должен будет пережить его дядя, не остановила его? Остановит ли его что-нибудь – кроме смерти?

Она промолвила последние два слова зловещим шепотом,

наклонив вперед голову, с широко раскрытыми глазами, с губами, раскрытыми для произнесения этого последнего слова «смерть», и устремила невидящий взор на огонь.

– Я не могу замышлять всякие ужасы, – прошептала она вскоре. – У меня не хватает ума на это, я недостаточно испорчена и смела. Если бы я встретила Роберта Одли в тех пустых садах так же, как я...

Осторожный стук в дверь прервал ее мысль. Она вскочила, встревоженная этим звуком, и бросилась в низкое кресло у огня. Люси отбросила голову на подушки и взяла книгу со столика.

Незначительное само по себе, это движение говорило совершенно ясно о нескончаемых страхах, о фатальной необходимости все время таиться и о важности не забывать, несмотря на молчаливые страдания, о внешнем впечатлении. Оно говорило яснее, чем что-либо еще, о том, какой законченной актрисой заставила ее стать жизнь.

Тихий стук в дверь будуара повторился.

– Войдите, – воскликнула Люси своим самым приятным голосом.

Дверь отворилась с почтительной бесшумностью, свойственной хорошо вышколенной прислуге, и молодая женщина, очень просто одетая и, казалось, несущая мартовский холод в складках своего платья, переступила порог и остановилась у двери в ожидании позволения войти внутрь убежища госпожи.

Это была Феба Маркс, бледнолицая жена хозяина таверны в Маунт-Стэннинге.

– Прошу прощения, госпожа за беспокойство, – сказала она, – но я думала, что могу решиться зайти к вам сразу, не спрашивая разрешения.

– Да-да, конечно, Феба. Сними шляпку, ты, должно быть, замерзла, проходи и садись сюда.

Леди Одли указала на низкую оттоманку, на которой сидела несколько минут назад. Служанка госпожи часто сидела на ней, слушая болтовню своей хозяйки, в те прежние дни, когда была компаньонкой госпожи и ее доверенным лицом.

– Садись сюда, Феба, – повторила леди Одли, – садись и поговори со мной. Я так рада, что ты пришла сегодня. Мне было ужасно одиноко.

Она вздрогнула и оглядела свои роскошные покои так, как будто севрский фарфор и бирюза, мебель «буль» и золоченая бронза были ветхими украшениями какого-нибудь разрушенного замка. Ее невеселые мысли бросали тень на каждый предмет вокруг нее, и скрытые страдания в ее груди окрашивали их в мрачные тона. Она говорила чистую правду, когда сказала, что рада приходу своей служанки. Ее легкомысленная натура спасалась в это хилое укрытие в часы страха и страданий. Существовала какая-то симпатия между ней и этой девушкой, похожей на нее и внутренне и внешне – такой же, как она эгоистичной, холодной и жестокой, стремящейся к собственной выгоде, жадной до богатства, недо-

вольной долей, которая ей выпала и уставшей от зависимости. Госпожа ненавидела Алисию за ее открытую, страстную, щедрую и смелую натуру; она ненавидела свою падчерицу и льнула к этой бледнолицей белобрысой девушке, которую считала не лучше и не хуже самой себя.

Феба Маркс повиновалась своей бывшей госпоже и сняла шляпку, прежде чем сесть на оттоманку у ног леди Одли. Мартовский ветер не растрепал ее гладких кос, ее аккуратное платье из плотной шерстяной материи тускло-коричневого цвета и льняной воротничок были так же опрятны, как будто она только что закончила свой туалет.

– Я надеюсь, сэру Майклу лучше? – спросила она.

– Да, Феба, гораздо лучше. Он спит. Ты можешь закрыть эту дверь, – добавила Люси Одли, движением головы указывая на дверь, соединяющую их комнаты, которая была оставлена открытой.

Миссис Маркс покорно повиновалась и возвратилась на свое место.

– Я так несчастна, Феба, – раздраженно сказала госпожа, – ужасно несчастна.

– Из-за тайны? – шепотом спросила Феба.

Госпожа не обратила внимания на ее вопрос. Она снова начала говорить жалующимся тоном. Она была так рада пожаловаться хотя бы своей служанке. Люси так долго думала о своих страхах, так долго тайно страдала, что для нее было невыразимым облегчением вслух оплакивать свою судьбу.

– Меня жестоко преследуют и тревожат, Феба Маркс, – промолвила она. – Меня преследует и мучит человек, которому я никогда не причиняла вреда и никогда не желала зла. Мне не дает покоя этот безжалостный мучитель, и я...

Она остановилась, пристально глядя на огонь. Снова запутавшись в лабиринте своих мыслей, сновавших в мрачном хаосе смущения, она никак не могла прийти к конкретному решению.

Феба Маркс наблюдала за лицом госпожи, глядя снизу вверх на бывшую хозяйку своими бледными, беспокойными глазами, и отводила их в сторону, лишь встретившись с глазами Люси.

– Думаю, что знаю, кого вы имеете в виду, госпожа, – сказала жена хозяина таверны, немного помолчав. – По-моему, я знаю, кто так жесток с вами.

– Конечно, – с горечью ответила госпожа, – это уже не только моя тайна. Ты, без сомнения, знаешь все.

– Этот человек – джентльмен, не так ли, госпожа?

– Да.

– Джентльмен, приезжавший в гостиницу «Касл» два месяца назад, когда я предупредила вас...

– Да, да, – в нетерпении ответила госпожа.

– Я так и думала. Тот же господин и сегодня у нас, госпожа.

Леди Одли вскочила, но затем вновь упала в кресло с усталым недовольным вздохом. Какую войну могло вести такое

слабое создание со своей судьбой? Что она могла сделать, кроме как перевести дух, словно загнанный заяц, пока не найдет дорогу обратно, к началу этой жестокой гонки, чтобы быть растоптанной своими преследователями?

– В гостинице «Касл»? – вскричала она. – Я могла бы и сама догадаться. Он пошел туда, чтобы выудить мои секреты у твоего мужа. Дурак! – воскликнула она и вдруг повернулась к Фебе в ярости. – Ты хочешь меня погубить! Зачем ты оставила их вместе?

Миссис Маркс с мольбой сжала руки.

– Я пришла не по своей воле, госпожа, – взмолилась она. – Никто так не хотел уходить из дома, как я сегодня вечером. Меня послали сюда.

– Кто прислал тебя?

– Люк, госпожа. Вы не представляете, как он безжалостен ко мне, если я не подчиняюсь ему.

– Зачем он послал тебя?

Жена хозяина таверны опустила глаза под гневным взглядом леди Одли и в смущении колебалась, прежде чем ответить на вопрос.

– В самом деле, госпожа, – запинаясь она, – я не хотела приходить. Я говорила Люку, что нехорошо беспокоить вас, сначала просить об услуге, потом просить то, другое и не оставлять вас в покое хотя бы на месяц, но... но... он прогнал меня, он заставил меня прийти.

– Да-да, – нетерпеливо воскликнула леди Одли, – я знаю!

Я хочу знать, зачем ты пришла.

– Знаете, госпожа, – неохотно ответила Феба, – Люк такой расточительный, я никак не могу заставить его быть рассудительным. Он много пьет, и когда он пьет с грубыми крестьянами и даже больше, чем они, он уже не может правильно вести счета. Если бы не я, мы бы давно разорились, и как бы я ни старалась, я не могу предотвратить разорение. Помните, вы давали мне денег, чтобы заплатить по счету пивовара, госпожа?

– Да, я хорошо помню, – ответила леди Одли с горькой усмешкой, – потому что хотела этими деньгами оплатить свой счета.

– Я знаю, госпожа, и мне так тяжело приходиться и просить после того, что мы уже получили от вас. Но это еще не все. Когда Люк посылал меня тогда, он не говорил, что мы еще не заплатили рождественскую арендную плату, и мы все еще должны, а сегодня в доме судебный пристав, и завтра все выставят на продажу, если...

– Если я не заплачу вашу ренту, полагаю! – воскликнула Люси Одли. – Я могла бы догадаться, что к этому идет.

– О госпожа, я бы ни за что не просила вас, – рыдала Феба Маркс, – но он заставил меня!

– Да, – с горечью ответила госпожа, – он заставил тебя прийти, и будет заставлять тебя всякий раз, когда ни пожелает, и когда ни захочет получить деньги для удовлетворения своих низких пороков, и вы оба будете моими иждивенцами,

пока я жива или пока у меня будут деньги; но я думаю, что когда мой кошелек опустеет, а кредит будет исчерпан, вы со своим мужем продадите меня тому, кто даст цену побольше. Знаешь ли ты, Феба Маркс, что моя шкатулка с драгоценностями наполовину опустела, чтобы удовлетворить ваши требования? Ты знаешь, что мои деньги на булавки, которые я считала роскошным содержанием при подписании брачного контракта, когда я была бедной гувернанткой мистера Дусона, – что эти деньги кончились уже через полгода? Что мне сделать, чтобы утолить ваши аппетиты? Продать шкафчик Марии-Антуанетты или фарфор мадам Помпадур, часы из золоченой бронзы или обитые гобеленом стулья и оттоманки? Чем мне удовлетворить вас в следующий раз?

– О, госпожа, госпожа, – жалобно заплакала Феба, – не будьте так жестоки со мной, вы же знаете, это не я вымогаю у вас деньги.

– Я ничего не знаю, – воскликнула леди Одли, – за исключением того, что я самая несчастная из всех женщин. Дай мне подумать, – повелительным жестом она заставила умолкнуть Фебу. – Придержи язык и дай мне обдумать это дело, если смогу.

Она приложила руки ко лбу, сжав его своими тонкими пальчиками, как будто хотела управлять своим разумом с помощью этого судорожного движения.

– Роберт Одли с твоим мужем, – медленно промолвила она, больше разговаривая сама с собой, чем со своей себе-

седницей. – Эти два человека вместе, и в доме судебный пристав, а твой грубый муж уже наверняка пьян в стельку и еще больше упрям и жесток. Если я откажусь заплатить эти деньги, его свирепость увеличится в сотню раз. Бесплезно обсуждать это. Деньги должны быть уплачены.

– Но если вы заплатите, госпожа, – сказала Феба, – я надеюсь, вы внушите Люку, что делаете это в последней раз, пока он остается в этом доме.

– Почему? – спросила госпожа, уронив руки на колени и вопросительно глядя на миссис Маркс.

– Потому что я хочу, чтобы Люк оставил «Касл».

– Почему ты этого хочешь?

– О, по многим причинам, госпожа, – ответила Феба. – Он не подходит для того, чтобы быть хозяином таверны. Я не знала этого, когда выходила замуж, иначе возражала бы и попыталась убедить его заняться фермерством. Хотя вряд ли бы он оставил эту затею, он упрям, как бык, вы же знаете, госпожа. Но он не годится для этого дела. Почти каждый день, как стемнеет, он пьян, а когда он напьется, то становится буйным, не знает, что творит. Мы уже два или три раза были на волосок от гибели.

– На волосок от гибели! – повторила леди Одли. – Что ты говоришь!

– Мы едва не сгорели заживо из-за его беспечности.

– Сгорели из-за его беспечности! Как это произошло? – спросила госпожа довольно равнодушным тоном. Она была

слишком эгоистична и погружена в собственные заботы, чтобы интересоваться опасностью, грозившей ее бывшей служанке.

– Вы знаете, что «Касл» – очень старое необычное здание, госпожа, полуразвалившееся дерево, гнилые балки и все такое. Страховая компания Челмсфорда отказалась застраховать его, они сказали, что если оно однажды загорится в ветреную ночь, то вспыхнет, как спичка, и ничто не спасет его. Люк знает это, и владелец часто предупреждал его, потому что он живет рядом и строго присматривает за всем, что делает муж, но когда Люк напивается, он ничего не помнит, и только неделю назад он оставил горящую свечу в одном из надворных строений, и пламя добралось уже до балок крыши; если бы я не обнаружила это, осматривая все на ночь, мы бы сгорели в своих постелях. И это уже в третий раз за последние полгода, так что не удивляйтесь, что я так напугана, госпожа.

Но госпожа не удивлялась, она вообще об этом не думала. Она едва слушала, какое ей было дело до опасностей и тревог, поджидающих эту женщину низкого происхождения? Разве не было у нее своих неприятностей, своих трудностей, захвативших все ее мысли?

Она ничего не сказала в ответ на излияния бедной Фебы, едва ли понимая то, что она говорила, пока немного спустя значение некоторых слов не дошло до ее сознания.

– Сгорели в своих постелях, – промолвила наконец гос-

пожа. – Было бы совсем неплохо, если бы твой драгоценный супруг сгорел сегодня вечером.

Яркая картина вспыхнула перед ней, когда она произносила эти слова. Видение этого непрочного деревянного строения, гостиницы «Касл», превратившейся в бесформенную кучу балок и штукатурки, извергающей клубы пламени из своей черной пасти и выплевывающей огненные искры в холодную темную ночь.

Она устало вздохнула, когда видение исчезло, ей не станет лучше, если этот враг умолкнет навеки. У нее был другой, более опасный противник, от которого ничем не откупиться, даже будь она богатой, как императрица.

– Я дам тебе денег, чтобы избавиться от пристава, – сказала госпожа, помолчав. – Я должна отдать тебе последний золотой из моего кошелька, но что из этого? Ты знаешь так же хорошо, как и я, что я не смею отказать тебе.

Леди Одли поднялась и взяла лампу со стола.

– Деньги в гардеробной, – сказала она, – я пойду принесу их.

– О госпожа! – воскликнула вдруг Феба. – Я совсем забыла, я так расстроилась, что совсем позабыла.

– Забыла о чем?

– О письме, которое мне дали для вас, госпожа, как раз перед уходом.

– Какое письмо?

– Письмо от мистера Одли. Он услышал, как муж говорил,

что я иду сюда, и попросил меня передать вам письмо.

Леди Одли поставила лампу на стол и протянула руку, чтобы взять письмо. Феба Маркс не могла не заметить, что маленькая, униженная драгоценностями ручка дрожала, как лист.

– Дай мне его, дай мне его, – закричала госпожа, – я хочу знать, что еще он скажет.

Она почти выхватила письмо из рук Фебы в диком нетерпении, разорвала конверт и отбросила его в волнении; она едва могла развернуть лист бумаги.

Письмо оказалось коротким. Оно содержало следующее:

«Если миссис Толбойс осталась жива после ее предполагаемой смерти, о которой было сообщено в газетах и написано на надгробии на кладбище в Вентноре, и существует в лице дамы, которую подозревает и обвиняет автор этих строк, будет нетрудно найти кое-кого, кто может и желает опознать ее. Миссис Бакэмб, владелица Северных коттеджей в Уайлденси, без сомнения, согласится пролить свет на это дело, чтобы рассеять сомнения или подтвердить опасения.

Роберт Одли

3 марта 1859 г. Гостиница „Касл“, Маунт-Стэннинг».

Госпожа в ярости скомкала письмо и швырнула его в огонь.

«Если бы он стоял передо мной сейчас и я могла убить его, – прошипела она про себя, – я бы сделала это, сделала

это!» Она схватила лампу и бросилась в соседнюю комнату, захлопнув за собой дверь. Она не могла видеть свидетеля своего жуткого отчаяния, она ничего не могла вынести, – ни себя, ни того, что ее окружало.

Глава 7. Зарево в ночи

Дверь между гардеробной госпожи и спальней сэра Майкла была открыта. Баронет мирно спал, его благородное лицо было хорошо различимо в приглушенном свете лампы. Дыхание его было спокойным и равномерным, губы изогнулись в полуулыбке – улыбке нежного счастья, которая часто появлялась на его лице при взгляде на свою красивую жену; улыбка снисходительного отца, с восхищением взирающего на свое любимое дитя.

Взгляд Люси, упавший на эту благородную отдыхающую фигуру, смягчился, в нем появилось чувство жалости. На мгновение собственный эгоизм уступил место нежному состраданию к другому человеку. Возможно, это была всего лишь наполовину нежность, в которой жалость к себе была так же сильна, как и к мужу, но впервые в жизни ее мысли вышли из привычной колеи собственных страхов и тревог, чтобы остановиться на грядущих горестях другого.

«Если они заставят его поверить, как несчастен он будет», – подумала она.

Но вместе с этой мыслью пришла и другая – о ее хорошеньком личике, очаровании, лукавой улыбке, низком музыкальном смехе, похожем на звон серебряных колокольчиков над широкими просторами полей и речкой, журчащей в туманный летний вечер. Она подумала об этом с мимолет-

ным трепетом триумфа, который был сильнее, чем ее страх.

Даже если бы сэр Майкл Одли дожил до ста лет, что бы он ни узнал о ней, как бы ни презирал ее, разве сможет он когда-нибудь забыть это? Нет, тысячу раз нет. До его последнего часа в памяти останется она, такая красивая, чья красота в первый раз за всю его жизнь завоевала его восхищение, его преданную любовь. Ее злейшие враги не смогли лишить ее этого сказочного природного дара, таким роковым образом повлиявшего на ее легкомысленный разум.

Она мерила шагами гардеробную в серебряном свете лампы, обдумывая странное письмо, полученное от Роберта Одли. Люси долго ходила от стены к стене, прежде чем ей удалось привести в порядок свои мысли и она смогла заставить свой рассеянный разум сосредоточиться на угрозе, заключенной в письме адвоката.

– Он сделает это, – процедила она сквозь сжатые зубы, – он сделает это, если я не посажу его в сумасшедший дом или если...

Она не закончила свою мысль вслух. Она даже мысленно не закончила предложение, но какие-то новые непривычные удары сердца, казалось, выбили каждый слог в отдельности о ее грудь.

Это была такая мысль: «Он сделает это, если только какое-нибудь бедствие не обрушится на него и он не умолкнет навеки». Кровь бросилась в лицо госпожи, словно неожиданная и мгновенная вспышка огня, также внезапно погасшая,

оставив ее белее зимнего снега. Ее руки, судорожно сжатые, разомкнулись и безвольно упали вдоль тела. Она остановилась – так же, быть может, как жена Лота после того рокового взгляда назад, на погибающий город; пульс ее все больше слабел, каждая капля крови застывала в жилах в том ужасном превращении из женщины в статую.

Леди Одли минут пять неподвижно стояла с высоко поднятой головой, неподвижно глядя перед собой – она не видела окружающих ее стен, а как будто заглянула в темную глубину опасности и ужаса.

Но мало-помалу она вышла из состояния неподвижности так же внезапно, как и впала в нее. Она очнулась от этого полусна, быстро подошла к своему туалетному столику и, усевшись перед ним, смахнула разбросанные на нем бутылочки с золотыми колпачками и баночки с тонкими китайскими благовониями, и посмотрела на свое отражение в большом овальном зеркале. Она была очень бледна, но больше ничего в ее детском лице не выдавало волнения. Линии ее изысканно очерченных губ были так прекрасны, что только очень внимательный наблюдатель мог заметить некоторую жестокость, так не свойственную им. Она сама увидела это и попыталась улыбкой согнать эту неподвижность статуи, но в этот вечер розовые губы отказывались повиноваться ей, они были плотно сжаты и больше не были рабами ее воли. Все скрытые силы ее характера сосредоточились в одной этой черте. Она могла управлять своими глазами, но ей не удава-

лось контролировать мускулы рта. Люси встала из-за столика, взяла темный бархатный плащ и шляпку из шкафа и надела их. Маленькие позолоченные часы на каминной полке пробили четверть двенадцатого, пока леди Одли занималась этим, и пять минут спустя она вновь вошла в комнату, где оставила Фебу Маркс.

Жена хозяина таверны сидела у очага в том же положении, в котором ее бывшая хозяйка размышляла в одиночестве у камина немного раньше этим вечером. Феба подбросила дров в огонь и надела шляпку и шаль. Она хотела быстрее попасть домой к своему грубому мужу, который мог в ее отсутствие натворить всяких бед. Она подняла голову, когда вошла леди Одли, и удивленно вскрикнула, увидев свою хозяйку одетой.

– Госпожа, – воскликнула она, – разве вы куда-нибудь идете сегодня вечером?

– Да, Феба, – спокойно ответила леди Одли, – я иду с тобой в Маунт-Стэннинг повидать судебного пристава и самой заплатить ему.

– Но госпожа, вы забыли, который час, вы не можете выходить в такое время.

Леди Одли ничего не ответила. Она стояла, взявшись за ручку звонка, и спокойно размышляла.

– Конюшни заперты, и люди уже спят, – шептала она. – Поднимется страшный шум и гам, чтобы приготовить экипаж, но, быть может, один из слуг потихоньку устроит это

для меня.

– Но зачем вам выходить сегодня, госпожа? – вскричала Феба Маркс- Завтра вполне подойдет. Ничего, если и через неделю, наш хозяин уведет пристава, если будет ваше обещание уплатить этот долг.

Леди Одли не обратила на ее слова внимания. Она быстро вернулась в гардеробную, сбросила шляпку и плащ, и вернулась в будуар в своем простом костюме, небрежно зачесав назад волосы.

– А теперь, Феба Маркс, послушай меня, – начала она, схватив ее за руку и говоря низким повелительным голосом, требующим повиновения. – Послушай меня, Феба. Я собираюсь в таверну «Касл» сегодня вечером, рано сейчас или поздно для меня не имеет значения, я решила пойти и пойду. Ты спросила меня почему, и я тебе ответила. Я иду, чтобы самой уплатить этот долг и проследить, что деньги пойдут туда, куда предназначены. Здесь нет ничего необычного. Я собираюсь делать то, что часто делают женщины в моем положении, – хочу помочь любимой служанке.

– Но уже двенадцатый час, – взмолилась Феба.

Леди Одли нетерпеливо нахмурилась.

– Если об этом станет известно, – сказала она, все еще держа Фебу за руку, – я готова ответить за свое поведение, но я бы предпочла, чтобы это дело осталось в тайне. Думаю, что я могу выйти из дома и вернуться так, что меня не увидит ни одна живая душа, если ты сделаешь то, что я велю.

– Я сделаю все, что вы хотите, госпожа, – покорно ответила Феба.

– Тогда ты пожелаешь мне спокойной ночи, когда моя горничная войдет в комнату, и пусть она проводит тебя из дома. Ты пройдешь через двор и будешь ждать меня в аллее на другой стороне арки. Я присоединюсь к тебе примерно через полчаса, так как не смогу выйти из комнаты, пока все слуги не лягут спать, но ты будешь терпеливо ожидать меня.

Лицо леди Одли больше не было бледным. Яркое красное пятно горело на каждой из ее круглых щек, и ее большие голубые глаза светились неестественным блеском. Она говорила непривычно четко и быстро. У нее был вид человека, поддавшегося сильному волнению. Феба Маркс смотрела на свою бывшую хозяйку в немом изумлении. Она начала опасаться, что госпожа сошла с ума.

На звонок леди Одли вошла ее изящная горничная, носившая розовые ленты, черные шелковые платья и другие украшения, неизвестные тем забитым людям, что сидели в нижнем конце стола в добрые старые времена, когда слуги носили грубую полушерстяную ткань.

– Я не знала, что уже так поздно, Мартина, – промолвила госпожа своим мягким голосом, которым всегда завоевывала симпатию слуг, желавших услужить ей. – Я беседовала с миссис Маркс и не заметила, как быстро пролетело время. Мне больше ничего не понадобится сегодня, так что можешь ложиться спать.

– Благодарю вас, госпожа, – ответила сонная девушка, с трудом подавляя зевету даже в присутствии своей хозяйки, так как в Кортэ привыкли рано вставать. – Мне проводить миссис Маркс, – спросила служанка, – прежде чем я лягу спать?

– О да, конечно. Остальные слуги, думаю, уже в постели?

– Да, госпожа.

Леди Одли засмеялась, взглянув на часы.

– Мы ужасно заболтались с тобой, Феба, – заметила она. – Спокойной ночи. Можешь сказать мужу, что арендная плата будет внесена.

– Большое спасибо, госпожа, и спокойной ночи, – пробормотала Феба, выходя из комнаты в сопровождении горничной госпожи.

Леди Одли послушала у двери, ожидая, пока приглушенный стук их шагов не замер в восьмиугольной комнате и на покрытой ковром лестнице.

– Мартина спит на верхнем этаже, – сказала она, – далеко от этой комнаты. Минут через десять я могу спокойно уйти.

Она вернулась в гардеробную и снова надела плащ и шляпку. Ее щеки все еще горели, а глаза светились неестественным блеском. Она была в таком сильном возбуждении, что ни ее тело, ни мозг не чувствовали усталости. Как бы я ни старалась, я не смогу описать и десятой доли ее мыслей и страданий. Она пережила столько мук в ту единственную жуткую ночь, что они заполнили бы напечатанные мелким

шрифтом тома объемом в тысячи страниц. Она испытала целые многотомники боли, сомнений и терзаний. Иногда вновь и вновь повторяя некоторые главы своих мучений. Иногда спеша сквозь тысячу страниц своего горя, не останавливаясь и ни разу не переведя дыхания. Люси стояла у низкой каминной решетки в своем будуаре, следя за минутной стрелкой часов и ожидая, пока она сможет безопасно покинуть дом.

– Я подожду десять минут, – промолвила она, – ни минутой больше, прежде чем снова пойду на риск.

Она прислушивалась к дикому завыванию мартовского ветра, поднявшегося из тишины и темноты ночи.

Стрелка медленно совершила свой неизбежный ход к цифре, указывавшей, что десять минут истекли. Было ровно четверть двенадцатого, когда госпожа взяла лампу и тихонько прокралась из комнаты. Ее легкая поступь напоминала какое-то изящное дикое животное, и можно было не бояться, что эти воздушные шаги разбудят эхо в покрытых ковром коридорах и на лестнице. Она не остановилась, пока не дошла до вестибюля на первом этаже. Из этого вестибюля, который так же, как и передняя госпожи, имел восьмиугольную форму, открывалось несколько дверей. Одна из них вела в библиотеку, и именно эту дверь тихо и осторожно открыла леди Одли.

Выйти тайком из дома через любой из главных выходов было бы чистым безумием, поскольку экономка сама проверяла на ночь все двери с главного и черного хода. Секреты

засовов, решеток и цепей, которыми были снабжены эти двери, были известны лишь слугам, отвечавшим за них. Но хотя все эти предосторожности предпринимались лишь в отношении главного входа в цитадель, деревянная задвижка и тонкая железная решетка, такая легкая, что ее мог поднять и ребенок, считались достаточными запорами для стеклянной двери, ведущей из комнаты для завтрака на гравийную дорожку и гладкий дерн во дворе.

Именно через эту дверь леди Одли решила выйти. Она могла легко поднять решетку и отодвинуть задвижку, и спокойно оставить дверь открытой на время своего отсутствия. Опасаться того, что сэр Майкл проснется, не приходилось: он крепко спал в начале ночи, а со времени болезни сон его стал еще более крепок.

Леди Одли пересекла библиотеку и открыла дверь в комнату для завтрака. Эта комната была одной из современных пристроек. Это была простая веселая комната с яркими обоями и красивой кленовой мебелью, в которой больше всех времени проводила Алисия. Все, что требовалось для занятий юной леди, было разбросано повсюду – рисовальные принадлежности, незаконченные кусочки вышивок, запутанные клубки шелка и другие приметы девичьего присутствия, а картина мисс Одли – симпатичный рисунок цветным карандашом, изображающий розовощекую девчонку-сорванца верхом на лошади, висел над причудливыми старинными украшениями на каминной доске. Госпо-

жа окинула взглядом эти знакомые предметы с презрительной ненавистью, светившейся в ее голубых глазах.

«Как *она* будет рада, если на меня падет позор! – подумала она. – Как *она* будет радоваться, если меня выгонят из этого дома!»

Леди Одли поставила лампу на стол у камина и подошла к стеклянной двери. Она отодвинула железную решетку и мягкую деревянную задвижку и открыла дверь. Мартовская ночь была черна и безлунна, ее обдало холодом, порыв ветра наполнил комнату своим леденящим дыханием и задул лампу на столе.

– Неважно, – прошептала госпожа, – ее все равно нельзя было оставить горячей. Я найду дорогу, когда вернусь, ведь я оставила все двери открытыми.

Она быстро вышла на ровную гравийную дорожку и закрыла за собой дверь. Люси боялась, что коварный ветер откроет дверь, ведущую в библиотеку, и выдаст ее.

В лицо ей дул холодный ветер, натягивая шелковое платье вокруг ее фигуры с резким шелестом, словно морской бриз надувает паруса яхты. Она пересекла двор и оглянулась на мгновение назад, на огонь в камине, отсвечивающий сквозь розовые занавеси ее будуара и мягкий свет лампы за окнами комнаты, где спал сэр Майкл Одли.

«У меня такое чувство, как будто я убегаю, – подумала она. – Я чувствую, как будто скрываюсь тайком глубокой ночью, чтобы затеряться навеки. Возможно, послушаться его

предупреждения и навсегда исчезнуть было бы наилучшим выходом из положения. Если бы мне можно было убежать и исчезнуть, как Джордж Толбойс. Но куда мне идти? Что со мной станет? У меня нет денег: мои драгоценности стоят не больше двух сотен фунтов, ведь я избавилась от лучших из них. Что мне делать? Я должна буду вернуться к старой жизни – тяжелой, жестокой, несчастной жизни, полной бедности, унижения, досады и неудовлетворенности. Мне придется вернуться, состариться в этой долгой борьбе и умереть – как возможно, умерла моя мать».

Госпожа с минуту стояла неподвижно на ровной лужайке перед аркой, опустив голову на грудь и сцепив руки, обдумывая это. В ней чувствовалась нерешительность и растерянность. Но вдруг произошла перемена – она вскинула голову, уверенно и с вызовом.

– Нет, мистер Роберт Одли, – громко сказала она низким отчетливым голосом, – я не вернусь. Если борьбе между нами суждено стать поединком до смерти, я не опущу своего оружия.

Быстрым и твердым шагом она прошла под арку. Когда Люси проходила под этим массивным сооружением, казалось, что она исчезает в черную пропасть, раскрывшуюся, чтобы поглотить ее. Причудливые часы пробили полночь, и казалось, что прочная каменная кладка содрогается от этих тяжелых ударов, когда леди Одли вышла на другую сторону арки и присоединилась к Фебе Маркс, поджидавшей свою

бывшую хозяйку у ворот.

– Итак, Феба, – сказала она, – отсюда три мили до Маунт-Стэннинга, не так ли?

– Да, госпожа.

– Тогда мы сможем пройти их за час.

Леди Одли промолвила это, не останавливаясь; она быстро шла по аллее рядом со своей покорной спутницей. Несмотря на свое хрупкое сложение, она была хорошим ходоком. Люси привыкла совершать длинные прогулки по сельской местности с детьми мистера Доусона в прежние дни, и расстояние в три мили не пугало ее.

– Полагаю, твой драгоценный супруг будет ждать тебя, Феба? – спросила она, когда они углубились в открытое поле, чтобы срезать путь до большой дороги.

– О да, госпожа, конечно. Я думаю, они еще пьют с тем мужчиной.

– Каким мужчиной?

– С владельцем, госпожа.

– А, ну да, – безразлично промолвила леди Одли.

Казалось странным, что домашние заботы Фебы так далеки от ее мыслей в то время, как она предпринимала такие необычные меры, чтобы уладить дела в таверне «Касл».

Женщины перешли поле и свернули на большой тракт. Дорога до Маунт-Стэннинга пролегала по холмам и казалась черной и мрачной во тьме ночи, но госпожа шла вперед с отчаянной храбростью, не свойственной ее эгоистичной чув-

ственной натуре. Она больше не заговаривала со своей спутницей, пока они не приблизились к мерцающим огням на вершине холма, один из которых, светящийся красным светом сквозь занавески, указывал на то самое окно, за которым, возможно, клевал носом Люк Маркс над своим стаканом вина в ожидании жены.

– Он не ушел спать, Феба, – заметила госпожа. – Но другие окна не светятся. Думаю, мистер Одли уже в постели и спит.

– Да, госпожа, наверное, так.

– Ты уверена, что он собирался остановиться в «Касл» сегодня?

– Да, госпожа. Я помогала служанке приготовить ему комнату, прежде чем ушла.

Ветер был еще свирепее и безжалостнее на вершине холма, где воздвигла свои шаткие станы таверна «Касл». Резкие его порывы буйствовали вокруг этого хрупкого сооружения. Они резвились на разрушенной голубятне, разбитом флюгере, скакали по черепицам и бесформенным крышам, дребезжали в оконные стекла и свистели в щелях, насмехались над хилым строением от фундамента до крыши, и колотили, и хлопали, и мучили его своими яростными прыжками, пока здание не задрожало и закачалось от этого грубого веселья.

Мистер Люк Маркс не потрудился запереть входную дверь, прежде чем усесться за выпивку с владельцем «Касл». Хозяин «Касл» был ленивым, чувственным грубияном, которого волновали лишь собственные удовольствия, и испы-

тывавший злобную ненависть к любому, кто мешал ему развлекаться.

Феба распахнула дверь и вошла в дом, за ней госпожа. Дверь в гостиную была наполовину открыта, и леди Одли услышала грубый смех мистера Маркса, когда переступила порог таверны.

– Я скажу ему, что вы здесь, госпожа, – прошептала Феба. – Он пьян. Вы... вы не обидитесь, госпожа, если он скажет какую-нибудь грубость? Вы знаете, я не хотела, чтобы вы приходили.

– Да, да, – нетерпеливо ответила леди Одли. – Я знаю. Какое мне дело до его грубости? Пусть говорит, что хочет.

Феба Маркс распахнула дверь в гостиную.

Люк сидел у камина, вытянув свои неуклюжие ноги, со стаканом джина в одной руке и кочергой в другой. Он только что засунул ее в кучу черных углей и ворошил их, чтобы они разгорелись, когда его жена появилась на пороге комнаты.

Он выхватил кочергу из-за прутьев решетки и пьяно угрозил ею.

– Наконец-то ты соизволила вернуться домой, – приветствовал он ее. – Я уж думал, ты никогда не вернешься.

Люк говорил грубым пьяным голосом, язык его заплетался. Он был пьян в стельку. Глаза были мутные и водянистые, руки дрожали. Грубый даже в трезвом виде, он был в десять раз ужаснее, когда напивался и ничего не сдерживало его невежественную грубость.

– Я... я почти не задержалась, Люк, – ответила Феба, пытаясь успокоить его. – Я видела госпожу, она была так добра и... она все устроит для нас.

– Ах, она такая добрая, не так ли? – пробормотал Люк Маркс с пьяным смешком. – Спасибо ей большое, только за что? Я знаю цену ее доброты. Вряд ли она была бы так добра, если бы не была обязана.

Владелец, впавший в слезливое и почти бессознательное состояние после третьей бутылки, только глазел в немом удивлении на хозяина и хозяйку. Он сидел у стола. Скорее, он прилепился к нему локтями, чтобы не соскользнуть под стол, и делал безуспешные попытки прикурить трубку от пламени сальной свечи, стоящей перед ним.

– Госпожа обещала все устроить, – повторила Феба, не обратив внимания на слова Люка; она слишком хорошо знала упрямую натуру своего мужа и понимала, что бесполезно пытаться остановить его и побороть его тупое упрямство. – И она пришла сюда, Люк, – добавила она.

Кочерга выпала из его руки и с грохотом упала на золу у камина.

– Госпожа Одли пришла сюда, – повторил он.

– Да, Люк.

Леди Одли появилась на пороге.

– Да, Люк Маркс, – промолвила она. – Я пришла, чтобы заплатить этому человеку, и пусть он идет по своим делам.

Леди Одли произнесла эти слова, как будто выучила пред-

ложение наизусть и повторяла его, не сознавая его значения.

Мистер Маркс недовольно зарычал и в нетерпении поставил пустой стакан на стол.

– Вы могли бы отдать деньги Фебе, – огрызнулся он, – чем нести их самой. Тут не нужны прекрасные леди, сующие во все свой нос.

– Но Люк, Люк, – увещевала его Феба, – госпожа так добра к нам!

– Черт побери ее доброту! – закричал мистер Маркс. Нам нужны не ее доброта, а ее деньги. Она не дожидается от меня чертовой благодарности. Она это делает, потому что должна, а то бы она...

Бог знает, сколько еще наговорил бы Люк Маркс, если бы госпожа неожиданно не повернулась к нему и неземным блеском своей красоты заставила его умолкнуть. Ее волосы были зачесаны назад, легкие и пушистые, они обрамляли ее лицо словно ослепительный пламень. А в ее глазах горел другой огонь – зеленоватые отблески пламени, – что вспыхивали в мерцающих очах разгневанной сирены.

– Прекратите, – вскричала она. – Я пришла сюда глубокой ночью не для того, чтобы выслушивать ваши оскорбления. Каков ваш долг?

– Девять фунтов.

Леди Одли вынула кошелек – игрушку из слоновой кости, серебра и бирюзы – и вынула из него банкноту и четыре соверена. Она положила деньги на стол.

– Пусть он даст мне расписку, – промолвила она, – прежде чем я уйду.

Понадобилось время, чтобы привести пьяного в чувство для совершения этого простого действия, и только окунув ручку в чернила и засунув ее между неуклюжими пальцами, его заставили наконец понять, что требуется его автограф внизу расписки, написанной Фебой Маркс. Как только высохли чернила, леди Одли взяла документ и повернулась к выходу. Феба последовала за ней.

– Вы не должны идти домой одна, госпожа, – сказала она. – Вы позволите мне пойти с вами?

– Да, да, ты пойдешь со мной.

Женщины стояли у двери в таверну, когда госпожа произнесла эти слова. Феба удивленно уставилась на нее. Она полагала, что леди Одли поспешит вернуться домой, уладив это дело, за которое с такой капризной настойчивостью взялась, но ничего подобного: госпожа стояла, прислонившись к входной двери и бездумно глядя в пространство, и миссис Маркс опять начала опасаться, что госпожа немного не в себе.

Маленькие голландские часы пробили час, пока леди Одли пребывала в нерешительности.

Она встрепенулась, услышав бой часов, и сильно задрожала.

– Кажется, я сейчас упаду в обморок, Феба, – сказала она, – у тебя есть холодная вода?

– Насос в прачечной, госпожа, я сбегаю и принесу вам стакан воды.

– Нет, нет, нет, – закричала госпожа, вцепившись Фебе в руку, – я сама. Мне нужно окунуть всю голову в воду, чтобы не лишиться сознания. В которой комнате спит мистер Одли?

Вопрос был столь неуместен, что Феба Маркс в недоумении посмотрела на свою хозяйку, прежде чем ответить.

– Я приготовила комнату номер три, госпожа, переднюю, следующую за нашей, – ответила она, немного помолчав.

– Дай мне свечу, – попросила госпожа, – я пойду в твою комнату и намочу голову. Оставайся здесь, – добавила она повелительным тоном, когда Феба сделала движение, чтобы показать ей дорогу, – оставайся здесь и проследи, чтобы твой муж-грубиян не пошел за мной!

Она выхватила свечу из рук Фебы и побежала по шаткой витой лесенке, ведущей в узкий коридор на верхнем этаже. Пять спален выходили в этот коридор с низким потолком: номера комнат были обозначены толстыми черными цифрами на верхних панелях дверей. Леди Одли приезжала раньше в Маунт-Стэннинг, чтобы осмотреть дом, когда покупала его для жениха своей служанки, и хорошо знала это полуразвалившееся здание; ей было хорошо известно, где спальня Фебы, но остановилась она перед дверью в другую комнату, приготовленную для мистера Роберта Одли.

Она остановилась и посмотрела на номер, написанный на

двери. Ключ был в замке и ее рука бессознательно опустилась на него. Затем она снова начала дрожать, как несколько минут назад, когда пробили часы. Так простояла она несколько мгновений, положив пальцы на ключ, – затем лицо ее исказилось, и она повернула ключ в замке, и еще раз, заперев дверь на два оборота.

Изнутри не раздавалось ни звука, постоялец не подавал признаков того, что слышал зловещий скрип ключа в ржавом замке.

Леди Одли поспешила в соседнюю комнату. Она поставила свечу на туалетный столик, сбросила шляпку и повесила ее на руку, прошла к умывальнику и налила в таз воды. Она смочила свои золотистые волосы этой водой и затем простояла какое-то время в центре комнаты, оглядываясь кругом, вбирая в себя горячим ревностным взором каждый предмет этой убого обставленной комнаты. Спальня Фебы была действительно очень бедно обставлена, она была вынуждена отобрать самую приличную мебель для лучших спален, в которых мог заночевать какой-нибудь случайный путешественник, остановившийся в гостинице «Касл». Но миссис Маркс приложила все усилия, чтобы возместить недостаток мебели в своих покоях изобилием драпировок. Жесткие занавеси из дешевого вощеного ситца висели над кроватью; фестоновые драпировки из той же материи закрывали узкое окошко, образуя уютную гавань для полчищ мух и хищных банд пауков. Даже дешевенькое зеркало, ис-

кажающее лицо каждого, кто дерзал заглянуть в него, стояло на подставке, задрапированной накрахмаленным муслином и розовым миткалем, и было украшено оборками из кружев и вязания.

Госпожа улыбнулась, глядя на фестоны и оборки, на которые повсюду наталкивался ее взгляд. Быть может, у нее и была причина улыбаться, если вспомнить дорогое изящное убранство ее апартаментов, но казалось, в этой сардонической улыбке было нечто большее, чем простое презрение к попыткам Фебы украсить комнату. Она подошла к туалетному столику и пригладила перед зеркалом свои мокрые волосы, затем надела шляпку. Ей пришлось поставить сальную свечу слишком близко к кружевным оборкам вокруг зеркала, так близко, что казалось, накрахмаленный муслин притягивает к себе пламя.

Феба с беспокойством ожидала возвращения госпожи у дверей таверны. Она следила за минутной стрелкой голландских часов, удивляясь, как медленно она движется. Только десять минут второго спустилась леди Одли, уже в шляпе и с мокрыми волосами, но без свечи.

Феба сразу же встревожилась.

– Свеча, госпожа, – забеспокоилась она, – вы оставили ее наверху!

– Ее задул ветер, когда я выходила из твоей комнаты, – спокойно ответила леди Одли. – Я оставила ее там.

– В моей комнате, госпожа?

– Да.

– Но она точно погасла?

– Да, говорю же тебе, что ты так волнуешься о своей свече? Уже больше часа. Пойдем.

Она взяла девушку за руку и потащила ее от дома. Она так крепко и судорожно держала руку своей спутницы, что казалось, будто она попала в железные тиски. Пронизывающий мартовский ветер захлопнул дверь дома, оставив женщин снаружи. Перед ними лежала черная пустынная дорога, смутно различимая между изгородями.

Трехмильная прогулка по безлюдной сельской дороге в час ночи зимой едва ли очень приятна для нежной женщины, привыкшей к роскоши и удобствам. Но госпожа так спешила по этому нелегкому пути, волоча за собой спутницу, как будто ее влекла какая-то ужасная дьявольская сила, не знающая пощады. Над ними нависла черная ночь, с ног сбивал пронизывающий ветер, с завыванием пронесившийся над широкими просторами, как будто он поднимался одновременно из каждой точки окружности, чтобы сфокусировать свою ярость на этих двух несчастных путниках, а женщины все шли сквозь тьму, сначала спускаясь с холма, на котором стояла Маунт-Стэннинг, затем полторы мили ровной дороги, потом вверх по другому холму, на западной стороне которого укрылся в долине Одли-Корт, казалось, спрятавшийся от шума и гама суетного мира.

Госпожа остановилась на вершине этого холма, чтобы пе-

ревести дыхание и прижать к груди руки, в безуспешной попытке успокоить громкое биение сердца. До Корта оставалось три четверти мили, они шли уже час, с тех пор, как покинули таверну «Касл».

Леди Одли остановилась передохнуть, стоя лицом к Одли-Корт. Феба Маркс тоже остановилась, довольная, что может хоть на минуту перевести дыхание в этой спешке, и оглянулась назад, в далекую тьму, за которой лежал мрачный приют, причинивший ей столько беспокойства. Обернувшись, она издала пронзительный крик ужаса и вцепилась в плащ госпожи.

Ночное небо больше не было темным. Непроглядную ночь разорвал сноп пылающего света.

– Госпожа, госпожа, – закричала Феба, показывая на это огненное пятно, – вы видите?

– Да, дитя, я вижу, – ответила леди Одли, пытаясь стряхнуть со своего плаща вцепившиеся в него руки. – Что случилось?

– Это огонь, госпожа!

– Да, боюсь, что это огонь. Скорее всего, в Brentwude. Пустите меня, Феба, какое нам дело.

– Да, да, госпожа, это ближе, чем в Brentwude, гораздо ближе, это в Maunt-Stanninge.

Леди Одли не ответила. Она снова дрожала, возможно, от холода, так как ветер сорвал плащ с ее плеч и оставил ее хрупкую фигуру открытой порывам ветра.

– Это в Маунт-Стэннинге, госпожа! – кричала Феба Маркс. – Это горит «Касл», я знаю, знаю. Я думала сегодня о пожаре, мне было так беспокойно, потому что я знала, что это когда-нибудь случится. Я бы не волновалась из-за этого несчастного дома, но могут погибнуть люди, – обезумев, рыдала девушка. – Там Люк, слишком пьяный, чтобы спастись, и мистер Одли спит...

Феба неожиданно умолкла, упомянув имя Роберта, и упала на колени, подняв сложенные в молитве руки и неистово взывая к леди Одли.

– О боже! – кричала она. – Скажите, что это неправда, госпожа, скажите, что это неправда. Это слишком ужасно, слишком ужасно, слишком ужасно!

– Что слишком ужасно?

– Та мысль, что у меня в голове, эта ужасная мысль.

– О чем ты говоришь? – яростно воскликнула госпожа.

– Господь да простит меня, если я ошибаюсь! – задыхаясь, отрывисто воскликнула женщина. – Зачем вы приходили сегодня в «Касл», госпожа? Зачем вы так стремились туда, несмотря на все мои уговоры – вы, так ненавидящая мистера Одли и Люка, и вы знали, что они оба под этой крышей? О, скажите мне, что я несправедлива к вам, госпожа, только скажите мне, потому что над нами Бог, и я думаю, что вы пошли туда сегодня, чтобы поджечь «Касл». Скажите, что я не права, госпожа, скажите, что я грешу на вас, что я не права.

– Да ты просто сумасшедшая, – ответила леди Одли холодным безжалостным голосом. – Встань, дура, идиотка, трусиха! Да неужели твой муж – такая великолепная партия, что ты тут ползаешь, стелая и причитая по нему? Кто тебе Роберт Одли, что ты ведешь себя, как маньячка, потому что думаешь, что он в опасности? Откуда ты знаешь, что пожар в Маунт-Стэннинге? Ты видишь красный свет в небе и сразу же начинаешь вопить, что твоя жалкая лачуга в огне, как будто больше ничего в мире не может гореть. Пожар может быть в Brentwude или дальше – в Romford, а может, еще дальше – может быть, на восточной окраине Лондона. Встань, сумасшедшая, возвращайся и присматривай за своим добром, своим мужем и постояльцем. Встань и иди, ты не нужна мне.

– О, госпожа, госпожа, простите меня, – рыдала Феба, – я была так несправедлива к вам. Мне все равно, что вы говорите, лишь бы я оказалась не права.

– Возвращайся и смотри за собой, – сурово ответила леди Одли. – Повторяю, ты не нужна мне.

Она ушла в темноту, оставив Фебу Маркс стоящей на коленях посреди дороги. Супруга сэра Майкла направлялась к дому, в котором спал ее муж, позади нее красное пламя освещало небеса, а впереди не было ничего – лишь непроглядная ночь...

Глава 8. Посланец

На следующее утро леди Одли довольно поздно вышла из своей гардеробной, изысканно одетая в утренний костюм из тонкого муслина, отделанный кружевами и вышивкой, но очень бледная, с синими тенями вокруг глаз. Она объяснила свою бледность и запавшие глаза тем, что долго читала ночью.

Сэр Майкл и его юная супруга позавтракали в библиотеке за удобным круглым столом, придвинутым поближе к огню, и Алисии, избегавшей Люси в долгие часы между завтраком и обедом, пришлось разделить трапезу со своей мачехой.

Мартовское утро было холодным и унылым, непрерывно моросил дождь. Утренняя почта принесла мало писем, газет еще не доставили, и говорить было не о чем.

Алисия посмотрела на мелкий дождик, стучавший в оконное стекло.

– Сегодня неподходящая погода для прогулки верхом, – заметила она, – и едва ли будут гости, если только этот смешной Боб не проберется сквозь слякоть из Маунт-Стэннинга.

Приходилось ли вам слышать, как весело и беззаботно говорят о человеке, который уже умер, но, не зная о его смерти, сообщают, что он сделал то или это, какое-то обычное повседневное действие, в то время как вы знаете, что он уже исчез с лица земли и навсегда ушел от живых и их суеты в страш-

ную торжественность смерти? Такое случайное упоминание, незначительное само по себе, пронзает сердце странной болью. Нечаянное замечание раздражает сверхчувствительные нервы, Короля Ужасов оскорбляет эта невольная дерзость. Бог знает, по какой тайной причине госпожа могла пережить подобное внезапное смятение чувств при случайном упоминании имени мистера Одли, но ее и без того бледное лицо покрылось мертвенной белизной, когда Алисия Одли заговорила о своем кузене.

– Да, возможно, он спустится сюда по грязи, – продолжала юная леди, – его шляпа будет лосниться и блестеть, как будто ее почистили кусочком масла, а от одежды будет подниматься пар – словно от неуклюжего джинна, только что выпущенного из бутылки. Он войдет сюда и оставит на всем ковре следы своих грязных башмаков, и усядется в своем мокром плаще на ваши гобелены, госпожа, и начнет ругаться, если вы будете возражать, и спрашивать, почему у вас стулья, на которых нельзя сидеть, и почему вы не живете на Фигтри-Корт, и...

Сэр Майл задумчиво наблюдал за своей дочерью, когда она говорила о своем кузене. Она часто высмеивала и нападала на него. Но, быть может, баронет подумал о некоей синьоре Беатриче, постоянно препиравшейся с одним джентльменом по имени Бенедикт, и которая, возможно, была в то же время влюблена в него.

– Как вы думаете, о чем рассказал мне мистер Мелвилл,

когда заезжал сюда вчера, Алисия? – спросил вскоре сэр Майкл.

– Понятия не имею, – довольно равнодушно ответила Алисия. – Возможно, он сказал, что скоро будет новая война, ей-богу, сэр, или, быть может, нам нужен новый министр, ей-богу, сэр, потому что все эти парни попали в передрагу, влипли, сэр, или что эти парни преобразовывают это и сокращают то, реформируют армию, пока, ей-богу, сэр, у нас совсем не будет армии – только банда мальчишек, сэр, напичканных по уши всяким школьным вздором и одетых в куртки из скорлупы и коленкоровые шлемы. Да, сэр, в этот самый день они сражаются в своих коленкоровых шлемах, сэр.

– Вы дерзкая девчонка, мисс, – ответил баронет. – Майор Мелвилл не говорил мне ничего подобного; он лишь сказал, что твой преданный поклонник, некий сэр Гарри Тауэрс, покинул свое имение и конюшни в Хертфордшире и уехал на год в Европу.

Мисс Одли неожиданно вспыхнула при упоминании о своем старом обожателе, но очень быстро оправилась.

– Так он уехал в Европу, не так ли? – безразлично промолвила она. – Он говорил мне, что собирается туда, если... не получится так, как он хочет. Бедняга! Он милый, славный, глупый парень и в двадцать раз лучше, чем этот странствующий остроумный морозильник мистер Роберт Одли.

– Мне бы хотелось, Алисия, чтобы ты так не увлекалась

высмеиванием Боба, – мрачно заметил сэр Майкл. – Боб хороший парень, и я люблю его, как собственного сына, и... и... я очень беспокоюсь о нем в последнее время. Он очень изменился за последние несколько дней, вбил себе в голову всякие нелепые идеи, и госпожа встревожила меня. Она думает...

Леди Одли перебила мужа, мрачно покачав головой.

– Лучше пока не говорить об этом, – сказала она. – Алисия знает, что я думаю.

– Да, – подхватила мисс Одли, – госпожа думает, что Боб сошел с ума, но я его прекрасно знаю. Он совсем не такой человек, чтобы сходить с ума. Каким образом в этом стоячем болоте рассудка может подняться буря? Он может бродить, как лунатик, остаток всей жизни в безмятежном состоянии идиотизма, не вполне понимая, кто он и куда идет, и что он делает, но он никогда не сойдет с ума.

Сэр Майкл ничего не ответил. Его слишком обеспокоил разговор с госпожой накануне вечером, и с тех пор он молча размышлял об этом.

Его жена, женщина, которую он больше всех любил и которой больше всех доверял, сказала ему, что убеждена в безумии его племянника. Напрасно он пытался прийти к выводу, которого горячо желал; напрасно пытался думать, что госпожа была введена в заблуждение собственными фантазиями и не имела оснований для своих утверждений. И вдруг его осенило, что тогда напрашивался еще худший вывод –

это значило перенести ужасное подозрение с племянника на жену. По-видимому, она была действительно убеждена в безумии Роберта. Представить, что она не права, значило предположить слабость ее рассудка. Чем больше он думал об этом, тем больше его это тревожило и приводило в недоумение. Конечно, молодой человек всегда был немного эксцентричен. Он был разумен, довольно умен, честен и благороден, хотя, быть может, и немного небрежен в выполнении некоторых второстепенных общественных обязанностей; но существовали легкие различия, которые не так легко определить, отделявшие его от других молодых людей его возраста и положения. Опять же, он действительно очень изменился со времени исчезновения Джорджа Толбойса. Он стал угрюмым и задумчивым, грустным и рассеянным. Он сторонился общества, часами сидел не разговаривая, временами говорил загадками, непривычно волновался при обсуждении вопросов, явно далеких от его жизни и интересов. Было и кое-что другое, говорившее в пользу доводов госпожи против несчастного молодого человека. Он воспитывался вместе со своей кузиной Алисией – своей хорошенькой добродушной кузиной, чей интерес к нему, даже привязанность, указывали на то, что она наиболее подходящая для него невеста. Более того, девушка показала ему в невинном простодушии своей открытой натуры, что она к нему равнодушна; и все же, несмотря на это, он держался отстраненно и позволял другим молодым людям просить ее руки и получать отказы.

Ведь любовь настолько неуловима, такое неопределенное метафизическое чудо, что ее силу, которую жестоко чувствует сам страдающий, никогда вполне не понимают те, кто взирает на его мучения со стороны и удивляется, почему он так плохо переносит обычную лихорадку. Сэр Майкл находил странным и неестественным, что Роберт не влюбляется в такую хорошенькую и добродушную девушку, как Алисия. Этот баронет, дожив до шестидесяти лет, первый раз в жизни встретил женщину, которая заставила биться его сердце, и удивлялся, почему Роберт не заражается лихорадкой, едва вдохнув эти заразные бактерии. Он забыл, что есть мужчины, остающиеся невредимыми среди легионов хорошеньких и благородных женщин, но которые в конце концов становятся жертвой грубой мегеры, знающей секрет любовного зелья, отравляющего и очаровывающего их. Он забыл, сколько на свете Джеков, идущих по жизни, так и не встретив свою Джилл, предназначенную им судьбой, и возможно, умирают старыми холостяками в то время, как бедная Джилл чахнет где-то рядом в старых девах. Он забыл, что любовь – это безумие, бедствие, горячка, обман, западня является также и тайной, которую не дано понять никому, кроме того единственного страдальца, терзаемого этой пыткой. Джоунс, безумно влюбленный в мисс Браун и лежащий ночи напролет без сна до тех пор, пока не начинает ненавидеть свою мягкую подушку и комкать простыни, пока они не превратятся в две скрученные веревки, этот самый Джо-

унс, считающий площадь Рассел волшебным местом лишь потому, что его божество живет там, и полагающий, что деревья в этих местах зеленее, а небо более голубое, и ощущающий внезапную острую боль, перемешанную с надеждой, радостью, ожиданием и ужасом, покидая Гилфорд-стрит и спускаясь с высот Ислингтона в эти священные окрестности, этот самый Джоунс жесток и безжалостен к Смиту, обожающему мисс Робинсон, и не может представить, что же влюбленный до безумия парень нашел в этой девушке. Таков был и сэр Майкл Одли. Он смотрел на своего племянника, как на представителя большого класса молодых людей, а на свою дочь – как на представительницу такого же обширного класса девушек, и не мог понять, почему эти два представителя не могут составить достойную пару. Он не принимал во внимание все те бесконечно малые различия в человеческой натуре, которые превращают здоровую пищу для одного человека в смертельный яд для другого. Как трудно иной раз поверить, что кому-то не нравится вкусное блюдо. Если за обеденным столом какой-нибудь смиренного вида гость отказывается от семги или от огурцов в феврале, мы считаем его бедным родственником, чьи инстинкты предостерегают его от этих дорогих блюд.

Увы, моя милая Алисия, кузен не любил вас! Он восхищался вашим розовым английским личиком, чувствовал к вам нежную привязанность, которая, быть может, могла перерасти в нечто достаточно теплое для брака, этого ежеднев-

ного рутинного образчика союза, не требующего страстной любви; если бы не неожиданное препятствие, возникшее в Дорсетшире. Да, растущая привязанность Роберта Одли к своей кухне, этот слабый росток внезапно увял в тот ненастный февральский день, когда он стоял под елями, беседуя с Кларой Толбойс. С того дня молодой человек испытывал неприятное чувство при мысли об Алисии. Она каким-то образом стесняла его свободу мыслей, его преследовал страх, что он негласно связан с ней обещанием, что она имеет на него какие-то притязания, запрещающие ему даже думать о другой женщине. Я думаю, именно образ мисс Алисии вызывал у молодого адвоката взрывы раздражительной ярости против женского пола, которым он был подвержен одно время. Он был настолько честен, что скорее принес бы себя в жертву Алисии перед алтарем, чем причинил ей хоть малейшее зло, хотя, возможно, и обеспечил бы этим свое собственное счастье.

«Если бедная малышка любит меня, – размышлял он, – и если она думает, что я люблю ее, и решила так из-за какого-нибудь моего слова или поступка, я обязан выполнить свое молчаливое обещание, которое мог нечаянно дать ей. Я подумывал... собирался сделать ей предложение, когда раскроется эта ужасная тайна Джорджа Толбойса и все уладится, но теперь...»

В этом месте его мысли обычно уносились туда, под ели в Дорсетшире, к сестре его пропавшего друга, и это было

весьма утомительное путешествие, возвращавшее его к тому месту, где он сбился с пути.

«Бедная маленькая девочка! – Его мысли вновь вернулись к Алисии. – Какая она милая, что любит меня, и как я должен быть благодарен ей за такую нежность. Сколько мужчин сочли бы это великодушное любящее сердечко величайшим даром на земле. Взять хотя бы сэра Гарри Тауэrsa, ввергнутого в отчаяние ее отказом. Он отдал бы мне половину своего состояния, все свое состояние, отдал бы в два раза больше, если бы имел, лишь бы оказаться на моем месте. Почему я не могу полюбить ее? Ведь я знаю, какая она милая, чистая, добрая и правдивая, почему же я не люблю ее? Ее образ никогда не преследует меня, только укоряет. Я никогда не вижу ее во сне. Никогда не просыпаюсь внезапно в глубине ночи от сияния ее глаз, устремленных на меня, и ее теплого дыхания на моей щеке или от пожатия ее мягких пальчиков. Нет, я не люблю ее, я *не могу* влюбиться в нее».

Его возмущала и злила собственная неблагодарность. Он пытался заставить себя испытать страстную привязанность к своей кухне, но позорно провалился; и чем больше он старался думать об Алисии, тем больше думал о Кларе Толбойс. Я говорю сейчас о его чувствах за тот отрезок времени, что истек между его возвращением из Дорсетшира и визитом в Грейндж-Хит.

После завтрака в то дождливое утро сэр Майкл сидел в библиотеке у камина, читая газеты и просматривая письма.

Алисия закрылась в своей комнате, штудировав третий том утомительно-длинного романа. Леди Одли заперла дверь восьмиугольной прихожей и бродила по анфиладе комнат из спальни в будуар и обратно в течение всего этого утомительного утра.

Она заперла дверь, чтобы ее не застали врасплох и она успела встретить их испытующие взгляды. Ее лицо, казалось, побледнело еще больше. Аккуратный ящичек с лекарствами стоял открытым на туалетном столике, повсюду были разбросаны маленькие закупоренные бутылочки с лавандой, нюхательной солью и хлороформом. Госпожа остановилась и стала рассеянно вынимать оставшиеся бутылочки, пока не натолкнулась на одну, заполненную тягучей темной жидкостью с этикеткой «Опиум (яд)».

Она повертела ее в руках, держа ближе к свету, и даже вынула пробку и понюхала тошнотворную жидкость. Но вдруг с содроганием отодвинула ее.

– Если бы я могла! – прошептала она. – Если бы я только могла сделать это! И все же к чему это... *теперь?*

Она сжала свои маленькие кулачки, произнося эти последние слова, и подошла к окну гардеробной, выходящему на увитую плющом арку, через которую должен был проходить любой, кто направлялся в Корт из Маунт-Стэннинга.

В саду были маленькие ворота, ведущие в луга за Кортом, но другой дороги из Маунт-Стэннинга или Brentwuda не было, кроме этого главного входа.

Единственная стрелка часов на арке находилась между часом и двумя, когда госпожа взглянула на них.

– Как медленно тянется время, – устало промолвила она, – как медленно, как медленно! Интересно, состарюсь ли я точно также, когда каждая минута моей жизни кажется часом?!

Она постояла несколько минут, наблюдая за аркой, но никто не проходил под ней; она в нетерпении отвернулась от окна и возобновила свое утомительное хождение по комнате.

Каков бы ни был пожар, чей отсвет пламенел накануне в черном небе, вести о нем еще не достигли Одли-Корт. День был такой сырой и ветреный, что даже самый заядлый сплетник не решится выйти в такую погоду. День был не рыночный, на дороге между Brentwood и Челмсфордом почти не было повозок, поэтому известия о пожаре, вспыхнувшем глубокой ночью, еще не достигли деревни Одли, а оттуда и Корта.

Служанка с розовыми лентами подошла к двери прихожей, чтобы позвать хозяйку на ланч, но леди Одли только немного приоткрыла дверь и сказала, что не желает обедать.

– У меня ужасно болит голова, Мартина, – пожаловалась она. – Я пойду прилягу до обеда. Можешь прийти в пять, чтобы помочь мне переодеться.

Леди Одли сказала так с намерением одеться в четыре и обойтись, таким образом, без услуг служанки. Среди всех шпионов служанка госпожи имеет самые большие преимущества. Именно она омыла глаза леди Терезы одеколоном

после ссоры ее милости с полковником, именно она подавала нюхательные соли мисс Фанни, когда граф Бейдесерт оскорбил ее. У нее есть сотня способов раскрыть секреты своей хозяйки. Уже по тому, как раздражается ее хозяйка от самого мягкого прикосновения расчески, она знает, какие тайные пытки терзают ей грудь. Хорошо воспитанная служанка знает, как истолковать самые непонятные симптомы душевных недугов, беспокоящих ее хозяйку; она знает, когда кожа цвета слоновой кости покупается за деньги, а жемчужные зубы – всего лишь вещество из-за границы, установленное дантистом; когда блестящие косы – скорее реликвия мертвых, чем собственность живых, ей также известны и другие, более священные секреты, чем эти. Она знает, когда милая улыбка более фальшива, чем эмаль мадам Левисон, когда слова, слетающие из-за этих жемчужных подделок, более притворны, чем губы, помогающие издавать их. Когда прекрасная фея бальной залы возвращается в свою гардеробную после ночного шумного веселья, сбрасывает свой просторный бурнус и откидывает в сторону увядший букет, роняет маску, и словно еще одна Золушка теряет хрустальную туфельку, по сиянию которой ее узнавали, и опять надевает свои лохмотья, – служанка госпожи всегда рядом и видит эти превращения. Камердинер, получающий жалованье от предсказателя Каразина, должно быть, видел иногда своего господина без маски и смеялся в рукав над глупостью поклонников этого уroda.

Леди Одли не делала служанку поверенной своих секретов и в этот день, а также во все последующие желала остаться одна.

Она все-таки прилегла, скорее устало бросилась на роскошный диван в своей гардеробной, и, зарывшись лицом в подушки, попыталась уснуть. Уснуть! Она почти забыла, что такое сон; казалось, прошло так много времени, с тех пор как она спала в последний раз. Возможно, около сорока восьми часов, но как давно! Ее усталость предыдущей ночью, неестественное возбуждение вконец изнурили ее. Она все-таки уснула, провалилась в тяжелое забытие, похожее на оцепенение. Прежде чем лечь, она приняла несколько капель опиума.

Часы на каминной полке показывали без четверти четыре, когда она внезапно проснулась и вскочила с каплями холодного пота на лбу. Ей снилось, что все домочадцы столпились у ее дверей и шумно кричали о пожаре, случившемся ночью.

В комнате царило безмолвие, лишь ветви плюща бились об оконное стекло; время от времени было слышно, как падали кусочки золы и раздавалось тиканье часов.

«Наверное, мне всегда будут сниться подобные сны, – подумала госпожа, – пока их ужас не убьет меня!»

Дождь прекратился, и в окна засияло холодное весеннее солнце. Леди Одли быстро, но тщательно оделась. Я не могу сказать, что даже в момент сильного горя она все еще сохраняла гордость в своей красоте. Это было не так; она смотре-

ла на этот природный дар как на оружие и чувствовала, что теперь вдвойне нуждается в нем. Люси оделась в самые прекрасные шелка, просторную одежду, отливающую серебром, словно сотканную из лунных лучей. Она распустила волосы, и они опустились пушистым сияющим золотым дождем на ее плечи, и, накинув на плечи белый плащ, спустилась по лестнице в вестибюль.

Она открыла дверь библиотеки и заглянула внутрь. Сэр Майкл Одли спал в кресле. Когда госпожа мягко закрывала дверь, из своей комнаты спустилась Алисия. Башенная дверца была открыта, на мокрой траве лужайки сияло солнце. Гравийные дорожки почти высохли, поскольку дождь прекратился почти два часа назад.

– Ты не прогуляешься со мной? – спросила леди Одли, когда ее падчерица подошла поближе. Вооруженный нейтралитет между двумя женщинами допускал такую любезность.

– Да, госпожа, – довольно равнодушно ответила Алисия. – Я все утро прозевала над этим глупым романом, и свежий воздух пойдет мне на пользу.

Помоги Бог тому писателю, чей роман столь внимательно читала мисс Одли, если у него не было лучшего критика, чем эта юная леди. Она перелистывала страницу за страницей, не сознавая, что читает; она дюжину раз отбрасывала его в сторону, чтобы подойти к окну и посмотреть, – не идет ли гость, которого она так ждала.

Леди Одли вышла через маленькую дверцу на ровную гра-

вийную дорожку, по которой экипажи подъезжали к дому. Она все еще была бледна, но яркое платье и пушистые золотистые волосы отвлекали внимание от ее мертвенно-бледного лица. Всякое душевное страдание ассоциируется в нашем сознании со свободой, небрежной одеждой, растрепанными волосами и внешностью, во всем противоположной той, что была у госпожи. Зачем она вышла под холодное мартовское солнце бродить по дорожкам со своей падчерицей, которую ненавидела? Она вышла, потому что ею владело ужасное беспокойство, не позволявшее оставаться в доме, ожидая известий, которые наверняка скоро будут. Вначале она хотела отвлечь их, всей душой желала помешать им, чтобы молния ударила в их посланца, а земля дрогнула и разверзлась под его быстрыми шагами, и эта непроходимая пропасть пролегла между тем местом, откуда должны были прийти вести, и Одли-Кортом.

Она желала, чтобы земля перестала вращаться, время остановило свой неумолимый бег, наступил Судный день и она могла предстать перед престолом Всевышнего и избежать позора и стыда суда земного. В диком смятении разума ее преследовали эти мысли, ей снилось это и в короткой дреме на диване в гардеробной. Она грезила, чтобы небольшой ручеек, пересекавший дорогу между Маунт-Стэннингом и Одли, вздулся и превратился в реку, из реки в океан, пока деревня на холме не скрылась из вида и только волны бушевали в том месте, где она когда-то стояла. Ей снилось,

что она видит посланца, то одного, то другого, но никогда кого-то конкретного, у которого на пути вставали сотни препятствий, то ужасных, то смешных и банальных, но никогда естественных или просто возможных, и не в силах избавиться от этих мыслей, она удивлялась тишине, царившей в доме и означавшей, что известий еще нет.

Но теперь в ее голове произошла полная перемена. Она больше не хотела отсрочивать эти ужасные вести. Она желала мучений, чтобы покончить с ними, пережить боль и найти облегчение. Ей казалось, что этот невыносимый день никогда не кончится, как будто ее безумные желания осуществились и время действительно остановилось.

– Какой длинный день! – воскликнула Алисия, как будто прочитав мысли госпожи. – Ничего, кроме измороси, тумана и ветра! А теперь, когда слишком поздно для визитов, распогодилось, – с явной досадой добавила юная леди.

Леди Одли ничего не ответила. Она смотрела на причудливые часы с одной стрелкой и ожидала вестей, которые должны были прийти рано или поздно, не могли не появиться уже очень скоро.

«Они боятся рассказать ему, – подумала она, – боятся известить об этом сэра Майкла. Интересно, кто же в конце концов придет? Приходской священник или доктор, по крайней мере, кто-то из должностных лиц».

Если бы она могла выйти в аллею или на большую дорогу за ней, если бы она могла дойти до того холма, где совсем

недавно рассталась с Фебой, она бы с радостью сделала это. Она бы пережила что угодно, только не это долгое ожидание, разъедающее душу беспокойство, это метафизическое тление, которое подтачивало ее сердце и рассудок в невыносимой пытке. Она попыталась завести разговор, в болезненной попытке ей удалось издать несколько общих замечаний. При обычных обстоятельствах ее спутница заметила бы это смущение, но поскольку мисс Одли была целиком погружена в собственные переживания, она была так же молчалива, как и госпожа. Монотонное хождение по дорожкам соответствовало настроению юной леди. Я думаю, ей даже доставляла злорадное удовольствие мысль, что она может простудиться, и кузен Роберт Одли будет нести ответственность за это. Если бы она могла подхватить воспаление легких в эту холодную мартовскую погоду, я думаю, она бы почувствовала мрачное удовлетворение от своих страданий.

«Может быть, Роберт заботился бы обо мне, если бы я заболела воспалением легких, – думала она. – Он бы не смог обидеть меня, обозвав попрыгуньей. У попрыгуней не бывает воспаления легких».

Я думаю, она представила себя в последней стадии чахотки, лежащей на подушках в огромном кресле и устремившей взор на солнечный свет в окошке, на столике рядом стоят бутылочки с лекарствами и лежит Библия; и Роберт, весь раскаяние и нежность, призван к ее ложу, чтобы получить прощальное благословение. Она бы прочитала ему целую главу

своим слабым угасающим голосом. Погруженная в эти душещипательные размышления, мисс Одли обращала мало внимания на свою мачеху, и стрелка причудливых часов перескочила на цифру шесть к тому времени, когда Роберт был благословлен и отпущен.

– Боже мой, – неожиданно воскликнула она, – шесть часов, а я еще не одета.

На куполе под крышей пробил получасовой колокол.

– Я должна идти, госпожа, – поспешила Алисия. – А вы не идете?

– Немного погодя, – ответила леди Одли. – Я уже одета, как видишь.

Алисия побежала, а супруга сэра Майкла еще задержалась на лужайке, все еще ожидая известий, что так долго не приходили.

Почти стемнело. Голубой вечерний туман медленно поднимался от земли. На лугах клубились серые испарения, и незнакомец мог принять Одли Корт за дворец на самом краю моря. Под аркой притаились сумерки подступающей ночи, словно грабители, ожидающие своего часа, чтобы тайком проскользнуть во двор. Через проем арки слабо мерцал кусочек холодного голубого неба, перечеркнутый зловещей багровой полоской и освещенный смутным сиянием одинокой холодной звезды. Ни души не было вокруг, кроме этой встревоженной женщины, которая мерила шагами дорожки, прислушиваясь к шагам, чье приближение должно было пора-

зить ужасом ее душу. Она услышала их наконец! Шаги в аллее на другой стороне арки. Но были это *те самые* шаги? Ее слух, необычайно обостренный возбуждением, подсказывал ей, что это мужская поступь – более того, поступь джентльмена, не шаркающая неуклюжая походка простолюдина в грубых башмаках, но шаги джентльмена, идущего твердо и уверенно.

Каждый звук, словно кусок льда, падал на сердце госпожи. Она не могла больше ждать, не могла сдерживаться, она потеряла все самообладание, всю выдержку и сдержанность и бросилась к арке.

В ее тени она остановилась, потому что незнакомец был совсем близко. Она увидела его: о боже! Она увидела его в этом неясном вечернем свете. Все завертелось у нее перед глазами, сердце перестало биться. Она не издала ни звука, ни крика удивления или ужаса, но, покачнувшись, отступила назад и прижалась, чтобы не упасть, к увитой плющом опоре арки. Вжавшись в угол между опорой и стеной, она не могла отвести глаз от подошедшего.

Когда он приблизился, колени ее подкосились, и она сползла на землю; не лишилась сознания, а медленно села на землю, все еще вжавшись в угол стены, как в склеп, в тени кирпичной кладки.

– Госпожа!

Это был Роберт Одли. Он, чью дверь она заперла на два оборота семнадцать часов назад в гостинице «Касл».

– Что с вами? – спросил он странным, напряженным голосом. – Встаньте, и позвольте мне проводить вас в дом.

Роберт помог ей подняться, и она покорно подчинилась ему. Он взял ее под локоть своей сильной рукой и повел через двор в холл, где горела лампа. Он никогда не видел, чтобы женщину так трясло, но она даже не делала попыток сопротивляться.

Глава 9. Признание госпожи

– Где я могу поговорить с вами наедине? – спросил Роберт Одли, с сомнением оглядывая холл.

В ответ госпожа лишь склонила голову. Она толкнула дверь библиотеки, оставленную открытой. Сэр Майкл ушел в свою гардеробную, чтобы переодеться к обеду, проведя день в ленивой бездеятельности, что было совершенно разумно для больного. Библиотека была пуста и освещена лишь пламенем огня в камине, как и в предыдущий вечер.

Леди Одли вошла в комнату в сопровождении Роберта, закрывшего за собой дверь. Несчастливая дрожащая женщина подошла к камину и опустилась на колени у огня, как будто он мог согреть ее и унять ее дрожь. Молодой человек подошел ближе и стал рядом с ней на коврик у камина, облокотившись рукой о каминную полку.

– Леди Одли, – промолвил он голосом, чья ледяная решимость не оставляла никакой надежды на сострадание. – Я говорил с вами весьма открыто вчера вечером, но вы отказались выслушать меня. Сегодня я должен говорить с вами еще более прямо, и вы не имеете более права отказываться выслушать меня.

Госпожа, сидя скорчившись у огня и спрятав лицо в ладони, издала в ответ лишь хриплое рыдание, похожее на стон.

– Леди Одли, прошлой ночью в Маунт-Стэннинге произо-

шел пожар, – продолжал говорить безжалостный голос. – Гостиница «Касл», где я ночевал, сгорела дотла. Знаете ли вы, как мне удалось избежать гибели?

– Нет.

– Благодаря счастливому стечению обстоятельств, довольно простому. Я не спал в комнате, предоставленной для меня. Она оказалась сырой и холодной, камин отвратительно дымил при всякой попытке разжечь огонь, и я убедил служанку постелить мне на диване в маленькой гостиной на первом этаже, где я провел вечер.

Он остановился, пристально следя за скорчившейся фигурой. Голова госпожи склонилась еще ниже.

– Сказать ли вам, при чьем содействии сгорела таверна «Касл», госпожа?

Нет ответа.

– Сказать ли вам?

Все то же упорное молчание.

– Леди Одли, – неожиданно воскликнул Роберт, – ее подожгли *вы*. Именно ваша смертоносная рука разожгла это пламя. Именно вы решили посредством этого, трижды ужасного злодейства избавиться от меня, вашего врага и обвинителя. Что вам до того, что другие безвинные жизни были бы принесены в жертву? Если бы при помощи второй Варфоломеевской ночи вы могли избавиться от меня, то вы бы спокойно пожертвовали целой армией. Прошло время для милосердия и сострадания. У меня больше нет для вас ни жало-

сти, ни раскаяния. Я буду милосерден лишь настолько, чтобы пощадить тех, кто должен страдать из-за вашего позора, но не больше. Если бы был тайный суд, перед которым вы могли бы ответить за свои преступления, я бы, без сомнения, выступил вашим обвинителем; но я бы пощадил этого великодушного высокородного джентльмена, на чье благородное имя пало бы ваше бесчестье.

Его голос смягчился, и на мгновение он потерял самообладание, но невероятным усилием воли он пришел в себя и продолжал:

– Никто не погиб прошлой ночью. Я спал чутко, госпожа, поскольку был обеспокоен, и уже долгое время, теми несчастьями, которые нависли над этим домом. Именно я обнаружил огонь вовремя, поднял тревогу и спас служанку и бедного пьяницу, который все же получил сильные ожоги и лежит сейчас в опасном состоянии в доме своей матери... От него и его жены узнал я, кто наведлся в таверну «Касл» глубокой ночью. Женщина почти обезумела, увидев меня, и рассказала мне подробности прошлой ночи. Бог знает, какие еще ваши секреты хранит она, госпожа, или как легко их можно выпытать у нее, если бы я нуждался в ее помощи, но мне это не нужно. Мой путь лежит прямо. Я поклялся предать суду убийцу Джорджа Толбойса, и я сдержу свою клятву. Я утверждаю, что не без вашей помощи встретил мой друг свою смерть. Если я и задавал себе иногда вопрос, не являюсь ли я жертвой ужасного заблуждения, и не является

ли это более вероятным, чем способность юной и красивой леди на такое гнусное и коварное убийство, то все это давно в прошлом. После ужаса прошлой ночи меня не удивит ни одно преступление, какое вы могли бы совершить. Отныне вы не женщина для меня, не виновная женщина, способная даже в худшем своем злодействе страдать и раскаиваться в глубине души; отныне я вижу в вас лишь дьявольское воплощение злого начала. Но вы не будете более отравлять это место своим присутствием. Если вы не признаетесь, кто вы, в присутствии человека, которого так долго обманывали, и не примете от нас ту милость, какую мы сможем вам оказать, то я соберу свидетелей, которые вас опознают, и с риском навлечу позор на тех, кого я люблю, вы все же понесете наказание за свои преступления.

Женщина вдруг поднялась с колен и встала перед ним во весь рост, прямая и решительная, – волосы откинута назад, глаза блестят.

– Приведите сюда сэра Майкла! – закричала она. – Приведите его сюда, и я признаюсь во всем – во всем! Видит бог, я долго боролась против вас, и достаточно терпеливо, но вы победили, мистер Роберт Одли. Это большая победа, не так ли? Замечательная победа! Ваш холодный, расчетливый, блестящий ум послужил благородной цели. Вы победили *безумную женщину!*

– Безумную женщину! – вскричал мистер Одли.

– Да. Когда вы говорите, что я убила Джорджа Толбойса, –

это правда. Когда вы говорите, что я убила его коварно и гнусно, вы лжете. Я убила его, потому что *безумна!* Потому что мой рассудок зашел за узкую грань, отделяющую здравомыслие от сумасшествия, потому что когда Джордж Толбойс довел меня до бешенства, так же, как и вы, упрекал меня и угрожал мне, мой рассудок, и так всегда неустойчивый, полностью потерял равновесие и *я сошла с ума!* Приведите сэра Майкла. Пусть он все узнает, пусть услышит тайну моей жизни!

Роберт Одли вышел, чтобы найти своего дядю. Он пошел искать этого благородного джентльмена с бог знает какой мукой в сердце, так как знал, что собирается разрушить мечту всей жизни дяди, а ему было ведомо, как горько расставаться с мечтами, ведь они никогда не были реальностью, за которую мы по ошибке принимаем их. Но он был озадачен последними словами госпожи – «тайна моей жизни». Он вспомнил те строчки из письма Элен Толбойс накануне ее побега из Уайлденси, так удивившие его. Он хорошо помнил те трогательные слова: «Вы должны простить меня, так как знаете, *почему* я такая. Вы знаете *тайну* моей жизни».

Роберт встретил сэра Майкла в зале. Он не стал пытаться как-то подготовить баронета к тем ужасным разоблачениям, ожидавшим его. Он лишь провел его в библиотеку, освещенную огнем камина, и только там обратился к нему:

– Леди Одли хочет сделать признание вам, сэр... признание, которое вас жестоко удивит и причинит горькое страда-

ние. Но вам необходимо его услышать для сохранения вашей чести и будущего покоя. Мне очень жаль, но она обманывала вас, и притом самым бесчестным образом; но будет правильно, если вы услышите из ее собственных уст оправдание своему позору. Да смягчит Господь для вас этот удар, – вдруг, не сдержавшись, разрыдался молодой человек, – а я не в состоянии!

Сэр Майкл поднял руку, как будто хотел заставить замолчать своего племянника, но эта властная рука безвольно упала. Суровый и недвижимый, он застыл в центре комнаты.

– Люси! – вскричал он с такой мукой в голосе, что она ударила по натянутым нервам тех, кто услышал его, как крик раненого животного. – Люси! Скажи мне, что этот человек сошел с ума! Скажи мне, любовь моя, иначе я убью его!

Он с такой яростью повернулся к Роберту, как будто хотел стереть с лица земли обвинителя своей жены поднятой рукой.

Но госпожа упала на колени у его ног, став между баронетом и его племянником, который облокотился о кресло и прикрыл лицо рукой.

– Он сказал вам правду, – заговорила госпожа, – и он не сумасшедший! Я послала за вами, чтобы во всем признаться. Если бы я могла сочувствовать вам, ведь вы были очень, очень добры ко мне, гораздо больше, чем я того заслуживала, но я не могу, не могу... я не чувствую ничего, кроме своего горя. Я говорила вам давно, что эгоистична, и я все еще та-

кова, и гораздо больше эгоистка в своих страданиях. Счастливые обеспеченные люди могут сочувствовать другим. Я же смеюсь над страданиями других людей, они так малы в сравнении с моими.

Когда госпожа упала на колени, сэр Майкл пытался поднять ее, но затем опустился в кресло, сжал руки и склонил голову, с жадностью ловя каждое слово, как будто все его существо сосредоточилось в одном чувстве слуха.

– Я должна рассказать вам историю своей жизни, чтобы вы поняли, почему я стала такой несчастной, которой остается надеяться лишь на то, что ей позволят убежать и скрыться в каком-нибудь заброшенном уголке земли. Я должна рассказать вам историю своей жизни, – повторила госпожа, – но не бойтесь, что я задержусь на ней слишком долго. Мне и самой не доставляет удовольствия вспоминать о ней. Когда я была ребенком, то помню, задавала вопрос, вполне естественный, помоги мне Бог. Я спрашивала, где моя мама. Я смутно помнила ее лицо, так похожее на мое теперь, смотревшее на меня, еще совсем крошечную; но вдруг оно пропало, и я больше не видела его. Мне сказали, что мама уехала. Я была несчастна, потому что женщина, которой поручили заботу обо мне, была очень неприятная, и жили мы в захолустье – в деревеньке на побережье Хэмпшира, в семи милях от Портсмута. Мой отец служил на флоте и лишь время от времени навещал меня, и я полностью находилась на попечении этой женщины, которой платили нерегулярно, и она

вымещала свое недовольство на мне, если отец задерживал деньги. Поэтому уже в раннем возрасте я поняла, что значит быть бедным.

Возможно, больше из-за недовольства своей несчастной жизнью, чем повинуюсь внутренним порывам, я часто задавала все тот же вопрос о своей матери. И получала тот же ответ – она уехала. Когда я спрашивала, – куда, – мне говорили, что это тайна. Когда я достаточно подросла, чтобы понять значение слова смерть, я спросила, умерла ли моя мать, и мне ответили: «Нет, она не умерла, она заболела и уехала». Я спрашивала, как долго она болела, и мне говорили, что несколько лет, – с тех пор, как я родилась.

Наконец тайна была раскрыта. Однажды, когда перевод денег надолго задержался, а я продолжала мучить свою опекуншу все тем же старым вопросом, ее терпение лопнуло. Она вышла из себя и сказала, что моя мать сумасшедшая и находится в доме для умалишенных в сорока милях отсюда. Едва сказав это, она тут же пожалела и стала говорить, что это неправда и я не должна этому верить. Я узнала потом, что она торжественно обещала отцу не выдавать мне тайну судьбы моей матери.

Я грустно размышляла о безумии своей матери. Эти мысли преследовали меня днем и ночью. Я всегда представляла себе эту женщину бегущей, словно зверь в клетке, по тюремной камере в отвратительной одежде, связывающей ее измученные члены. Мне рисовались всякие ужасы. Я не зна-

ла, что существуют разные степени безумия, и меня преследовал образ потерявшего рассудок буйного создания, которое нападет и убьет меня, если я окажусь рядом. Я даже просыпалась глубокой ночью, громко крича от страха, потому что чувствовала во сне, как ледяные руки матери сжимали мое горло и слышала ее стенания.

Когда мне исполнилось десять лет, приехал отец, чтобы внести плату моей опекунке и забрать меня в школу. Он оставил меня в Хэмпшире дольше, чем собирался, так как не мог внести плату. Там снова ощутила я горечь нищеты и могла вырасти неграмотной среди грубых деревенских детей от того, что отец мой беден.

Госпожа остановилась на мгновение, но лишь для того, чтобы набрать в грудь воздуха, так как говорила она очень быстро, как будто желала поскорее рассказать ненавистную историю и покончить с ней. Она все еще стояла на коленях, но сэр Майкл не делал попыток поднять ее.

Он сидел молчаливый и неподвижный. Что за рассказ он слушал? О ком он и к чему ведет? Это не может быть о его жене. Баронет часто слышал ее простые рассказы о юности и верил им, как в Евангелие – о том, как она рано осиротела, о долгой спокойной бесцветной юности в монастырском уединении английского пансиона.

– Наконец приехал мой отец, и я сказала ему, что узнала. Он заволновался, когда я заговорила о маме. Он не был тем, что называют хорошим человеком, но я узнала впоследствии,

как нежно он любил свою жену и отдал бы ей свою жизнь, и сам бы ухаживал за ней, если бы не был вынужден зарабатывать на хлеб этой безумной женщине и ее ребенку. И здесь снова увидела я, как это горько быть бедным. Моя мать, за которой мог ухаживать преданный муж, была предоставлена заботам наемных медсестер.

Прежде чем меня отослали в школу в Торкуэе, он взял меня с собой навестить мать. Это посещение рассеяло, по крайней мере, те представления, что так пугали меня. Я увидела не стенающего, одетого в смирительную рубашку ма-
ньяка, охраняемого усердными надзирателями, а золотоволосое голубоглазое юное создание, легкомысленную, словно бабочка, вприпрыжку бежавшую к нам, чьи волосы украшали цветы и которая приветствовала нас сияющей улыбкой и веселым беззаботным щебетанием.

Но она не узнавала нас. Точно так же она разговаривала бы с любым незнакомцем, вошедшим в сад около ее тюрьмы. Ее безумие было наследственной болезнью, передавшейся ей от матери, умершей сумасшедшей. Моя мама была или казалась нормальной до часа моего рождения, но с того момента ее рассудок помутился, и она стала такой, какой я ее увидела.

Я ушла оттуда, твердо поняв одно: единственное, что я могла унаследовать от своей матери, – безумие!

Я уходила с сознанием этого в голове и еще кое с чем – тайной, которую нужно хранить. Я была ребенком десяти лет, но ощутила тяжесть этого бремени. Я должна была хра-

нить тайну безумия своей матери, так как она могла неблагоприятно повлиять на мою последующую жизнь. Я должна была помнить об этом.

И я никогда не забывала об этом; именно это, быть может, сделало меня эгоистичной и бессердечной, так как я думаю, что я все же бессердечна. Когда я подросла, мне стали говорить, что я хорошенькая – красивая – прекрасная – очаровательная. Я слушала сначала равнодушно, но мало-помалу стала жадно прислушиваться и начала думать, что, несмотря на тайну моей жизни, могла добиться большего успеха в великой лотерее жизни, чем мои сверстницы. Я узнала то, что рано или поздно узнает каждая школьница – что моя жизнь зависит от замужества, и я пришла к заключению, что если я и вправду красивее своих школьных подруг, то и должна сделать лучшую партию, чем они.

Я закончила школу, когда мне еще не было семнадцати, с этой мыслью в голове и уехала жить в другую часть Англии с отцом, который вышел в отставку на половинном жалованье и обосновался в Уайлденсе, полагая, что место это уединенное и дешевое.

Место и вправду было доступно немногим. Не прошло и месяца, как я поняла, что даже самой хорошенькой девушке придется слишком долго ждать богатого мужа. Я бы не хотела долго задерживаться на этой части жизни: о конечно, я была достойна презрения. Вы и ваш племянник, сэр Майкл, всю жизнь были богаты и можете позволить себе презирать

меня, но я узнала, что значит быть бедной, и страшилась такой жизни. Наконец появился богатый поклонник – странствующий принц.

Она умолкла и конвульсивно содрогнулась. Они не видели, изменилось ли выражение ее лица, так как она упорно продолжала смотреть вниз. В продолжение всей этой долгой исповеди она ни разу не подняла головы, в ее голосе не прозвучало слез. Она говорила бесстрастным холодным голосом, каким угрюмый замкнутый преступник мог бы исповедаться тюремному священнику.

– Появился странствующий принц, – повторила она, – его звали Джордж Толбойс.

В первый раз за все время этой исповеди сэр Майкл встрепенулся. Теперь он начал понимать. На него живо нахлынули множество слов, не принятых во внимание, позабытые обстоятельства, казавшиеся слишком незначительными.

– Мистер Джордж Толбойс служил корнетом в драгунском полку. Он был единственным сыном богатого помещика. Он влюбился в меня, и мы поженились через три месяца после моего семнадцатилетия. Думаю, я любила его, насколько это было в моей власти, но не больше, чем я любила вас, сэр Майкл, не так сильно, поскольку женившись на мне, вы возвысили меня до положения, какого он никогда не мог дать мне.

Мечта разбилась. Сэр Майкл Одли вспомнил тот летний вечер, почти два года назад, когда впервые признался в люб-

ви гувернантке мистера Доусона, он вспомнил болезненное чувство сожаления и разочарования, охватившее его тогда, и почувствовал, что оно каким-то образом смутно предвещало нынешний мучительный вечер.

Но я не думаю, что даже в своем страдании он был очень удивлен и испытал ту внезапную сильную перемену чувств, когда порядочная женщина сбивается с пути и становится потерянным созданием, и честь мужа требует отречься от нее. Я не думаю, что сэр Майкл Одли по-настоящему верил в свою жену. Он любил ее и восхищался ею, был очарован ее красотой; но ощущение, что чего-то не хватает, смутное чувство потери и разочарования, нахлынувшие на него в ту летнюю ночь его помолвки, с тех пор не покидало его. Я не верю, что честного человека, как бы ни был чист и бесхитростен его ум, как бы он ни был доверчив, не может обмануть фальшь. Под доверчивостью кроется бессознательная подозрительность, которую невозможно победить никаким усилием воли.

– Мы поженились, – продолжала госпожа, – и я любила его и была счастлива, пока были деньги и мы жили в Европе, роскошно путешествуя и останавливаясь в лучших отелях. Но когда мы вернулись в Уайлденси и стали жить с отцом, и деньги кончились, Джордж стал мрачным, думал только о своих заботах и явно пренебрегал мною, я стала очень несчастна; казалось, что прекрасное замужество дало мне только двенадцать месяцев развлечений и расточительства.

Я умоляла Джорджа обратиться к отцу, но он отказался. Я убеждала его найти работу, но ему не удалось. Родился ребенок, и для меня возникла та же опасность, что и для моей матери. Но я избежала ее, возможно, я стала более раздражительной после своего выздоровления, менее способной бороться в этом суровом мире и более склонной к жалобам на бедность. Однажды я начала жаловаться, громко и с горечью. Я укоряла Джорджа Толбойса за то, что он довел беспомощную девушку, вступившую с ним в брачный союз, до нищеты и страданий; он разозлился и выбежал из дома. Проснувшись на следующее утро, я обнаружила письмо на столике, в котором говорилось, что он уезжает на другой край света искать удачи и не вернется до тех пор, пока не станет богатым.

Я расценила это как бегство и глубоко возмущалась; я возненавидела человека, оставившего мне в защитники лишь старого пьяницу отца и ребенка. Мне приходилось зарабатывать на жизнь тяжелым трудом, и каждый его час – а какой труд может быть более изнурителен, чем тоскливое рабство гувернантки? – каждый его час казался мне отдельным злом, причиненным Джорджем Толбойсом. Его отец был богат, сестра жила в роскоши и уважении, а я, его жена и мать его сына, была рабыней, которой навеки суждены нищета и безвестность. Окружающие жалели меня, а я ненавидела их за эту жалость, я не любила ребенка, он был для меня обузой. Наследственная болезнь ни разу не проявила себя, но к этому времени я стала подвержена приступам ярости и от-

чаяния. В это время, я думаю, мой рассудок потерял равновесие, и в первый раз я перешагнула невидимую черту, отделяющую рассудок от безумия. Я видела ужас и тревогу в устремленных на меня глазах отца. Он успокаивал меня, как утешают лишь детей и сумасшедших, и меня раздражали его жалкие попытки, я презирала даже его терпимость.

Пришло время, и эти вспышки отчаяния вылились в определенную цель. Я решила убежать из этого несчастного дома, который поддерживало мое рабство. Я решила покинуть отца, больше боявшегося меня, чем любившего. Я решила уехать в Лондон и затеряться в этом огромном человеческом муравейнике.

Я заметила объявление в «Таймс» и представилась миссис Винсент, давшей это объявление, под вымышленным именем. Она приняла меня, не задавая никаких вопросов о моих родных. Вам известно остальное. Я приехала сюда, и вы сделали мне предложение, приняв которое я сразу же поднялась бы в сферы, куда звало мое честолюбие еще с тех пор, как я была школьницей и в первый раз услышала, что хорошенькая.

Прошло три года, и мой муж не подавал никаких признаков жизни; так как я была уверена, что если бы он вернулся в Англию, он бы разыскал меня под любым именем и где угодно. Я слишком хорошо знала его энергичность.

Я сказала себе: «У меня есть право думать, что он умер или хочет, чтобы я поверила в это, дабы его тень не стояла

между мной и благосостоянием». И я стала вашей супругой, сэр Майкл, твердо решив быть вам хорошей женой. Обычные искушения, подстерегающие и губящие некоторых женщин, были не страшны мне. Я была бы вам верной и преданной женой, хотя меня окружали легионы соблазнительей. Безумная глупость, которую свет называет любовью, не тревожила меня: здесь, по крайней мере, встречались крайности, порок бессердечия превращался в достоинство постоянства.

Я была так счастлива, оказавшись в новом великолепном положении, и была очень благодарна человеку, чья рука возвысила меня. В солнечном сиянии своего счастья впервые за всю свою жизнь я испытала сочувствие к несчастьям других людей. Я сама была бедна, – теперь богата и могла позволить себе пожалеть и помочь бедным соседям. Мне доставляла удовольствие благотворительность. Я выяснила адрес отца и анонимно посылала ему крупные суммы денег, так как не хотела, чтобы он узнал обо мне. Я вполне пользовалась той щедростью, что вы проявляли ко мне, и со всеми делилась своим счастьем. Меня любили и восхищались мною, и думаю, что я на всю жизнь осталась бы порядочной женщиной, если бы не судьба.

Полагаю, что в это время к моему рассудку вернулось былое равновесие. Я внимательно следила за собой, уехав из Уайлденси, и контролировала себя. Часто мне бывало любопытно, сидя в тесном семейном кружке врача: догадывался

ли мистер Доусон о моем тайном наследственном недуге?

Судьба не позволила мне остаться хорошей. Ей было угодно, чтобы несчастье стало моим уделом. Не прошло и месяца после моего замужества, как я прочитала в одной из газет Эссекса о возвращении некоего мистера Толбойса, удачливого золотоискателя из Австралии. Корабль прибыл как раз тогда, когда я читала заметку. Что мне оставалось делать?

Я уже говорила, что слишком хорошо знаю энергичный характер Джорджа. Я знала, что человек, уехавший на другой конец света и добывший состояние для своей жены, не оставит камня на камне в ее поисках. Прятаться от него было бесполезно.

Если не заставить его поверить, что я умерла, он никогда не прекратит искать меня.

Голова моя шла кругом при мысли об этой опасности. И снова равновесие покачнулось, еще раз была пройдена невидимая грань, я опять стала безумна.

Я поехала в Саутгемптон и нашла отца, жившего там вместе с ребенком.

Я доверила отцу свою тайну и рассказала об опасности, которой подвергалась. Его не очень удивило то, что я сделала, поскольку бедность притупила его честность и принципиальность. Он не удивился, но очень испугался и обещал сделать все, что от него зависит, чтобы помочь мне.

Он получил письмо от Джорджа, адресованное мне в Уайлденси, и переправленное оттуда моему отцу. Письмо

было написано за несколько дней до отплытия «Аргуса», в нем говорилось о предполагаемом времени прибытия корабля в Ливерпуль. Таким образом, письмо указывало нам время, когда нужно было действовать.

Мы сразу же решили, каков будет наш первый шаг. В день возможного прибытия «Аргуса», или же несколько дней спустя, в «Таймс» должно быть помещено объявление о моей смерти.

В то же время, решив это, мы увидели, что существуют огромные трудности в выполнении такого простого плана. Должны быть также опубликованы дата смерти и место, где я умерла. Джордж немедленно поспешит туда, как бы далеко и недоступно ни было это место, и ложь будет раскрыта.

Я достаточно хорошо знала его жизнерадостную натуру, его смелость и целеустремленность, его готовность надеяться вопреки всему; пока он не увидит могилу, где я похоронена, и запись о моей смерти, он никогда не поверит, что я навеки потеряна для него.

Мой отец был ошеломлен и совершенно беспомощен. Он был способен лишь проливать слезы в отчаянии и страхе. Он был бесполезен для меня в такой критической ситуации.

Не зная, что еще предпринять, я начала думать, что должна довериться колонке происшествий и надеяться, что моему мужу не придет в голову искать меня в такой глуши, как Одли-Корт.

Я сидела с отцом и пила чай в его жалкой лачуге, игра-

ла с ребенком, которого забавляли мое платье и драгоценности, и совсем не понимавшим, что я была для него не просто незнакомка. Я держала его на руках, когда вошла женщина, чьим заботам он был поручен, чтобы забрать его и привести в «божий вид», как она сказала.

Меня волновало, хорошо ли о ребенке заботятся, поэтому я заговорила с ней, пока отец дремал над чашкой чая.

Это была светловолосая женщина с бледным лицом лет около сорока пяти, и казалось, ей доставляет удовольствие разговор со мной. Очень скоро она перешла к собственным бедам. У нее было очень большое горе, сказала она мне. Ее старшая дочь вынуждена оставить свое место из-за болезни; попросту она умирала, как сказал врач; бедной вдове приходилось не только заботиться о больной дочери, но и содержать семью, других маленьких детей.

Женщина долго рассказывала о недугах своей дочери, ее возрасте, набожности, страданиях и много еще о чем. Но я не вслушивалась в то, что она говорила. Я слышала ее голос, но как-то отстраненно, словно шум экипажей на улице или журчание ручья. Какое мне было дело до бед этой женщины? У меня были собственные невзгоды, какие едва ли когда-либо придется пережить этой невежественной женщине. У таких людей всегда есть больные мужья или больные дети, и они вечно ждут помощи от богатых. Здесь не было ничего нового. Я уже собиралась отпустить женщину, дав ей совет для больной дочери, как вдруг меня осенила мысль, на-

столько неожиданная, что заставила кровь хлынуть в голову и сердце сильно биться, как это бывает, когда я теряю рассудок.

Я спросила женщину, как ее зовут. Это была некая миссис Плоусон, она держала небольшой магазинчик, а сюда заглядывала время от времени, чтобы присмотреть за Джорджи и проследить, чтобы служанка хорошо заботилась о нем. Дочь ее звали Матильда. Я задала несколько вопросов об этой девушке и узнала, что ей двадцать четыре года, она давно болеет чахоткой и сейчас она, как сказал врач, быстро угасает. По его словам, она не протянет и месяца.

Корабль Джорджа Толбойса должен был бросить якорь в Мерси через три недели.

Мне осталось сказать немного. Я навестила больную девушку. Светлые волосы, хрупкое сложение. Описание ее внешности почти совпадало с моим, хотя она и не была похожа на меня. Меня представили ей как богатую даму, желавшую помочь ей. Я купила ее мать, нищую и жадную, которая за такие большие деньги, каких она в жизни не видела, была согласна на все. На второй день после моего знакомства с миссис Плоусон отец уехал в Вентнор и снял домик для своей больной дочери и ее маленького сына. Рано утром на следующий день он привез умирающую девушку, и Джорджи, которого научили называть ее «мама». Она вошла в дом как миссис Толбойс, местный врач навещал миссис Толбойс, она умерла и была похоронена под этим именем.

В «Таймс» было опубликовано объявление, и уже на следующий день Джордж Толбойс приехал в Вентнор и заказал памятник, на котором и по сей день выбито имя его жены, Элен Толбойс.

Сэр Майкл медленно поднялся, как будто в оцепенении.

– Я не могу больше этого слышать, – сказал он хриплым шепотом. – Что бы больше ни говорилось, я не в состоянии это выслушать. Роберт, как я понимаю, именно ты обнаружил это. Я больше ничего не желаю знать. Не возьмешь ли ты на себя обязанность обеспечить безопасность и удобства этой леди, которую я считал своей женой? Нет нужды просить тебя не забывать, что я любил ее нежно и преданно. Я не могу сказать ей «прощай». Я не скажу этого до тех пор, пока не смогу думать о ней без горечи... пока не смогу пожалеть ее, как сегодня молю Господа пощадить ее в эту ночь.

Сэр Майкл медленно вышел из комнаты. Он старался не смотреть на скорчившуюся фигуру. Он больше не желал видеть это создание, которое так нежно любил. Он сразу прошел в свою гардеробную, позвонил камердинеру и приказал ему упаковать чемодан и приготовиться сопровождать своего хозяина к последнему поезду.

Глава 10. Затишье после бури

Роберт Одли последовал за своим дядей в вестибюль после того, как сэр Майкл промолвил эти несколько тихих слов, прозвучавших, словно похоронный звон по его надежде и любви. Бог знает, как опасался молодой человек прихода этого дня. И вот он наступил; и хотя не было ни взрыва отчаяния, ни оглушительной бури мучений и слез, Роберта не утешала эта неестественная тишина. Он не мог не знать, что сэр Майкл Одли ушел с ядовитой стрелой, пущенной рукой его племянника точно в цель, в его истерзанное сердце; он хорошо знал, что это странное ледяное молчание было первым оцепенением сердца, пораженного неожиданным горем, в какой-то момент казавшимся почти непостижимым. Он знал, что когда это тупое спокойствие пройдет, когда мало-помалу, одна за другой станет известной каждая ужасная деталь трагедии, настигшей страдальца, буря разразится с роковой яростью, потоки слез и жестокие приступы боли разорвут это великодушное сердце.

Роберт слышал о случаях, когда мужчины возраста его дяди переносили такое же сильное горе, что пережил сэр Майкл, со странным спокойствием и удалялись от тех, кто мог их утешить и чью тревогу обманывало это терпеливое спокойствие; они уходили, чтобы упасть на землю и умереть от жестокого удара, вначале лишь оглушившего их. Он вспом-

нил случаи, когда мужчин, таких же сильных, как его дядя, разбивал паралич в первый же час несчастья; и он помедлил в освещенном лампой вестибюле, сомневаясь, не должен ли он находиться с сэром Майклом, быть рядом с ним на всякий случай и сопровождать его, куда бы он ни поехал.

И все же разумно ли навязываться этому убеленному сединой страдальцу в этот суровый час, когда он очнулся от чудесного сна своей жизни, чтобы обнаружить, что оказался жертвой обмана лицемерки, настолько холодно корыстной, настолько жестоко бессердечной, что даже не сознавала собственного позора?

«Нет, – подумал Роберт Одли, – я не буду мешать страданиям этого раненого сердца. К горькому горю примешано и унижение. Лучше, если он в одиночку выдержит битву. Я сделал то, что считал своей мрачной обязанностью, и все же я не удивлюсь, если он навсегда возненавидит меня. Будет лучше, если он сам выдержит битву. Не в моей власти облегчить эту борьбу. Лучше, если он будет сражаться сам».

Пока молодой человек стоял, взявшись за ручку двери, все еще раздумывая, следует ли ему пойти за дядей или вернуться в библиотеку, где осталось еще более несчастное создание, которое он разоблачил, Алисия Одли открыла дверь столовой, за которой показались старинные обитые дубом покои, длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, ослепительной от сверкавшего на ней хрусталя и серебра.

– Придет, наконец, папа к обеду? – спросила мисс Одли. – Я так проголодалась, и бедный Томлинс уже три раза послал сказать, что рыба испортится. Думаю, она должно быть, превратилась уже в рыбий клей, – добавила юная леди, выходя в вестибюль с «Таймс» в руке.

Она сидела у огня, читая газету и поджидая, пока старшие спустятся к обеду.

– А, это вы, мистер Роберт Одли, – равнодушно заметила она. – Вы конечно же обедаете с нами. Пожалуйста, разыщите папу. Теперь, должно быть, уже восемь часов, а мы обедаем в шесть.

Мистер Одли довольно сурово ответил своей кухне. Ее легкомысленные речи покоробили его, и в своем раздражении он забыл, что мисс Одли ничего не знала об ужасной драме, разыгравшейся под самым ее носом.

– Ваш папа только что пережил очень сильное горе, Алисия, – мрачно промолвил молодой человек.

Лукавое смеющееся лицо девушки сразу же стало печальным и обеспокоенным. Алисия Одли нежно любила своего отца.

– Горе! – воскликнула она. – У папы несчастье? О Роберт, что случилось?

– Я пока ничего не могу сказать тебе, Алисия, – тихо ответил Роберт.

Он взял кухню за руку и повел ее в столовую. Осторожно закрыв за собой дверь, он продолжил.

– Алисия, я могу довериться тебе? – серьезно спросил он.

– Довериться мне что?

– Быть утешением и другом своему бедному отцу в горе?

– Да! – страстно вскричала Алисия. – Как ты можешь спрашивать об этом? Неужели ты думаешь, я не сделаю всего, что угодно, лишь бы облегчить его горе? Или не переживу все, что угодно, чтобы облегчить его страдания?

Слезы подступили к блестящим серым глазам мисс Одли, произносившей эти слова.

– О Роберт! Как можешь ты так плохо думать обо мне, разве я не попытаюсь утешить отца? – с упреком спросила она.

– Нет, нет, моя дорогая, – спокойно ответил молодой человек. – Я никогда не сомневался в твоей любви, а лишь в благоразумии. Могу я положиться на него?

– Можешь, Роберт, – решительно сказала Алисия.

– Хорошо, моя дорогая девочка, я доверюсь тебе. Твой отец собирается покинуть Корт, по крайней мере, на время. Беда, свалившаяся на него так неожиданно и непредвиденно, без сомнения, сделает это место ненавистным ему. Он уезжает, но ведь он не должен уехать один, а, Алисия?

– Один? Нет! Нет! Но я полагаю, что госпожа...

– Леди Одли не поедет с ним, – мрачно промолвил Роберт. – Он собирается жить отдельно от нее.

– На время?

– Нет, навсегда.

– Навсегда! – воскликнула Алисия. – Так это несчастье...

– Связано с леди Одли. Именно леди Одли – причина горя твоего отца.

На лице Алисии, бледном до этого, вспыхнул яркий румянец. Горе, причина которого – госпожа; несчастье, навсегда разделившее сэра Майкла и его молодую жену! Между ними не было ссор – ничего, кроме гармонии и солнечного света, не существовало между Люси Одли и ее великодушным супругом. Это несчастье наверняка возникло из какого-то неожиданного разоблачения и, без сомнения, связано с позором. Роберт Одли понял значение этого румянца.

– Ты предложишь сопровождать отца, куда бы он ни поехал, Алисия, – сказал он. – В такое время ты – его единственный утешитель, но ты станешь ему и лучшим другом в час испытания, если будешь избегать любых расспросов. То, что ты не знаешь никаких подробностей, обеспечит твое благоразумие. Не говори ничего своему отцу, чего бы ты не сказала ему два года назад, до его женитьбы. Попытайся быть для него тем, чем ты была до того, пока женщина в той комнате не встала между ним и тобой.

– Я сделаю это, – прошептала Алисия, – я сделаю.

– Избегай любого упоминания имени леди Одли. Если отец часто молчит, будь терпелива; если иногда тебе начнет казаться, что тень этого несчастья никогда не скроется из его жизни, будь терпелива и помни, что не может быть лучшего лекарства от его горя, чем надежда; преданность дочери на-

помнит ему о том, что есть на свете одна женщина, которая всегда будет любить его верно и преданно.

– Да-да, Роберт, дорогой брат, я буду помнить.

Мистер Одли, в первый раз с тех пор, как был школьником, обнял кузину и поцеловал ее в высокий лоб.

– Моя дорогая Алисия, – промолвил он, – сделай так и ты меня осчастливишь. Ведь это от меня узнал он о своем несчастье. Позволь мне надеяться, что оно не будет слишком длительным. Попытайся и возроди моего дядю к счастью, Алисия, и я буду любить тебя больше, чем брат когда-либо любил великодушную сестру, и, возможно, в конце концов, стоит иметь эту братскую привязанность, хотя она и очень отличается от рыцарского поклонения сэра Гарри.

Алисия наклонила свою голову, и ее лицо было скрыто от кузена, пока он говорил; но она подняла ее, когда он закончил, и прямо посмотрела в его лицо с улыбкой, засиявшей ярче от слез, стоявших в ее глазах.

– Ты хороший парень, Боб, – сказала она. – Я была такой глупой и злой, что сердилась на тебя, потому что...

Юная леди внезапно замолкла.

– Почему, моя дорогая? – спросил мистер Одли.

– Потому что я глупая, кузен Роберт, – быстро ответила Алисия, – не обращай внимания, Боб, я сделаю все, что ты хочешь, и если отец через короткое время не позабудет своих тревог, в этом не будет моей вины. Я поеду с ним на край света, если он найдет утешение в путешествиях. Пойду нач-

ну собираться. Ты думаешь, папа уедет сегодня?

– Да, дорогая, не думаю, что сэр Майкл останется еще одну ночь под этой крышей.

– Почтовый поезд отходит двадцать минут десятого, – заметила Алисия. – Нам нужно покинуть дом через час, если хотим успеть на него. Мы еще увидимся, прежде чем я уеду, Роберт.

– Да, дорогая.

Мисс Одли побежала в свою комнату, чтобы вызвать горничную и сделать все нужные приготовления для столь неожиданного путешествия, конечная цель которого была ей неведома.

Она всей душой желала исполнить обязанность, возложенную на нее Робертом. Она помогала горничной упаковывать чемоданы и повергала служанку в недоумение, запихивая шелковые платья в коробки для шляп, а атласные туфельки в чемодан для платья. Она бродила по комнатам, собирая свои рисовальные принадлежности, ноты, вышивание, расчески, драгоценности и духи, как будто собиралась отплыть на необитаемые земли, где не было никакой цивилизации. Не переставая думать она о неизвестном несчастье отца и, возможно, немного о строгом лице и серьезном голосе, открывшими ее кузена Роберта с новой стороны.

Мистер Одли отправился наверх за своей кузиной и подошел к гардеробной сэра Майкла. Он постучал в дверь и послушал, бог знает как беспокойно, нет ли ответа. В эту ми-

нуту молчания сердце молодого человека готово было выскочить из груди, и затем дверь открыл сам баронет. Роберт заметил, что камердинер его дяди занят подготовкой к поспешному отъезду хозяина.

Сэр Майкл вышел в коридор.

– Ты хочешь мне что-нибудь сказать, Роберт? – спросил он спокойно.

– Я только пришел узнать, не могу ли помочь. Вы едете в Лондон почтовым поездом?

– Да.

– Где вы собираетесь остановиться?

– В «Кларендоне», меня там знают. Это все, что ты хотел?

– Да, за исключением того, что вас будет сопровождать

Алисия.

– Алисия!

– Она не может оставаться здесь сейчас. Ей будет лучше покинуть Корт до тех пор, пока...

– Да, да, я понимаю, – перебил его баронет. – Но разве не может она поехать еще куда-нибудь, разве она должна ехать со мной?

– Так сразу она не может уехать, и она будет несчастна где-нибудь еще.

– Тогда пусть едет, – решил сэр Майкл, – пусть едет.

Он говорил странным приглушенным голосом, как будто ему больно говорить. Как будто эта обыденная жизнь – жестокая пытка и настолько раздражала его, что перенести ее

было труднее, чем само горе.

– Хорошо, мой дорогой дядюшка, тогда все устроено, Алисия будет готова отправиться в девять часов.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал баронет, – пусть едет, если хочет, бедное дитя, пусть едет.

Сэр Майкл глубоко вздохнул. Он думал, как безразличен был к своему единственному ребенку из-за женщины, запертой теперь в освещенной пламенем камина библиотеке.

– Я еще увижу вас, сэр, прежде чем вы уедете, – сказал Роберт, – до той поры я вас оставлю.

– Постой! – вдруг остановил его сэр Майкл. – Ты сказал Алисии?

– Я ничего не сказал ей, только то, что вы собираетесь покинуть Корт на какое-то время.

– Ты очень хороший, мой мальчик, очень хороший, – пробормотал баронет прерывистым голосом.

Он протянул руку. Племянник взял ее и прижал к своим губам.

– О сэр! Смогу ли я когда-нибудь простить себя? – воскликнул он. – Смогу ли я перестать ненавидеть себя за то горе, что навлек на вас?

– Нет, нет, Роберт, ты поступил правильно – поступил правильно; хотел бы я, чтобы Господь был милосерден и забрал мою несчастную жизнь до этой ночи, но ты все сделал правильно.

Сэр Майкл вернулся в гардеробную, а Роберт медленно

побрел в вестибюль. Он помедлил на пороге комнаты, где оставил Люси, Люси Одли, или Элен Толбойс, жену своего пропавшего друга.

Она лежала на полу, на том же месте, где согнувшись стояла на коленях у ног мужа, рассказывая свою историю. Роберта не интересовало, была ли она в обмороке, или просто лежала в беспомощной прострации. Он вышел из библиотеки и послал одного из слуг поискать ее горничную, щеголеватую девицу в лентах, которая громко начала выражать изумление и испуг при виде своей хозяйки.

– Леди Одли очень больна, – предупредил он. – Проводи госпожу в ее комнату и проследи, чтобы она не покидала ее сегодня вечером. Ты сделаешь еще лучше, если останешься с ней, но не разговаривай и не позволяй ей утомляться разговором.

Госпожа была в сознании, она позволила девушке помочь ей и встала с пола, на котором лежала ниц. Ее золотистые волосы рассыпались беспорядочной массой вокруг точеной шеи и плеч, лицо и губы были бесцветны, глаза ужасны в своем неестественном блеске.

– Уведите меня, – попросила она. – И дайте мне поспать! Дайте мне поспать, потому что голова моя в огне!

Выходя из комнаты вместе с горничной, она обернулась и взглянула на Роберта.

– Сэр Майкл уехал? – спросила она.

– Уедет через полчаса.

– Погиб кто-нибудь при пожаре в Маунт-Стэннинге?

– Никто.

– Я рада этому.

– Хозяин дома, Маркс, сильно обгорел и лежит в тяжелом состоянии в доме своей матери, но он может поправиться.

– Я рада этому – рада, что никто не погиб. Спокойной ночи, мистер Одли.

– Я прошу вас уделить мне полчаса для разговора завтра, госпожа.

– Когда пожелаете. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Она ушла, опершись о плечо служанки и оставив Роберта с чувством странного недоумения, очень болезненного для него.

Он сел у камина, в котором тлели последние красные угольки, удивляясь перемене, происшедшей со старым домом, который до дня исчезновения его друга был таким уютным пристанищем для всех, кто находился под его гостеприимной крышей. Он сидел, размышляя в одиночестве у камина и пытаясь решить, что же делать в таких неожиданных обстоятельствах. Он сидел беспомощный, не в состоянии принять решение, потерявшийся в безрадостных раздумьях, от которых его оторвал стук экипажа, подъехавшего к маленькой двери в башне.

Часы в вестибюле пробили девять, когда Роберт открыл дверь библиотеки. Алисия только что спустилась вниз со

своей горничной, розовощекой деревенской девушкой.

– До свиданья, Роберт, – попрощалась мисс Одли, протягивая руку кузену. – До свиданья, и благослови тебя Господь! Ты можешь на меня рассчитывать, я позабочусь о папе.

– Я уверен в этом. Благослови тебя Бог, дитя!

Во второй раз за этот вечер Роберт Одли прижал губы к открытому лбу девушки, во второй раз по-братски обнял ее или даже скорее по-отечески, а не восторженно, как это сделал бы сэр Гарри Тауэрс, если бы ему выпала такая удача.

В пять минут десятого появился сэр Майкл в сопровождении камердинера, такого же мрачного и седовласого, как и он. Баронет был бледен, но спокоен и сдержан. Рука, которую он подал своему племяннику, была холодна, как лед, но он попрощался с молодым человеком твердым голосом.

– Я оставляю все на твое усмотрение, Роберт, – промолвил он, собираясь покинуть дом, в котором жил так долго. – Может быть, я не узнаю конца, но я услышал достаточно. Видит бог, больше мне ничего не нужно знать. Я предоставляю все тебе, но ты не будешь жесток – ты будешь помнить, как я любил...

Его хриплый голос прервался, прежде чем он смог закончить предложение.

– Я буду помнить обо всем, сэр, – ответил молодой человек. – Я сделаю все, как лучше.

Предательская слеза подступила к его глазам и скрыла лицо дяди, и уже в следующую минуту экипаж отъехал, и Ро-

берт одиноко сидел в темной библиотеке, где светился лишь один красный уголек в куче серой золы. Он сидел один, пытаясь обдумать, что ему следует делать, с тяжелой ответственностью на душе за судьбу несчастной женщины.

«Боже мой, – думал он, – должно быть, это Божье наказание за ту бесцельную праздную жизнь, что я вел до седьмого сентября. Наверняка эта ужасная ответственность была возложена на меня, чтобы я покорился воле обиженного Провидения и признал, что человек не волен в выборе своего жизненного пути. Он не может сказать: „Я буду легко идти по жизни и избегать путей, по которым идут несчастные, заблудшие создания, сражающиеся насмерть в этой великой битве“. Он не может сказать: „Я останусь в стороне, пока идет эта битва и посмеюсь над дураками, которых растаптывают в этой бесполезной борьбе“. Он не может сделать этого. Он может совершать покорно и со страхом лишь то, что предназначил ему сотворивший его Создатель. Если ему суждено бороться, пусть сражается до конца; но будь проклят он, если уклонится, когда назовут его имя в перекличке; будь проклят он, если спрячется в тень, когда набатный колокол призовет его на поле битвы!»

Один из слуг принес в библиотеку свечи и разжег огонь, но Роберт Одли не пошевелился. Он сидел так же, как часто бывало сидел в своих апартаментах на Фигтри-Корт, положив локти на ручки кресла, а подбородок на ладонь.

Но он поднял голову, когда слуга собрался выйти из ком-

наты.

– Могу ли я послать телеграмму отсюда в Лондон? – спросил он.

– Ее можно послать из Brentвуда, сэра, не отсюда.

Мистер Одли задумчиво посмотрел на часы.

– Один из людей может доехать верхом до Brentвуда, сэра, если вы желаете отправить послание.

– Мне действительно очень нужно отправить его, вы устроите это, Ричардс?

– Конечно, сэра.

– Вы подождете, пока я напишу?

– Да, сэра.

Слуга принес письменные принадлежности с одного из столиков и поставил их перед мистером Одли.

Роберт обмакнул перо в чернила и устремил задумчивый взор на одну из свечей, прежде чем начал писать.

Послание было следующим:

«От Роберта Одли, из Одли-Корта, Эссекс,
Фрэнсису Уилмингтону, Пейна-Билдингс, Темпл.

Дорогой Уилмингтон, если вы знаете врача, опытного в психических заболеваниях и которому можно доверить тайну, пожалуйста, пришлите мне адрес телеграфом».

Мистер Одли запечатал послание в толстый конверт и вместе с совереном протянул его слуге.

– Проследите, чтобы это доверили надежному человеку,

Ричардс, – сказал он, – и пусть он подождет на станции ответа. Он должен получить его через полтора часа.

Мистер Ричардс, знавший Роберта в курточке и перевернутых воротничках, отправился выполнять поручение. Бог нас простит, если мы последуем за ним в помещение для слуг, где вся прислуга собралась у яркого огня, в недоумении обсуждая события дня.

Ничего не могло быть дальше от правды, чем рассуждения этих достойных людей. Какой ключ был у них к тайне освещенной огнем камина комнаты, где виновная женщина, преклонив колена, поведала своему супругу историю своей грешной жизни? Они знали только то, что сказал им камердинер сэра Майкла о неожиданном путешествии. О том, как его хозяин был бледен, как полотно, и говорил странным, чужим голосом, и что его можно было свалить с ног ударом такого слабого орудия, как перышко.

Эти мудрые головы решили, что сэр Майкл получил неожиданное известие от мистера Роберта – они оказались достаточно умны, чтобы связать катастрофу с молодым человеком – известие о смерти близкого родственника, более старые слуги перебрали всех членов семейства Одли в попытках отыскать вероятного родственника; или же сведения о падении курса акций, или о неудачных сделках и разорении банка, куда была вложена большая часть денег баронета. Большинство склонялось к разорению банка, и каждый член ассамблеи испытывал, казалось, мрачный восторг от

этой версии, хотя она предполагала их собственный крах, если столь либеральное домашнее хозяйство придет в упадок.

Роберт тоскливо сидел у огня, казавшегося безрадостным даже теперь, когда языки яркого пламени гудели в трубе, и прислушивался к завыванию мартовского ветра, кружащего вокруг дома и отрывавшего дрожащий плющ от стен. Он страшно устал, так как был на ногах с двух часов ночи, с того времени, как его обожгло жаркое дыхание горящих бревен и разбудил треск ломающихся балок. Если бы не его присутствие духа и холодная решительность, мистер Люк Маркс погиб бы ужасной смертью. На Роберте все еще оставались следы ночного пожара: волосы были на одной стороне опалены, а левая рука обожжена и воспалена от жара, из которого он вытащил хозяина таверны «Касл». Он был настолько измотан, что провалился в тяжелый сон, сидя в кресле у яркого огня, от которого его разбудил приход мистера Ричардса с ответом.

Ответное послание было очень коротким.

«Дорогой Одли, всегда рад услужить.

Элвин Мосгрейв, доктор медицины. Сэвилл-стрит
12. Надежен».

Это было все, что там содержалось.

– Мне понадобится отправить еще одно послание в Брентвуд завтра утром, Ричардс, – сказал мистер Одли, складывая телеграмму. – Было бы неплохо, если бы человек отправился еще до завтрака. Ему дадут полсоверена за беспокойство.

Мистер Ричардс поклонился.

– Спасибо, сэр, в этом нет необходимости, но как будет угодно, сэр, – пробормотал он. – В котором часу вы желаете, чтобы человек отправился?

Мистер Одли желал бы этого как можно раньше; было решено, что слуга поедет в шесть.

– Моя комната готова, Ричардс? – спросил Роберт.

– Да, сэр, ваша старая комната.

– Очень хорошо. Я сразу же пойду спать. Принеси мне стакан горячего бренди с водой и подожди телеграмму.

Второе послание содержало лишь настоятельную просьбу доктору Мосгрейву как можно скорее посетить Одли-Корт по очень важному делу.

Написав это послание, мистер Одли почувствовал, что сделал все, что мог. Он выпил бренди с водой. Он чувствовал в этом необходимость, потому что продрог до костей после своих приключений во время пожара. Он не спеша пил золотистую жидкость и думал о Кларе Толбойс, этой серьезной девушке, чей брат был теперь отомщен. Слышала ли она о пожаре в таверне «Касл»? Она не могла не узнать о нем, находясь в Маунт-Стэннинге. Но знала ли она, что именно он был в опасности, что он отличился, спасая пьяного грубияна? Боюсь, что даже сидя в одиночестве у огня под крышей, чей благородный владелец был вынужден покинуть свой собственный дом, у Роберта Одли не было сил думать об этом, он был так слаб, что позволил своему воображению унести

прочь, к мрачным елям, под холодное февральское небо, к карим глазам, что были так похожи на глаза его пропавшего друга.

Глава 11. Совет доктора Мосгрейва

Госпожа спала. Всю эту долгую зимнюю ночь она крепко спала. Так часто спят преступники свою последнюю на этой земле ночь, а серым утром приходит тюремщик и отрывает их от сладкой утренней дремы.

Игра была сыграна и проиграна. Не думаю, что госпожа сбросила карту или упустила случай проделать какой-нибудь фокус, но ее противник оказался слишком силен для нее, и он выиграл.

В душе ее воцарился покой – впервые с того самого дня, когда вскоре после второго замужества она прочла заметку о возвращении Джорджа Толбойса с золотых приисков Австралии. Теперь она могла успокоиться, ведь они узнали самое худшее. Больше не ожидалось разоблачений. Она сбросила со своих плеч невыносимое бремя страшной тайны, и ее эгоистичная чувственная натура вновь возобладала в ней. Она спала, уютно свернувшись калачиком в своей пуховой постели, под мягким шелковым покрывалом в тени зеленого бархатного полога. Она приказала горничной лечь на низкой кушетке в той же комнате, и чтобы лампа горела всю ночь.

Не то чтобы она боялась призрачных визитов в тихие часы ночи. Она была слишком эгоистична, чтобы беспокоиться из-за теней, что никак не могли повредить ей; она никогда не слышала, чтобы привидения причиняли действительный

и осязаемый вред. Раньше она боялась Роберта Одли, теперь он больше не пугал ее. Больше он ничего не мог ей сделать, не навлекая позора на имя того, кого чтит.

«Полагаю, они увезут меня куда-нибудь, – думала госпожа, – это самое худшее, что они могут сделать».

Она считала себя заключенной, о которой следует хорошо заботиться. Второй Железной Маской, которую следует держать в комфортабельном тюремном заключении. Ей стало все безразлично. За последние несколько дней она пережила сотню жизней, и у нее не осталось сил для страданий.

На следующее утро она выпила чашку крепкого чая и съела несколько тонких ломтиков поджаренного хлеба с тем же удовольствием, с каким приговоренные едят свою последнюю трапезу в то время, как тюремщики следят, чтобы они не откусывали кусочки от посуды или не проглотили чайную ложку. Она позавтракала, приняла утреннюю ванну и выпорхнула из своей роскошной гардеробной с надушенными волосами и в изысканно небрежном утреннем туалете. Долгим жадным взором оглядела она все дорогие предметы обстановки и украшения, прежде чем выйти; но в ее голове не промелькнуло и тени нежного воспоминания о человеке, который приобрел все это для нее и который в каждой драгоценной безделушке, что были разбросаны повсюду в небрежном великолепии, представил ей безмолвное свидетельство своей любви. Госпожа думала лишь о том, сколько это стоило, и что, весьма вероятно, очень скоро эти роскошные апар-

таменты уже не будут ей принадлежать.

Она посмотрела в высокое зеркало, прежде чем выйти из комнаты. Долгий ночной отдых вернул нежный румянец ее щекам и естественный блеск ее голубым глазам. Болезненный огонь, что так страшно горел в них накануне, угас, и госпожа победно улыбнулась, рассматривая свое изображение в зеркале. Миновали те дни, когда ее враги могли поставить ей клеймо каленым железом и выжечь красоту, причинившую столько зла. Что бы они ни сделали с ней, ее краса останется с ней, подумала она. Они были беспомощны лишить госпожу ее прелестей.

Яркий и солнечный был тот мартовский день. Госпожа закуталась в индийскую шаль; шаль, стоившую сэру Майклу сотни гиней. Полагаю, она думала, что будет совсем неплохо надеть на себя такую дорогую вещь, поскольку в случае внезапного отъезда она могла, по крайней мере, увезти хоть какое-нибудь свое достояние. Вспомните, какой опасности она себя подвергала из-за красивого дома и роскошной обстановки, из-за экипажей и лошадей, драгоценностей и кружев; и не удивляйтесь, что с таким отчаянным упорством цеплялась она за мишуру и безделушки. Будь она Иудой, она бы до последнего часа своей бесчестной жизни держалась за тридцать сребреников.

Мистер Роберт Одли завтракал в библиотеке. Он долго сидел над чашкой чая, покуривая свою пенковую трубку и мрачно размышляя о задаче, стоящей перед ним.

«Я воспользуюсь опытом этого доктора Мосгрейва, – думал он. – Врачи и адвокаты являются духовниками в наш прозаический девятнадцатый век. Он наверняка сможет помочь мне».

Первый скорый поезд из Лондона прибыл в Одли в половине одиннадцатого, и без пяти одиннадцать Ричардс, мрачный слуга, доложил о докторе Элвине Мосгрейве.

Медик из Сэвил Рау был высоким человеком около тридцати лет. Он был худощав, с болезненного цвета лицом и впалыми щеками, с бледными серыми глазами, которые, казалось, были когда-то голубыми и с течением времени выцвели до нынешнего бесцветного оттенка. Как бы ни была могуча медицинская наука, коей владел доктор Элвин Мосгрейв, она оказалась бессильна придать плоть его костям или румянец щекам. У него было странно невыразительное и в то же время удивительно внимательное выражение лица – лицо человека, который провел большую часть жизни, слушая других людей, и расстался с собственной личностью и чувствами в самом начале карьеры.

Он поклонился Роберту Одли, уселся в указанное ему кресло напротив и устремил внимательный взгляд на молодого адвоката. Роберт заметил, что взгляд доктора на мгновение утратил спокойное выражение внимания и стал серьезным и испытующим.

«Он прикидывает, не я ли пациент, – подумал мистер Одли, – и ищет признаки безумия на моем лице».

Доктор Мосгрейв заговорил, как будто отвечая на его мысль.

– Вы желали проконсультроваться со мной относительно своего... здоровья? – спросил он.

– О нет!

Доктор Мосгрейв взглянул на свои часы, изделие Бенсона стоимостью 50 гиней, которые он так небрежно носил в кармане своего жилета, словно это была картофелина.

– Нет нужды напоминать вам, что мое время дорого, – заметил он. – Ваша телеграмма сообщала, что мои услуги потребовались в случае... весьма опасном, как я понял, иначе бы я не приехал сюда.

Роберт Одли сидел, мрачно глядя на огонь и не зная, как ему начать разговор.

– Вы очень любезны, доктор Мосгрейв, – с усилием начал он, – и я вам очень благодарен, что вы откликнулись на мою телеграмму. Я собираюсь обратиться к вам по очень болезненному для меня вопросу. Я хочу просить вашего совета в очень трудном деле, и я слепо доверяюсь вашему опыту и способности выручить меня и дорогих мне людей из очень сложного и мучительного положения.

Деловое выражение лица доктора Мосгрейва стало заинтересованным.

– Полагаю, что признание, сделанное пациентом врачу, так же священно, как исповедь священнику? – мрачно спросил Роберт.

– Так же священо.

– Конфиденциальное сообщение, не нарушаемое ни при каких обстоятельствах?

– Точно так.

Роберт Одли снова посмотрел на огонь. Как много или как мало следует ему рассказать о жене дяди?

– Как я понял, доктор Мосгрейв, вы посвятили себя лечению душевных болезней.

– Да, я практикую большей частью лечение душевных заболеваний.

– В таком случае, осмелюсь сделать вывод, что иногда вы слышите странные, даже ужасные признания.

Доктор Мосгрейв поклонился.

Он был похож на человека, способного надежно хранить в своей бесстрастной груди тайны целого народа, не испытывая при этом ни малейшего неудобства от столь тяжелого бремени.

– История, которую я собираюсь рассказать вам, не моя собственная, – промолвил Роберт, немного помолчав, – простите меня, если я еще раз напомним, что ни при каких обстоятельствах она не может быть раскрыта.

Доктор Мосгрейв снова поклонился. На этот раз, возможно, немного сурово.

– Я весь внимание, мистер Одли, – холодно сказал он.

Роберт Одли подвинул стул ближе к врачу и негромким голосом начал историю, рассказанную госпожой в тех же по-

коях предыдущей ночью. Лицо доктора Мосгрейва, повернутое к рассказчику, не выдавало удивления столь странным откровениям. Однажды он улыбнулся спокойной мрачной улыбкой, когда мистер Одли подошел к той части рассказа, где говорилось о заговоре в Вентноре, но он не был удивлен. Роберт Одли закончил свой рассказ в том месте, на котором сэр Майкл Одли прервал признание госпожи. Он ничего не сказал ни об исчезновении Джорджа Толбойса, ни об ужасных подозрениях, что зародились у него. Он ничего не сказал о пожаре в таверне «Касл».

Доктор Мосгрейв мрачно покачал головой, когда рассказ мистера Одли подошел к концу.

– Больше ничего не имеете сказать? – спросил он.

– Нет, не думаю, что нужно еще что-нибудь добавлять, – довольно уклончиво ответил Роберт.

– Вы бы хотели доказать, что эта дама безумна и потому не ответственна за свои поступки, мистер Одли? – спросил врач.

Роберт Одли удивленно уставился на доктора Мосгрейва. Как мог он так быстро догадаться о тайном желании молодого человека?

– Да, мне хотелось бы, если возможно, считать ее сумасшедшей. Я был бы рад найти ей оправдание.

– И полагаю, избежать процедуры суда лорда-канцлера, мистер Одли, – заметил доктор Мосгрейв.

Роберт вздрогнул, поклонившись в знак согласия с этим

замечанием. Было еще кое-что, чего он страшился больше, чем суда лорда-канцлера. Это судебное разбирательство за убийство, так долго преследующее его в снах. Как часто просыпался он в страхе от видения переполненного зала суда и жены дяди на скамье подсудимых, окруженной со всех сторон морем жадных до сенсаций лиц.

– Боюсь, что ничем не смогу быть вам полезен, – спокойно промолвил врач. – Я повидаюсь с леди, если вам угодно, но я не думаю, что она безумна.

– Почему?

– Потому что во всем, что она делала, нет свидетельств сумасшествия. Она убежала из дома, потому что ее дом был не из приятных, и она ушла в надежде найти получше. В этом нет безумия. Она совершила преступление двоемужия, потому что оно обеспечивало ей благосостояние и положение в обществе. Здесь нет безумия. Оказавшись в трудном положении, она не предалась отчаянию. Она прибегла к разумным средствам и осуществила заговор, требовавший хладнокровия и рассудительности. В этом нет безумия.

– Но признаки наследственной душевной болезни...

– Могут проявиться в третьем поколении у детей госпожи, если таковые имеются. Безумие совсем необязательно передается от матери к дочери. Я был бы рад помочь вам, если бы мог, мистер Одли, но я не думаю, что в той истории, что вы мне рассказали, есть доказательства безумия. Я не думаю, что какой-нибудь суд в Англии поддержит иск о сумасше-

ствии в таком случае, как этот. Лучшее, что вы сможете сделать с этой дамой – отослать ее обратно к первому мужу, если он примет ее.

Роберт вздрогнул при этом неожиданном упоминании его друга.

– Ее первый муж умер, – ответил он, – по крайней мере, он исчез какое-то время назад, и у меня есть основания думать, что он мертв.

Доктор Мосгрейв заметил невольное движение собеседника и почувствовал замешательство в голосе Роберта Одли, когда он заговорил о Джордже Толбойсе.

– Первый муж дамы пропал, – промолвил он, сделав ударение на последнем слове, – вы полагаете, что он мертв.

Он замолчал и так же, как Роберт до этого, посмотрел на огонь.

– Мистер Одли, – сказал он вскоре, – между нами не может быть доверия наполовину. Вы рассказали мне не все.

Быстро взглянув на него, Роберт выдал удивление, которое почувствовал при этих словах.

– Едва ли я смог бы справляться с непредвиденными обстоятельствами в своей профессии, – сказал доктор Мосгрейв, – если бы не умел понять, где кончается доверие и начинается умолчание. Вы рассказали мне лишь половину истории этой дамы, мистер Одли. Вы должны рассказать мне больше, если желаете получить совет. Что стало с ее первым мужем?

Он задал этот вопрос решительным тоном. Как будто знал, что это краугольный камень здания.

– Я уже сказал вам, доктор Мосгрейв, что я не знаю.

– Да, – ответил врач, – но ваше лицо выдало то, что вы предпочли бы скрыть, – вы *подозреваете!*

Роберт Одли молчал.

– Если вы хотите, чтобы я оказался полезен вам, вы должны доверять мне, мистер Одли, – продолжал убеждать врач. – Первый муж исчез – как и когда? Я хочу знать историю его исчезновения.

Роберт помедлил, прежде чем ответить, но постепенно он поднял голову и обратился к медику.

– Я доверюсь вам, доктор Мосгрейв, – решил он, – я целиком доверюсь вашей чести и порядочности. Я не прошу вас совершать зла по отношению к обществу, а лишь спасти наше безупречное имя от позора, если вы сможете.

Бог знает как неохотно рассказал он историю исчезновения Джорджа, собственных страхов и сомнений.

Доктор Мосгрейв слушал его все так же спокойно. Роберт закончил, взывая к лучшим чувствам врача. Он умолял его пощадить великодушного старика, чья роковая доверчивость навлекла такое горе в его преклонные годы.

Невозможно было что-либо прочесть на бесстрастном лице доктора Мосгрейва. Он поднялся, когда Роберт закончил говорить, и снова посмотрел на свои часы.

– Я могу вам уделить еще только двадцать минут, – заме-

тил он. – Если вам угодно, я повидаю даму. Вы сказали, что ее мать умерла в сумасшедшем доме.

– Да. Вы увидите с леди Одли наедине?

– Да, если можно.

Роберт позвонил и в сопровождении горничной госпожи, изящной юной девицы, врач прошел в восьмиугольную прихожую, а оттуда в сказочный будуар.

Десять минут спустя он вернулся в библиотеку, где ожидал его Роберт.

– Я поговорил с леди, – спокойно сказал он, – и мы очень хорошо друг друга поняли. Это явное безумие! Безумие, которое могло никогда не проявиться или раз-два за всю жизнь. Возможно, это могло быть *слабоумие* в своей худшей фазе, обостренная мания, но очень короткая; она могла проявиться лишь в случае чрезвычайного умственного давления. Дама не сумасшедшая, но наследственная болезнь у нее в крови. У нее хитрость сумасшедшей соседствует с благоразумием рассудка. Я скажу вам, что она такое, мистер Одли. Она опасна!

Доктор Мосгрейв прошелся по комнате, прежде чем снова заговорил.

– Я не буду обсуждать возможности того подозрения, что мучит вас, мистер Одли, – сказал он вскоре, – но я замечу следующее. Я не советую вам никакого судебного разбирательства. Этот мистер Джордж Толбойс исчез, но у вас нет доказательств его смерти. Если бы вы и смогли представить

доказательство его гибели, то вы не могли предъявить никаких улик против этой леди, за исключением того единственного факта, что у нее был сильный мотив избавиться от него. Ни один суд в Соединенном Королевстве не приговорит ее по такой улике, как эта.

Роберт Одли поспешно перебил доктора Мосгрейва.

– Уверяю вас, мой дорогой сэр, – сказал он, – что я больше всего боюсь любого разоблачения – любого позора.

– Конечно, мистер Одли, – холодно ответил врач, – но вы не можете ожидать от меня, что я буду помогать вам скрывать одно из худших преступлений против общества. Если бы у меня было достаточно причин не сомневаться, что убийство было совершено этой женщиной, я бы отказался помочь вам укрыть ее от правосудия, хотя бы этим и можно было спасти честь сотни благородных семей. Но я не вижу достаточно причин для ваших подозрений, и я сделаю все, чтобы помочь вам.

Роберт Одли схватил руки врача.

– Я отблагодарю вас, когда буду в лучшем состоянии, – произнес он с чувством, – от имени своего дяди и от своего собственного.

– У меня осталось только пять минут, а еще нужно написать письмо, – ответил доктор Мосгрейв, улыбаясь горячности молодого человека.

Он уселся за письменный стол у окна, окунул перо в чернила и быстро писал в течение семи минут. Он исписал по-

что три страницы, когда отбросил наконец перо в сторону и свернул письмо. Доктор положил письмо в конверт и вручил его незапечатанным Роберту Одли.

Адрес был следующим: «Месье Вэлу, Вилленбремейзе, Бельгия».

Мистер Одли с сомнением взглянул на адрес, затем на доктора, который натягивал перчатки с такой тщательностью, как будто вся его жизнь зависела от этого.

– Это письмо, – сказал он, отвечая на вопрошающий взгляд Роберта Одли, – написано моему другу, месье Вэлу, владельцу и управляющему превосходного дома здоровья в городе Вилленбремейзе. Мы знаем друг друга много лет, и он, без сомнения, охотно примет леди Одли в свое заведение и возьмет на себя ответственность за ее будущее, которое вряд ли будет богато событиями.

Если бы Роберт Одли заговорил, он бы еще раз выразил благодарность за помощь, оказанную ему, но доктор Мосгрейв остановил его властным жестом.

– С того момента, как леди Одли войдет в этот дом, – продолжал он, – ее активная жизнь будет закончена. Какие бы тайны она ни имела, они останутся тайнами навсегда! Какие бы преступления ни совершила, больше она не сможет их совершать. Если бы вы вырыли для нее могилу на ближайшем кладбище и похоронили ее заживо, вы не смогли бы более надежно скрыть ее от мира. Но как физиолог и просто честный человек я полагаю, что вы не могли бы сослужить обще-

ству лучшей службы, чем сделав это, поскольку физиология – ложь, если женщине, которую я видел десять минут назад, можно доверять по большому счету. Если бы она могла наброситься на меня и разорвать мне горло своими маленькими ручками, когда я сидел, беседуя с ней, она бы сделала это.

– Так она догадалась о цели вашего визита!

– Она знала. «Вы думаете, что я такая же сумасшедшая, как и моя мать, и пришли задавать мне вопросы, – сказала она. – Вы ищете во мне признак ужасной болезни». До свидания, мистер Одли, – поспешно добавил врач, – мое время истекло десять минут назад, осталось ровно столько, чтобы успеть на поезд.

Глава 12. Похороненная заживо

Роберт Одли в одиночестве сидел в библиотеке, глядя на письмо врача, лежащее перед ним на столе, и думая о том, что ему предстояло сделать.

Молодой адвокат назначил себя обвинителем этой несчастной женщины. Он был ее судьей, а теперь ему предстояло стать ее тюремщиком. Только когда он доставит письмо по назначению и сложит с себя ответственность, передав ее в надежные руки заграничного врача в доме для умалишенных, только тогда спадет с него ужасное бремя и его долг будет выполнен.

Он написал несколько строчек госпоже, сообщая, что собирается увезти ее из Одли-Корта в место, откуда она, вероятно, уже не вернется, и обращаясь к ней с просьбой собраться в путешествие. Он хотел отправиться, если возможно, вечером.

Мисс Сьюзан Мартин, горничная госпожи, считала, что упаковывать чемоданы хозяйки в такой спешке нелегкая задача, но госпожа помогала ей. Сворачивать и разворачивать шелка и бархат, собирать вместе драгоценности и дамские шляпки, казалось, доставляло ей удовольствие. Она думала, что, по крайней мере, они не собираются отобрать у нее ее добро. Они собираются отослать ее куда-то в ссылку, но это не безнадежно, поскольку едва ли на всей широкой земле

найдется уголок, где ее красота не будет царствовать и завоевывать ей новых преданных рыцарей и другие желанные вещи. Она решительно отдавала приказания и помогала своей служанке, чужавшей во всех этих сборах и спешке банкротство и крушение и выполнявшей из-за этого свои обязанности довольно вяло и безразлично; в шесть часов вечера она послала слугу сообщить мистеру Одли, что готова отправиться, когда ему будет угодно.

Роберт заглянул в справочник и выяснил, что Вилленбремейзе располагался в стороне от железных дорог и до него можно было добраться только дилижансом из Брюсселя. Почтовый поезд в Дувр отправлялся с Лондонского моста в девять часов, и Роберт со своей подопечной могли успеть на него, так как семичасовой поезд из Одли прибывал на Шередит в четверть девятого. Путешествуя через Дувр и Кале, они должны были прибыть в Вилленбремейзе на следующий день днем или вечером.

Нужно ли нам следовать за ними в этом унылом ночном путешествии? Госпожа лежала в каюте на низкой кушетке, укутавшись в свои меха: она не забыла о своих любимых русских соболях даже в этот последний час позора и несчастья. Ее корыстная натура жадно тянулась к тем дорогим и прекрасным вещам, что ей принадлежали. Она спрятала хрупкие чайные чашки и севрский и дрезденский фарфор в складках своих шелковых платьев. Среди тонкого белья укрыла она украшенную драгоценными камнями и позоло-

той посуду. Она бы забрала картины со стен и гобелены со стульев, если бы это было возможно. Она захватила с собой все, что могла, и сопровождала мистера Одли с угрюмой и мрачной покорностью.

Роберт Одли мерил шагами палубу парохода, когда часы в Дувре пробили двенадцать и город замерцал, словно светящийся полумесяц сквозь темные просторы моря. Судно гладко скользило по волнам к дружественному галльскому берегу, и мистер Одли вздохнул с облегчением при мысли, что совсем скоро его миссия будет выполнена. Он подумал о несчастном создании, одиноким и покинутом, лежащем в каюте внизу. Но когда он жалел ее (а он не мог время от времени не сочувствовать ей за ее женственность и беспомощность), перед ним вновь вставало лицо его друга, такое же радостное и полное надежды, как в день его возвращения из Австралии, и с этим воспоминанием возвращался ужас той постыдной лжи, что разбила его сердце.

«Смогу ли я когда-нибудь забыть это? – думал он. – Смогу ли я забыть его отсутствующее бледное лицо, когда он сидел напротив меня в кофейне с „Таймс“ в руке? Есть преступления, которые ничем нельзя искупить, и это одно из них. Если бы я завтра мог вернуть к жизни Джорджа Толбойса, я бы все равно никогда не смог исцелить его ужасную сердечную рану, я бы никогда не сделал его тем человеком, каким он был до того, как прочел ту печатную ложь».

Ближе к вечеру на следующий день дилижанс уже дребез-

жал и подпрыгивал по ухабистой мостовой главной улицы в Вилленбремейзе. Старинный церковный городок, всегда скучный и мрачный, казался еще более мрачным под седым вечерним небом. Слабо мерцающие фонари, зажженные рано и на больших расстояниях друг от друга, еще больше сгущали тьму, как жуки-светляки увеличивают черноту живой изгороди своим сиянием. Отдаленный бельгийский городок был позабытым старинным местечком, и повсюду бросались в глаза признаки упадка – на фасадах домов в узких улочках, на каждой ветхой крыше и многочисленных трубах. Было трудно представить, по какой причине ряды домов на противоположных улицах были построены так близко друг к другу, что громыхающий экипаж ехал чуть ли не по ногам пешеходов на тротуаре, и им приходилось прижиматься к домам, задевая своей одеждой витрины магазинов; в то время как на широких просторах за городом было достаточно места для строительства. Придирчивые путешественники удивлялись, почему узкие и самые неудобные улицы были самыми оживленными и процветающими, в то время как великолепные широкие проезды пустовали. Но Роберт Одли ни о чем таком не думал. Он сидел в уголке старомодного экипажа, наблюдая за госпожой, сидящей напротив, и пытаясь разглядеть ее лицо под густой вуалью.

В течение всего путешествия у них было отдельное купе, поскольку между Брюсселем и Вилленбремейзе пассажиров немного, и маршрут сохранялся скорее в силу традиции, чем

из-за выгоды.

Госпожа не промолвила ни слова за время путешествия, только отказалась от освежающих напитков, предложенных ей Робертом на какой-то остановке. Сердце ее упало, когда Брюссель остался позади, поскольку она надеялась, что он был целью их путешествия; и с болезненным чувством отчаяния она отвернулась от скучного пейзажа за окном.

Она подняла глаза лишь тогда, когда экипаж, подпрыгивая, въехал в огромный, мощный камнем, четырехугольный двор, окруженный зданиями, бывший когда-то монастырем, а сейчас внутренним двором довольно унылой гостиницы, в подвалах которой пищали и сражались мелкими отрядами легионы крыс, в то время как в апартаментах наверху ярко светило солнце.

Леди Одли содрогнулась, выйдя из дилижанса и очутившись в этом мрачном дворе. Роберта тотчас окружили галдящие носильщики, шумно требующие его «багажи» и громко обсуждающие между собой, в какой гостинице ему остановиться. Один из них побежал по просьбе Роберта за наемным экипажем и вскоре вернулся, таща за собой пару лошадок таких маленьких, что, казалось, были вылеплены из одной обычного размера лошади, понукая их пронзительными криками, дьявольски звучащими в темноте.

Мистер Одли оставил госпожу в унылой кофейне под присмотром сонного официанта, а сам поехал в отдаленную часть тихого городка. Нужно было совершить некото-

рые формальности, прежде чем супругу сэра Майкла отвезут в место, предложенное доктором Мосгрейвом. Роберт должен был повидать разных официальных лиц, принести многочисленные клятвы, представить письмо английского медика, пройти через церемонии подписаний, прежде чем он сможет отвезти злосчастную жену своего пропавшего друга в дом, которому суждено стать ее последним пристанищем на земле. Истекли два часа, прежде чем все было устроено и Роберт вернулся в гостиницу, где его ожидала подопечная, устремив отсутствующий взор на пару восковых свечей и оставив нетронутым кофе.

Роберт помог госпоже сесть в наемный экипаж и снова занял место напротив нее.

– Куда вы собираетесь меня везти? – спросила она наконец. – Я устала от того, что со мной обращаются как с непослушным ребенком, которого сажают в темный погреб за шалости. Куда вы меня везете?

– В место, где у вас будет достаточно свободного времени, чтобы раскаяться в прошлом, миссис Толбойс, – мрачно ответил Роберт.

Они оставили за собой мощеные улицы и выехали с огромной длинной площади, вмещавшей в себя по крайней мере полдюжину соборов, на ровный бульвар, широкую освещенную улицу, на которой дрожали тени нагих ветвей, словно призраки скелетов. Тут и там стояли дома, величественные здания с глиняными вазами герани на каменных

колоннах у тяжелых ворот. Громыхающий экипаж проехал три четверти мили по этой ровной дороге и подъехал к старым громоздким воротам.

Госпожа вскрикнула, выглянув из окошка кареты. Огромные ворота освещались единственной лампой: величественным сооружением из железа и стекла, в котором слабый дрожащий огонек сражался с мартовским ветром.

Кучер позвонил, и из маленькой деревянной дверцы в торце ворот вышел седовласый мужчина, взглянул на экипаж и ушел. Три минуты спустя он появился за железными воротами и распахнул их, открыв взору приезжих пустынный мощный камнем внутренний двор.

Кучер провел своих несчастных лошадок внутрь и подъехал к главному входу в дом – огромному особняку из серого камня, с несколькими длинными рядами окон, многие из которых слабо светились и выглядели в темноту ночи, словно бледные глаза уставших сторожей.

Госпожа, осторожная и тихая, как холодные звезды на зимнем небе, посмотрела на эти окна серьезным внимательным взглядом. Одно из них было занавешено тонкой портьерой блеклого красного цвета, за ней двигалась темная тень – тень женщины в фантастическом головном уборе, тень беспокойного создания, без остановки бегающего по комнате перед окном.

Супруга сэра Майкла схватила Роберта за руку и указала на это окно.

– Я знаю, куда вы привезли меня, – промолвила она. – Это сумасшедший дом.

Мистер Одли не ответил ей. Стоя у двери кареты, он спокойно помог ей спуститься и провел ее по избитым каменным ступенькам внутрь особняка. Он протянул письмо доктора Мосгрейва аккуратной бодрой средних лет женщине, вышедшей им навстречу из маленькой, примыкающей к холлу комнаты, похожей на конторку в гостинице. Эта особа с улыбкой приветствовала Роберта и его подопечную, и отправив слугу с письмом, пригласила их в уютную небольшую комнату, весело украшенную яркими оранжевыми занавесками и согретую небольшой печкой.

– Мадам, наверное, утомлена с дороги, – спросила француженка, с явной симпатией взглянув на госпожу и предложила ей кресло.

«Мадам» устало пожала плечами и оглядела комнатку острым испытующим взглядом без малейшего намека на приветливость.

– Что это за место, Роберт Одли? – яростно вскричала она. – Вы что же, полагаете, что я ребенок, которого можно обманывать? Это то, что я только что называла, не так ли?

– Это дом здоровья, госпожа, – мрачно ответил молодой человек. – У меня нет желания обманывать вас.

Госпожа помолчала, задумчиво глядя на Роберта.

– Дом здоровья, – повторила она. – Да, во Франции это им лучше удастся. В Англии это называется сумасшедший дом.

Это дом для умалишенных, не так ли, мадам? – спросила она по-французски, поворачиваясь к женщине и постукивая каблучком по полу.

– О нет, мадам! – протестуяще воскликнула женщина. – Это очень приятное учреждение, где можно развлекаться...

Ее прервало появление управляющего этого приятного заведения, который сияя вошел в комнату с ослепительной улыбкой на лице и открытым письмом доктора Мосгрейва в руке.

Просто невозможно было выразить, как рад он познакомиться с месье. Он готов сделать все, что угодно, для месье; не существовало ничего под небесами, чего бы он не попытался устроить для него, как друга его знакомого, столь выдающегося английского медика. Понизив голос, он сообщил Роберту, что в письме доктора Мосгрейва давалось краткое описание этого случая, и он был полностью готов взять на себя заботу о такой очаровательной мадам... мадам...

Он осторожно потер руки и вопросительно взглянул на Роберта. В первый раз за все время Роберт вспомнил, что ему рекомендовали представить несчастную женщину под вымышленным именем.

Он притворился, что не услышал вопроса управляющего. Казалось, так легко придумать кучу имен, отвечающих его намерению, но мистер Одли вдруг позабыл все человеческие имена, кроме своего и пропавшего друга.

Возможно, управляющий понял его растерянность. Он

облегчил ему задачу, повернувшись к женщине, впустившей их, и пробормотав что-то о номере 14-бис. Женщина взяла ключ из огромной связки, висевшей над камином, восковую свечу и повела их вдоль каменного холла вверх по широкой лестнице из полированного дерева.

Английский врач известил своего бельгийского коллегу, что деньги не имеют значения при создании удобств для английской леди, переданной его заботам. Поэтому месье Вэл открыл входную дверь, ведущую в величественную анфиладу комнат, включающих коридор, мощный черным и белым мрамором, но темный и мрачный; гостиную, обитую бархатом с похоронной пышностью, не способствующей поднятию духа; и спальню со столь чудно застланной кроватью, что казалось, под одеяло невозможно было залезть, кроме как вспоров ножом стеганое покрывало.

Госпожа мрачно смотрела на ряд комнат, выглядевших достаточно уныло в тусклом свете единственной восковой свечи. Одинокое пламя свечи, бледное и призрачное, многократно отражалось еще более бледными призраками, мерцая повсюду в комнатах – на темных полированных полах и деревянных панелях, на подоконниках, в зеркалах и на еще какой-то блестящей поверхности, с первого взгляда похожей на зеркало, но оказавшейся лишь злой насмешкой над ним из блестящего олова.

Посреди всего этого увядшего «великолепия» из потертого бархата, тусклой позолоты и полированного дерева гос-

пожа упала в кресло и закрыла лицо руками. Их белизна и звездное сверкание бриллиантов на ее пальцах ярко выделялись в тускло освещенной комнате. Она сидела молчаливая, неподвижная, в отчаянии, угрюмая и сердитая, пока Роберт и французский доктор вышли в соседнюю комнату и беседовали вполголоса. Мистеру Одли осталось мало что добавить к тому, что уже написал английский врач. После мучительных раздумий он остановился на имени Тейлор как безопасной и простой замене того единственного имени, на которое госпожа имела право. Он сказал французу, что миссис Тейлор его дальняя родственница, она унаследовала безумие от своей матери и у нее появились грозные признаки этой скрытой заразы; но тем не менее ее нельзя называть «сумасшедшей». Он умолял, чтобы к ней относились с заботой и сочувствием и она имела разумные привилегии; но настаивал, чтобы ни при каких обстоятельствах ей не разрешалось покидать дом одной, без защиты человека, на которого можно положиться и отвечающего за ее безопасность. Ему осталось уладить лишь одно – чтобы месье Вэл, являющийся, как он понял, протестантом, – врач поклонился – договорился с каким-нибудь благожелательным протестантским священником, который мог бы дать душевный совет и утешение больной даме, особенно нуждавшейся, мрачно добавил Роберт, в подобном снисхождении.

Все это, включая и денежный вопрос, который должен был время от времени улаживаться непосредственно мисте-

ром Одли и врачом, являлось содержанием их беседы и заняло около четверти часа. Когда они вернулись, госпожа сидела в том же положении, в каком они оставили ее, прижав ладони к лицу.

Роберт наклонился и прошептал:

– Ваше имя здесь мадам Тейлор. Не думаю, что вы хотите быть узнанной.

В ответ она лишь покачала головой, не убрав рук от лица.

– Мадам будет иметь прислугу полностью в ее распоряжении, – заговорил месье Вэл. – Все пожелания мадам будут исполняться, разумные желания, само собой разумеется, – добавил месье, слегка пожав плечом. – Будут приложены всевозможные усилия, чтобы сделать ее пребывание в Вилленбремейзе приятным и полезным. Пациенты обедают вместе, если хотят. Иногда я обедаю с ними, а мой помощник, умный и весьма достойный человек, всегда сидит с ними за обеденным столом. Я живу с женой и детьми в небольшом домике на территории учреждения, мой помощник живет в самом заведении. Мадам может быть уверена, что мы приложим все усилия, дабы обеспечить ей удобства.

Месье еще продолжал говорить в том же духе, потирая руки и сияя, когда мадам неожиданно поднялась и в ярости велела ему придержать язык.

– Оставьте меня наедине с человеком, что привез меня сюда, – сказала она сквозь зубы. – Оставьте меня!

Она указала ему на дверь резким повелительным жестом.

Шипящие французские звуки со свистом слетали с ее губ и, казалось, больше подходили ее состоянию, чем родной английский язык.

Врач пожал плечами, выходя в темный холл и пробормотал что-то о «прекрасной дьяволице» и жесте, достойном «Марса». Госпожа быстро прошла к двери между спальней и гостиной и закрыла ее, и все еще держа ручку в руке, повернулась к Роберту.

– Вы привели меня в могилу, мистер Одли! – закричала она. – Вы жестоко и бесчестно воспользовались своей властью и привели меня живой в могилу!

– Я сделал то, что счел справедливым по отношению к другим и милосердным к вам, – спокойно ответил Роберт. – Я бы предал общество, если бы позволил вам остаться на свободе после... после исчезновения Джорджа Толбойса и пожара в гостинице «Касл». Я привез вас туда, где о вас будут хорошо заботиться люди, ничего не знающие о вас, у которых нет власти насмеяться над вами или упрекать. Вы будете вести спокойную мирную жизнь, госпожа, жизнь, какую многие порядочные и праведные женщины на свободе ведут в этой стране и счастливо доживают до конца. Ваше уединение здесь не больше, чем у дочери короля, скрывающейся от греха и довольной обрести приют в таком спокойном месте. Конечно, это весьма малое искупление за ваши грехи, легкое наказание, которое я призываю вас принять. Живите здесь и раскаивайтесь, никто не будет обвинять вас, никто не будет

мучить. Я говорю вам лишь одно – раскайтесь!

– Я *не могу!* – закричала госпожа, яростно отбросив волосы с мраморного лба и устремив широко раскрытые глаза на Роберта. – Я *не могу!* Неужели моя красота привела меня к *этому*? Неужели я интриговала и замышляла заговоры, как мне скрыться, лежала без сна длинными ночами, дрожа при мысли об опасности, ради *этого*? Лучше бы я сразу сдалась, если *таков* мой конец. Лучше бы я поддалась проклятию, лежащему на мне, и уступила сразу, когда Джордж Толбойс вернулся в Англию.

Она вцепилась в свои пушистые золотые локоны, как будто хотела вырвать их с корнем. В конце концов они сослужили ей плохую службу, эти великолепные блестящие волосы, этот чудесный ореол золотого цвета, такой изысканный контраст нежной лазури ее глаз. Она ненавидела себя и свою красоту.

– Я бы посмеялась над вами и бросила вызов, если бы могла, – кричала она, – я бы убила себя. Но я бедная, жалкая трусиха и всегда была такой. Боялась ужасной наследственности своей матери, боялась Джорджа Толбойса, боялась *вас*.

Она помолчала, все еще стоя у двери, как будто собиралась удерживать Роберта сколько ей было угодно.

– Знаете, о чем я думаю? – спросила она вскоре. – Знаете, о чем я думаю, глядя на вас в этом тусклом свете? Я думаю о том дне, когда Джордж Толбойс... исчез.

Роберт вздрогнул, когда она назвала имя его пропавше-

го друга, его лицо побледнело в сумеречном свете, дыхание участилось.

– Он стоял напротив меня, так же, как и вы сейчас, – продолжала госпожа. – Вы сказали, что сровняете старый дом с землей, вырвете с корнем каждое дерево, чтобы найти своего мертвого друга. Вам не придется так много трудиться, тело Джорджа Толбойса лежит на дне старого колодца в кустарнике в конце липовой аллеи.

Роберт Одли с силой сжал голову руками и издал громкий крик ужаса.

– О боже! – простонал он. – Я был готов ко всему, но не к такой страшной правде, обрушившейся на меня наконец.

– Он пришел ко мне в липовую аллею, – снова заговорила госпожа тем же низким хриплым голосом, каким рассказывала злосчастную историю своей жизни. – Я знала, что он придет, и приготовилась встретить его. Я намеревалась подкупить его, обмануть, запугать, сделать что угодно, лишь бы не расставаться с богатством и положением, которые я завоевала и не возвращаться к старой жизни. Он пришел и стал упрекать меня за заговор в Вентноре. Он заявил, что до самой смерти не простит мне ту ложь, что разбила его сердце. Он сказал, что я вырвала из груди его сердце и растоптала его и теперь у него пусто в груди и он не может чувствовать ко мне хоть крупицу сострадания. Что он простил бы мне любое зло, кроме того единственного умышленного и бесчувственного обмана. Он говорил это и многое другое,

а также то, что никакая сила на земле не заставит его изменить своей цели, состоящей в том, чтобы привести меня к человеку, которого я обманула, и заставить рассказать свою историю. Он не знал о скрытой болезни, которую я всосала с молоком матери. Он не знал, что меня можно свести с ума. Он давил на меня так же, как и вы; он был так же безжалостен, как и вы. Мы были в кустарнике в конце липовой аллеи. Я сидела на разрушенной кирпичной кладке колодца. Джордж Толбойс прислонился к лебедке, в которой свободно болталась железная ось. Наконец я встала и повернулась, чтобы бросить ему вызов, как намеревалась вначале. Я сказала ему, что если он разоблачит меня перед сэром Майклом, я заявлю, что он сумасшедший или лжец. Я собиралась уйти, сказав ему это, когда он схватил меня за руку и силой остановил. Вы заметили синяки, оставленные его пальцами, и не поверили моему объяснению. Я увидела это и поняла, что мне следует опасаться вас.

Она замолчала, ожидая, что Роберт заговорит, но он стоял молчаливый и неподвижный, ожидая конца рассказа.

– Джордж Толбойс обращался со мной так же, как и вы, – продолжала она вскоре. – Он поклялся, что если останется хоть один свидетель, который сможет установить мою личность, и этот свидетель окажется на другом краю земли, он приведет его в Одли-Корт, чтобы разоблачить меня. Именно тогда мой разум помутился. Именно тогда я выдернула железную ось из гнилого дерева и увидела, как мой первый

муж с ужасным криком падает в черную пасть колодца. Существует легенда о его невыносимой глубине. Я не знаю, насколько он глубок. Полагаю, там нет воды, поскольку я не услышала всплеска, только глухой стук от падения. Я посмотрела вниз, но не увидела ничего, кроме черной пустоты. Я встала на колени и прислушалась, но крик не повторился, хотя я ждала почти четверть часа – бог знает как долго, показалось мне, – у сруба колодца.

Роберт Одли не сказал ни слова, когда история была закончена. Он придвинулся немного ближе к двери, напротив которой стояла Элен Толбойс. Если бы существовал другой выход из комнаты, он бы с радостью воспользовался им. Его ужасало малейшее приближение к этому существу.

– Разрешите мне пройти, пожалуйста, – промолвил он ледяным голосом.

– Вы видите, я не боюсь признаться вам, – сказала Элен Толбойс, – по двум причинам. Во-первых, вы не осмелитесь использовать это против меня, поскольку знаете, что мое появление на скамье подсудимых убьет вашего дядю; во-вторых, закон не вынесет худшего приговора, чем этот – пожизненное заключение в сумасшедшем доме. Как видите, я не благодарю вас за ваше милосердие, мистер Роберт Одли, так как точно знаю, чего оно стоит.

Она отошла от двери, и Роберт вышел без единого слова и взгляда.

Полчаса спустя он уже сидел за аккуратно накрытым обе-

денным столом в одной из гостиниц Вилленбремейзе, не в силах оторвать мысленного взора от видения пропавшего друга, вероломно убитого в зарослях Одли-Корта.

Глава 13. Преследуемый призраком

Удивленно смотрел на окружающий его мир, казавшийся нереальным, Роберт Одли; как бы очнувшись от тяжелого сна, он смотрел отсутствующим взором на просторы болот и унылые тополя между Вилленбремейзе и Брюсселем. Неужели он возвращался в дом своего дяди без женщины, что правила в нем словно королева в течение двух лет? Он чувствовал, как будто куда-то завез ее и тайком с ней покончил, и теперь должен представить отчет сэру Майклу о судьбе женщины, которую баронет так преданно любил.

«Что мне сказать ему? – думал он. – Сказать ли ему правду – ужасную страшную правду? Нет, это было бы слишком жестоко. Он совсем упадет духом, услышав об ужасном разоблачении. И все же, не догадываясь, до каких пределов простирается ее зло, он может подумать, что я был слишком суров с ней».

Размышляя таким образом, мистер Роберт Одли рассеянно смотрел на безрадостный пейзаж за окном тряского экипажа и думал, – какая огромная страница вырвана из книги его жизни теперь, когда мрачная история Джорджа Толбойса закончена.

Что будет дальше? На него нахлынули мрачные мысли при воспоминании об истории, услышанной им из уст Элен Толбойс. Его друг – его убитый друг – лежал, скрытый посре-

ди бесформенных руин на дне старого колодца в Одли-Корте. Он лежал там уже шесть месяцев, не погребенный, безвестный, спрятанный в темноте старого монастырского колодца. Что же теперь делать?

Начать поиски останков убитого значило неизбежно учредить дознание коронера. Если бы повелось такое следствие, то неизбежно всплыло бы преступление госпожи. Доказать, что Джордж Толбойс встретил свою смерть в Одли-Корте значило почти наверняка доказать, что госпожа явилась орудием этой таинственной гибели; поскольку было известно, что молодой человек последовал за ней в липовую аллею в день своего исчезновения.

«О боже! – воскликнул Роберт, когда ему стал очевиден весь ужас этой ситуации. – Неужели моему другу придется покоиться в неосвященном месте лишь потому, что я смирился с преступлениями женщины, убившей его?»

Он чувствовал, что из этого трудного положения нет выхода. Иногда ему приходило в голову, что для его мертвого друга имело мало значения, погребен ли он под мраморным памятником, самым удивительным сооружением во всей вселенной, или в том неизвестном темном скрытом месте в чаще Одли-Корта. А то его вдруг охватывал внезапный ужас при мысли о зле, причиненном его другу, и он был готов лететь быстрее экспресса между Брюсселем и Парижем в своем страстном желании добраться домой и исправить это страшное зло.

На второй день он уже был в Лондоне и сразу же поехал в «Кларендон», чтобы справиться о своем дяде. У Роберта не было желания встретиться с сэром Майклом, так как он еще не решил, что расскажет ему, но он очень беспокоился и хотел узнать, как пожилой человек пережил удар.

«Я повидаяю Алисию, – решил он, – она расскажет мне все об отце. Прошло только два дня, как он уехал из Одли. Едва ли я услышу о перемене к лучшему».

Но мистеру Одли не было суждено увидеть свою кузину в тот вечер, так как служащие в «Кларендоне» сказали ему, что сэр Майкл и его дочь уехали утром в Париж, а оттуда собирались в Вену.

Роберт остался очень доволен, услышав это известие: оно давало ему желанную отсрочку, поскольку решительно лучше ничего не говорить баронету о его жене до тех пор, пока он не вернется в Англию, поправив свое здоровье и, как он надеялся, воспрянув духом.

Мистер Одли поехал в Темплъ. Его комнаты казались такими унылыми со времени исчезновения Джорджа Толбойса, а в этот вечер стали еще мрачнее, поскольку то, что было темным подозрением, превратилось в ужасную уверенность. Больше не было места для самого бледного луча, самого мимолетного проблеска надежды. Его худшие опасения подтвердились.

Джордж Толбойс был жестоко и коварно убит своей женой, которую любил и оплакивал.

Дома мистера Одли ожидали три письма. Одно было от сэра Майкла, другое от Алисии. Третье было написано рукой, которую молодой адвокат слишком хорошо знал, хотя видел этот почерк лишь раз. Его лицо вспыхнуло при виде надписи на конверте, он осторожно и бережно взял его в руку, как будто это было живое существо, чувствительное к его прикосновению. Он снова и снова переворачивал его в руках, рассматривая герб на конверте, почтовую марку, цвет бумаги, и затем спрятал на груди под жилетом со странной улыбкой на лице.

«Какой же я несчастный бессовестный дурень, – подумал он. – Не я ли смеялся над глупостями слабых людей всю свою жизнь, и наконец, оказался самым большим глупцом из всех? Прекрасное кареглазое создание! Почему я встретился с ней? Почему безжалостная богиня судьбы указала мне дорогу в тот мрачный дом в Дорсетшире?»

Он вскрыл первые два письма. Последнее послание он оставил на изысканную закуску – сказочный десерт после банального обеда.

Письмо Алисии сообщало, что сэр Майкл переносил свои страдания с таким сдержанным спокойствием, что оно встревожило ее больше, чем бурное выражение отчаяния. Она тайком навестила врача, лечившего всех домашних в Одли-Корте в серьезных случаях, и попросила его нанести сэру Майклу как бы случайный визит. Он пришел и, поговорив с баронетом в течение получаса, сказал Алисии, что никаких

серьезных последствий этого тихого горя в настоящее время не было, но необходимо, чтобы делались всевозможные усилия поднять его дух.

Алисия сразу же последовала его совету, восстановила свое владычество испорченного ребенка и напомнила отцу об обещании съездить в Европу. Хотя и с большими трудностями, но она заставила его выполнить старое обещание и убедила его как можно скорее уехать из Англии; в заключение она сообщила Роберту, что отец не вернется в свой старый дом до тех пор, пока она не заставит его забыть о горестях, с ним связанных.

Письмо баронета было коротким. Оно содержало полудюжину чистых чеков к лондонским банкирам сэра Майкла Одли.

«Тебе понадобятся деньги, мой дорогой Роберт, – писал он, – для будущего устройства и обеспечения удобств для персоны, которую я вверил твоим заботам. Едва ли мне нужно напоминать тебе, чтобы это устройство не было слишком либеральным. Но, возможно, мне следует сказать тебе сейчас, в первый и последний раз, что моим единственным желанием является: никогда больше не слышать имени этой особы. У меня нет желания знать о том, как ты ее устроишь. Я уверен, что ты будешь действовать добросовестно и милосердно. Больше я ничего не желаю знать. Когда тебе понадобятся деньги, напиши любую сумму на чеках, но у тебя не будет возможности сообщить мне, для чего тебе эти деньги».

Роберт Одли вздохнул с облегчением, свернув письмо. Оно освобождало его от обязанности, слишком болезненной для него, и навсегда определяло его действия в отношении убитого.

Джордж Толбойс должен мирно покоиться в своей неизвестной могиле, и сэр Майкл Одли никогда не должен узнать, что женщина, которую он любил, была отмечена клеймом убийцы.

Роберту осталось лишь вскрыть третье послание – послание, положенное им на грудь; осторожно и нежно он открыл конверт.

Письмо было таким же коротким, как и послание сэра Майкла. Оно содержало лишь несколько строчек:

«Дорогой мистер Одли!

Священник дважды навещал Маркса – человека, спасенного вами при пожаре в гостинице „Касл“. Он лежит в тяжелом состоянии в коттедже своей матери, недалеко от Одли-Корта, и вряд ли долго проживет. Его жена ухаживает за ним, и они оба выразили сильнейшее желание, чтобы вы навестили его, прежде чем он умрет. Умоляю, приезжайте незамедлительно.

Искренне ваша *Клара Толбойс*.

Маунт-Стэннинг, 6 марта».

Роберт Одли благоговейно свернул письмо и опять положил его к той части тела под жилетом, где предположительно находилась область сердца. Затем он уселся в свое люби-

мое кресло, набил и закурил трубку, и выкурил ее, задумчиво глядя на огонь в камине. Ленивый свет, мерцавший в его красивых серых глазах, говорил о мечтательной задумчивости, ни в коем случае мрачной или неприятной. Его мысли поднялись за голубоватые клубы табачного дыма и унесли его в яркую страну грез, где не было места смерти и тревогам, горю и позору: только он и Клара Толбойс в мире, сотворенном могуществом их любви.

Только когда был выкурен последний лист турецкого табака и из трубки выбит серый пепел о каминную решетку, прочь улетела очаровательная греза в ту великую сокровищницу, где видения, коих никогда не бывает в жизни, надежно заперты и охраняются суровым чародеем, который лишь время от времени поворачивает ключ и приоткрывает дверцу в свою кладовую к недолгому восторгу человечества. Но мечта улетела, и суровое бремя мрачной реальности вновь легло на плечи Роберта. «Что нужно от меня этому Марксу? – подумал адвокат. – Возможно, он боится умереть, пока не признается в чем-то. Он хочет сказать то, что я уже знаю, – историю преступления госпожи. Я уверен, что он знал о тайне. Я убедился в этом уже в тот вечер, когда впервые увидел его. Он знал о тайне и наживался на этом».

Роберту Одли очень не хотелось возвращаться в Эссекс. Как он встретится с Кларой Толбойс теперь, когда знает о тайне судьбы ее брата? Сколько лжи он должен ей наговорить или как увиливать, чтобы скрыть от нее правду! И все

же будет ли правильно рассказать ей ту ужасную историю, что должна бросить мрачную тень на ее юность и убить всякую надежду, какую она еще втайне лелеяла? Он знал по собственному опыту, как можно надеяться вопреки всему, надеяться бессознательно; и мысль о том, что ее сердечко должно быть так же разбито знанием правды, как и его собственное, была для него непереносима. «Пусть лучше она понапрасну надеется до самого конца, – думал он. – Пусть лучше живет в поисках какого-нибудь ключа к тайне ее пропавшего брата, чем я сам дам ей в руки этот ключ и скажу: „Наши худшие опасения подтвердились. Брат, которого ты так любила, был подло убит в пору своей многообещающей молодости“».

Но Клара Толбойс писала ему, умоляя как можно скорее возвратиться в Эссекс. Разве мог он отказать ей в просьбе, как бы болезненно ни было это для него? К тому же человек, возможно, умирает и умоляет его приехать. Не будет ли жестоко отказать ехать, без необходимости оттягивая время? Он посмотрел на часы. Без пяти минут девять. После ипсвичского почтового, отправлявшегося из Лондона в половине девятого, поездов до Одли больше не было; но из Шередита был поезд, отбывающий в одиннадцать и делающий остановку в Brentwude между двенадцатью и часом ночи. Роберт решил ехать этим поездом и дойти пешком из Brentwude до Одли, около шести миль.

У него оставалось еще много времени, и он сидел, мрачно размышляя у огня и удивляясь тем странным событиям, что

заполнили его жизнь за последние полтора года, вставшим словно сердитые тени между его ленивыми привычками и им самим.

«Бог мой! – думал он, куря вторую трубку. – Разве можно сейчас поверить, что это я лодырничал целыми днями, сидя в кресле, читая Поля де Кока и куря мягкий турецкий табак, заглядывал в ложи для прессы, чтобы посмотреть новую карикатуру, и заканчивал вечер чтением „Клушицы и вороны“, отбивными и бледным элем у Эванса. Неужели это для меня жизнь была сплошным вихрем удовольствий? Неужели это я был одним из мальчишек, что катались на деревянных лошадках, в то время как другие ребята бегали босоногие по грязи и трудились в поте лица, чтобы заслужить покататься на лошади, когда работа закончена? Видит Бог, с тех пор я познал науку жизни, и теперь мне непременно нужно влюбиться и исполнять трагические песнопения в добавление к жалким вздохам и стонам. Клара Толбойс! Клара Толбойс! Скрыта ли в глубине твоих карих глаз милостивая улыбка? Что вы мне скажете, если я признаюсь, что люблю вас так же искренне, как оплакивал судьбу вашего брата – что из моей дружбы с убитым выросла новая сила и новые жизненные цели, ставшие еще крепче при знакомстве с вами и удивительным образом изменившие меня. Что она ответит мне? А! Бог знает. Если вдруг ей понравился цвет моих волос или звук моего голоса, быть может, она выслушает меня. Но будет ли она долго внимать мне, если я люблю ее искренней

и чистой любовью, если я буду постоянен, честен и предан ей? Едва ли! Это может тронуть ее и вызвать жалость, но не больше! Надеюсь, что бедная маленькая Алисия найдет себе какого-нибудь светловолосого саксонца в путешествии. Надеюсь, что...»

Его мысли устало унеслись прочь и потерялись. Как мог он на что-то надеяться, пока его преследовал ужасный призрак непохороненного тела его друга? Он вспомнил историю – отвратительную, страшную, и все же восхитительную историю, от которой в один зимний вечер кровь застыла в его жилах, – историю о человеке, возможно маньяке, повсюду преследуемом видением непогребенного князя, который не мог покоиться в своем неосвященном укрытии. А что, если эта история повторяется? Что, если его отныне будет преследовать призрак убитого Джорджа Толбойса?

Он отбросил волосы со лба и нервно оглядел небольшую уютную комнату. Ему не очень понравились темные тени в углах. Дверь в гардеробную была открыта, он встал и закрыл ее, резко повернув ключ в замке.

– Недаром я начитался Александра Дюма и Уилки Коллинза, – прошептал он. – Мне хорошо знакомы их фокусы, крадущиеся шаги за спиной, приводящие в ужас белые лица за окном, светящиеся глаза в сумерках. Не странно ли это, когда ваш добродушный друг, за всю свою жизнь не сделавший ничего плохого, способен на любое зло в тот момент, когда становится привидением. Завтра я зажгу газовые лампы

и попрошу старшего сына миссис Мэлони поспать в прихожей. Малый хорошо играет на расческе и составит мне приятную компанию.

Мистер Одли устало походил по комнате. Не имело смысла покидать Темпл до десяти часов, и даже тогда он наверняка доберется до станции на полчаса раньше. Он устал от курения. Смягчающее наркотическое влияние само по себе приятно, но нужно иметь чрезвычайно необщительный нрав, чтобы после полудюжины выкуренных трубок не почувствовать потребность в собеседнике, на которого можно задумчиво поглядывать сквозь бледно-серый табачный туман и получить дружеский взгляд в ответ. Не думайте, что у Роберта Одли не было друзей, потому что он так часто оказывался в одиночестве в своих тихих комнатах. Та мрачная цель, что так круто перевернула всю его беззаботную жизнь, разъединила его с былыми товарищами, и только по этой причине он был один. Он отдалился от старых друзей. Как мог он сидеть с ними на дружеских вечеринках или за приятными небольшими обедами, где рекой лилось шампанское? Как мог он сидеть среди них, слушая их беззаботную болтовню о политике и опере, литературе и скачках, театрах и науке, скандалах, теологии, когда на нем висел ужасный груз тех темных страхов и подозрений, что неотступно следовали за ним днем и ночью? Он не мог! Он отдалился от тех людей, как будто и вправду был полицейским детективом, имеющим дело с низкими людьми, и уже не был подходящей компанией

для честных джентльменов. Он перестал заглядывать в привычные любимые местечки и заперся в своих уединенных комнатах с постоянной тревогой за своего единственного товарища, пока не стал таким же нервным, каким в конечном счете делает постоянное одиночество даже самого сильного и умного человека, как бы он ни похвалялся своей силой и умом.

Часы на церкви Темпла и часы Святого Дунстана, Святого Клементя и сотни других церквей, чьи колокольни возвышались над крышами домов у реки, пробили наконец десять часов, и мистер Одли, надевший шляпу и пальто еще полчаса назад, вышел в маленькую прихожую и запер за собой дверь. Он опять подумал о том, чтобы взять к себе Патрика, как называла миссис Мэлони своего старшего сына. На следующий день юноша будет у него, и если призрак злополучного Джорджа Толбойса вторгнется в эти мрачные комнаты, ему придется проложить себе путь через тело Патрика, прежде чем добраться до комнаты, где спал владелец квартиры.

Не смейтесь над бедным Робертом от того, что он стал ипохондриком, услышав ужасный рассказ о смерти своего друга. Нет ничего более тонкого и хрупкого, чем невидимая грань, на которой всегда балансирует разум. Сумасшедший сегодня и в своем уме завтра.

Кто может забыть о докторе Сэмuele Джонсоне? Заядлый спорщик в клубе, серьезный, представительный, суровый, безжалостный, строгий наставник мягкого Оливье, друг

Гаррика и Рейнолдса сегодня вечером – и уже завтра перед закатом солнца слабый несчастный старик, которого нашли добрые мистер и миссис Трейл стоящим на коленях в своей уединенной комнате, в детском страхе и смятении, молясь милостивому Боженьке, чтобы он сохранил ему разум. Я думаю, воспоминание о том страшном дне должно было научить доктора крепко держать руку, когда он брал подсвечник и с него ручьем тек расплавленный воск на дорогой ковер его прекрасной покровительницы; и воспоминание это могло бы иметь более длительное воздействие и научить его быть милосердным, когда жена пивовара тоже сошла с ума и вышла замуж за того негодяя, итальянского певца. Кто не был безумен в какой-нибудь час одиночества в своей жизни? Кто застрахован от нарушения равновесия?

Флит-стрит была пустынна в этот час, и Роберт Одли, находясь в таком состоянии, когда повсюду мерещатся призраки, едва ли удивился бы, увидев компанию Джонсона, бесчинствующую в свете фонарей, или слепого Джона Мильтона, спускающегося со ступенек церкви Святого Брайда.

Мистер Одли сел в кэб на углу Фарриндон-стрит, и экипаж быстро помчался, громыхая, через открытый Смитфилдовский рынок – через лабиринт закоптелых улиц, выходявших на широкий бульвар Финсбери.

«Никто и никогда не видел привидений в кэбе, – подумал Роберт. – Даже Дюма еще до этого не додумался. Он бы сумел это изобразить, если бы такая мысль пришла ему в го-

лову. „Возвращающийся в фиакре“, честное слово, неплохое название. Рассказ о каком-нибудь мрачном джентльмене в черном, который нанял экипаж и не сошелся в цене с возницей, обманом заманил его в пустынное место и вдруг обернулся каким-нибудь чудищем».

Кэб прогрохотал по крутому подъему к станции Шередит, и Роберт вышел у дверей этого непривлекательного строения. На полуночный поезд было мало пассажиров; Роберт прошелся по длинной пустынной деревянной платформе, читая огромные объявления, длинные буквы которых казались серыми призраками в тусклом свете ламп.

В купе он оказался совсем один. Совсем один? Но разве за последнее время не созвал он то призрачное сборище, самое живучее из всех компаний? Тень Джорджа Толбойса преследовала его, даже в мягком купе первого класса выглядывала она из-за его спины, когда он смотрел в окошко, неслась впереди быстрого поезда в ту чашу, в неосвященный тайник, где покоились бранные останки мертвеца, позабытые и позаброшенные.

«Я должен достойно похоронить своего друга, – думал Роберт, когда пронесившийся над ровными полями холодный ветер обдал его своим ледяным дыханием. – Я должен это сделать, иначе я умру от паники, что охватила меня сегодня. Я должен это сделать, невзирая на опасность, любой ценой. Даже ценой того разоблачения, что вернет безумную женщину из ее укрытия и поместит ее на скамью подсудимых».

Он обрадовался, когда поезд остановился в Brentwude около двенадцати ночи. Только еще один пассажир вышел на маленькой станции – дородный скотовод, ездивший в театр посмотреть трагедию. Сельские жители всегда смотрят трагедии. Им не нужны легкие водевили! Им не нужны красивая гостиная, модная лампа или французское окно, доверчивый муж, легкомысленная жена и изящная служанка госпожи, постоянно вытирающая пыль с мебели и докладывающая о гостях; им нравятся достойные монументальные трагедии из пяти актов.

Роберт Одли беспомощно огляделся, выйдя из Brentwуда и спустившись по пустынному холму в долину, лежащую между городком и другим холмом, на котором хрупкое унылое строение – таверна «Касл» – так долго сражалось со своим врагом, ветром, чтобы уступить наконец союзу старого противника с новым и более яростным врагом и оказаться сметенной, словно сухой лист.

– Какая грустная прогулка, – промолвил мистер Одли, глядя на пустынную дорогу, лежащую перед ним, словно одинокую тропу в пустыне. – Грустная прогулка для несчастного бедняги между двенадцатью и часом ночи, в холодную мартовскую ночь, без лунного сияния в черном небе, так что можно и засомневаться в существовании этого светила. Но я доволен, что приехал, – думал адвокат, – если этот бедный горемыка умирает и действительно хочет меня видеть. Я был бы негодяем, если б отказался. Кроме того, *она* желает этого,

она желает этого, и что мне делать, как не повиноваться ей, помоги мне Господь!

Он остановился у деревянной ограды, окружающей дом приходского священника в Маунт-Стэннинге, и посмотрел на решетчатые окна этого простого жилища. Ни в одном из них не горел свет, и мистеру Одли пришлось уйти, найдя слабое утешение лишь в долгом созерцании дома, давшего приют той единственной женщине, перед чьей непобедимой силой пала неприступная крепость его сердца. Только груда черных руин осталась на том месте, где однажды таверна «Касл» дала бой ветрам. Холодный ночной ветерок пронесся над несколькими обломками, которые пощадил огонь; кружил над ними, разметал их в разные стороны, швыряя в Роберта кучи пепла и золы, и обуглившиеся щепки.

В половине второго ночной странник вошел в деревню Одли, и только там он вспомнил, что Клара Толбойс не написала ему, в какой стороне искать коттедж, где находился Люк Маркс.

«Доусон рекомендовал забрать несчастного в дом его матери, – мало-помалу вспомнил Роберт, – и наверняка Доусон лечит его. Он покажет мне дорогу».

Следуя своему решению, мистер Одли остановился у дома, где жила Элен Толбойс до своего второго замужества. Дверь в небольшую приемную врача была открыта, внутри горел свет. Роберт толкнул дверь и заглянул внутрь. Врач стоял у конторки из красного дерева, смешивая жидкое ле-

карство в мензурке, его шляпа лежала рядом. Несмотря на поздний час, он, очевидно, только что пришел. Из маленькой смежной комнатки его помощника доносился звучный храп.

– Извините, что побеспокоил вас, мистер Доусон, – заговорил Роберт, когда врач поднял голову и узнал его, – но я приехал навестить Маркса, который, как я слышал, в плохом состоянии, и хотел попросить указать мне, где дом его матери.

– Я покажу вам дорогу, мистер Одли, – ответил врач, – я сам сию минуту иду туда.

– Он так плох?

– Хуже некуда. Единственное, что может произойти, – это то, что он скоро окажется вне досягаемости любых земных страданий.

– Как странно! – воскликнул Роберт. – Мне показалось, что он не очень пострадал.

– У него мало ожогов. Будь это не так, я бы никогда не посоветовал увезти его из Маунт-Стэннинга. Свое дело сделал сильный шок. Его здоровье было подорвано привычкой к алкоголю, и он полностью его лишился после внезапного ужаса той ночи. Последние два дня он был в сильной горячке, но сегодня он немного спокойнее, и боюсь, что еще до завтрашней ночи мы потеряем его.

– Мне сказали, он хотел видеть меня, – заметил мистер Одли.

– Да, – равнодушно ответил врач. – Фантазия больного,

без сомнения. Вы вытащили его из горящего дома и сделали все, чтобы спасти его жизнь. Думаю, несмотря на свою грубость, он думает об этом.

Они вышли, и мистер Доусон запер дверь приемной. Возможно, в кассе были деньги, так как едва ли сельский аптекарь мог опасаться, что даже самый дерзкий взломщик подвергнет опасности свою свободу в поисках голубых таблеток, нюхательных солей или александрийского листа.

Врач повел его вдоль тихих улиц, и вскоре они свернули на узкую дорожку, в конце которой Роберт Одли увидел мерцающий свет, говорящий о том, что кто-то бодрствует у постели больного и умирающего, и казавшийся таким бледным и печальным в глухой час ночи. Он сиял из окошка того коттеджа, где лежал Люк Маркс, у постели которого дежурили его жена и мать.

Мистер Доусон поднял щеколду и прошел с Робертом Одли в гостиную этого небольшого жилища. Она была пуста, лишь на столе с шипением потрескивала сальная свеча. Больной лежал в верхней комнате.

– Сказать ему, что вы здесь? – спросил мистер Доусон.

– Да, да, пожалуйста. Но будьте осторожны, известие может взволновать его. Я не спешу и могу подождать. Позовите меня, когда можно будет.

Врач кивнул и мягко поднялся по узкой деревянной лестнице, ведущей на верхний этаж. Мистер Доусон был хорошим человеком, и действительно, приходской врач обяза-

тельно должен быть хорошим, деликатным, добрым и мягким, иначе несчастные пациенты, не имеющие золота и серебра, могут пострадать от мелочного пренебрежения и грубостей, которые не так-то легко доказать перед стражами закона, но которые не менее горько переносить в лихорадочные часы болезни и боли.

Роберт Одли сел у холодного очага и печально огляделся. В углах маленькой комнатки притаились тени в тусклом свете сальной свечи. Полустертый циферблат восьмидневных часов, стоявших напротив Роберта Одли, казалось, смущал его своим пристальным взглядом. Ужасные звуки, исходящие от таких часов после полуночи, не нуждаются в описании. В трепетной тишине прислушивался Роберт к тяжелому монотонному тиканью, как будто часы отсчитывали секунды, оставшиеся умирающему, и с мрачным удовлетворением сдерживали их. «Еще одна минута! Еще одна! Еще одна!» – казалось, вторили часы, пока мистер Одли не почувствовал желания швырнуть в них шляпой, в надежде унять этот печальной однообразный отсчет.

Он с облегчением услышал тихий голос врача, выглянувшего с лестницы и сообщившего, что Люк Маркс очнулся и хочет его видеть.

Роберт осторожно, стараясь не шуметь, поднялся по лестнице и снял шляпу, наклонив голову, чтобы войти в низенькую дверцу убогой комнатки. Он снял шляпу перед этим простым крестьянином, потому что ощущал присутствие че-

го-то еще, более ужасного, что витало по комнате и жаждало, чтобы его впустили.

Феба Маркс сидела у изножья кровати, устремив пристальный взор на лицо мужа. Во взгляде ее бледных глаз не было нежности, лишь острое, тревожное беспокойство: она боялась подступающей смерти, а не потери мужа. У камина старушка гладила белье и готовила бульон, который едва ли будет нужен ее сыну. Больной лежал на кровати, голова покоилась на подушках, его грубое лицо было смертельно бледным, а огромные руки беспокойно двигались по одеялу. Феба читала ему; открытое Евангелие лежало среди бутылочек с лекарством на столике у кровати. Все предметы в комнате были чистыми и аккуратными и несли на себе печать опрятности, что всегда была отличительной особенностью Фебы.

Молодая женщина поднялась, когда Роберт Одли шагнул за порог комнаты, и поспешила к нему.

– Позвольте мне минутку поговорить с вами, сэр, прежде чем вы побеседуете с Люком, – нетерпеливо прошептала она. – Ради бога, дайте мне вначале поговорить с вами.

– О чем эта девица толкует там? – спросил больной с приглушенным рычанием, хрипло замершим на его губах. Он был свиреп даже в своей слабости. Его тусклые глаза замутил глянец смерти, но они все еще следили за Фебой острым недовольным взглядом. – Чего она хочет? – спросил он. – Я не потерплю заговора против меня и сам хочу поговорить с мистером Одли, что бы я ни сделал, я сам за все отвечу. Если

я совершил зло, то исправлю его. Что она говорит?

– Она ничего такого не говорит, сыночек, – ответила старушка, подойдя к сыну, явно не очень подходящему для столь нежного обращения. – Она только говорит джентльмену, как тебе плохо, мой хороший.

– То, что я хочу сказать, я скажу только ему, запомни, – прорычал Люк Маркс. – И только за то, что он сделал для меня прошлой ночью.

– Конечно, любимый, – успокаивающе ответила старушка.

Она не придавала большого значения настойчивым словам сына, полагая, что это бред. То бредовое состояние, в котором Люку представлялось, как его тащат целые мили сквозь горящий кирпич и известку, швыряют в колодцы, вытаскивают из глубоких ям за волосы и подвешивают в воздухе огромные руки, появившиеся из облаков, чтобы забрать его с твердой земли и швырнуть в хаос; и другие дикие ужасы и галлюцинации, бушевавшие в его расстроенном воображении.

Феба Маркс потащила мистера Одли из комнаты на узкую лестничную площадку. Она была так мала, что два человека едва могли стоять на ней, рискуя удариться о стену или упасть на лестницу.

– О сэр, я так хотела поговорить с вами, – горячо зашептала Феба. – Вы помните, что я сказала вам в ту ночь, когда был пожар?

– Да, да.

– Я сказала о своих подозрениях и все еще так думаю.

– Да, я помню.

– Но, кроме вас, я ни с кем ни словом об этом не обмолвилась, сэр, и я думаю, что Люк все забыл о той ночи, я думаю он забыл обо всем, что было до пожара. Он был пьян, когда гос... когда она пришла в «Касл», и я уверена, так ошеломлен и напуган огнем, что все начисто стерлось из его памяти. В любом случае, он и не догадывается о том, что я подозреваю, иначе он всем рассказал бы об этом; но Люк так зол на госпожу и говорит, что если бы она купила ему таверну в Брентвуде или Челмсфорде, этого бы не случилось. Поэтому я хотела просить вас, сэр, чтобы вы ничего не говорили Люку.

– Да, да, я понимаю, я буду осторожен.

– Я слышала, госпожа уехала из Корта, сэр?

– Да.

– Она никогда не вернется, сэр?

– Никогда.

– Но там, куда она уехала, с ней будут хорошо обращаться, не будут жестоки?

– Нет, к ней будут хорошо относиться.

– Я рада этому, сэр. Прошу прощения, что беспокою вас этим вопросом, сэр, но госпожа была доброй хозяйкой.

Из комнатки слышался слабый хриплый голос Люка, сердито требующий, чтобы «эта девица перестала зевать», и Феба, приложив палец к губам, повела мистера Одли обрат-

но к больному.

– Мне не нужна *ты*, – решительно заявил мистер Маркс, когда его жена вошла в комнату, – мне не нужна *ты*, тебе нечего слушать, что я собираюсь говорить; мне нужен только мистер Одли, я желаю говорить с ним наедине, и чтоб не подслушивала под дверью, дорогуша, можешь спуститься вниз и там остаться, и забрать с собой мать.

Слабой рукой больной указал на дверь, через которую его супруга покорно удалилась.

– Я и не хочу ничего слушать, Люк, – сказала она, – но надеюсь, ты ничего не скажешь против тех, кто был так добр и щедр к тебе.

– Я скажу все, что захочу, – свирепо ответил мистер Маркс, – и не собираюсь выслушивать твои советы.

Хозяина «Касл» ничуть не изменили его предсмертные страдания, как бы ни были они скоротечны и жестоки. Быть может, слабый мерцающий свет, столь далекий от его жизни, пытался сейчас пробиться сквозь черную тьму его невежественной души. Возможно, наполовину сердитое, наполовину угрюмое раскаяние вынуждало его делать яростные попытки искупить свою жизнь, такую эгоистичную, пьяную и злобную. Как бы там ни было, он облизнул свои потрескавшиеся губы и, обратив свои запавшие глаза на Роберта Одли, указал ему на стул у кровати.

– Вы поиграли мной, мистер Одли, – начал он вскоре, – вы вытряхнули из меня душу, топтали и швыряли меня по-

джентльменски, пока я стал ничто в ваших руках, и вы видели меня насквозь и вывернули меня наизнанку, пока не стали думать, что знаете столько, сколько и я. У меня не было особых причин быть вам благодарным, если бы не пожар в «Касл» той ночью. За это я вам признателен. Вообще-то я не испытываю особой благодарности к господам: они всегда дают мне то, что не нужно – суп, одежду, уголь, но, господи боже мой, они поднимают такой шум вокруг этого, что я готов швырнуть им все это обратно. Но когда джентльмен идет и рискует своей жизнью, чтобы спасти такого пьяного грубияна, как я, самого пьяного изо всех, то этот грубиян чувствует благодарность к нему и хочет сказать, прежде чем умрет (а он видит по лицу врача, что ему недолго осталось), – спасибо вам, сэр, я вам обязан.

Люк Маркс протянул свою левую руку мистеру Одли (правая была обожжена и перевязана).

Молодой человек обеими руками взял эту грубую ладонь и сердечно ее пожал.

– Мне не нужно благодарности, Люк Маркс, – сказал он, – я был рад оказать вам услугу.

Мистер Маркс ничего не ответил. Он спокойно лежал, задумчиво глядя на мистера Одли.

– Вы были так странно привязаны к этому джентльмену, что исчез в Кортэ, сэр, не так ли? – промолвил он наконец.

Роберт встрепенулся при упоминании своего убитого друга.

– Вы были странно привязаны к этому мистеру Толбойсу, как я слышал, сэр, – повторил Люк.

– Да-да, – ответил Роберт в нетерпении. – Это мой лучший друг.

– Я слышал, слуги в Кортэ говорили, как вы переживали, что не могли найти его. Хозяин гостиницы «Солнце» говорил, как вы были встревожены. «Если бы они были братья, – сказал он, имея вас в виду, – то не могли бы волноваться больше, потеряв друг друга».

– Да, да, я знаю, знаю, – поспешно сказал Роберт. – Ради бога, не говорите об этом. Не могу сказать, как сильно меня это мучит.

Неужели вечно его будет преследовать призрак непохороненного друга? Он пришел, чтобы утешить больного, но даже здесь за ним неотступно шла неумолимая тень, даже здесь ему напоминали о тайном преступлении, омрачившем его жизнь.

– Послушайте меня, Маркс, – серьезно сказал он. – Поверьте, я принимаю ваши слова благодарности, и я очень рад оказать вам услугу. Но прежде чем вы продолжите, разрешите обратиться к вам с просьбой. Если вы послали за мной, чтобы рассказать о том, что случилось с моим другом, умоляю не затрудняться. Вы не можете сообщить мне ничего, чего бы я уже не знал. Самое худшее, что вы можете сказать о женщине, бывшей однажды в вашей власти, уже известно мне от нее самой. Ради бога, не говорите ничего, вы не мо-

жете сказать ничего, чего бы я уже не знал.

Люк Маркс задумчиво смотрел на серьезное лицо Роберта и какая-то смутная тень, похожая на улыбку, пробежала по изможденному лицу больного.

– Я не могу сказать ничего, что не было бы вам известно? – спросил он.

– Ничего.

– Тогда и не стоит пытаться, – задумчиво заметил больной. – Она рассказала вам? – спросил он, немного помолчав.

– Я должен просить вас, Маркс, оставить эту тему, – сурово ответил Роберт. – Я сказал вам, что не желаю слышать об этом. Что бы вы ни узнали, вы торговали этим. Какими тайнами вы ни овладели, вам платили за молчание. Вы бы лучше хранили молчание до конца.

– Неужели? – шепотом воскликнул Люк Маркс в возбуждении. – Неужели мне лучше молчать до конца?

– Да. Вы торговали вашим секретом, и вам платили за молчание. Будет честно, если вы выполните обещание до конца.

– Это теперь-то? – неприятно ухмыльнулся мистер Маркс. – Но предположим, у госпожи одна тайна, а у меня другая. Как быть тогда?

– Что вы имеете в виду?

– Предположим, я давно мог кое-что рассказать и сделал бы это, если бы ко мне получше относились; если бы то, что мне причиталось, отдавали мне спокойно и добровольно, а

не швыряли, как кость собаке, чтобы она не кусалась. Предположим, если бы не это, я бы все рассказал. Что тогда?

Невозможно описать ту страдальческую победную ухмылку, осветившую его изможденное лицо.

«Он в бреду, – подумал Роберт. – Я должен быть терпеливым с ним. Было бы странно, если бы я не смог быть терпеливым к умирающему».

Какое-то время Люк Маркс лежал, глядя на Роберта с этой победной ухмылкой. Старушка, уставшая от долгих часов без сна у постели умирающего сына, клевала носом у огня, на котором кипел никому не нужный бульон.

Мистер Одли терпеливо ожидал, пока больной снова заговорит. Каждый звук был отчетливо, до боли слышен в этот глухой час ночи. Осыпание золы в очаге, зловещее потрескивание горящих углей, медлительное и тяжелое тиканье угрюмых часов в комнате внизу, тихое завывание мартовского ветра (словно глас английского духа, стоны которого предвещают смерть), хриплое дыхание больного – все звуки сливались воедино, в единый голос мрачного предзнаменования в гнетущей тишине дома.

Роберт сидел, закрыв лицо ладонями и размышляя о том, что будет с ним теперь, когда раскрыта тайна его друга и мрачная история Джорджа Толбойса и его злосчастной жены закончилась в бельгийском доме для умалишенных. Что станет с ним?

Он не имел права притязать на любовь Клары Толбойс,

поскольку решил сохранить ужасную тайну. Как мог он встретиться с ней, утаив от нее этот секрет? Разве мог он когда-нибудь заглянуть в эти серьезные глаза, не выдавая правды? Он чувствовал, что вся его сдержанность разобьется вдребезги перед испытующим взором этих спокойных карих глаз. Если он действительно решил хранить эту тайну, – он не должен больше видеть ее. Раскрыть тайну означает отравить жизнь Клары. Разве мог он, исходя из собственных эгоистичных мотивов, рассказать ей ту страшную историю? Или разве мог он подумать, что, услышав ее, она позволит своему убитому брату лежать неотомщенным и позабытым в своей неосвященной могиле?

Окруженный со всех сторон этими трудностями, казавшимися совершенно непреодолимыми, потеряв всю легкость своего характера из-за груза, который так долго был на его плечах, Роберт Одли беспомощно смотрел на жизнь, ожидавшую его, и думал, что намного лучше было бы для него погибнуть среди горящих руин таверны «Касл».

«Кто пожалел бы обо мне? Никто, кроме бедной маленькой Алисии, – думал он. – Да и ее горе будет быстротечно. Заплачет ли обо мне Клара Толбойс? Нет! Она будет сожалеть обо мне, лишь как о потерянном звене в загадке смерти ее брата. Она только...»

Глава 14. Что рассказал умирающий

Бог знает, как далеко завели бы мистера Одли его мысли, если бы его не отвлекло резкое движение больного, поднявшегося в постели и позвавшего свою мать.

Старушка, вздрогнув, проснулась и сонно повернулась к сыну.

– Что такое, Люк, душечка? – успокаивающе спросила она. – Еще не время принимать лекарство. Мистер Доусон наказал выпить его через два часа после его ухода, а еще не прошло и часа.

– Кто сказал, что мне нужно лекарство? – в нетерпении закричал мистер Маркс- Я хочу кое-что спросить у тебя, мама. Ты помнишь седьмое сентября?

Роберт вздрогнул и жадно посмотрел на больного. Почему он упорно продолжает говорить на запретную тему? Почему настойчиво возвращается к дате убийства Джорджа? Старушка в смущении слегка покачала головой.

– Бог мой, Люк, – сказала она, – как ты можешь задавать мне такие вопросы? Последние лет восемь – десять память изменяет мне, я сроду не помнила дней недели и чисел, и все такое. Как бедной женщине запомнить все это?

Люк Маркс нетерпеливо пожал плечами.

– Ты никогда не делаешь того, о чем тебя просят, мама, – раздраженно ответил Люк. – Разве я не просил тебя запом-

нить это число? Разве я тебе не говорил, что придет день, когда тебя вызовут давать показания и поклясться на Библии? Разве я не говорил тебе, мама?

Старушка беспомощно покачала головой.

– Раз ты говоришь, значит, так оно и было, Люк, – произнесла она с улыбкой. – Но я не могу вспомнить, дорогой. Память изменяет мне в последние годы, – добавила она, поворачиваясь к Роберту Одли.

Мистер Одли положил ладонь на руку больного.

– Маркс, – сказал он, – говорю вам, у вас нет причин беспокоиться из-за этого. Я не задаю вам никаких вопросов, у меня нет желания ничего слушать.

– Но предположим, я хочу рассказать кое-что, – лихорадочно вскричал Люк. – Предположим, я не могу умереть с тяжестью тайны на душе и хотел увидеть вас с целью рассказать все. Предположите это, и вы получите правду. Я скорее сгорел бы заживо, чем рассказал *ей*. – Он произнес эти слова сквозь зубы и злобно нахмурившись. – Прежде я бы сгорел заживо. Я заставил ее платить за оскорбления, я заставил ее платить за жеманство и кривлянье, я бы никогда не рассказал ей – никогда, никогда! Я имел власть над ней, у меня была своя тайна, и мне платили за нее, и я сполна вернул ей то пренебрежение, с каким она относилась ко мне!

– Маркс, Маркс, ради бога, успокойся, – просил его Роберт. – О чем ты говоришь? Что ты мог рассказать?

– Я собираюсь рассказать это вам, – ответил Люк, облиз-

нув свои сухие губы. – Дай мне попить, мама.

Старушка налила какой-то холодный напиток и дала сыну.

Он жадно выпил его, как будто чувствовал, что краткому остатку его жизни предстоит гонка с безжалостным соперником, Временем.

– Оставайся там, – велел он матери, указывая ей на стул у изножья кровати.

Старушка повиновалась и села напротив мистера Одли. Она вынула свои очки, протерла их, надела и безмятежно улыбнулась своему сыну, как будто лелеяла слабую надежду, что эта процедура поможет ее памяти.

– Я задам тебе другой вопрос, мама, – начал Люк, – и странно будет, если ты не сможешь ответить на него. Ты помнишь, когда я работал на ферме Аткинсона, до женитьбы, и жил здесь с тобой?

– Да, да, – ответила миссис Маркс, довольно кивая, – я помню, дорогой. Это была осень, яблоки только начали собирать. Я помню, Люк, помню.

Мистер Одли недоумевал, к чему это все ведет, и сколько ему придется сидеть у постели больного, слушая этот бессмысленный разговор.

– Тогда, может быть, ты вспомнишь и больше, мама, – продолжал Люк. – Помнишь, как однажды ночью я кое-кого привел домой, когда Аткинсон убирал последнюю пшеницу?

Мистер Одли опять сильно вздрогнул, пристально посмотрел в лицо говорившему и не дыша начал слушать со

странным интересом, с трудом понимая то, что говорил Люк.

– Я помню, как ты приводил домой Фебу, – оживленно ответила старушка. – Я помню, ты приводил ее на чай и несколько раз поужинать.

– Оставь ты Фебу, – закричал Люк, – кто говорит о Фебе? Кто она такая, чтобы о ней говорить? Ты помнишь, как я привел домой джентльмена однажды ночью в сентябре, после десяти часов; джентльмена, промокнувшего насквозь, с головы до ног покрытого грязью, зеленым илом и землей, у которого была сломана рука и страшно распухло плечо? Джентльмена в разорванной одежде, который сидел у огня на кухне и глядел на горящие угли, как будто он немного тронутый и не знал, где он и кто, за которым нужно было ухаживать, как за ребенком, одеть, обсушить, помыть и давать бренди из ложки, просовывая ее сквозь сжатые зубы, прежде чем жизнь вернулась к нему? Ты помнишь это, мама?

Старушка закивала головой, бормоча о том, что хорошо помнила этот случай.

Роберт Одли дико вскрикнул и упал на колени у постели больного.

– Боже! – рыдал он. – Благодарю тебя за твою удивительную милость. Джордж Толбойс жив!

– Подождите-ка, – остановил его мистер Маркс, – не спешите так. Мама, подай мне железную коробку там, на полке, за шкафом.

Старушка повиновалась и, пошарив среди разбитых ча-

шек и кувшинов, деревянных коробочек, извлекла из груды всякого хлама коробочку с крышкой, довольно грязную на вид.

Роберт Одли все еще стоял на коленях, спрятав лицо в ладони. Люк Маркс открыл железную коробку.

– Жаль, что денег тут нет, – заметил он. – Если бы были, она бы там долго не простояла. Но в ней есть кое-что, более ценное чем деньги, и я хочу отдать вам это в доказательство того, что пьяный грубиян может испытывать благодарность к тем, кто добр к нему.

Он вынул две свернутые бумаги и отдал их Роберту Одли. Это были два листочка, вырванные из записной книжки, на них было что-то написано карандашом почерком, не знакомым мистеру Одли. Неразборчивые каракули, какие мог написать какой-нибудь неуклюжий пахарь.

– Я не знаю этот почерк, – сказал Роберт, нетерпеливо развернув одну из бумаг. – Какое отношение это имеет к моему другу? Зачем вы показали мне их?

– Может, вы лучше сначала прочтете, что там написано, – посоветовал мистер Маркс, – а потом будете задавать вопросы.

Первая бумага, которую развернул Роберт Одли, содержала следующие строки, написанные неразборчивыми каракулями, совсем не знакомыми ему:

«Мой дорогой друг!

Я пишу тебе в таком смятении ума, какое едва ли

кто переживал. Не могу рассказать тебе, что со мной случилось, могу лишь сказать, что произошло нечто, что гонит меня из Англии с разбитым сердцем искать уголок на свете, где я мог бы умереть в неизвестности и всеми позабытый. Прошу тебя лишь об одном – забудь меня. Если бы твоя дружба пригодилась мне, я бы ею воспользовался. Если бы твой совет мог помочь мне, я бы доверился тебе. Но мне ничто не может помочь – ни дружба, ни совет, и я говорю тебе лишь одно – благослови тебя Господь за прошлое и помоги забыть меня в будущем.

Д. Т.».

Вторая бумага была адресована другому человеку и оказалась гораздо короче, чем первая:

«Элен!

Да простит тебя Господь и пожалеет за то, что ты сегодня сделала так же искренне, как это делаю я. Живи с миром. Ты больше не услышишь обо мне. Для тебя и всего света отныне буду я тем, кем ты хотела сделать меня сегодня. Можешь не опасаться меня: я покидаю Англию, чтобы никогда не вернуться.

Д. Т.».

Роберт Одли сидел, глядя на эти строки в беспомощном недоумении. Это был не почерк его друга, но они явно были написаны им самим и подписаны его инициалами.

Он испытующе посмотрел на Люка Маркса, полагая, что его разыгрывают.

– Это было написано не Джорджем Толбойсом, – промолвил он.

– Это было написано, – ответил Люк Маркс, – мистером Толбойсом, каждую строчку он писал своей рукой, но левой, так как правая была сломана.

Роберт Одли поднял глаза вверх, и тень подозрения исчезла с его лица.

– Я все понял, – сказал он. – Расскажите мне все, расскажите, каким образом спасся мой друг.

Он еще едва сознавал, что услышанное им – правда. Он не мог поверить, что его друг, которого он горько оплакивал, все еще мог пожать ему руку в счастливом будущем, когда развеется тьма прошлого. Сначала он был ошеломлен и удивлен, и не в состоянии понять эту новую надежду, столь неожиданно пробужденную в нем.

– Расскажите мне все, – воскликнул он, – ради бога, не упускайте ничего, дайте мне понять, если смогу.

– Я работал на ферме Аткинсона в прошлом сентябре, – начал Люк Маркс, – помогал складывать в стога сено, и поскольку самая короткая дорога с фермы домой пролегала по лугам за Кортон, я часто ходил по ней, а Феба обычно стояла у садовой калитки в конце липовой аллеи, чтобы поболтать со мной, зная, когда я возвращаюсь. Иногда она ждала меня там, а иногда я перепрыгивал через ров и заглядывал в людскую выпить кружку эля и немного перекусить.

Не знаю, что делала Феба вечером седьмого сентября, – я

помню число, потому что Аткинсон заплатил мне сполна в тот день и я расписался за деньги – не знаю, чем она занималась, только ее не было у калитки за липовой аллеей, поэтому я обошел сад и перепрыгнул через ров, потому что мне нужно было повидать ее именно в тот вечер, ведь на следующий день я собирался работать на другой ферме, за Челмсфордом. Часы пробили девять, когда я переходил через луга между фермой Аткинсона и Кортон, и, должно быть, было уже четверть десятого, когда я добрался до огородов.

Я прошел по саду и вошел в липовую аллею, самый короткий путь в людскую лежал через кустарник и старый колодец. Ночь была темная, но я хорошо знал дорогу, и в темноте светилось красным светом окошко людской. Я находился вплотную в срубку старого колодца, когда услышал звук, от которого кровь застыла в жилах. Это был стон, мучительный стон человека, лежащего где-то в кустарнике. Я не боюсь привидений, но что-то в этом стоне пронзило меня насквозь, и с минуту я стоял, не зная, что делать. Но затем я вновь услышал стон и начал искать в кустах. Я нашел человека, спрятавшегося под листьями лавра, и сначала решил, что он задумал недоброе; я уже собрался было взять его за ворот и потащить в дом, когда он схватил меня за руку, не вставая и пристально глядя на меня, и спросил, кто я и какое отношение имею к обитателям Корта.

Судя по его манере говорить, он был джентльменом, и хотя я не знал его и не видел его лица, я ответил на его вопрос.

«Я хочу выбраться отсюда, – сказал он, – но так, чтобы меня не увидела ни одна живая душа, запомни. Я лежу здесь с четырех часов и полумертв, но хочу выбраться отсюда незаметно, имей в виду».

Я сказал ему, что это легко сделать, но опять начал думать, что, наверное, был прав и он замышляет недоброе, а иначе зачем ему уходить тайком.

«Ты можешь отвести меня в такое место, где я могу переодеться в сухую одежду, – спросил он, – но чтобы об этом не узнала толпа народа?»

К этому времени он сел, и я увидел, что его правая рука, как тряпка, висит вдоль тела и ему очень больно.

Я показал на его руку и спросил, что случилось, но он спокойно ответил: «Сломана, парень, сломана. Да это еще ничего, – добавил он, больше говоря сам с собой, чем со мной. – Кроме сломанных конечностей бывают разбитые сердца, а их не так-то легко вылечить».

Я сказал ему, что могу отвести его в дом своей матери и он может там посушить одежду.

«Твоя мать умеет хранить тайны?» – спросил он.

«Ну, уж одну сумела бы, если бы запомнила, – ответил я. – Вы можете рассказать ей все тайны масонов, лесных обитателей, всех тайных братств сегодня вечером, а наутро она начисто их забудет».

Он остался доволен этим и встал, опершись на меня; казалось, все его конечности разбиты и он с трудом мог поль-

зоваться ими. Я чувствовал, когда он прислонился ко мне, что одежда его мокрая и в грязи.

«Вы наверно упали в пруд, сэр?» – спросил я.

Он ничего не ответил, казалось, даже не услышал меня. Теперь, когда он стоял, я увидел, что он высокий и хорошо сложен, с широкими плечами.

«Отведи меня в дом своей матери, – попросил он, – и найди сухую одежду, если есть, я хорошо заплачу тебе».

Я знал, что ключ от калитки всегда торчал в дверце, и повел его туда. Сначала он едва мог идти, только тяжело опираясь о мое плечо. Я провел его через калитку, оставив ее открытой в надежде, что никто не заметит, потому что садовник – человек рассеянный. Я повел его через луга, держась подальше от деревни, и привел его в дом, в нижнюю комнату, где мать готовила ужин.

Я посадил незнакомца на стул у огня и в первый раз рассмотрел его. Никогда не видел я ничего подобного. Он был весь в жидкой зеленой грязи, руки поцарапаны и порезаны. Как мог, я снял с него одежду, – он был, как ребенок, и пристально смотрел на огонь, только время от времени глубоко вздыхая, как будто его сердце готово разорваться. Казалось, он не понимал, где находится, не видел и не слышал нас; он сидел, неподвижно глядя в одну точку – на огонь, а его сложенная рука болталась вдоль туловища.

Увидев, что ему плохо, я решил позвать мистера Доусона и сказал об этом матери. Но он быстро взглянул на меня

и сказал – нет, нет, никто не должен знать, что он здесь. Я спросил, не принести ли ему капельку бренди, и он согласился. Около одиннадцати я пошел в таверну и вскоре вернулся.

Он нуждался в бренди, потому что сильно дрожал, и его зубы стучали о края кружки. Я с трудом заставил его выпить, его зубы были плотно сжаты. Наконец он задремал, сидя у огня; я принес одеяло, укутал его и заставил лечь. Отослав мать спать, я сидел у камина, наблюдал за незнакомцем и поддерживал огонь до самого рассвета, когда он неожиданно вздрогнул и проснулся, и сказал, что тотчас должен идти.

Я просил его не думать об этом, но он повторил, что должен идти, встал, шатаясь, вначале едва мог простоять на ногах две минуты, заставил меня надеть на него одежду, которую я как мог посушил и почистил, пока он спал. Наконец я кое-как одел его, но одежда была сильно испорчена, и выглядел он ужасно, с бледным лицом и огромным порезом на лбу, который я промыл и перевязал носовым платком. Он застегнул лишь верхнюю пуговицу своего пальто, так как не мог просунуть в рукав сломанную руку. Он то и дело стонал, ведь руки его были все в царапинах и синяках; рана на лбу, сломанная рука, негнущиеся ноги не давали ему покоя, но к тому времени, как совсем рассвело, он был одет и готов идти.

«Какой ближайший город отсюда в направлении Лондона?» – спросил он меня.

Я сказал, что ближайший город – Brentwood.

«Очень хорошо, – ответил он, – если ты пойдешь со мной

в Brentвуд и отведишь к врачу, я дам тебе пять фунтов».

Я сказал, что готов сделать что угодно для него, и спросил: не взять ли мне тележку у соседей, чтобы отвезти его в ней, ведь это целых шесть миль отсюда.

Он покачал головой: нет, нет, нет. Он хочет, чтобы никто не узнал о нем, и лучше пойдет пешком.

Он все-таки дошел, хотя я видел, что каждый шаг дается ему с болью, но он держался, я никогда не видел такого стойкого парня за всю свою проклятую жизнь. Иногда ему приходилось останавливаться и прислоняться к забору, чтобы отдышаться, но он упорно шел вперед, пока мы не добрались до Brentвуда, и тогда он сказал: «Отведи меня к ближайшему доктору»; я отвел его и подождал, пока врач наложил на руку гипс, на что ушло много времени. Врач хотел, чтобы он остался в Brentвуде, пока ему не станет лучше, но он ответил, что не хочет и слышать об этом и должен добраться до Лондона, не теряя ни минуты, поэтому врач устроил ему руку поудобнее на перевязи.

Роберт Одли встрепенулся. В его памяти неожиданно всплыло одно обстоятельство, связанное с его поездкой в Ливерпуль. Он вспомнил, как один из клерков догнал его и сказал, что один пассажир взял билет на «Викторию Регию» за час до отплытия – молодой человек с рукой на перевязи, назвавшийся каким-то обычным именем.

– Когда его руку перевязали, – продолжал Люк, – он попросил у врача карандаш. Врач улыбнулся и покачал голо-

вой. «Едва ли вы сможете писать этой рукой», – сказал он, указывая на перевязанную руку. «Может быть, и нет, – спокойно ответил парень, – но я могу писать другой рукой». «Может быть, я напишу вместо вас?» – спросил врач. «Нет, спасибо, – был ответ, – это очень личное дело. Я буду вам обязан, если вы дадите мне пару конвертов».

Врач принес конверты, и парень вынул левой рукой записную книжку из кармана; обложка намокла и загрязнилась, но внутри она была сухая, и он вырвал два листочка и неуклюже начал писать левой рукой; писал он медленно, но сумел закончить, как видите, и затем сложил их в два конверта и запечатал, на один из них поставил карандашом крестик, заплатил врачу за беспокойство, и врач спросил, – что еще он может сделать для него, и не лучше ли ему остаться в Брентвуде, пока рука не заживет; но он ответил- нет, нет, это невозможно – и сказал мне: «Пойдем на станцию, и я отдам тебе, что обещал».

Так я пошел с ним на станцию. Он успел на поезд, который останавливается в Брентвуде в половине девятого, у нас оставалось еще пять минут. Он отвел меня в сторонку и сказал: «Я хочу, чтобы ты передал эти два письма», – на что я, конечно, согласился. «Очень хорошо, – сказал он, – ты знаешь Одли-Корт?» – «Да, моя девушка служит там горничной». – «У кого?» – спросил он. «У госпожи, она была гувернанткой у доктора Доусона». – «Очень хорошо, – сказал он, – это письмо с крестиком на конверте для леди Одли, но

обязательно отдай его ей лично, и чтобы вас никто не видел». Я обещал, и он отдал мне первое письмо. Потом он спросил: «Ты знаешь мистера Одли, племянника сэра Майкла?» И я ответил: «Да, я слышал о нем, какой он щеголь, но добрый (ведь я столько слышал о вас)», – заметил Люк мимоходом. «Слушай, – говорит парень, – другое письмо ты отдашь мистеру Роберту Одли, который остановился в таверне „Солнце“ в деревне». – «Все будет в порядке, – ответил я, – я знаю эту таверну с детства». Он отдал мне второе письмо, где на конверте ничего не было написано и дал пять фунтов, как обещал, а потом говорит: «Прощай, спасибо за все», – сел в поезд, и последнее, что я увидел, было его белое как мел лицо и огромный пластырь на лбу крест-накрест.

– Бедный Джордж! Бедный Джордж!

– Я вернулся в Одли, сразу же отправился в таверну «Солнце» и спросил вас, желая честно передать оба письма, помоги мне Господь, но хозяин сказал, что вы уехали утром в Лондон и он не знает, когда вы вернетесь, и не знает, где вы живете в Лондоне. Что мне было делать? Я не мог послать письмо по почте, не зная адреса, и не мог отдать вам лично, а так как мне были даны указания, чтобы никто не узнал об этом, то мне ничего не оставалось, как ждать, пока вы вернетесь.

Я решил сходить в Корт вечером повидать Фебу и узнать у нее, как мне лучше увидеться с госпожой, она могла это устроить. Поэтому я не пошел на работу и целый день сло-

нялся без дела, пока не стемнело, и тогда я спустился на луга за Кортон, и там, у деревянной калитки, меня уже ждала Феба.

Я вошел в кустарник вслед за ней и повернул уже к старому колодцу, так как мы часто сидели летними вечерами на каменной кладке вокруг него, как вдруг Феба побледнела, как привидение, и говорит: «Не здесь! Не здесь!» А я спрашиваю: «Почему не здесь?» На что она ответила, что «не знает, но сегодня вечером почему-то нервничает», – а она слышала, что в этом месте бродит привидение. Я сказал ей, что это все выдумки, но она ни за что не хотела подходить к колодцу. Поэтому мы вернулись к калитке и там разговаривали.

Я увидел, что с ней что-то не так, и прямо сказал ей об этом.

«Ну, – ответила она, – мне сегодня вечером немного не по себе, потому что вчера я сильно расстроилась».

«Расстроилась, – повторил я. – Наверно, ты поссорилась со своей хозяйкой».

Она не ответила, но как-то странно улыбнулась и вскоре сказала:

«Нет, Люк, ничего подобного, и больше того, никто так дружески не расположен ко мне, чем госпожа; думаю, она бы сделала для меня все, что угодно, будь это фермерский инвентарь или таверна, она ни в чем мне не откажет».

Я ничего не мог понять. Ведь всего несколько дней назад

она говорила, что ее хозяйка эгоистична и сумасбродна, и нам придется долго ждать, чтобы чего-нибудь добиться от нее.

Поэтому я сказал ей: «Это как-то неожиданно, Феба». И она согласилась: «Да, это неожиданно случилось», – и снова улыбается. И тогда я резко повернулся и сказал:

«Я скажу тебе, моя девочка, что ты скрываешь от меня; тебе сказали кое-что, или ты сама выяснила, и если ты хочешь поиграть со мной, то скоро поймешь, что ошибаешься, предупреждаю тебя».

Но она засмеялась и говорит: «Господи, Люк, что это взбрело тебе в голову?»

Я ответил: «Если мне что и взбрело в голову, то не без твоей помощи, и еще раз говорю тебе, я не потерплю этой чепухи, и если ты хочешь таить секреты от человека, за которого собираешься замуж, то лучше подыщи себе кого-нибудь другого и храните свои секреты вместе».

Она начала хныкать, но я не обращал внимания и стал ее расспрашивать о госпоже. В моем кармане лежало письмо, помеченное крестиком, и я хотел выяснить, как мне лучше отдать его.

«Может другие умеют хранить секреты не хуже тебя, – сказал я, – и умеют заводить друзей. Вчера к госпоже приходил один джентльмен, так ведь? Высокий молодой джентльмен с темной бородой?».

Вместо того чтобы ответить, Феба разрыдалась и стала ло-

мать себе руки, будь я проклят, но я ничего не мог понять.

Но понемногу я все выудил у нее, потому что не терплю всякой чепухи; и она рассказала, что сидела и работала у окошка в своей маленькой комнате на верхнем этаже, откуда хорошо видна липовая аллея, кустарник и колодец, и увидела, как госпожа прогуливается со странным джентльменом, они долго гуляли, пока не подошли...

– Постой! – закричал Роберт Одли. – Остальное я знаю.

– Ну, Феба рассказала мне все, что увидела, и когда она встретила с госпожой сразу после этого, госпожа поняла, что служанка кое-что видела и теперь она в ее власти до конца своей жизни.

«И теперь она в моей власти, Люк, – сказала Феба, – и сделает для нас все, если мы сохраним ее тайну».

Как видите, и леди Одли, и ее служанка считали, что джентльмен, которого я в целости и сохранности посадил на поезд до Лондона, лежит мертвый на дне колодца. Если я отдам письмо, они узнают, что это не так, и мы с Фебой потеряем возможность получить от госпожи средства для начала совместной жизни.

Поэтому я храню письмо и свою тайну, а госпожа хранит свою. Но если бы она не унижала меня и дала денег, сколько мне нужно, я бы ей все рассказал и облегчил ее совесть.

Но она не сделала этого. Что бы она ни давала мне, она бросала это как кость собаке. И разговаривала со мной, как с собакой, и не выносила моего вида. У нее находились для ме-

ня только самые плохие слова. Она так презрительно вскидывала голову, что я злился еще больше и продолжал хранить свою тайну. Я вскрыл оба письма и прочитал их, но мало что понял; я спрятал их, и до этой ночи их никто, кроме меня, не видел.

Люк Маркс закончил свою историю и тихо лежал, устав от долгого разговора. Он следил за лицом Роберта, ожидая упрека или нравоучения, поскольку смутно сознавал, что поступил плохо.

Но Роберт не стал выговаривать ему, он не считал себя вправе делать это.

«Священник поговорит с ним и утешит его, когда придет завтра утром, – подумал мистер Одли. – И если несчастному нужна молитва, пусть лучше священник помолится за него. Что мне сказать ему? Его грех обернулся против него самого, ведь если бы госпожа успокоилась, таверна „Касл“ не сгорела бы. Кто осмелится управлять собственной жизнью после этого? Разве не чувствуется перст Божий во всей этой странной истории?»

Он смиренно размышлял о своих заключениях, в соответствии с которыми действовал. Он вспомнил, как безоговорочно доверился тусклому свету собственных доводов, но его утешила мысль, что он честно пытался исполнить свой долг, сохраняя верность по отношению к мертвым и живым.

До рассвета сидел Роберт Одли с больным, который погрузился в тяжелый сон вскоре после того, как закончил свой

рассказ. Старушка все еще дремала. Феба спала в комнате внизу, так что молодой адвокат бодрствовал один.

Роберт не мог спать: он думал об услышанной им истории. Он благодарил Бога за то, что он сохранил жизнь его другу, и молился, чтобы он смог прийти к Кларе Толбойс и сказать: «Ваш брат жив, его нашли».

В восемь часов Феба поднялась наверх, готовая занять свое место у постели больного, и Роберт Одли ушел в гостиницу «Солнце». Последние три ночи он спал урывками в вагоне поезда или на борту парохода и совершенно выбился из сил. Он проснулся в сумерках и пообедал в той самой маленькой гостиной, где они с Джорджем сидели вместе несколько месяцев тому назад. За обедом ему прислуживал хозяин, он же сообщил ему, что Люк Маркс умер в пять часов дня. «Он отошел неожиданно, но очень спокойно».

Роберт Одли написал в тот вечер длинное письмо мадам Тейлор, подопечной месье Вэла, в Вилленбремейзе, в котором рассказал несчастной женщине, имевшей так много имен и вынужденной носить чужое до конца своих дней, историю, рассказанную ему умирающим.

«Быть может, известие о том, что ее муж не умер в расцвете лет от ее руки, принесет ей облегчение, – думал он, – если только ее эгоистичная душа может чувствовать жалость и сострадание к другим».

Глава 15. Возвращение

Клара Толбойс вернулась в Дорсетшир с известием для отца, что его единственный сын девятого сентября уехал в Австралию, и, весьма вероятно, он жив и вернется домой добиваться прощения отца, которому он никогда не делал зла, за исключением своего супружества, имевшего столь роковое последствие для его юности.

Мистер Харкот Толбойс был в полном замешательстве. Юлий Брут никогда не попадал в такие положения, и, не зная, как из него выйти, действуя своими излюбленными методами, мистеру Толбойсу первый раз в жизни пришлось быть самим собой и признаться, что он испытывал тревогу за сына, страдал после разговора с Робертом Одли и будет от души рад принять бедного мальчика в свои объятия, когда бы он ни вернулся в Англию. Но когда мог он вернуться? И как с ним связаться? Вот в чем вопрос. Роберт Одли вспомнил об объявлениях, которые он давал в газеты Мельбурна и Сиднея. Если Джордж добрался туда живым, то как мог он их не заметить? Неужели его друг остался равнодушен к тревоге Роберта? С другой стороны, возможно, что Джорджу Толбойсу не довелось увидеть эти объявления, а поскольку он путешествовал под вымышленным именем, ни пассажиры, ни капитан корабля не могли опознать его личность. Что же делать? Должны ли они терпеливо ожидать, пока Джордж

не устанет от своего изгнания и не вернется к любящим его друзьям, или можно как-то ускорить его возвращение? Роберт Одли был на распутье. Возможно, в том невыразимом облегчении, какое он испытал, узнав, что его друг избежал гибели, он был не способен предвидеть, что же последует за этим счастливым спасением.

В таком состоянии Роберт отправился в Дорсетшир нанести визит мистеру Толбойсу, давшему свободу своим чувствам и зашедшему так далеко, что даже пригласил друга своего сына разделить с ним гостеприимство своего чопорного квадратного особняка из красного кирпича.

Мистер Толбойс испытал лишь два чувства, услышав историю Джорджа: облегчение и счастье при мысли, что его сын спасен, и сильное желание, чтобы госпожа была ЕГО женой, дабы он мог таким образом сделать из нее наглядный пример в назидание другим.

– Не мне порицать вас, мистер Одли, – сказал он, – за то, что вы избавили виновную женщину от правосудия и нарушили таким образом законы нашей страны; могу лишь заметить, что попади эта дама в *мои* руки, с ней бы так не обращались.

Итак, в середине апреля Роберт Одли вновь оказался под высокими черными елями, куда так часто уносились его мысли после первой встречи с Кларой Толбойс. Теперь в изгородях расцвели примулы и ранние фиалки, а ручьи, скованные льдом так же, как некогда сердце Харкота Толбойса,

теперь оттаяли и весело струились в колючем кустарнике под капризным апрельским солнышком.

Роберту предоставили строгую спальню с гардеробной; и каждое утро он просыпался и видел, как солнце ослепительно сверкает сквозь щели квадратных белых ставен и освещает две лакированные урны, украшающие изножье его голубой железной кровати, пока они не начинали сверкать, словно крошечные бронзовые лампы римских времен.

Визит к мистеру Харкоту Толбойсу был скорее похож на возвращение в детство и школу. Те же незашторенные окна, узкие коврики у кровати, тот же лязгающий звонок каждое утро, тот же непреклонный слуга, всплывающий в длинную столовую; одним словом, дом Толбойсов был очень похож на частное учебное заведение для сыновей джентльменов, готовящих себя к церкви и армии.

Роберт Одли просыпался от резкого звука колокольчика и умывался при беспощадном свете утреннего солнца, яркого, но не греющего. Он подражал мистеру Харкоту Толбойсу, принимая по утрам холодный душ, и выходил, такой же подтянутый и посиневший, как и сей джентльмен, когда часы били семь, чтобы присоединиться к хозяину дома в его утренней прогулке под елями.

Но они обычно прогуливались втроем, и третьей была Клара Толбойс, которая шла рядом с отцом прекраснее самого утра – ведь оно иногда бывало пасмурным, в то время как Клара – всегда свежа и красива, в своей широкополой соло-

менной шляпе с развевающимися голубыми лентами, один дюйм которой мистер Одли счел бы самым достойным украшением, когда-либо красовавшимся в петлице избранника.

На этих утренних прогулках часто говорили об отсутствующем Джордже, и Роберт Одли редко занимал свое место за длинным столом, не вспомнив о том утре, когда он в первый раз сидел в этой комнате, рассказывая о своем друге и ненавидя Клару Толбойс за ее холодное самообладание. Теперь он знал ее гораздо лучше – она самая благородная и прекрасная из всех женщин. Но знает ли она, как дорога другу ее брата? Роберт иногда удивлялся, как это он до сих пор не выдал себя; как любовь, оказавшая на него такое магическое влияние, не заявила о себе нечаянным взглядом, дрожью в голосе, который изменял ему в разговоре с ней?

Однообразие жизни в доме нарушалось время от времени церемонными обедами, на которые собирались сельские жители; и случайными вторжениями утренних посетителей, бравших гостиную штурмом и удерживавших ее около часа, к полнейшему замешательству мистера Одли. Этот джентльмен испытывал весьма злорадные чувства к розовощеким молоденьким сквайрам, являвшимся обычно со своими мамами и сестрами.

Ведь невозможно, чтобы эти молодые люди могли встречаться взглядом с карими глазами Клары и дико не влюбиться в нее, и поэтому Роберту ничего не оставалось, как яростно ненавидеть их как нахальных соперников. Он ревновал

ко всем, кто появлялся в поле зрения этих спокойных карих глаз; ревновал к толстому сорокавосемилетнему вдовцу, пожилому баронету с пышными бакенбардами, к почтенным женщинам по соседству, которым Клара Толбойс оказывала помощь; к цветам в оранжерее, отнимавшим у нее там много времени и отвлекавшим ее внимание от него.

Поначалу они были весьма церемонны друг с другом и становились близки и дружны, лишь когда говорили о злоключениях Джорджа; но мало-помалу между ними возникла тесная связь, и прежде чем истекли первые три недели визита Роберта, мисс Толбойс сделала его счастливым, серьезно взявшись за дело и отчитав его за ту бесцельную жизнь, что он вел так долго, и малую пользу, которую он принес, несмотря на данные ему Богом таланты и возможности.

Как приятно, когда тебя наставляет на ум любимая женщина! Как приятно умять себя перед ней! Как чудесно намекнуть, что, если бы его жизнь была посвящена кому-нибудь, он мог бы стремиться стать кем-то получше, чем бездельником и праздношатающим на гладких дорожках, никуда не ведущих; что осчастливленный узами, которые сделали бы осмысленным каждый час его существования, он действительно мог бы честно и неуклонно продолжать сражаться.

– Неужели вы думаете, я вечно буду читать французские романы и курить мягкий турецкий табак, мисс Толбойс? – спрашивал он. – Неужели вы думаете, что не наступит день,

когда мне станут отвратительны мои пенковые трубки, французские романы покажутся глупее, чем обычно, а жизнь – таким унылым однообразием, что я не пожелаю так или иначе избавиться от этого?

С сожалением замечу, что пока сей лицемерный молодой адвокат продолжал разглагольствовать в том же упадническом духе, мысленно он уже сдал позиции холостяка, включая все издания Мишеля Леви и полудюжину инкрустированных серебром пенковых трубок, увольнение на пенсию миссис Мэлони и выложил две-три тысячи фунтов на приобретение нескольких акров зеленого кустарника и ровной лужайки, окружающих то, что должно было стать сказочным коттеджем, чьи освещенные решетчатые окна виднелись бы из беседок, увитых миртом и ломоносом, и отражались в пурпурной глади озера.

Конечно, Клара Толбойс не могла знать, к чему вели эти горестные жалобы. Она советовала мистеру Одли много читать и серьезно подумать о своей профессии, и начать жизнь заново. Быть может, она звала его к суровой жизни, полной труда и прилежания, в которой он должен стремиться быть полезным своим ближним и завоевать себе репутацию. Мистер Одли чуть не сделал кислую мину при мысли о подобном безрадостном будущем.

«Я бы сделал это, – думал он, – если бы был уверен в награде за свой труд. Если бы она приняла завоеванную мной репутацию и поддерживала меня в борьбе своей преданной

дружбой. Но что, если она пошлет меня в эту битву, а сама выйдет замуж за какого-нибудь неуклюжего сквайра?»

Будучи от природы нерешительным, без сомнения, мистер Одли мог бы очень долго хранить свою тайну, боясь заговорить и нарушить очарование неизвестности, пусть и не полное надежд, но и не совсем безысходное, если бы он не испытывал искушения поддаться порыву и признаться ей.

Он находился уже пять недель в Грейндж-Хит и чувствовал, что из уважения к приличиям не мог оставаться дольше, поэтому в одно майское утро он упаковал свой чемодан и заявил о своем отъезде.

Мистер Толбойс был не такой человек, чтобы горько причитать, теряя своего гостя, но он сердечно высказался, прощаясь с Робертом.

– Мы с вами неплохо ладили, мистер Одли, – сказал он, – и вы были вполне довольны порядком, заведенным в нашем доме; более того, вы приспособились к нашим маленьким домашним правилам, и я не могу не сказать, что мне это очень приятно.

Роберт поклонился. Как благодарен он был счастливой удаче, что ни разу не позволила ему проспать утренний колокольчик.

– Надеюсь, что поскольку мы так замечательно ладили с вами, – продолжил мистер Толбойс, – вы окажете мне честь и повторите свой визит в Дорсетшир, когда бы ни пожелали. Мы сможем поохотиться, и мои арендаторы окажут вам вся-

ческое внимание, если вы пожелаете захватить с собой ружье.

Роберт искренне отозвался на эти дружеские предложения. Он признался, что изо всех занятий на земле для него нет ничего лучше охоты на куропаток и он будет счастлив воспользоваться предложенным ему гостеприимством. Он не мог не взглянуть на Клару при этих словах. Она опустила ресницы, и легкий румянец озарил ее лицо.

Это был последний день молодого адвоката в раю, его ожидали долгие дни и ночи, недели и месяцы, прежде чем наступит первое сентября и у него будет предлог вернуться в Дорсетшир. А тем временем розовощекие юные сквайры и толстые сорокавосемилетние вдовцы окажутся в более выгодном положении. Неудивительно поэтому, с каким угрюмым отчаянием размышлял он об этой мрачной перспективе и был неважной компанией для мисс Толбойс в это утро.

Но вечером после обеда, когда солнце клонилось к западу, и Харкот Толбойс заперся в библиотеке со своим адвокатом и одним из арендаторов, мистер Одли немного успокоился. Он стоял рядом с Кларой у высокого окна в гостиной, созерцая, как сгущаются сумерки, а розовый свет становится ярче по мере угасания дня. Он наслаждался этой тихой беседой наедине, хотя тень экспресса, который должен был увезти его в Лондон на следующее утро, омрачала его радость. Он не мог не быть счастлив с ней рядом: забыв о прошлом, без страха глядя в будущее.

У них была одна, все та же тема для разговора – ее пропавший брат Джордж. В этот вечер она говорила о нем грустным голосом. Могла ли она не печалиться при мысли, что если он жив – а ведь она даже в этом не была уверена – то скитается где-то в одиночестве, вдали от всех, кто любит его, и его ни на минуту не покидало сознание своей погубленной жизни. Так говорила она о нем в тишине сумерек, и слезы дрожали на ее ресницах.

– Я не могу понять, как отец смирился с отсутствием моего бедного брата, – промолвила она, – ведь он любит его, мистер Одли, ведь и вы, должно быть, заметили, что он действительно любит его. Но я не могу понять, как покорно принимает он его отсутствие. Будь я мужчиной, я бы поехала в Австралию, нашла его и вернула домой, если его еще можно найти среди живых, – добавила она упавшим голосом.

Она отвернулась от Роберта и посмотрела на темнеющий небосклон. Он положил свою ладонь на ее руку. Она сильно дрожала, так же, как и его голос, когда он заговорил.

– Могу ли я поехать искать вашего брата? – спросил он.

– *Вы!* – Она посмотрела на него сквозь слезы. – Вы, мистер Одли! Неужели вы полагаете, что я могу просить вас о такой жертве?

– Неужели вы думаете, Клара, что любая жертва может быть слишком большой для вас? Неужто вы думаете, что я откажусь от поездки, если буду знать, что вы встретите меня по возвращении и поблагодарите за верную службу? Я объ-

еду Австралию из конца в конец, чтобы найти вашего брата, если вы пожелаете, Клара, и не вернусь без него.

Он опустил голову. Она не сразу ответила ему.

– Вы так добры и великодушны, мистер Одли, – промолвила она наконец, – и это слишком щедрое предложение. Но... это невозможно. Какое право имею я принимать такую жертву?

– По праву, делающему меня навеки вашим верным рабом. По праву любви, которую я испытываю к вам, Клара, – воскликнул мистер Одли, падая на колени – довольно неуклюже, надо признаться, – и покрывая мягкую белую ручку, найденную им среди складок шелкового платья, страстными поцелуями.

– Я люблю вас, Клара, – произнес он, – я люблю вас. Вы можете позвать отца и выгнать меня из дома, если хотите, но я буду вечно любить вас.

Маленькую ручку забрали от него, но не отдернули сердито, и она на секунду легко коснулась его темных волос.

– Клара, Клара! – умоляюще шептал он. – Могу ли я ехать в Австралию искать вашего брата?

Ответа не было. Не знаю, каким образом это случается, но едва ли есть что-нибудь более чудесное, чем молчание в таких случаях. Каждое мгновение нерешительности – молчаливое признание, каждая пауза – нежное объяснение в любви.

– Поедем вместе, любимая? Как муж и жена? Поедем вме-

сте, моя любовь, и вернем домой нашего брата?

Когда четверть часа спустя мистер Харкот Толбойс вошел в освещенную лампой комнату, где Роберт был один, ему пришлось выслушать признание, немало удивившее его. Как все самонадеянные люди, он был слеп ко всему, что происходило у него под носом, и был полностью уверен, что именно его общество и спартанские порядки его дома так привлекали его гостя в Дорсетшире.

Он был разочарован, но не показал этого, а выразил спокойное и стоическое удовлетворение.

– Остался лишь один вопрос, по которому я желал бы получить ваше согласие, мой дорогой сэра, – сказал Роберт, когда почти все было улажено. – Мы хотели бы совершить свадебное путешествие, с вашего разрешения, в Австралию.

Мистер Толбойс был ошеломлен. Он смахнул что-то вроде туманной слезы со своих серых глаз, протягивая Роберту руку.

– Вы собираетесь искать моего сына, – догадался он. – Верните мне моего мальчика, и я прощу вас за то, что вы похитили у меня дочь.

Итак, Роберт Одли отправился в Лондон, чтобы сдать свои комнаты на Фигтри-Корт и узнать расписание кораблей, отплывающих в июне из Ливерпуля в Сидней.

Он вернулся новым человеком, с новыми заботами, новыми планами, новыми целями; его жизнь так круто изменилась, он смотрел на мир другими глазами и видел все в розо-

вом свете, недоумевая, как ему могло раньше казаться, что это мир сер и уныл.

Он задержался в Грейндж-Хит до ланча и вошел в тенистые дворы Темпля, когда на землю опустились сумерки. Миссис Мэлони, по своему обыкновению, скребла лестницу, и ему пришлось подниматься в мыльном чаду по скользким ступенькам.

– Там много писем, ваша честь, – сказала прачка, поднимаясь с колен и прислонившись к стене, давая пройти Роберту, – и несколько посылок, и один джентльмен, он заходил много раз и ожидает вас сегодня вечером тоже, потому что я сказала ему, что вы писали и просили проветрить комнаты.

– Очень хорошо, миссис Эм, принесите мне, пожалуйста, обед и пинту шерри, как только освободитесь и проследите за моим багажом.

Он поднялся в свои комнаты посмотреть, кто же его ожидал. Едва ли это что-нибудь важное. Возможно, какой-нибудь назойливый кредитор, ведь он оставил свои дела в беспорядке, поспешно откликнувшись на приглашение мистера Толбойса, и парил слишком высоко в облаках любви, чтобы помнить о таких земных делах, как неоплаченные счета портного.

Он открыл дверь в гостиную и вошел. Канарейки пели прощальную песню заходящему солнцу, и слабые желтые отблески мерцали на листьях герани. Посетитель сидел спиной к окну, опустив голову на грудь. Но он встрепенулся, ко-

гда Роберт Одли вошел в комнату, и молодой человек издал изумленный возглас и раскрыл объятия своему пропавшему другу, Джорджу Толбойсу.

Миссис Мэлони пришлось принести еще вина и еды из таверны, где она была постоянным покупателем, и молодые люди до глубокой ночи сидели у камелька.

Мы уже знаем, сколько всего пришлось рассказать Роберту. Он лишь слегка коснулся предмета, который причинил Джорджу столько страданий: совсем немного рассказал о несчастной женщине, доживавшей остаток своей злосчастной жизни в тихом пригороде захолустного бельгийского городка.

Джордж Толбойс вкратце рассказал о том солнечном седьмом сентябре, когда он оставил друга спящим у ручья с форестью и пошел выяснять отношения с женой, которая своим тайным заговором разбила его сердце.

– Видит Бог, что в тот момент, когда я падал в черную яму, зная, чья вероломная рука послала меня на смерть, моей первой мыслью была безопасность женщины, предавшей меня. Я упал на ноги в кучу жидкой грязи, поранил плечо и сломал руку о стенку колодца. На несколько минут я был оглушен и ошеломлен, но с трудом поднялся, поскольку чувствовал, что вдыхал отравленный воздух. Мне помог мой австралийский опыт, я умел взбираться вверх, как кошка. Камни, которыми был выложен колодец, были шероховатые и неровные, и я сумел подняться наверх, ставя ноги в проемы меж-

ду кирпичами и упираясь спиной о противоположную стенку колодца, помогая себе, как мог, руками, хотя одна из них была искалечена. Это была тяжелая работенка, Боб, и может показаться странным, что человек, уставший от жизни и мечтавший расстаться с ней, так старается спасти ее. Думаю, через полчаса я уже был наверху, помню, что время казалось вечностью, наполненной болью и опасностью. Невозможно было уйти, пока не стемнеет, чтобы меня никто не заметил, поэтому я спрятался в кустах лавра и улегся на траву почти без сознания, ожидая наступления ночи. Человек, нашедший меня, рассказал тебе остальное, Боб.

– Да, мой бедный друг, он рассказал мне все.

В конце концов Джордж так и не вернулся в Австралию. Он отплыл на борту «Виктории Регики», но затем пересел на другой корабль, принадлежащий тем же владельцам, и уехал в Нью-Йорк, где оставался пока мог переносить свое добровольное изгнание, пока мог переносить одиночество.

– Джонатан был добр ко мне, Боб, – сказал он. – У меня было довольно денег, чтобы жить без хлопот, и я собирался отправиться на золотые прииски в Калифорнии, чтобы заработать еще, когда деньги кончатся. Если бы я захотел, у меня была бы куча друзей, но в груди моей я носил старую пулю, и как я мог сблизиться с людьми, ничего не знавшими о моем горе? Я тосковал по твоему крепкому рукопожатию, Боб, по дружескому прикосновению руки, что провела меня через самый темный отрезок моей жизни.

Глава 16. Эпилог

Прошло два года с тех майских сумерек, когда Роберт нашел своего старого друга, и мечта мистера Одли о красивом коттедже осуществилась между Теддингтон-Локс и Хэмптон-Бридж, где среди небольшого лиственного леса стоял простой сельский деревянный домик, чьи решетчатые окошки выходили на реку. Здесь, среди лилий на покато́м берегу храбрый восьмилетний мальчуган играет с маленьким ребенком, только начинающим ходить, и с удивлением взирающим на мир из-под няниного локтя.

Мистер Одли, как адвокат, начал приобретать известность к этому времени и отличился в деле о нарушении обещания жениться Хоббс против Ноббс, заставив зал суда дрожать от смеха, очень комично представив вероломные любовные письма Ноббса. Красивый темноглазый мальчик — это мистер Джордж Толбойс, пренебрегающий науками в Итоне и предпочитающий ловить рыбу на головастики в прозрачной воде в тени ив под стенами своего учебного заведения. Но он часто приезжает в этот сказочный домик навестить отца, который живет здесь со своей сестрой и ее мужем, и он так счастлив со своим дядей Робертом, тетей Кларой и их прелестным ребенком, только научившимся ходить по ровной лужайке, плавно спускающейся к берегу реки, где стоит маленький швейцарский домик для лодок и пристань,

куда Роберт и Джордж ставят на якорь свои лодки.

И еще кое-кто приезжает в коттедж около Теддингтона. Красивая веселая девушка и джентльмен с седой бородой, переживший свое горе, сумевший одолеть его, как истинный христианин.

Больше года прошло, как Роберт Одли получил письмо с черной рамкой, написанное на иностранной бумаге и извещавшее о смерти некоей мадам Тейлор, мирно почившей в Вилленбремейзе после долгой болезни, которую месье Вэл назвал «затяжным недугом».

И еще один гость навещает коттедж в это сияющее лето 1861 года – открытый, великодушный молодой человек, который подбрасывает ребенка в воздух, играет с маленьким Джорджем и ловко управляет с лодками, и никто не скушает, когда сэр Гарри Тауэрс в Теддиштоне.

Над швейцарским домиком для лодок есть простая курительная комната, в которой джентльмены летними вечерами курят свои трубки и откуда Клара и Алисия зовут их пить чай или отведать клубники со сливками на лужайке.

Одли-Корт заперт. Суровая экономка безраздельно правит в особняке, где когда-то звучал музыкальный смех госпожи. Портрет художника-прерафаэлиты закрыт тканью и голубая плесень, которую так боятся художники, покрывает полотна Воувермана и Пуссена, Кейпа и Тинторетто. Дом часто показывают любознательным посетителям, хотя баронету не говорят об этом, и гости восхищаются комнатой госпо-

жи и задают много вопросов об этой красивой золотоволодой женщине, умершей за границей.

У сэра Майкла и в мыслях нет вернуться в свое старое имение, где однажды ему привиделось короткое невозможное счастье. Он остается в Лондоне, пока Алисия не станет леди Тауэрс; тогда он переедет в дом, недавно купленный им в Хертфордшире на границе поместья своего зятя. Джордж Толбойс очень счастлив со своей сестрой и старым товарищем. Не забывайте – он еще молод, и не так уж это невозможно, если однажды он встретит кого-нибудь, кто утешит его. Темная история постепенно, с каждым днем уходит в прошлое, и может наступить день, когда злая тень, брошенная госпожой на жизнь молодого человека, исчезнет совсем.

Пенковые трубки и французские романы были подарены юному жителю Темпла, с которым Роберт Одли дружил в холостяцкие годы, а миссис Мэлони платят небольшую пенсию за заботу о канарейках и герани.

Надеюсь, никто не будет возражать против моей истории, потому что в конце ее хорошие люди счастливы и обрели покой. Мой жизненный опыт небольшой, но, по крайней мере, и я могу спокойно подписаться под словами, сказанными могущественным королем и великим философом о том, что жизненный опыт ни его юности, ни старости не указал ему «праведного спасения».